Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2026 Том 26 № 3

В номере: Региональные аспекты современных международных отношений

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3

http://journals.rudn.ru/international-relations

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Средство массовой информации зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор
К.П. Курылев,
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Заместитель главного редактора
О.С. Чикризова,
доктор исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

Ответственный секретарь
М.М. Агазаде,
кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
agazade-mm@rudn.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ ОФИС

Никулин Максим Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Ранджбар Мешкин Даниал, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН; профессор кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Ачарья Амитав, профессор международных отношений, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Беллами Алекс Дж., директор, Азиатско-Тихоокеанский центр ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Навнита Чадха, профессор, кафедра политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий, кафедра политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент, кафедра политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь, Итальянская Ассоциация политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор, Центр исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор, департамент мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений, кафедра политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель, Центр изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор, Высшая школа исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент, Японское общество по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Рахимов Мирзохид Акрамович, доктор исторических наук, заведующий отделом Центра новейшей истории Узбекистана, Академия наук Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор, факультет политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Томанн Пьер-Эммануэль, доктор философии, профессор геополитики, Институт социальных, экономических и политических наук; доцент, Университет Лион III, Университет Жана Мулена, г. Лион, Франция

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шабага Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.
Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).
Включен в Scopus, Белый список РЦНИ, RSCI, DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory), Erih Plus.
Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки и Academia.Edu.
Языки: русский, английский.
Официальный сайт журнала: http://journals.rudn.ru/international-relations

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2026–2027 гг.:

Выпуск	Тема	Срок подачи рукописей статей
№ 4 2026	**Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: к 35-летию создания Содружества Независимых Государств**	Прием статей закрыт
№ 1 2027	**Региональные исследования в контексте фрагментации международной системы**	Прием статей закрыт
№ 2 2027	**Новые измерения стратегической стабильности: технологические и институциональные аспекты**	Прием статей закрыт
№ 3 2027	**Ближний Восток: перманентная конфликтность в меняющейся геополитической реальности**	До 15 февраля 2027 г.
№ 4 2027	**ЦУР 17: Партнерство в интересах устойчивого развития**	До 15 апреля 2027 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте http://journals.rudn.ru/international-relations

Редактор ***И.Л. Панкратова***
Редакторы англоязычных текстов ***А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова, Л.Н. Замарайкина***
Компьютерная верстка ***Т.Н. Селиванова***

Адрес редакции:
Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru
Почтовый адрес редакции:
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 19.09.2025. Выход в свет 27.09.2025. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 29,76. Тираж 500 экз. Заказ № 1026. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2026

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2026 VOLUME 26 No. 3

In this issue: Regional Aspects of Contemporary International Relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3

http://journals.rudn.ru/international-relations

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF
Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

DEPUTY EDITOR
PhD, Dr.Sc. Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY
PhD Mirmehdi M. Aghazada
RUDN University, Moscow, Russia
agazade-mm@rudn.ru

EDITORIAL OFFICE

Daniyal Ranjbar Meshkin, PhD (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Maksim A. Nikulin, PhD (History), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia; Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Mirzokhid A. Rakhimov, Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Center for Contemporary History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Pierre-Emmanuel Thomann, PhD, Professor of Geopolitics, Institute of Social, Economic and Political Sciences; Associate Professor, University of Lyon III, Jean Moulin University, Lyon, France

Raffaelle Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir A. Avatkov, Doctor of Political Science, Director, Department of the Middle & Post-Soviet East Studies, The Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)
Publication frequency: quarterly.
Languages: Russian, English.
Indexed in Scopus, White List of RCSI, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Erih Plus database.
Accessible at Russian Index of Science Citation and Academia.Edu.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN. International Relations for 2026–2027 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the articles' submission
No. 4 2026	**Integration Processes in the post-Soviet Space: On the 35th Anniversary of the Commonwealth of Independent States**	Submission of articles is closed
No. 1 2027	**Regional Studies in a Fragmenting International System**	Submission of articles is closed
No. 2 2027	**New Dimensions of Strategic Stability: Technological and Institutional Aspects**	Submission of articles is closed
No. 3 2027	**The Middle East: Permanent Conflict in a Changing Geopolitical Reality**	By February 15, 2027
No. 4 2027	**SDG 17: Partnership for Sustainable Development**	By April 15, 2027

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit http://journals.rudn.ru/international-relations

Editor ***I.L. Pankratova***
English text editors ***A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova L.N. Zamaraykina***
Computer design ***T.N. Selivanova***

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Васильев А.М., Хайруллин Т.Р. Саудовско-иранское сближение в отражении западных СМИ и новые возможности для России 429

Зареи А., Ниязи А.Ш. «Доктрина Сулеймани»: сетецентрическая безопасность и гибридная парадигма в Западной Азии 442

Матвеев И.А. Современные арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки: от императивов выживания до модернизации 463

Канаев Е.А. Восточный Тимор в АСЕАН: последствия для асеаноцентричного экономического сотрудничества в цифровой сфере 476

Королев А.С. Проблемы вовлечения АСЕАН в евразийский региональный порядок 489

Кузнецова О.А., Холоимова А.С., Клебанов Л.Р., Маджумаев М.М. «Зоны исключения» как плацдарм для вмешательства во внутренние дела суверенных государств: пример американской базы Гуантанамо 500

Денисова Т.С., Костелянец С.В. Турция и страны Африки южнее Сахары: состояние и перспективы многовекторного сотрудничества 528

Пасифико А.М.К.П., да Коста Сантос Дж. Роль Бразилии в защите перемещенных лиц в Латинской Америке: региональное сотрудничество как лучшая практика 542

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Коджатепе Д., Ализада Н. Условная ось сопротивления: стратегическое сближение Ирана и Венесуэлы в контексте оксидентализма 559

Ирхин А.А., Никифоров А.Р., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. Черноморский регион и Восточное Средиземноморье на пересечении интересов России и Турции: политико-исторический анализ 578

Мачитидзе Г.Г. «Талибан» — Запад: взаимное восприятие в условиях формирующегося нового миропорядка 593

БРИКС

Калугина П.П., Куклин Н.С. Дедолларизация в странах АСЕАН и БРИКС как фактор формирования нового международного порядка 607

КИТАЙ В МИРЕ

Савичева Е.М., Бребдани А.М., Малаховский А.К., Васин А.А. Энергетический фактор в отношениях Китая с арабскими странами Персидского залива 621

Чу Т.В., Чан М.Х.Л. Китайско-индийское соперничество в Индийском океане сквозь призму теории перспектив 638

ПРОБА ПЕРА

Альхарби А.А. Ключевые особенности международного климатического процесса: взгляд со стороны стран Глобального Юга 657

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:
REGIONAL ASPECTS OF CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

Vasiliev A.M., Khayrullin T.R. Saudi-Iranian Rapprochement Reflected in the Western Media and New Opportunities for Russia 429

Zareei A., Niyazi A.S. The Soleimani Doctrine: Network-Centric Security and the Hybrid Paradigm in West Asia 442

Matveev I.A. Contemporary Arab States in the MENA Region: From Survival Imperatives to Modernization 463

Kanaev E.A. Timor Leste in ASEAN: Implications for ASEAN-Led Economic Multilateralism in the Digital Field..... 476

Korolev A.S. The Challenges of ASEAN's Involvement in the Eurasian Regional Order 489

Kuznetsova O.A., Kholoimova A.S., Klebanov L.R., Madzhumayev M.M. "Exclusion Zones" as a Springboard for Interference in the Internal Affairs of Sovereign States: The Case of the US Guantanamo Bay Base 500

Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Türkiye and Sub-Saharan Africa: Current State and Prospects for Multi-vector Cooperation 528

Pacifico A.M.C.P., da Costa Santos J. The Role of Brazil in Protecting Displaced Persons in Latin America: Regional Cooperation as a Good Practice 542

BILATERAL RELATIONS

Kocatepe D., Alizada N. A Conditional Axis of Resistance: Strategic Convergence Between Iran and Venezuela in the Context of Occidentalism 559

Irkhin A.A., Nikiforov A.R., Moskalenko O.A., Demeshko N.E. The Black Sea Region and the Eastern Mediterranean at the Crossroads of Russia and Türkiye's Interests: A Political and Historical Analysis 578

Machitidze G.G. The Taliban and the West: Mutual Perceptions in the Emerging New World Order 593

BRICS

Kalugina P.P., Kuklin N.S. De-Dollarization in ASEAN and BRICS Countries amid the Emerging World Order 607

CHINA IN THE WORLD

Savicheva E.M., Brebdane A.M., Malakhovsky A.K., Vasin A.A. Energy Factor in China's Relations with the Gulf Arab States 621

Chu T.V., Tran M.H.L. Sino-Indian Rivalry in the Indian Ocean Through the Lens of Prospect Theory 638

EMERGING VOICES

Alharbi A.A. Key Features of the International Climate Process: A Perspective from the Global South 657

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online) 2026 Vol. 26 No. 3 429–441
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ http://journals.rudn.ru/international-relations

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

THEMATIC DOSSIER: REGIONAL ASPECTS OF CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-429-441
EDN: EQDVBG

Научная статья / Research article

Саудовско-иранское сближение в отражении западных СМИ и новые возможности для России

А.М. Васильев[1,2,3], **Т.Р. Хайруллин**[1,2,3,4]✉

[1]Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация
[2]Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
[3]Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
[4]Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
✉jumglaw16@yandex.ru

Аннотация. В условиях реконфигурации системы международных отношений на Ближнем Востоке наблюдается определенная стабилизация ситуации. В некоторой степени это связано с налаживанием отношений между Саудовской Аравией и Ираном. Нередко в условиях информационного противостояния СМИ нивелируют значимость тех или иных событий, выдавая ожидаемое за действительное. В этой связи возникла необходимость анализа реакции ведущих западных СМИ на саудовско-иранское примирение, так как это дает возможность понять, как на Западе объясняют значение данного примирения для своей аудитории и какие перспективы для региона влечет за собой это событие. Анализ статей проводился на основе качественного контент-анализа: авторы вручную классифицировали статьи по темам, выделили и подсчитали фреймы, подробно разобрав примеры их использования. В качестве основного метода выступил фрейм-анализ, суть которого состоит в организации новостного сюжета тематически, стилистически и фактически таким образом, чтобы передать определенную идею. Выяснено, что в фокусе статей западных СМИ присутствует частичный акцент на возросшей роли Саудовской Аравии, не оглядывающейся в своих действиях на Ближнем Востоке на США. При этом во всех изданиях отсутствует идея о возможности стабилизации региональной обстановки после примирения, что объективно не соответствует действительности. Наметившаяся в последнее время нормализация саудовско-иранских отношений привела к определенной «консервации» региональных конфликтов, но ситуацию взорвали израильская война в секторе Газа, названная ООН «геноцидом», военные операции израильской армии против Ливана, а также обмен ударами между Израилем и Ираном. Кроме того, слабо освещаются ослабленная позиция США по итогам примирения и дипломатический успех Китая. Примирение между Эр-Риядом и Тегераном открыло новые возможности для Российской Федерации в деле выстраивания

© Васильев А.М., Хайруллин Т.Р., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

конструктивных отношений не только с Саудовской Аравией и Ираном, но и с другими ключевыми странами Ближнего Востока. Однако американо-израильская агрессия против Ирана в 2026 г. осложнила выстраивание Россией конструктивных отношений одновременно со всеми игроками Персидского залива, создав новые риски и ограничения для реализации многовекторной политики Москвы в регионе.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Иран, США, информационная безопасность, нестабильность, Ближний Восток, Израиль

Вклад авторов. Васильев А.М.: сбор и обработка данных, научное руководство исследованием. Хайруллин Т.Р.: разработка методологии исследования, анализ и систематизация информации, подготовка рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения о финансировании. Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 116471555.

Для цитирования: *Васильев А. М., Хайруллин Т. Р.* Саудовско-иранское сближение в отражении западных СМИ и новые возможности для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 429–441. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-429-441; EDN: EQDVBG

Saudi-Iranian Rapprochement Reflected in the Western Media and New Opportunities for Russia

Aleksey M. Vasiliev[1,2,3], Timur R. Khayrullin[1,2,3,4]

[1]Institute for African Studies, Moscow, Russian Federation
[2]RUDN University, Moscow, Russian Federation
[3]Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
[4]Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
jumglaw16@yandex.ru

Abstract. In the context of the reconfiguration of the international relations system in the Middle East, there has been a certain stabilization of the situation. To some extent, this is due to the improvement of relations between Saudi Arabia and Iran. In conditions of information confrontation, media often neutralize the significance of certain events, passing off what is expected as reality. In this regard, it became necessary to analyze the reaction of the leading Western media to the Saudi-Iranian reconciliation, as this makes it possible to understand how the West explains the significance of this reconciliation to its audience and the potential implications for the region. The analysis of articles was carried out on the basis of qualitative content analysis: the authors manually classified articles by topic, identified and counted frames, and analyzed in detail examples of their use. The main method used was frame analysis. This involves organizing a news story thematically, stylistically and actually in such a way as to convey a certain idea. It was found out that Western media articles focus on the increased role of Saudi Arabia, which does not look back at the United States in its actions in the Middle East. At the same time, all publications lack the idea of the possibility of stabilizing the regional situation after reconciliation, which objectively is not realistic. The recent normalization of Saudi-Iranian relations has led to a certain "conservation" of regional conflicts, but the situation was blown up by the Israeli war in the Gaza Strip, called "genocide" by the UN, and the military operations of the Israeli army against Lebanon, as well as the exchange of strikes between Israel and Iran. In addition, the weakened position of the United States following the reconciliation and the diplomatic success of China are poorly highlighted. The reconciliation between Riyadh and Tehran has opened up new opportunities for the Russian Federation to build constructive relations not only with Saudi Arabia and Iran, but also with other important countries in the Middle East. However, the US-Israeli aggression against Iran in 2026 made it more difficult for Russia to develop constructive relations simultaneously with all players in the Persian Gulf, creating new risks and limitations for the implementation of Moscow's multi-vector policy in the region.

Kew words: Saudi Arabia, Iran, media, USA, cybersecurity, instability, Middle East, Israel

Authors' contributions. A.M. Vasiliev: data collection and processing, scientific management of research. T.R. Khayrullin: development of research methodology, analysis and systematization of information, preparation of the manuscript. Both authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Funding sources. This study was supported by St. Petersburg State University, project code 116471555.

For citation: Vasiliev, A. M., & Khayrullin, T. R. (2026). Saudi-Iranian rapprochement reflected in the Western media and new opportunities for Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 429–441. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-429-441; EDN: EQDVBG

Введение

В последние несколько лет регион Ближнего Востока претерпевает серьезную трансформацию системы международных отношений, связанную с выстраиванием нового баланса сил в регионе. Это связано с наметившимся смягчением форм борьбы за региональное лидерство между основными ближневосточными игроками: Саудовской Аравией, Ираном, Египтом, Израилем, Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), Катаром и Турцией. Если в период событий «арабской весны» борьба между государствами носила ожесточенный характер, выливавшийся вплоть до недавнего времени в кровопролитные «прокси-войны» на территории Сирии, Ливии и Йемена, то в последние годы можно было наблюдать определенную «консервацию» региональных конфликтов, а вместе с тем перевод регионального соперничества в новое русло. Важную роль в этом процессе сыграли Саудовская Аравия и Иран, чьи позиции отражаются на поведении союзных им государств и региональных движений, а также на международных отношениях в регионе в целом. До недавнего времени эти два государства находились в крайне враждебных отношениях, что вполне устраивало главного стратегического союзника саудовцев — США, а также Израиль. Однако примирение Эр-Рияда и Тегерана в марте 2023 г. стало серьезным вызовом для стратегического влияния США в Персидском заливе. В связи с этим актуальность исследования связана с растущей ролью региональных игроков в условиях информационной борьбы и изменения геополитической ситуации в Ближневосточном регионе.

Хотя в настоящее время появилось немало работ, которые посвящены роли Саудовской Аравии и Ирана в регионе, все же большинство из них сосредоточены на изучении деятельности рассматриваемых стран в качестве самостоятельных игроков (Васильев, 2024; Дорошенко, Шелковников, 2023; Косач, 2019; Mitreski, 2022; Posch, 2017; Ali, 2022; Ахмедов, 2024; Сажин, 2024). «Арабская весна» наметила переход к снижению напряженности и выстраиванию конструктивных отношений среди региональных игроков (Звягельская, 2022; Сурков, 2023; Norlén, 2022), и все же особое внимание в такого рода исследованиях уделяется общим проблемам борьбы за региональное превосходство либо действиям отдельно взятых игроков. Проблема информационного противостояния стран Запада и Арабского мира также освещена поверхностно (Кулешова, Хвалей, 2024; Емелин, 2024).

Исходя из начавшейся трансформации международной системы на Ближнем Востоке, связанной с возросшей ролью региональных игроков и параллельным ослаблением позиций США, представляется важным изучить репрезентацию саудовско-иранского примирения в ведущих западных СМИ, так как это дает возможность понять, как на Западе объясняют значение данного примирения для своей аудитории и какие перспективы для региона влечет за собой это событие.

Методология исследования

Теоретико-методологическая рамка исследования опирается на теорию фрейминга (*framing theory*), которая является одним из ключевых подходов в современном медиаанализе и политической коммуникативистике. В основе данной теории лежит представление о том, что медиа не просто транслируют факты, а активно конструируют реальность, отбирая определенные аспекты события и делая их более заметными в своем сообщении. Концептуальные основания фрейм-анализа были

заложены в работах И. Гоффмана (Goffman, 1974). Впоследствии Р. Энтман адаптировал эту концепцию для анализа масс-медиа, предложив «фреймировать», то есть отбирать некоторые аспекты воспринимаемой реальности и делать их более заметными в коммуникативном тексте таким образом, чтобы продвигать нужные проблемы (Entman, 1993). Дальнейшее развитие теория фрейминга получила в работах Д.А. Шейфеле (Scheufele, 1999), М. Линстрем и В. Мараиса (Linström & Marais, 2012).

Для решения поставленных задач был проанализирован массив данных ведущих западных СМИ, отражавших в течение 2023 г. реакцию на саудовско-иранское примирение. В их число попали преимущественно британские и американские СМИ: *The Guardian*, *The New York Times* и *The Washington Post*. Выборка изданий обусловлена их авторитетом, опирающимся на целый ряд весомых характеристик. Сюда относится высокая цитируемость электронных ресурсов, выступившая в качестве важного критерия отбора публикаций, так как именно от широкого охвата аудитории зависит процесс формирования медийного образа того или иного феномена. Кроме того, эти издания представляют собой основу в транслировании западной политической мысли. Кроме того, на наш взгляд, позиция ведущих периодических изданий континентальных европейских государств относительно рассматриваемого нами события мало отличается от американо-британской позиции, за исключением отдельных настроенных евроскептически изданий. Так, *The Guardian* — газета, имеющая один из самых больших печатных тиражей и самый посещаемый сайт среди британских изданий[1], и две ведущие американские газеты: ежедневная газета с самым популярным новостным сайтом с посещаемостью 30 млн чел. в месяц — *The New York Times*[2] — и одна из старейших и влиятельных ежедневных газет, известная в свою очередь международными репортажами — *The Washington Post*.

Анализ статей проводился на основе качественного контент-анализа: авторы вручную классифицировали статьи по темам и подсчитали фреймы, подробно разобрав примеры их использования. В качестве основного метода в данной работе также выступил фрейм-анализ, суть которого состоит в организации новостного сюжета тематически, стилистически и фактически таким образом, чтобы передать определенную идею (Entman, 1993). В качестве единицы анализа выступал связный отрывок текста, соответствующий смыслу фреймов. Было проведено ручное кодирование текстов с целью выделения в них установленных ранее категорий фреймов, при этом каждый фрейм не мог определяться в одной статье более одного раза.

Примирение Саудовской Аравии и Ирана и реакция западных СМИ

В марте 2023 г. при посредничестве Китая Саудовская Аравия и Иран подписали мирное соглашение, предусматривающее возобновление дипломатических отношений между государствами (Baghernia, 2024; Mnekhir, 2023; Rezapour & Saburi, 2024). Резкое ухудшение отношений произошло в 2016 г., когда в Саудовской Аравии был казнен шиитский священнослужитель Нимр ан-Нимр. В ответ саудовское посольство в Иране подверглось нападению со стороны протестующих. После этого инцидента государства разорвали дипотношения (Васильев, 2024).

Отсутствие диалога между двумя ведущими игроками региона тормозило решение конфликтов, в которых обе стороны принимали опосредованное участие. Саудовско-иранский разлад косвенно подпитывал войну в Йемене, препятствовал усилиям по стабилизации ситуации в Ираке, способствовал углублению кризиса в Ливане, а также привел к политическому

[1] Tobitt Ch., Majid A. Newspaper ABCs: Evening Standard Distribution Decline Continues Amid Plan to Drop Daily Paper // PressGazette. September 19, 2024. URL: https://pressgazette.co.uk/media-audience-and-business-data/media_metrics/most-popular-newspapers-uk-abc-monthly-circulation-figures-2/ (accessed: 26.09.2025).

[2] New York Times // Roper Center for Public Opinion Research. July 26, 2026. URL: https://ropercenter.cornell.edu/new-york-times#:~:text=It%20is%20owned%20by%20The,the%20International%20New%20York%20Times (accessed: 27.07.2026).

тупику в Сирии. Отметим, что изначально услуги посредника в примирительном процессе предлагала Россия[3]. Однако активные действия российских ВКС в Сирии привели к потере заинтересованности саудовцев и иранцев в российском посредничестве, поскольку Иран расценивал сирийскую территорию как сферу своего влияния, а саудовцы считали, что Россия препятствует их целям в сирийском конфликте — свержению режима Б. Асада (Васильев, 2018).

Некоторая надежда возлагалась и на США, но в годы первого президентства Д. Трампа США вышли из ядерной сделки с Ираном и способствовали нормализации отношений между Израилем и арабскими государствами — ОАЭ и Бахрейном, параллельно обострив отношения с Тегераном (Entessar & Afrasiabi, 2019; Hamad, 2023).

Позднее, в 2021 г., по результатам саудовско-иранских переговоров, организованных Оманом и Ираком, появилась надежда на нормализацию ирано-саудовских отношений, однако ирано-российское сближение на фоне украинского конфликта, а также внутренние протесты в Иране второй половины 2022 г., ставшие реакцией на гибель Махсы Амини, отсрочили данное событие (Mubarak, 2025; Mahmoudian, 2023). Только ослабление внутренней напряженности в Иране, а также активизация посреднических усилий Китая привели к нормализации саудовско-иранских отношений в марте 2023 г.

На основе анализа найденных нами 24 публикаций (8 — *Guardian*, 10 — *The New York Times* и 6 — *The Washington Post)*, посвященных теме саудовско-иранского примирения и вышедших в течение последующих нескольких месяцев после данного события, были выделены четыре ключевых тематических фрейма, отражающих основные нарративы западных СМИ об этом событии. Отметим, что статьи в каждом из новостных изданий во многом копировали основной посыл предыдущих, поэтому мы сосредоточили внимание на отдельных статьях, вышедших в качестве реакции на саудовско-иранское примирение.

Выделение фреймов осуществлялось в два этапа. На первом этапе методом качественного контент-анализа все проанализированные тексты были классифицированы по тематическим блокам, фиксирующим основные сюжетные линии освещения события (в частности, роль внешних игроков, изменение регионального баланса сил и последствия для экономической изоляции Ирана). На втором этапе в рамках каждого тематического блока с помощью ручного кодирования были идентифицированы устойчивые смысловые конструкции, соответствующие определению фрейма по Р. Энтману — как способа организации новостного сюжета, при котором определенные аспекты события отбираются и делаются более заметными для аудитории. Единицей анализа служил связный отрывок текста, содержащий законченную мысль в рамках одного из выделенных фреймов. При этом каждый фрейм фиксировался в одной статье только один раз, что позволило избежать дублирования и обеспечить сопоставимость результатов.

Выделенные фреймы и их распределение по изданиям представлены в таблице.

Следует начать с того, что в целом во всех изданиях наблюдается отсутствие позитивного настроя относительно саудовско-иранского примирения, которое объективно направлено на снижение региональной напряженности. Как видно из данных таблицы, освещение данного примирения сопровождалось акцентированием внимания на целом ряде аспектов. В частности, только британская *The Guardian* отмечала, что соглашение между Саудовской Аравией и Ираном демонстрирует решимость Эр-Рияда проводить внешнюю политику, независимую от Запада, в то время как два других американских издания решили не акцентировать на этом внимание[4].

[3] Москва предложила посредничество между Саудовской Аравией и Ираном // РБК. 04.01.2016. URL: https://www.rbc.ru/politics/04/01/2016/568a4cef9a79476c6b1c2f01 (дата обращения: 28.09.2025).

[4] Wintour P. Iran and Saudi Arabia Agree to Restore Ties After China-Brokered Talks // The Guardian. March 10, 2023. URL: https://www.theguardian.com/world/2023/mar/10/iran-saudi-arabia-agree-restore-ties-china-talks (accessed: 28.09.2025).

Фреймы освещения саудовско-иранского примирения в западных СМИ

№ п/п	Название фрейма	СМИ	Реакция
1.	Усиление самостоятельности Эр-Рияда	The Guardian	Негативная
		The New York Times	–
		The Washington Post	–
2.	Ослабление позиций США из-за саудовско-иранского сближения	The Guardian	–
		The New York Times	Негативная
		The Washington Post	–
3.	Саудовско-иранское сближение укрепляет позиции Китая	The Guardian	–
		The New York Times	Нейтрально-позитивная
		The Washington Post	Нейтрально-позитивная
4.	Саудовско-иранское сближение ослабляет экономическую изоляцию Ирана	The Guardian	Негативная
		The New York Times	Нейтрально-негативная
		The Washington Post	Нейтрально-негативная

Источник: составлено А.М. Васильевым и Т.Р. Хайруллиным.

Другим, не менее важным аспектом стало ослабление позиций США из-за политики администрации Дж. Байдена по отношению к Эр-Рияду и региону в целом. При этом ранее, как отмечается, США традиционно выступали инициаторами и посредниками в урегулировании ближневосточных вопросов. На этом акцентировало внимание только одно из двух американских изданий — *The New York Times*[5]. Однако неудачи США оказались связаны с дипломатическим успехом Китая, чьи достижения были оценены в нейтрально-положительном ключе преимущественно американскими изданиями, отметившими при этом, что эта победа была для Пекина скорее случайной, чем закономерной[6]. Подчеркнем, что важной особенностью явилось то, что в британском издании отсутствовало освещение второго и третьего аспектов — критики действий глобальных игроков в лице США и Китая.

Последним аспектом стало опасение, выраженное в материалах всех трех изданий, что саудовско-иранское примирение может сорвать американские усилия по экономической изоляции Ирана с помощью санкций, если вскоре Саудовская Аравия начнет инвестировать в иранскую экономику[7]. Также британская *The Guardian* выразила опасения, что в Великобритании вновь может начать вещание *Iran International* — созданный в 2017 г. новостной телеканал, ориентированный на иранских зрителей и финансируемый Саудовской Аравией. Иран неоднократно обвинял Великобританию и Саудовскую Аравию в том, что они через *Iran International* ведут «информационную войну», направленную против иранской молодежи и нации, и стремятся вызвать беспорядки в стране[8]. В феврале 2023 г. *Iran International* временно перенесла свою штаб-квартиру в Вашингтон, округ Колумбия, из-за возросших угроз со сто-

[5] Baker P. Chinese-Brokered Deal Upends Mideast Diplomacy and Challenges U.S. // The New York Times. March 11, 2023. URL: https://www.nytimes.com/2023/03/11/us/politics/saudi-arabia-iran-china-biden.html (accessed: 26.09.2025).

[6] См.: Baker P. Chinese-Brokered Deal Upends Mideast Diplomacy and Challenges U.S. // The New York Times. March 11, 2023. URL: https://www.nytimes.com/2023/03/11/us/politics/saudi-arabia-iran-china-biden.html (accessed: 26.09.2025); Dadouch S., Hudson J., Parker C. Iran and Saudi Arabia Set to Restore Ties After Mediation by China // The Washington Post. March 10, 2023. URL: https://www.washingtonpost.com/world/2023/03/10/saudi-iran-diplomatic-ties-restored/ (accessed: 28.09.2025).

[7] См.: Wintour P. Iran and Saudi Arabia Agree to Restore Ties After China-Brokered Talks // The Guardian. March 10, 2023. URL: https://www.theguardian.com/world/2023/mar/10/iran-saudi-arabia-agree-restore-ties-china-talks (accessed: 28.09.2025); Dadouch S., Hudson J., Parker C. Iran and Saudi Arabia Set to Restore Ties After Mediation by China // The Washington Post. March 10, 2023. URL: https://www.washingtonpost.com/world/2023/03/10/saudi-iran-diplomatic-ties-restored/ (accessed: 28.09.2025).

[8] Ebrahim N., Al Lawati A. London-Based TV Channel Sparks Iranian Leaders' Ire amid Protests // CNN. October 24, 2022. URL: https://edition.cnn.com/2022/10/24/middleeast/saudi-iran-media-protests-mime-intl/index.html (accessed: 30.09.2025).

роны иранского правительства в адрес своих журналистов, базирующихся в Великобритании[9]. По оценке *The Guardian*, восстановление работы *Iran International* станет ожидаемым следствием возобновления дипломатических отношений. В итоге опасения британской газеты оправдались, и в сентябре 2023 г. телеканал вернулся обратно в Лондон[10].

Следует отметить, что в саудовских[11] и иранских[12] официальных СМИ саудовско-иранское сближение было оценено в позитивном ключе, хотя эти издания ограничились упоминанием посреднической роли Ирака, Омана и КНР, а также подчеркнули важность налаживания дипломатических отношений для обеспечения региональной стабильности и безопасности. Что касается позиции Китая, то его официальная позиция, как и позиция китайских СМИ, была очевидно позитивной[13]. Это довольно характерно для СМИ, которые находятся под государственным контролем и чья позиция подвергается процессу доместикации.

На наш взгляд, отсутствие позитивного тона в западных СМИ относительно саудовско-иранского примирения и принижение роли Саудовской Аравии и Ирана в регионе не соответствует действительности. Недостаточное освещение ослабления позиций США при администрации Дж. Байдена потенциально открывало новые возможности для других глобальных игроков, что могло способствовать трансформации международной системы на Ближнем Востоке. Кроме того, некоторые подвижки в сфере обеспечения региональной стабильности и безопасности, не отраженные в западных СМИ, но явно акцентируемые в саудовских и иранских медиа, наблюдались в регионе после примирения вплоть до обострения отношений между Ираном, с одной стороны, и США и Израилем — с другой, вылившегося в вооруженный конфликт, который отразился и на союзниках США в лице аравийских монархий.

Некоторые итоги саудовско-иранского примирения в регионе и новые возможности для России

Заключение мирного соглашения не устранило комплекс противоречий, копившихся в отношениях между государствами в течение десятилетий, но перевело борьбу за лидерство на более «цивилизованные рельсы». Это означает отказ от прямой (особенно если это вызывает необходимость больших финансовых затрат) вовлеченности в военные конфликты и фокус на использовании «мягких» видов прокси-инструментов, которые способствовали бы усилению позиций одной из двух стран в регионе. Такой подход во многом связан с риском больших финансовых издержек, увеличившихся с началом пандемии COVID-19 (Хайруллин, Коротаев, 2023; Alwahaibi et al., 2021), а впоследствии — и финансово-экономическим и продовольственным кризисами. Как представляется, ключевые игроки региона пришли к пониманию необходимости прекращения «горячих» прокси-войн и выработке новых методов борьбы за региональное лидерство.

---

[9] Wright G. Iran International: Channel Leaves UK After Regime Threats // BBC. February 13, 2023. URL: https://www.bbc.com/news/world-middle-east-64690387 (accessed: 26.09.2025).

[10] Sazmane Gozareshgarane Bedune Marz az bazgoshayiye daftare Iran International dar London esteghbal kard [Организация «Репортеры без границ» приветствует возобновление работы офиса Iran international в Лондоне] // Iran International. October 20, 2023. (На фарси). URL: https://www.iranintl.com/202309257706 (accessed: 28.09.2025).

[11] Hamad A. Saudi Arabia, Iran Agree to Re-Establish Diplomatic Relations: Statement // Al-Arabiya. March 10, 2023. URL: https://english.alarabiya.net/News/saudi-arabia/2023/03/10/Iran-Saudi-Arabia-agree-to-re-establish-diplomatic-relations-Iranian-state-media (accessed: 30.09.2025).

[12] Iran—Saudi Reconciliation to Boost Regional Security: Shamkhani // Tasnim News Agency. March 10, 2023. URL: https://www.tasnimnews.com/en/news/2023/03/10/2865411/iran-saudi-reconciliation-to-boost-regional-security-shamkhani (accessed: 26.09.2025).

[13] См.: Foreign Ministry Spokesperson's Remarks on Saudi Arabia—Iran Talks in Beijing // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. March 11, 2023. URL: https://un.china-mission.gov.cn/eng/fyrth/202303/t20230311_11039297.htm (accessed: 26.09.2025); Iran Hails China's Important Role in Tehran—Riyadh Détente // People's Daily Online. March 14, 2023. URL: https://en.people.cn/n3/2023/0314/c90000-10222070.html (accessed: 26.09.2025); Chinese FM Spokesperson's Remarks on Saudi Arabia—Iran Talks in Beijing // Xinhua. March 11, 2023. URL: https://english.news.cn/20230311/64c36dce524f4a9484137d1e7820756c/c.html (accessed: 26.09.2025).

Прямым следствием снижения напряженности в условиях противостояния Саудовской Аравии и Ирана в регионе стал йеменский конфликт (Bhattarai & Bhattarai, 2024; Sevinç & Özden-Cankara, 2024). Йемен получил передышку от боевых действий с апреля 2023 г., когда вступило в силу перемирие, поддержанное ООН. Хотя срок перемирия истек в октябре того же года, мир некоторое время еще сохранялся, а закулисные переговоры между хуситами и саудовцами были возобновлены[14].

Несмотря на то, что вновь обострившийся конфликт между палестинским движением ХАМАС и Израилем привел к многочисленным жертвам и гуманитарной катастрофе в анклаве, обстановка в регионе достаточно продолжительное время оставалась в тоне, заданном саудовско-иранским примирением. Ни одна арабская страна, несмотря на призывы местного населения силой остановить продолжающуюся израильскую агрессию в секторе Газа, не вступила в отрытое противостояние с Израилем, ограничившись использованием дипломатических методов для прекращения конфликта (Byman, 2024; Kamalov, 2024).

Принципиальных отличий по данному вопросу не наблюдалось и в позиции Ирана, чье отношение к Израилю характеризуется крайней враждебностью. Даже усилившийся 1 апреля 2024 г. конфронтационный фон между двумя странами, связанный с израильским авиаударом по иранскому консульству в Дамаске, в результате чего погибли не менее 13 человек, в том числе двое высокопоставленных генералов Корпуса стражей исламской революции (КСИР), привел к демонстрационным военным действиям Ирана против Израиля и видимости ответного удара Израиля. Тегеран ограничился нанесением ответных ударов баллистическими ракетами и беспилотниками по территории Израиля, хотя и беспрецедентных по своему масштабу, но осуществленных после предупреждения израильских военных о предстоящем ударе. Большинство угроз Израиль отразил с помощью системы противовоздушной обороны (ПВО), а затем осуществил ограниченный удар по территории Ирана (Хайруллин, 2024).

Апогеем, казалось бы, эскалации ситуации стало убийство 31 июля 2024 г. в Тегеране главы политбюро ХАМАС Исмаила Хании. ХАМАС и власти Ирана обвинили в убийстве Израиль и обещали отомстить за смерть лидера, однако из-за давления международного сообщества отказались от немедленных ответных мер[15]. Сюда относятся и продолжившиеся провокации со стороны ЦАХАЛ в сентябре 2024 г., выражавшиеся в бомбардировке позиций «Хизбаллы» в Ливане и последующее убийство 28 сентября лидера движения Х. Насраллы (Oluwashakin & Aboyade, 2024; Mohammadi, Abedini & Kiani, 2024). Ракетный удар Ирана по Израилю в октябре 2025 г. и периодические запуски ракет на израильскую территорию со стороны йеменских хуситов также кардинально не меняют общей позиции Ирана.

Установившаяся на некоторое время стабилизация ситуации на Ближнем Востоке, за исключением израильской войны в секторе Газа, израильской военной операции на юге Ливана, а также быстрого военного переворота в Сирии в декабре 2024 г., открыла новые возможности для Китая и России, которые могли бы составить США конкуренцию в регионе. Однако если Китай, несмотря на свою экономическую мощь и недавний дипломатический успех, пока не имеет крупного политического веса в регионе и не рассматривается США в качестве серьезной угрозы, то Россия как преемница СССР имеет довольно богатую историю взаимоотношений со странами Ближнего Востока, которые после некоторой паузы находятся

[14] Dadouch S., Hudson J., Parker C. Iran and Saudi Arabia Set to Restore Ties After Mediation by China // The Washington Post. March 10, 2023. URL: https://www.washingtonpost.com/world/2023/03/10/saudi-iran-diplomatic-ties-restored/ (accessed: 28.09.2025).

[15] Mpoke Bigg M. Why Iran Has Not Yet Retaliated Against Israel for Hamas Leader's Killing // The New York Times. August 12, 2024. URL: https://www.nytimes.com/2024/08/12/world/middleeast/iran-israel-retaliation-attack-explained.html?campaign_id=9&emc=edit_nn_20240813&instance_id=131575&nl=the-morning&regi_id=198131589&segment_id=175008&te=1&user_id=a538ce3591d3fb84c03a02767269eb0e (accessed: 26.09.2025).

в стадии активного развития (Васильев, 2018). Это касается и отношений России с Саудовской Аравией и Ираном.

Для Российской Федерации развитие отношений одновременно с Эр-Риядом и Тегераном осложнялось непростыми отношениями между данными государствами, выливавшимися вплоть до последнего времени в ожесточенные «прокси-войны». Это еще больше углубило соперничество между региональными игроками. Однако нормализация саудовско-иранских отношений открыла новые возможности для Москвы. В настоящее время у России выстраиваются достаточно продуктивные отношения со всеми основными претендентами в борьбе за лидерство на Ближнем Востоке, в том числе с Саудовской Аравией и Ираном.

Отношения между Россией и Саудовской Аравией после саудовско-иранского примирения перешли на качественно новый уровень, основа которого была заложена в октябре 2022 г., когда руководители двух держав договорились в рамках ОПЕК+ значительно сократить добычу нефти за несколько недель до промежуточных выборов в США (Ren & Cai, 2024; Ghoshal & Pradhan, 2024). По некоторым данным, в период с марта по октябрь 2023 г. товарооборот между Россией и Саудовской Аравией вырос на 20 %[16]. В октябре 2023 г. возобновила работу созданная в октябре 2002 г. на базе Российско-саудовского делового совета Совместная межправительственная российско-саудовская комиссия (МПК) по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству[17]. В рамках комиссии функционируют рабочие группы, которые разрабатывают перспективные проекты в инвестиционной, промышленной, сельскохозяйственной и других областях. Кроме того, доверительные отношения сложились после эпизода с посредническими усилиями Саудовской Аравии в обмене заложников в 2023 г. между Россией и Украиной, а также начавшимся процессом вхождения Саудовской Аравии с 1 января 2024 г. в БРИКС на фоне председательства Москвы в объединении. Важным прорывом в отношениях стал запуск прямого авиасообщения между Москвой и Эр-Риядом[18], а также введение безвизового режима в мае 2026 г.[19]

Отношения между Россией и Ираном обрели характер партнерских после совместной поддержки режима Б. Асада в сирийском конфликте и расширения военно-технического сотрудничества (Al-Basre, 2023). После саудовско-иранского примирения связи Москвы и Тегерана продолжили укрепляться на разных уровнях. Возросло количество встреч на министерском уровне и на уровне подведомственных рабочих групп по вопросам энергетики, логистики, военно-технического сотрудничества, противодействия киберугрозам и т. д. Кроме того, на постоянной основе проводятся российско-иранские консультации на уровне заместителей министров по вопросам двусторонних отношений, Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), проблемам Ближнего Востока и Северной Африки, урегулирования ситуации в Сирии и Афганистане. Серьезным прорывом в отношениях стало подписание лидерами России и Ирана 17 января 2025 г. Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, состоящего из преамбулы и 47 статей. В документе в основу положены вопросы двустороннего военно-технического сотрудничества, обеспечения международной безопасности и «упрочения мира и безопасно-

[16] Новак оценил рост товарооборота России и Саудовской Аравии // РИА Новости. 11.10.2023. URL: https://ria.ru/20231011/tovarooborot-1901951004.html?in=t (дата обращения: 28.09.2025).

[17] Александр Новак в рамках Российской энергетической недели провел заседание Совместной Российско-Саудовской межправительственной комиссии // Правительство России. 11.10.2023. URL: http://government.ru/news/49769/ (дата обращения: 28.09.2024).

[18] Россия и Саудовская Аравия открыли регулярное воздушное сообщение // Министерство транспорта Российской Федерации. 01.08.2025. URL: https://mintrans.gov.ru/press-center/news/12031 (дата обращения: 28.09.2025).

[19] О вступлении в силу Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия о взаимной отмене визовых требований для граждан Российской Федерации и граждан Королевства Саудовская Аравия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 06.04.2026. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2091431/ (дата обращения: 10.05.2026).

сти в Каспийском регионе, Центральной Азии, Закавказье, на Ближнем Востоке»[20].

Таким образом саудовско-иранское примирение открыло перед Россией качественно новые возможности, выраженные в энергетической координации и расширении формата ОПЕК+. Москва оказалась способна выстраивать диалог одновременно с Эр-Риядом и Тегераном, не вступая в противоречие ни с одним из них. Кроме того, примирение сняло часть ограничений для реализации масштабных логистических проектов, таких как Север — Юг[21]. Успешное завершение этого маршрута позволит России наладить бесперебойные поставки товаров в страны Персидского залива и Южной Азии.

Однако ситуация кардинально изменилась после американо-израильской агрессии против Ирана сначала в июне 2025 г., а затем после масштабной военной операции 28 февраля 2026 г. Стремительное развитие событий привело к американо-израильским ракетным ударам по критической инфраструктуре Ирана, в результате чего погибли ряд высокопоставленных чиновников и военных во главе с Верховным лидером аятоллой Али Хаменеи. В ответ Иран нанес ракетные удары по Израилю и американским военным базам, располагавшимся преимущественно на территории монархий Персидского залива. Это привело к резкому ухудшению отношений между Ираном и Саудовской Аравией и беспрецедентной эскалации между Ираном и ОАЭ. Данные события осложнили выстраивание Россией конструктивного диалога одновременно со всеми игроками Персидского залива. Дополнительным фактором, меняющим конфигурацию внешних связей, стало подписание Украиной в марте 2026 г. оборонных соглашений с Саудовской Аравией, Катаром и ОАЭ[22], что создало для Москвы риски как символического характера, так и практические препятствия для реализации и без того довольно хрупких договоренностей в сфере военно-технического сотрудничества, а также поставило под вопрос все достижения предыдущего периода на политико-дипломатическом треке.

Заключение

Саудовское-иранское примирение представляется западными СМИ как событие, которое имеет скорее отрицательную динамику, чем положительную. Теоретико-методологическая рамка, основанная на фрейм-анализе, помогла прояснить данный вывод. Пожалуй, главной реакцией всех рассмотренных нами западных СМИ стало опасение, что саудовско-иранское примирение может сорвать усилия США по экономической изоляции Ирана. Преимущественно американские СМИ также акцентировали внимание на ослаблении позиций Вашингтона на Ближнем Востоке в период президентства Дж. Байдена и дипломатическом успехе Китая, который, по мнению проанализированных СМИ, был скорее случайностью, чем закономерностью. В свою очередь, британское издание обратило внимание на возросшую роль Саудовской Аравии, которая перестала оглядываться в своих действиях на Ближнем Востоке на США.

При этом во всех изданиях отсутствует идея о возможности стабилизации региональной обстановки после примирения, что объективно не соответствует действительности. Саудовско-иранское примирение привело к определенной стабилизации ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, за исключением военных действий израильской армии в секторе Газа, обмена ударами между Израилем и Ираном, а также военных действий Израиля

[20] Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран // Президент России. 17.01.2025. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6258 (дата обращения: 29.09.2025).

[21] Коротаев А. В., Хайруллин Т. Р. Торгово-логистическое сотрудничество России с ключевыми странами Персидского залива // Российский совет по международным делам. 23.06.2026. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/torgovo-logisticheskoe-sotrudnichestvo-rossii-s-klyuchevymi-stranami-persidskogo-zaliva/ (дата обращения: 06.07.2026).

[22] Vakulina S. What Are Ukraine's New Gulf Defense Deals? Here Is What Zelensky Signed // Euronews. March 30, 2026. URL: https://www.euronews.com/2026/03/30/what-are-ukraines-new-gulf-defence-deals-here-is-what-zelenskyy-signed (accessed: 12.04.2026).

против Ливана. Даже американо-израильская агрессия против Ирана после 28 февраля 2026 г. не привела в конечном счете к открытому вооруженному конфликту регионального масштаба, хотя противостояние между США и Ираном продолжается.

Для России, имеющей богатую историю взаимоотношений со странами Ближневосточного региона, саудовско-иранское примирение открыло на довольно кроткий срок возможность выстраивать конструктивные отношения одновременно со всеми ключевыми игроками региона. Однако очередное ухудшение саудовско-иранских отношений осложняет для Москвы задачу одновременного удержания всех направлений на ближневосточном треке.

Поступила в редакцию / Received: 15.12.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 04.02.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Ахмедов В. М. Религиозная политика Исламской Республики Иран в арабских странах Ближнего Востока // Пути к миру и безопасности. 2024. № 1. С. 96–112. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2024-1-96-122; EDN: XZKWDS

Васильев А. М. История Саудовской Аравии. 3-е изд., расшир. и доп. Москва : Наука, 2024. EDN: DGXOXV

Васильев А. М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. Москва : Центрполиграф, 2018. EDN: EBDBVQ

Дорошенко Г. А., Шелковников А. И. Новые векторы развития ситуации в регионе Персидского залива // Международная жизнь. 2023. № 3. С. 74–87. EDN: MQDAOE

Емелин Д. Р. Основные проблемы кибербезопасности на Ближнем Востоке // Информационное общество. 2024. № 5. С. 123–132. EDN: AETBIA

Звягельская И. Д. Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 55–66. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.05; EDN: NUMSJI

Косач Г. Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 4. С. 59–67. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67; EDN: ZJDXUL

Кулешова Н. С., Хвалей А. А. Стратегия информационного противостояния стран коллективного Запада в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17, № 1. С. 30–53. https://doi.org/10.31249/kgt/2024.01.02; EDN: GOISIB

Сажин В. И. Основные направления политики Ирана на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. 2024. № 4. С. 109–117. EDN: NYRCMH

Сурков Н. Ю. Арабский мир в поисках ответов на вызовы 2022 года. Новые региональные конфигурации и альянсы для меняющегося мирового устройства // Свободная мысль. 2023. № 1. С. 116–128. EDN: BJZALO

Хайруллин Т. Р. Палестино-израильский конфликт 2023 года: реакция глобальных и региональных игроков // Азия и Африка сегодня. 2024. № 6. С. 15–24. https://doi.org/10.31857/S032150750031034-9; EDN: ACXVKI

Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. Влияние пандемии COVID-19 на экономическое развитие стран Северной Африки. Предварительный анализ // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2023. Т. 67, № 4. С. 175–188. EDN: QOWJBX

Al-Basre M. An Alliance Based on Common Interest: Russian-Iranian Relations During the Syrian Civil War // PESA Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2023. Vol. 9, no. 1. P. 1–13. URL: https://izlik.org/JA44MR37MU (accessed: 01.02.2026).

Ali N., Azhar M., Ansari M. I., Umar Bashir A. R. Saudi—Iran Strategic Competition in Middle East: An Analysis // Journal of Positive School Psychology. 2022. Vol. 6, no. 12. P. 1351–1365. URL: https://journalppw.com/index.php/jpsp/article/view/14942/9674 (accessed: 12.02.2026).

Alwahaibi N., Al Maskari M., Al Dhahli B., Al Issaei H., Al-Jaaidi S., Al Bahlani S. One-Year Review of COVID-19 in the Arab World // Qatar Medical Journal. 2021. Vol. 2021, no. 3. P. 1–11. https://doi.org/10.5339/qmj.2021.66; EDN: UNBFBM

Baghernia N. China's Marginal Involvement in the 2023 Iran—Saudi Arabia Reconciliation // Asian Affairs. 2024. Vol. 55, iss. 1. P. 34–51. https://doi.org/10.1080/03068374.2024.2329615

Bhattarai D., Bhattarai K. History of Yemen's Crisis and Its Global Implications // NCWA Annual Journal. 2024. Vol. 55, iss. 1. P. 17–27. https://doi.org/10.3126/ncwaj.v55i01.62960; EDN: XMRBRW

Byman D. A War They Both Are Losing: Israel, Hamas and the Plight of Gaza // Survival. 2024. Vol. 66, iss. 3. P. 61–78. https://doi.org/10.1080/00396338.2024.2357484; EDN: GDGZDJ

Entessar N., Afrasiabi K. L. Trump and Iran : From Containment to Confrontation. Lanham, MD : Lexington Books, 2019.

Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43, iss. 4. P. 51–58. https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x; EDN: HIJMFX

Ghoshal N., Pradhan S. K. Cartel to Player: OPEC Dynamics in the Global Oil Market // International Journal of Politics and Security. 2024. Vol. 6, no. 1. P. 132–151. https://doi.org/10.53451/ijps.1361302; EDN: XTNALU

Goffman E. Frame Analysis : An Essay on the Organization of Experience. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1974.

Hamad A. B. The Future of Nuclear Negotiations with Iran (2015–2023) // Journal of Namibian Studies: History, Politics, Culture. 2023. Vol. 35. P. 2042–2072. URL: https://namibian-studies.com/index.php/JNS/article/view/3912/2661 (accessed: 12.02.2026).

Kamalov K. M. U. Palestine—Israel Conflict: The Influence of Arab Countries on the Oil Policy and Geopolitics of the Middle East // London Journal of Research in Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 24, no. 8. P. 83–89. URL: https://journalspress.uk/index.php/LJRHSS/article/view/732 (accessed: 03.02.2026).

Linström M., Marais W. Qualitative News Frame Analysis: A Methodology // Communitas. 2012. Vol. 17. P. 21–38. URL: https://www.researchgate.net/publication/351884528_Qualitative_news_frame_analysis_a_methodology (accessed: 12.02.2026).

Mahmoudian A. The War in Ukraine: The Turning Point of Russia—Iran Relations // The Great Power Competition. Volume 5 : The Russian Invasion of Ukraine and Implications for the Central Region / ed. by A. Farhadi, M. Grzegorzewski, A. J. Masys. Cham, Switzerland : Springer, 2023. P. 141–160. https://doi.org/10.1007/978-3-031-40451-1_7

Mitreski A. Kingdom of Saudi Arabia: A Rentier Middle Power in Pursuit of Global Leadership of the Islamic Community // Awkward Powers : Escaping Traditional Great and Middle Power Theory / ed. by G. Abbondanza, T.S. Wilkins. Singapore : Palgrave Macmillan, 2022. P. 285–304. https://doi.org/10.1007/978-981-16-0370-9_12

Mnekhir H. J. The Strategy of Rapprochement between Iran and Saudi Arabia Is an Important Step Towards Peace and Stability in the Region // Russian Law Journal. 2023. Vol. 11, no. 11s. P. 104–111. https://doi.org/10.52783/rlj.v11i11s.1879; EDN: EEGTVA

Mohammadi A., Abedini A., Kiani A. Resorting to Force in International Law: A Case Study of Hamas and Israel's 2023 Conflict // Journal of Legal Studies. 2024. Vol. 16, iss. 1. P. 105–144. URL: https://ofoghandisha.com/wp-content/uploads/2025/08/66cd5046e5818-9774-1403-1-4.pdf (accessed: 02.02.2026).

Mubarak F. Riots or Revolution? A Framing Analysis of the Mahsa Amini Protests in US and Iranian Media // Media Asia. 2025. Vol. 52, iss. 2. P. 211–235. https://doi.org/10.1080/01296612.2024.2370120

Norlén T. C. Middle East Pre-Existing Conditions: Regional Security after COVID-19 // Middle East Policy. 2022. Vol. 29, iss. 1. P. 104–124. https://doi.org/10.1111/mepo.12614; EDN: KDTXIY

Oluwashakin A., Aboyade A. S. A Critical Assessment of Israel—Hamas War in the Israel—Palestine Conflict // Journal of Contemporary International Relations and Diplomacy. 2024. Vol. 5, no. 1. P. 102–120. EDN: XIFGNY

Posch W. Ideology and Strategy in the Middle East: The Case of Iran // Survival. 2017. Vol. 59, iss. 5. P. 69–98. https://doi.org/10.1080/00396338.2017.1375256

Ren N., Cai Y. Global Oil Supply Analysis and Outlook in the Context of Russia—Ukraine Conflict // Annual Report on China's Petroleum, Gas and New Energy Industry (2022–2023). Singapore : Springer, 2024. P. 79–91. https://doi.org/10.1007/978-981-99-7289-0_5

Rezapour D., Saburi M. Tabyin-e estratjiy-e movazene-sazi-ye Cin dar qabal-e Jomhuri-ye Eslami-ye Iran va Arabestan-e Saudi [Обоснование стратегии балансирования Китая в отношении Исламской Республики Иран и Саудовской Аравии] // Crisis Studies of the Islamic World. 2024. Vol. 11, no. 1. P. 69–93. (На фарси). https://doi.org/10.27834999/CSIW.2401.1359.1.32.5

Scheufele D. A. Framing as a Theory of Media Effects // Journal of Communication. 1999. Vol. 49, iss. 1. P. 103–122. https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1999.tb02784.x; EDN: GXBCYD

Sevinç M. E., Özden-Cankara P. Yemen Civil War in the Shadow of Proxy Wars: The Iran—Saudi Nexus // Uluslararası Siyaset Dergisi. 2024. Vol. 2, no. 1. P. 61–74. URL: https://acikkaynak.bilecik.edu.tr/server/api/core/bitstreams/bf62d65c-d53a-4bbd-89fe-dea3792f5251/content (accessed: 03.02.2026).

Сведения об авторах:

Васильев Алексей Михайлович — академик РАН, доктор исторических наук, почетный президент Института Африки РАН; Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; профессор-консультант кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; главный научный сотрудник факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; Российская Федерация, 199043, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, д. 7-9; eLibrary SPIN-код: 2200-5884; ORCID: 0000-0003-1216-1509; e-mail: mamontovka10@yandex.ru

Хайруллин Тимур Радикович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН; Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; доцент кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; старший преподаватель кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ; Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2; старший научный сотрудник факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; Российская Федерация, 199043, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, д. 7-9; eLibrary SPIN-код: 9588-7508; ORCID: 0000-0001-5418-2792; e-mail: jumglaw16@yandex.ru

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 442–462
http://journals.rudn.ru/international-relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-442-462
EDN: EWOVXR

Научная статья / Research article

«Доктрина Сулеймани»: сетецентрическая безопасность и гибридная парадигма в Западной Азии

А. Зареи, А.Ш. Ниязи

Исламский университет Азад, Тегеран, Исламская Республика Иран
ali.zareei@iau.ac.ir

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению «доктрины Сулеймани» как новой парадигмы безопасности в Западной Азии на основе качественного интерпретативного подхода. В отличие от преобладающих исследований, трактующих региональную стратегию Ирана преимущественно в рамках реалистических и государственно-центричных моделей, данная работа предлагает теоретически обоснованный концептуальный анализ, направленный на реконструкцию организационной логики доктрины как сетецентричной и гибридной модели безопасности. Центральный исследовательский вопрос состоит в том, каким образом формируется «доктрина Сулеймани» и какие ключевые элементы определяют ее операционную логику в условиях сложных региональных угроз. На основе академической литературы, институциональных документов и публичного дискурса выделено три взаимосвязанных компонента: (1) сетевая архитектура власти, обеспечивающая координацию государственных и негосударственных акторов; (2) формирование идентификационного дискурса как механизм транснациональной консолидации и легитимации; и (3) оперативное управление рисками, включающее гибридные и асимметричные практики. Не ставя целью оценку эмпирической эффективности данной модели, исследование показывает, как указанные компоненты образуют внутренне согласованную систему безопасности, способную обеспечивать стратегическую глубину за пределами традиционных государственно-центричных подходов. Предлагая аналитически конкретную реконструкцию «доктрины Сулеймани», статья вносит вклад в дискуссию в области критических исследований безопасности и международных отношений незападного мира, демонстрируя альтернативную модель управления безопасностью, основанную на региональных практиках и контекстуальной логике.

Ключевые слова: Касем Сулеймани, гибридная война, сеть безопасности, связанная с Ираном, стратегическая глубина

Вклад авторов. Зареи А.: разработка дизайна и методологии исследования; обзор научной литературы; сбор, систематизация и анализ исследовательских материалов; подготовка и доработка рукописи. Ниязи А.Ш.: формирование первоначальной концепции исследования; проведение предварительного исследования; прочтение рукописи и предоставление содержательных комментариев. Оба автора прочитали и одобрили окончательную версию статьи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Зареи А., Ниязи А. Ш.* «Доктрина Сулеймани»: сетецентрическая безопасность и гибридная парадигма в Западной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 442–462. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-442-462; EDN: EWOVXR

© Зареи А., Ниязи А.Ш., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

The Soleimani Doctrine: Network-Centric Security and the Hybrid Paradigm in West Asia

Ali Zareei ✉, Aref Shorbi Niyazi

Islamic Azad University, Tehran, Islamic Republic of Iran
✉ali.zareei@iau.ac.ir

Abstract. This article conceptualizes the *Soleimani Doctrine* as an emergent security paradigm in West Asia, using a qualitative, interpretive research approach. While dominant analyses interpret Iran's regional strategy primarily within realist and state-centric frameworks, this study adopts a theory-guided conceptual analysis to reconstruct the organizing logic of the doctrine as a network-centric and hybrid security model. The central research question examines how the Soleimani Doctrine is constituted analytically, and what are the core pillars that structure its operational logic in relation to complex regional threats. Drawing on academic literature, institutional documents, and public discourse as analytical data, the article identifies three interrelated pillars: (1) a network power architecture for coordinating state and non-state actors; (2) identity-based discourse production as a mechanism of transnational cohesion and legitimation; and (3) operational risk management incorporating hybrid and asymmetric practices. Rather than assessing empirical effectiveness, the study demonstrates how these pillars function together as an internally coherent security framework that generates strategic depth beyond conventional state-based models. By offering an analytically explicit reconstruction of the Soleimani Doctrine, the article contributes to discussions within Critical Security Studies and non-Western international relations by illustrating an alternative mode of security governance grounded in regional practices and contextual logics.

Key words: Qasem Soleimani, hybrid warfare, Iran-aligned security network, strategic depth

Authors' contributions. A. Zareei: development of the research design and methodology; literature review; collection, systematization, and analysis of research materials; drafting and revision of the manuscript. A.S. Niyazi: initial research conceptualization; conducting the preliminary study; review of the manuscript and substantive comments on its content. Both authors read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Zareei, A., & Niyazi, A. S. (2026). The Soleimani doctrine: Network-centric security and the hybrid paradigm in West Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 442–462. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-442-462; EDN: EWOVXR

Введение

В XXI в. система безопасности на Ближнем Востоке претерпела кардинальные изменения, бросив вызов традиционным парадигмам международных отношений, основанным на национальном государстве и военном балансе сил. Появление негосударственных субъектов, изменчивость национальных границ и сложность гибридных угроз — от информационной войны до психологических и экономических операций — снизили эффективность классических структур безопасности[1].

На этом неспокойном фоне Исламская Республика Иран под командованием генерал-лейтенанта Касема Сулеймани разработала стратегию, которая не только отвечала на новые угрозы, но и переопределяла правила региональной игры в сфере безопасности. Эту стратегию, именуемую здесь «доктриной Сулеймани», можно анализировать не просто как военную тактику, а как сетецентрическую модель безопасности, которая сместила логику власти от симметричной конфронтации к асимметричному, распределенному и сетевому влиянию[2].

[1] Global Strategies: Hybrid Warfare in the Middle East // LSE Ideas. 2017 (February). URL: https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/reports/LSE-IDEAS-Hybrid-Warfare-in-the-Middle-East.pdf (accessed: 05.10.2025). См. также: (Hoffman, 2007).

[2] См.: Soufan A. Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy // CTC Sentinel. November 2018. Vol. 11. Iss. 10. URL: https://ctc.westpoint.edu/qassem-soleimani-irans-unique-regional-strategy/ (accessed: 05.10.2025); Brodsky J.M., Mansharof Y. Soleimani Birthed Iran's Axis of Resistance, Ghaani Coordinated It // Middle East Institute.

В этом контексте и ради концептуальной точности в данном исследовании используется термин «сложные региональные угрозы» для обозначения взаимосвязанных вызовов, исходящих от такфиристских негосударственных субъектов (таких как ИГИЛ[3]), внерегиональных военных интервенций, проводимых Соединенными Штатами, и многоуровневых гибридных операций, осуществляемых Израилем. Соответственно, термин «доктрина» здесь используется для обозначения не только системы концептуальных взглядов, но и всеобъемлющего набора руководящих принципов и оперативной логики, из которых вытекают конкретные стратегии, что объясняет, почему «доктрина Сулеймани» рассматривается как мировоззрение и действенная система обеспечения безопасности.

Доктрина возникла как активный ответ на два крупных геополитических сдвига, коренящихся в глобальных стратегиях США и Израиля, оба из которых напрямую угрожали безопасности Ирана и региональному балансу сил. Первым был возглавляемый США стремительный процесс перестройки регионального порядка после терактов 11 сентября 2001 г. В этот период был сформулирован амбициозный проект «Большой Ближний Восток» как стратегическая основа[4], а тогдашний госсекретарь США Кондолиза Райс продвигала доктрину «конструктивного хаоса» для оправдания далеко идущих преобразований в регионе[5]. Этот подход достиг кульминации в военных вторжениях в Афганистан (2001) и Ирак (2003) с двойной целью: геополитического инжиниринга и ослабления инфраструктуры сопротивления государств-соперников. Эти интервенции имели два стратегических последствия для национальной безопасности Ирана: (1) формирование геополитического окружения посредством размещения американских и натовских сил вдоль восточной и западной границ Ирана и (2) управляемый коллапс центральных правительств, создавший огромные вакуумы безопасности и беспрецедентные условия для роста экстремистских негосударственных субъектов, таких как «Аль-Каида»[6] и ИГИЛ (запрещено в РФ) (Wehrey, 2014).

В этой нестабильной обстановке классические структуры национальной обороны, основанные на постоянных армиях и фиксированных границах, оказались крайне неэффективными против изменчивых транснациональных угроз. В то же время стратегия безопасности Израиля, известная как «Кампания между войнами», добавила еще один уровень сложности, осуществляя превентивные, целенаправленные операции в глубине стратегически важных районов Сирии и Ирака. Эта стратегия, направленная на подрыв сети командования и логистических сетей государственных и негосударственных субъектов, связанных с Ираном (обычно называемых «осью сопротивления»), сочетала кибератаки и психологическую войну, фактически переместив поле боя в «серую зону», где различие между войной и миром становится практически бессмысленным (Shelah & Valensi, 2023). Такие многоуровневые угрозы: сочетание военных действий, терроризма, информационной войны и экономических санкций — требовали ответа, выверенного на том же уровне сложности и масштаба.

В этих условиях «доктрина Сулеймани» возникла не как реактивная мера, а как проактивная контрдоктрина. Точно понимая меняющуюся природу угроз, она учла логику поля боя, одновременно обращая против противников те же самые инструменты, которые они ис-

December 15, 2023. URL: https://www.mei.edu/publications/soleimani-birthed-irans-axis-resistance-ghaani-coordinated-it (accessed: 05.10.2025).

[3] Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

[4] Wittes T. C. The New U.S. Proposal for a Greater Middle East Initiative: An Evaluation // Saban Center for Middle East Policy at the Brookings Institution. May 10, 2004. URL: https://www.brookings.edu/articles/the-new-u-s-proposal-for-a-greater-middle-east-initiative-an-evaluation/ (accessed: 05.10.2025). См. также: (Daigle, 2017, pp. 758–765).

[5] Rice C. The Promise of Democratic Peace // The Washington Post. December 10, 2005. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2005/12/11/the-promise-of-democratic-peace/72b0648b-50a0-4c6f-9956-e3dd3f4d572c/ (accessed: 05.10.2025).

[6] Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

пользовали. Вместо статичной защиты границ доктрина делала упор на управление кризисами в источнике; вместо стремления к симметричному балансу сил она опиралась на асимметричное балансирование, превращая угрозы в возможности для переосмысления стратегической глубины Ирана[7].

В данном исследовании используется качественный, интерпретативный подход, основанный на теоретическом концептуальном анализе и документальных источниках, для изучения возникновения и внутренней логики «доктрины Сулеймани» как отдельной парадигмы безопасности. Цель исследования — ответить на следующий вопрос: как «доктрина Сулеймани» формировалась в качестве альтернативной модели безопасности, на каких основополагающих столпах и организующих принципах она основывалась и какие аналитически наблюдаемые последствия она имеет для управления сложными региональными угрозами?

Центральное аналитическое положение исследования заключается в том, что «доктрина Сулеймани» отличается от классических государственно-центричных парадигм безопасности, реализуя локально укорененную, сетецентричную модель, структурированную вокруг трех взаимосвязанных столпов:

1) архитектура сетевой власти, которая регулирует координацию в экосистеме государственных и негосударственных субъектов;

2) инженерия дискурса идентичности, которая конструирует и стабилизирует транснациональную идентичность, ориентированную на сопротивление, посредством секьюритизирующих нарративов;

3) управление оперативными рисками, которое регулирует динамику эскалации посредством гибридных и асимметричных практик. Помимо того, что в исследовании доктрина рассматривается как контекстно-специфический ответ на региональную нестабильность, она также позиционируется как концептуально целостная незападная концепция, имеющая более широкое аналитическое значение для изучения управления безопасностью в нестабильных и конфликтных регионах.

Методология исследования

В данном исследовании используется качественный, интерпретативный подход, основанный на концептуальном теоретическом анализе, позволившем изучить «доктрину Сулеймани» как формирующуюся парадигму безопасности, а не как формально кодифицированную военную доктрину. Такой подход подходит для изучения моделей безопасности, основанных на практике, сконструированных дискурсивно и встроенных в конкретные региональные контексты (Creswell, 2013).

Анализ проводился в три этапа.

Во-первых, доктрина была концептуально реконструирована путем выявления повторяющихся закономерностей в стратегической практике, институциональной координации и публичном дискурсе, связанных с поведением Ирана в сфере региональной безопасности при Касеме Сулеймани.

Во-вторых, эти закономерности были аналитически организованы в три основных направления — архитектура сетевой власти, проектирование дискурса идентичности и управление операционными рисками, каждое из которых было рассмотрено как аналитическая переменная с наблюдаемыми качественными показателями.

В-третьих, полученная структура была помещена в определенный контекст посред-

[7] См.: Bahman S. Kar-e bozorg-e Haj Qasem, tabdil-e tahdid be forsat bud [Главное достижение Хаджа Касема заключалось в превращении угроз в возможности] // Khamenei.ir. January 2, 2021. (На фарси). URL: https://farsi.khamenei.ir/others-dialog?id=46987 (accessed: 05.10.2025); Samavati S. Qasem Soleymani va omq-e estratezhik-e Iran dar mantagheh [Касем Сулеймани и стратегическая глубина Ирана в регионе] // Etemad Newspaper. 2022 (January 3). No. 17. (На фарси). URL: https://www.etemadonline.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A7%D8%AC%D8%AA%D9%85%D8%A7%D8%B9%DB%8C-23/530306-%D9%82%D8%A7%D8%B3%D9%85-%D8%B3%D9%84%DB%8C%D9%85%D8%A7%D9%86%DB%8C-%D8%B9%D9%85%D9%82-%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%B1%D8%A7%D8%AA%DA%98%DB%8C%DA%A9-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%AF%D8%B1-%D9%85%D9%86%D8%B7%D9%82%D9%87 (accessed: 05.10.2025).

ством аналитического сравнения с доминирующими государственно-центричными парадигмами безопасности на Ближнем Востоке, чтобы подчеркнуть ее уникальную организационную логику, а не утверждать об эмпирической эффективности.

В исследовании используются рецензируемые научные публикации, отчеты учреждений и органов власти, а также документальные материалы из открытых источников. Публичные заявления политических и военных деятелей привлекались исключительно в качестве данных для дискурсивного анализа и сопоставляются с независимыми академическими и институциональными источниками в соответствии с подходами критических исследований безопасности (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998; Balzacq, 2005).

Цель статьи состоит не в том, чтобы делать причинно-следственные обобщения или предлагать конкретные политические решения, а в том, чтобы сформулировать аналитически целостную концепцию для понимания конкретной модели управления безопасностью в определенном региональном контексте.

Теоретическая рамка исследования

Анализ «доктрины Сулеймани» через призму традиционных теорий международных отношений, в частности структурного реализма, может пролить свет на некоторые аспекты геополитического соперничества, но он не позволяет адекватно объяснить основные источники влияния этой доктрины, а именно негосударственных акторов, дискурсивную сплоченность и гибридные операции. По этой причине в данном исследовании используется комплексная концептуальная модель, рассматривающая «доктрину Сулеймани» как сложную систему, структура которой основана на сети, источник сплоченности определяется дискурсом и идентичностью, а операционная логика носит гибридный характер.

а) Сетевая власть

Концепция сетевой власти, разработанная такими учеными, как М. Кастельс (Castells, 2009a; 2009b) и А.-М. Слотер (Slaughter, 2009), представляет собой фундаментальный сдвиг в понимании природы и механизмов власти в современной международной системе. Эта парадигма демонстрирует, что в эпоху глобализации и информационной революции власть вышла за рамки иерархических структур и прямого государственного контроля над территориальными владениями, образовав горизонтальные, сетевые формы.

В рамках этой системы власть осуществляется посредством стратегического контроля над ключевыми узлами и управления жизненно важными потоками в сложных, многоуровневых социальных, политических, экономических сетях и сетях безопасности (Networked Politics…, 2009, pp. 15–23; Nye, 2011, pp. 113–139). Подобные сети охватывают широкий круг разнородных участников: от центральных правительств и наднациональных институтов до неправительственных организаций (НПО), местных групп, политической элиты и даже социальных сетей, взаимосвязанных посредством сложных потоков информации, финансов, логистики, идеологии и операций (Keck & Sikkink, 1998, pp. 8–25). Таким образом, сетевая власть относится к способности стратегического субъекта проектировать архитектуру этих сетей, формировать их структуру, управлять их динамикой и контролировать их потоки, что позволяет ему оказывать влияние далеко за пределами своих материальных или традиционных ресурсов и преследовать стратегические цели на местном, региональном и транснациональном уровнях (Ronfeldt & Arquilla, 2001).

б) Критические исследования безопасности

Критические исследования безопасности (КИБ), возникшие в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в рамках Копенгагенской школы на основе основополагающих работ Б. Бузана, О. Уэйвера и Я. де Вильде, предлагают трансформационный подход к пониманию природы безопасности. В отличие от традиционных теорий, которые рассматривают безопасность как объективное, материальное условие, в рамках

КИБ безопасность переосмысливается как социальное, дискурсивное и исторически сконструированное явление, создаваемое посредством лингвистических и идеологических процессов (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998).

Вместо того чтобы сосредоточиваться исключительно на традиционных военных угрозах, в КИБ акцент делается на сложном процессе секьюритизации как на центральной аналитической линзе. Секьюритизация — это дискурсивный акт, в ходе которого субъект посредством языка и «речевых актов» представляет проблему или явление как воспринимаемую экзистенциальную угрозу для объекта. После принятия аудиторией такие заявления легитимизируют чрезвычайные, нестандартные меры по противодействию этой угрозе (Balzacq, 2005).

В КИБ также подчеркивается ключевая роль идентичности и ее конструирования в формировании представлений о безопасности, определении границ между собой и другими, а также в складывании альянсов или соперничества (Campbell, 1998, pp. 8–35). Более того, эта школа расширяет сферу применения понятия безопасности, охватывая политические, экономические, социальные и экологические аспекты, перенося анализ с индивидуального уровня на системный (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998, pp. 7–21).

С точки зрения критических исследований безопасности можно лучше понять, как общие дискурсы о безопасности, конвергентные идентичности и нарративы об угрозах могут обеспечивать сплоченность, легитимность и устойчивость сложной структуры безопасности — даже без единого центрального правительства или формального иерархического командования. Это делает КИБ особенно эффективным подходом для анализа неформальных сетей безопасности и транснациональных коалиций.

в) Гибридная война

Концепция гибридной войны, введенная в начале XXI в. такими учеными, как Ф. Хоффман (Hoffman, 2007), относится к систематическому сочетанию традиционных и нетрадиционных инструментов в сложных конфликтных условиях. Этот подход возник в ответ на трансформации в сфере безопасности после окончания холодной войны и растущую значимость нетрадиционных угроз.

Гибридная война охватывает широкий спектр тактики и инструментов: от традиционных военных операций и партизанской/нерегулярной тактики до сложных кибератак, информационной и когнитивной войны, полномасштабных психологических операций, стратегического использования экономических инструментов и дипломатического давления и даже интеграции прокси-сил и негосударственных субъектов. Это многогранное сочетание позволяет проводить одновременные операции на различных уровнях конфликта и систематически использовать уязвимости противника в различных областях.

Основная цель гибридной войны — создание преднамеренной двусмысленности на поле боя, запутывая противника в определении характера угрозы и выборе соответствующего ответа, что одновременно позволяет достичь долгосрочных стратегических целей со значительно меньшими затратами, чем при традиционной войне, и с меньшим риском прямой эскалации (Hybrid Warfare…, 2012). Эта стратегия также делает особый акцент на контроле над нарративом и борьбе за восприятие.

По своей сути гибридная война смещает стратегический анализ от прямых, обычных сражений в «серые зоны» или «промежуточные пространства», где намеренно размываются различия между войной и миром, конкуренцией и сотрудничеством, а также между государственными и негосударственными субъектами[8]. Стратегическая неопределенность в этих зонах позволяет участникам действовать, сохраняя при этом возможность правдоподобного отрицания и избегая полной ответственности.

В совокупности эти три аналитических инструмента позволяют нам рассматривать «доктрину Сулеймани» как интегрированную систему, в которой аппаратная часть (сетевая

[8] Schadlow N. The Problem with Hybrid Warfare // War on the Rocks. April 2, 2015. URL: https://warontherocks.com/2015/04/the-problem-with-hybrid-warfare/ (accessed: 05.10.2025).

архитектура), программное обеспечение (дискурсивная сплоченность) и операционная система (гибридная война) взаимодействуют синергетически. Эта концепция не только углубляет наше понимание доктрины в контексте Ближнего Востока, но и усиливает потенциал для незападных теоретических исследований в области глобальной безопасности.

Анализ «доктрины Сулеймани»

«Доктрина Сулеймани» как сложная стратегия противодействия многоуровневым вызовам региона опирается на три взаимосвязанных столпа, концептуальная основа которых была изложена в предыдущем разделе. На практике эти столпы создали локализованную, но инновационную модель безопасности. В следующих подразделах каждый столп рассматривается отдельно, освещаются его механизмы и функции в создании динамичной и устойчивой формы стратегической глубины.

Архитектура сетевой власти: проектирование экосистемы сопротивления

Введя сетевую архитектуру власти, «доктрина Сулеймани» бросила вызов традиционным парадигмам безопасности, основанным на государственно-центричных альянсах и территориальном контроле, предложив вместо этого гибкую, динамичную и органичную модель управления кризисами на Ближнем Востоке. Вместо создания иерархических армий или формальных коалиций Сулеймани разработал живую, органичную экосистему сопротивления, которая охватывала широкий круг местных и региональных участников — от Сил народной мобилизации (СНМ) и других групп сопротивления, действующих на равнинах и в городах Ирака, до «Хизбаллы» в горах Ливана, от ХАМАС и палестинского «Исламского джихада» в центре сопротивления в Газе до «Ансар Аллах» на стратегически важных побережьях Йемена и от транснациональных подразделений, таких как бригады «Фатемиюн», «Зайнабиюн» и «Хайдариюн», до Национальных сил обороны по всей Сирии (рис. 1).

Кульминацией этой архитектуры стала интеграция местной системы сопротивления с глобальной державой после начала операции Военно-космических сил РФ в Сирии, что создало стратегическую синергию между российской авиацией и наземными силами сопротивления[9]. В основе этого инженерного достижения лежали три ключевых принципа: децентрализация оперативной деятельности при сохранении стратегической координации, локализация очагов сопротивления и формирование устойчивых экономических сетей.

1. Оперативная децентрализация со стратегической координацией. В отличие от традиционных моделей командования, основанных на жесткой иерархии и нисходящих приказах, сетевая архитектура «доктрины Сулеймани» включала двойную логику — стратегическую и оперативную, что наделило систему исключительной гибкостью и устойчивостью. В стратегическом плане силы «Кудс» Корпуса стражей исламской революции (КСИР) под командованием К. Сулеймани функционировали как стратегический центр — центральный координатор и интеллектуальное ядро сети.

Вместо того чтобы просто издавать военные директивы, этот центр сосредоточился на трех ключевых функциях, представляя собой классический пример сетевого управления, в котором центральный узел регулирует, расширяет возможности и координирует работу автономных узлов.

1. *Разветвленная стратегическая архитектура и формирование стратегического видения*. Центральная роль КСИР заключалась в формулировании всеобъемлющих стратегических целей: обеспечении территориальной целостности союзных государств (Ирака и Сирии), сдерживании влияния соперников (США и Израиля) и создании прочной архитектуры сдерживания в регионе. Устанавливая стратегические горизонты, расставляя приоритеты в отношении угроз и определяя «красные линии», центр предотвращал фрагментацию

[9] Soufan A. Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy // CTC Sentinel. November 2018. Vol. 11. Iss. 10. URL: https://ctc.westpoint.edu/qassem-soleimani-irans-unique-regional-strategy/ (accessed: 05.10.2025).

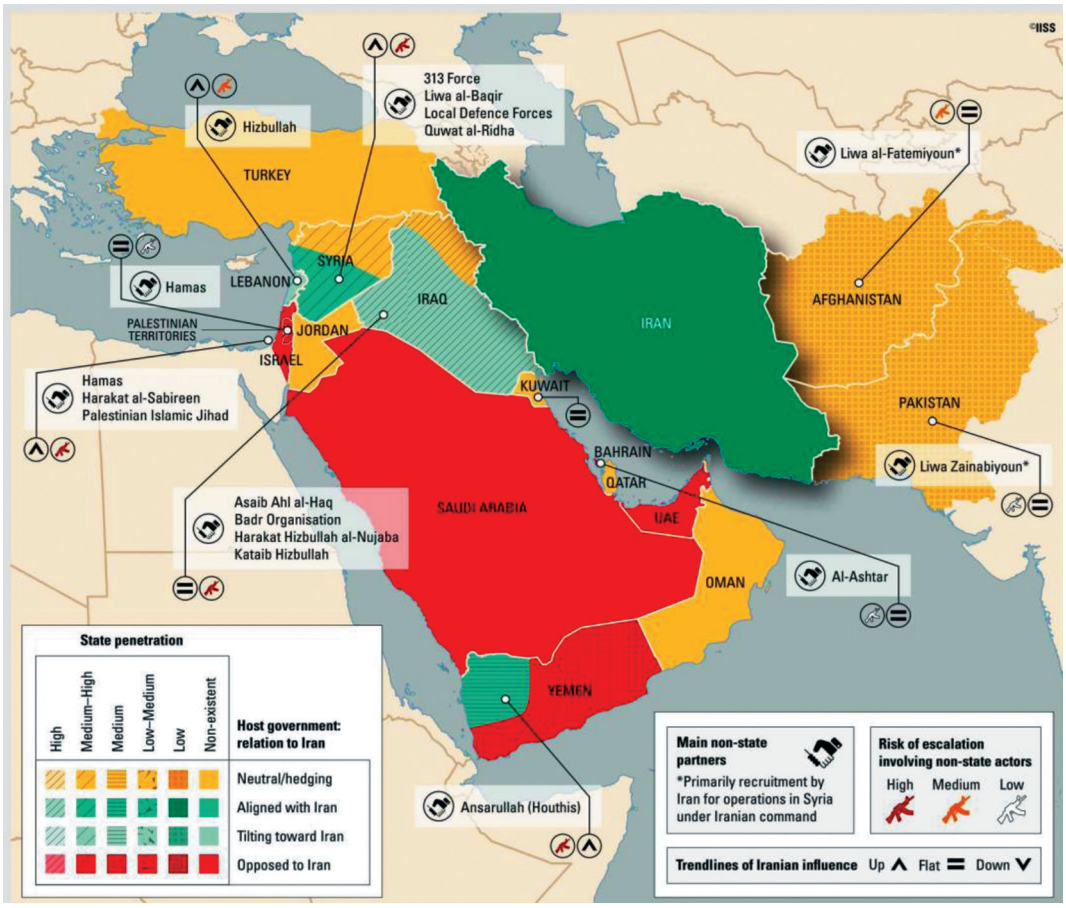

Рис. 1. Карта влияния Ирана на Ближнем Востоке через прокси-группы и связи на государственном уровне

Источник: Iran's Networks of Influence in the Middle East // International Institute for Strategic Studies. November 2019. P. 13. URL: https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/publications---free-files/strategic-dossier/iran-dossier/irans-networks-of-influence-in-the-middle-east.pdf (accessed: 05.10.2025).

и растрату ресурсов[10]. Такая стратегическая ориентация привела к ощутимым успехам на поле боя.

Способность К. Сулеймани к разработке и проведению сложных операций проявилась на еще более высоком уровне во время его миссии в Москву, где он представил президенту РФ В.В. Путину подробный анализ ситуации на местах, предупреждая о неизбежном крахе сирийского государства и серьезных последствиях этого краха для региональной и глобальной безопасности, а также для положения России как великой державы по отношению к Соединенным Штатам. Его брифинг убедил российское руководство принять военное участие в сирийском конфликте — акт в «Большой игре», который решительно изменил баланс сил в сирийской войне в пользу сети, связанной с Ираном[11].

2. *Управление жизненно важными потоками*. Стратегический центр курировал управление и распределение жизненно важных потоков сети: идеологии (нарратив сопротивления), оружия и технической экспертизы, финансовых ресурсов и разведданных. Главная цель заключалась в том, чтобы «наделить» местные узлы возможностью действовать независимо, но в соответствии с более широкими целями сети (Dehghan, 2019; Erfanifar, 2020).

[10] Iran's Networks of Influence in the Middle East // International Institute for Strategic Studies. November 2019. URL: https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/publications---free-files/strategic-dossier/iran-dossier/irans-networks-of-influence-in-the-middle-east.pdf (accessed: 05.10.2025).

[11] Nasrallah: 'It Was Iran's Soleimani Who Convinced Putin to Enter Syria War' // Defend Democracy Press. January 25, 2021. URL: https://www.defenddemocracy.press/nasrallah-it-was-irans-soleimani-who-convinced-putin-to-enter-syria-war/ (accessed: 05.10.2025).

3. *Сплочение участников и разрешение конфликтов*. Возможно, наиболее сложной задачей было объединение множества различных участников, включая суверенные государства, регулярные армии (Ирак и Сирия), группы сопротивления, формирующиеся народные силы (СНМ, Национальные силы обороны), местные племена и кланы, а также многонациональные бригады («Фатемиюн», «Зайнабиюн», «Хайдариюн»). Каждый из них обладал своей собственной организационной культурой, языком, локальными интересами, между некоторыми вовлеченными сторонами также наблюдалось политическое соперничество. В такой среде одной лишь власти командования и контроля было недостаточно; легитимность, харизма и личное влияние стали крайне важны.

Именно здесь уникальная роль К. Сулеймани как социально-военного архитектора оказалась решающей. Опираясь на свой военный опыт мобилизации народных сил во время восьмилетней ирано-иракской войны, он внедрил модель преодоления разрыва между государством и обществом во время кризисов. Например, во время вторжения ИГИЛ (запрещено в РФ) в Ирак в 2014 г. фракции сопротивления, ранее отказывавшиеся сотрудничать по политическим причинам, объединились под единым командованием для решающей операции по освобождению Амерли — не по приказу, а благодаря посредничеству генерал-лейтенанта Сулеймани и его личному авторитету как «влиятельного посредника»[12].

Эта роль выходила за рамки обязанностей полевого командира, являясь примером управления, основанного на доверии. В Сирии задача была еще более сложной: К. Сулеймани координировал действия ослабленной сирийской армии, Национальных сил обороны, созданных по образцу иранского «Басидж», «Хизбаллы» как элитного постоянного формирования и добровольческих контингентов из Афганистана («Фатемиюн»), Пакистана («Зайнабиюн») и Ирака («Хайдариюн»). Присутствуя на совещаниях совместного командования и выступая посредником в полевых спорах, он обеспечивал синергию этих многонациональных сил для достижения общих целей, а не тратил их энергию на контрпродуктивное соперничество[13] (рис. 2).

---

[12] См.: Faraji M. Revayat-e kar-e namomkeni ke Sardar-e delha dar Aragh momken kard be zaban-e hamrazmash [Рассказ соратника о том, как «полководец сердец» сделал невозможное возможным в Ираке] // Islamic Republic News Agency (IRNA). January 3, 2024. (На фарси). URL: https://www.irna.ir/news/85341874/%D8%B1%D9%88%D8%A7%DB%8C%D8%AA-%DA%A9%D8%A7%D8%B1-%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%85%DA%A9%D9%86%DB%8C-%DA%A9%D9%87-%D8%B3%D8%B1%D8%AF%D8%A7%-D8%B1-%D8%AF%D9%84-%D9%87%D8%A7-%D8%AF%D8%B1-%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D9%85%D9%85%DA%A9%D9%86-%DA%A9%D8%B1%D8%AF-%D8%A8%D9%87-%D8%B2%D8%A8%D8%A7%D9%86-%D9%87%D9%85%D8%B1%D8%B2%D9%85%D8%B4-%D9%81%DB%8C%D9%84%D9%85 (accessed: 05.10.2025); Al-Basiri A. A. Majeray-e por-eltehab-e nabard ba entehari-haye Daesh dar Beyji va piruzi ba tarh-e Haj Qasem: gofteguy-e ekhtesasi ba moaven-e amaliyat-e Hashd al-Shaabi [Драматичная история боя с террористами-смертниками ИГИЛ в Бейджи и победы по плану Хадж Касема: эксклюзивное интервью с заместителем начальника оперативного управления «Хашд аш-Шааби»] // Tasnim News Agency. January 2, 2022. (На фарси). URL: https://www.tasnimnews.ir/fa/news/1400/10/12/2636307/%D9%85%D8%A7%D8%AC%D8%B1%D8%A7%DB%8C-%D9%BE%D8%B1%D8%A7%D9%84%D8%AA%D9%87%D8%A7%D8%A8-%D9%86%D8%A8%D8%B1%D8%AF-%D8%A8%D8%A7-%D8%A7%D9%86%D8%AA%D8%AD%D8%A7%D8%B1%DB%8C-%D9%87%D8%A7%DB%8C-%D8%AF%D8%A7%D8%B9%D8%B4-%D8%AF%D8%B1-%D8%A8%DB%8C%D8%AC%DB%8C-%D9%88-%D9%BE%DB%8C%D8%B1%D9%88%D8%B2%DB%8C-%D8%A8%D8%A7-%D8%B7%D8%B1%D8%AD-%D8%AD%D8%A7%D8%AC-%D9%82%D8%A7%D8%B3%D9%85-%DA%AF%D9%81%D8%AA%DA%AF%D9%88%DB%8C-%D8%A7%D8%AE%D8%AA%D8%B5%D8%A7%D8%B5%DB%8C-%D8%A8%D8%A7-%D9%85%D8%B9%D8%A7%D9%88%D9%86-%D8%B9%D9%85%D9%84%DB%8C%D8%A7%D8%AA-%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%B4%D8%B9%D8%A8%DB%8C (accessed: 05.10.2025); Nagofteh-haei darboreh-ye shekast-e mohasereh-ye Amerli [Неизвестные подробности прорыва осады Амерли] // Iranian Students News Agency (ISNA). December 21, 2021. (На фарси). URL: https://www.isna.ir/news/1400093023859/%D9%86%D8%A7%DA%AF%D9%81%D8%AA%D9%87-%D9%87%D8%A7%DB%8C%DB%8C-%D8%AF%D8%B1%D8%A8%D8%A7%D8%B1%D9%87-%D8%B4%DA%A9%D8%B3%D8%AA-%D9%85%D8%AD%D8%A7%D8%B5%D8%B1%D9%87-%D8%A2%D9%85%D8%B1%D9%84%DB%8C (accessed: 05.10.2025).

[13] Revayat-e dast-e avval-e yek farmandeh-ye ettelaati az 11 sal hamrahi ba Haj Qasem [Рассказ из первых уст разведывательного командира об 11 годах службы вместе с Хадж Касемом] // Khabar Online. January 25,

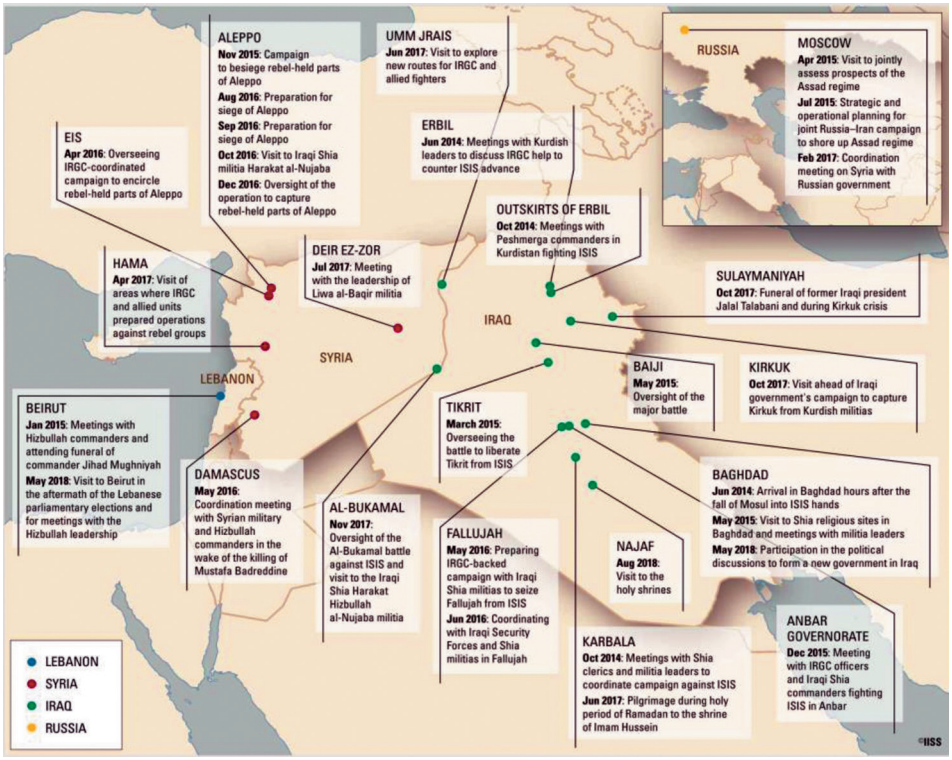

Рис. 2. Карта предполагаемого присутствия К. Сулеймани в Ираке, Ливане, Сирии и России (2012–2018 гг.) для координации сети, связанной с Ираном

Источник: Iran's Networks of Influence in the Middle East // International Institute for Strategic Studies. November 2019. P. 20. URL: https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/publications---free-files/strategic-dossier/iran-dossier/irans-networks-of-influence-in-the-middle-east.pdf (accessed: 05.10.2025).

Даже израильская разведка и аналитики отмечали эту роль. Например, в репортаже *The Times of Israel* признавалось успешное создание и развертывание Ираном сил в Сирии и прямо упоминалась эта разнородная сеть. В нем такие группы, как «Харакат аль-Нуджаба», «Катаиб Сайид аш-Шухада», «Лива Абу аль-Фадль аль-Аббас» и «Организация Бадр», были перечислены как часть «международной бригады» под командованием КСИР, а К. Сулеймани был назван ее главным архитектором[14]. Хотя это было представлено как указание на угрозу, репортаж непреднамеренно подтвердил, хотя и с другой точки зрения, что это именно тот потенциал по обеспечению сплоченности, который так высоко оценивается в иранских документах.

Таким образом, эта стратегическая центральность, воплощенная в харизматичной личности, сформировала основу, которая объединила оперативные и политические сложности поля боя в рамках целостной общей стратегии.

Однако на оперативном и тактическом уровнях картина была совершенно иной: сеть функционировала децентрализованно. Эта модель, известная в современной военной литературе как «управление миссией», наделяла различные узлы сети полномочиями принимать быстрые решения и действовать на основе их глубокого знания местных условий,

2024. (На фарси). URL: https://www.khabaronline.ir/photo/1860991/%D8%B1%D9%88%D8%A7%DB%8C%D8%AA-%D8%AF%D8%B3%D8%AA-%D8%A7%D9%88%D9%84-%DB%8C%DA%A9-%D9%81%D8%B1%D9%85%D8%A7%D9%86%D8%AF%D9%87-%D8%A7%D8%B7%D9%84%D8%A7%D8%B9%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D8%B2-%DB%B1%DB%B1-%D8%B3%D8%A7%D9%84-%D9%87%D9%85%D8%B1%D8%A7%D9%87%DB%8C-%D8%A8%D8%A7-%D8%AD%D8%A7%D8%AC--%D9%82%D8%A7%D8%B3%D9%85 (accessed: 05.10.2025).

[14] Gozareseh-ye Times-e Esraeil: tahqiqi jameh piramun-e ezam va hozur-e niruhaye zir-e amr-e hokumat-e Iran dar Surieh [Доклад Times of Israel: комплексное исследование направления и присутствия сил, находящихся под командованием иранского правительства, в Сирии] // Times of Israel. August 9, 2017. (На фарси). URL: https://fa.timesofisrael.com/syriairan122/ (accessed: 05.10.2025).

точного понимания местности и способности использовать мимолетные тактические возможности. Такой подход дал три решающих стратегических преимущества.

Во-первых, гибкость и скорость принятия решений: местные ячейки и узлы могли незамедлительно реагировать на возникающие угрозы или возможности, не сталкиваясь с бюрократией и не ожидая длительного централизованного разрешения. Такая тактическая гибкость оказалась особенно важной во время кризисов, таких как внезапное вторжение ИГИЛ (запрещено в РФ) в Ирак в 2014 г. В тот момент после религиозного указа (фетвы) шиитского марджи и на фоне значительного нарушения формальных государственных структур Ирака народные сети и силы сопротивления под непосредственным руководством К. Сулеймани организовали оборонительные линии вокруг Багдада и священных городов еще до мобилизации иракской армии.

Постоянное присутствие генерал-лейтенанта Сулеймани на передовой и его прямое взаимодействие с местными командирами — не просто посредством отдачи приказов, но и путем диалога, убеждения и укрепления доверия — сыграли решающую роль в мотивации сил к сопротивлению и возвращению территорий. Этот основанный на участии полевой стиль командования способствовал быстрому и эффективному формированию операций по освобождению в таких районах, как Джурф-эль-Сахар и Тикрит, — операций, которые во многих случаях начинались до получения официального одобрения из Багдада, тем самым меняя ход боевых действий.

Другой пример — битва за Аль-Букамаль: тактическая изобретательность К. Сулеймани здесь является ярким образцом адаптивности. Неожиданным шагом, не уведомив нижестоящих командиров, он отвел силы с предсказуемого фронта и через сирийскую пустыню (Бадият-эль-Шам) начал внезапное нападение на ИГИЛ (запрещено в РФ) с тыла. Это рискованное решение, которое прорвало опорный пункт группировки, стало возможным только в условиях гибкой командной структуры, которая обеспечивала полную уверенность полевым командирам[15].

Во-вторых, структурная устойчивость к многосторонним атакам: к ним относятся преследования руководства, санкции, экономическое давление, психологическая война и прямые военные операции. В отличие от обычных армий, где потеря ключевого командира может парализовать цепочку командования и вызвать системный коллапс, иранская сеть, действующая через сетевую структуру и распределяющая власть между полуавтономными узлами (такими как иракские фракции сопротивления, «Хизбалла» в Ливане, ХАМАС в Газе и «Ансар Аллах» в Йемене), продолжала функционировать — и даже укрепляться — после потери высокопоставленных командиров и видных деятелей. Эта устойчивость обусловлена взаимным доверием, формированием кадров для преемственности и децентрализованным принятием решений, что позволяет сети адаптироваться без зависимости от единого центрального узла.

Примечательным случаем стали убийства генерал-лейтенанта Касема Сулеймани и Абу Махди аль-Мухандиса в январе 2020 г. — удар, который мог бы разрушить стратегическое командование проиранских сетей. Однако сеть быстро подготовила замену в лице Эсмаила Каани и сохранила оперативную преемственность. Фактически в последующие годы «ось сопротивления» активизировала свои действия против интересов США и Израиля[16].

---

[15] См.: Shaeri R. Revayat-e dast-e avval az azadsazi-ye Bukamal / Taktik-ha-yi ke kamar-e Daesh ra shekast [Рассказ из первых уст об освобождении Букамаля: тактики, сломившие хребет ИГИЛ] // Mehr News Agency. January 2, 2021. (На фарси). URL: https://mehrnews.com/xTswN (accessed: 05.10.2025); Iran's Networks of Influence in the Middle East // International Institute for Strategic Studies. November 2019. P. 121–157. URL: https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/publications---free-files/strategic-dossier/iran-dossier/irans-networks-of-influence-in-the-middle-east.pdf (accessed: 05.10.2025).

[16] См.: Ezzeddine N., Azizi H. Iran's Increasingly Decentralized Axis of Resistance // War on the Rocks. July 14, 2022. URL: https://warontherocks.com/2022/07/irans-increasingly-decentralized-axis-of-resistance/ (accessed: 05.10.2025); The Soleimani Killing's Regional Implications // International Institute for Strategic Studies. March 2020.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в ливанской «Хизбалле». В 2024 г. несколько высокопоставленных лидеров и значительная часть ее высшего командного состава, включая генерального секретаря Сайида Хасана Насраллу и Хашема Сафиеддина, были убиты в результате израильских ударов. Несмотря на эти серьезные потери, многоуровневая командная структура «Хизбаллы» и внутренняя способность к замене кадров обеспечили сохранение организации. Ракетные операции против Израиля продолжались, а быстрое назначение преемников сохранило стратегическую сплоченность, хотя и не без временных трудностей[17].

В Газе после убийств высших политических и военных лидеров ХАМАС во время войны 2023–2024 гг., включая Исмаила Ханию в Тегеране и Яхью Синвара в Газе, командно-оперативная сеть движения оставалась активной и даже креативной. Не наблюдалось никаких сбоев в организации боевых действий, ракетных обстрелов или переговорных усилиях. Разделяя обязанности между различными подразделениями и сохраняя децентрализованную структуру, ХАМАС поддерживало и продолжало сопротивление Израилю[18].

Случай Йемена представляет собой иную, но дополняющую ситуацию: «Ансар Аллах» (хуситы) выдержала не только сценарии нападения на руководство, но и более широкое давление, такое как продолжительные удары коалиции под руководством Саудовской Аравии, жесткие экономические блокады и прямые воздушные атаки союзников США в 2023–2025 гг. в ответ на операции в Красном море. Хуситы расширили свои ракетные и военно-морские возможности, распределили власть среди местных командиров и не только выжили, но и усилили свое региональное влияние, подтверждая эффективность сетевой модели[19].

Все эти примеры иллюстрируют истинное значение сетевой устойчивости: способность выживать, адаптироваться и восстанавливать силы даже после самых сильных ударов. В отличие от обычных армий эта модель не имеет единой точки отказа, что сделало ее устойчивой к израильской стратегии «кампании между войнами», которая фокусируется на целенаправленных убийствах и истощении потенциала противника. Отсутствие хрупкого центра является ключевой причиной неоднократных неудач стратегий по устранению или разрушению структуры сети, связанной с Ираном. По сути, эта модель позволяет «оси» функционировать как изменчивая сеть, устойчивая к внешним потрясениям[20].

В-третьих, снижение затрат и рисков: архитектура послужила продуманной моделью управления ресурсами. Большинство операций проводилось местными силами, которые были более мотивированы защищать свои территории, что минимизировало политические, экономические и человеческие издержки прямого развертывания иранского персонала. Вместо того чтобы в значительной степени полагаться на свои внутренние ресурсы, Иран проводил стратегию «расширения возможностей», которая стала решающим преимуществом в конкуренции с мировыми державами. Центральная

URL: https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2020/the-soleimani-killings-regional-implications/ (accessed: 05.10.2025).

[17] См.: Ali-Khan V., Cambanis T. Down but Not Out: Reassessing the Axis of Resistance // The Century Foundation. March 19, 2025. URL: https://tcf.org/content/report/down-but-not-out-reassessing-the-axis-of-resistance/ (accessed: 05.10.2025); Sadeghi M. R. Ayandeh-ye Hezbollah pas az Nasrallah; goruh-e siyasi-ye dakhli ya jihadi-ye manteqei? [Будущее «Хезболлы» после Насраллы: внутренняя политическая или региональная джихадистская группа?] // Markaz-e Pazhuheshha-ye Elmi va Motaleat-e Rahbordi-ye Khavar-e Miane [Центр научных и стратегических исследований Ближнего Востока]. February 3, 2025. (На фарси). URL: https://www.cmess.ir/Page/View/2025-02-03/11462 (accessed: 05.10.2025).

[18] Mansour R. The Axis of Resilience: Israel Is Underestimating Iran and Its Allies // Foreign Affairs. November 13, 2024. URL: https://www.foreignaffairs.com/middle-east/axis-resilience (accessed: 05.10.2025).

[19] См.: Blanchard C. M. Yemen: Conflict, Red Sea Attacks, and U.S. Policy // Congressional Research Service. CRS In Focus. No. IF12581. July 22, 2025. URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12581 (accessed: 05.10.2025); Khoury N. A. Yemen's Houthi Movement Reconsidered // Arab Center Washington DC. June 12, 2025. URL: https://arabcenterdc.org/resource/yemens-houthi-movement-reconsidered/ (accessed: 05.10.2025).

[20] Mansour R. The Axis of Resilience: Israel Is Underestimating Iran and Its Allies // Foreign Affairs. November 13, 2024. URL: https://www.foreignaffairs.com/middle-east/axis-resilience (accessed: 05.10.2025).

роль К. Сулеймани как «координационного центра» — присутствие на местах, ведение переговоров и укрепление доверия между местными командирами от Ирака до Ливана и Йемена — обеспечивала стратегическую сплоченность, не ограничивая тактическую автономию отдельных узлов. Эта особенность превратила сеть в «единый фронт», который, несмотря на разнообразие участников, преследовал общую стратегическую цель[21].

2. Локализация сопротивления: интеграция в местные сообщества. Второй принцип этой архитектуры, выходящий за рамки простой локализации, представлял собой долгосрочную стратегию самообеспечения и независимости узлов сопротивления. В отличие от распространенного на Западе восприятия групп сопротивления как простых «марионеток» Ирана, этот подход подчеркивал расширение прав и возможностей местных участников, обладающих глубокими социальными корнями и внутренней мотивацией.

Этот принцип наиболее ярко проявился в палестинском случае. Стратегия К. Сулеймани трансформировала сопротивление из эпохи «интифады камней» в эпоху ракетного сдерживания. Вместо того чтобы способствовать полной зависимости палестинских группировок от Ирана, стратегия основывалась на двух оперативных направлениях: (1) создании тайных сетей для передачи ключевых компонентов и (2) передаче технических знаний палестинским инженерам для создания оружия собственного производства с использованием простых сырьевых материалов, таких как стальные трубы и сахар.

Результатом стал собственный ракетный арсенал Газы («Аль-Кассам», «Фаджр», «Бадр», «Касем»), что позволило бросить вызов военной машине Израиля и создать самоподдерживающуюся экосистему[22]. Как заявил аятолла Хаменеи, Верховный руководитель Исламской Республики: «Этот человек оказал всестороннюю поддержку палестинцам; он сделал так, что очень небольшая территория — такой узкий участок, как Сектор Газа — смогла противостоять сионистскому режиму, действующему во всем своем высокомерии, нанеся ему такие потери, что уже через сорок восемь часов они сами говорят: „Давайте заключим перемирие“. Это было делом Хаджа Касема Сулеймани»[23].

Что касается укоренения в социальной структуре, то «доктрина Сулеймани» укрепила такие группы, как Силы народной мобилизации (СНМ) Ирака, Национальные силы обороны Сирии и йеменская «Ансар Аллах», которые органично возникли из своих местных общин. Например, СНМ были сформированы в Ираке после шиитского религиозного указа (фетвы) аятоллы Систани при широком участии иракских племен и молодежи. Такая укорененность повысила социальную легитимность и нейтрализовала враждебную пропаганду. «Хизбалла» в Ливане является наиболее ярким примером такой устойчивости, сочетая военные возможности с обширной сетью школ, больниц и учреждений сферы услуг, глубоко интегрированных в общество. «Ансар Аллах» в Йемене аналогично эволюционировала из локального движения в региональную силу, способную — благодаря переданному техническому опыту и полностью местной ра-

[21] См.: Asadollahi M. Estratezhik fekr mikard, taktiki amal mikard [Он мыслил стратегически, действовал тактически] // Khamenei.ir. January 9, 2021. (На фарси). URL: https://farsi.khamenei.ir/others-dialog?id=47304 (accessed: 05.10.2025); Soufan A. Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy // CTC Sentinel. November 2018. Vol. 11. Iss. 10. URL: https://ctc.westpoint.edu/qassem-soleimani-irans-unique-regional-strategy/ (accessed: 05.10.2025).

[22] Naqsh-e Shahid Soleimani dar erteqa-ye qodrat-e moqavemat-e Felestin [Роль мученика Сулеймани в укреплении потенциала палестинского сопротивления] // Mehr News Agency. January 2, 2024. (На фарси). URL: https://www.mehrnews.com/news/5983009/%D9%86%D9%82%D8%B4-%D8%B4%D9%87%DB%8C%D8%AF-%D8%B3%D9%84%DB%8C%D9%85%D8%A7%D9%86%DB%8C-%D8%AF%D8%B1%D8%B1%D8%A7%D9%82%D8%A7%D8%B1%D8%AA%D9%82%D8%A7%D8%B%8C-%D9%82%D8%AF%D8%B1%D8%AA-%D9%85%D9%82%D8%A7%D9%88%D9%85%D8%AA-%D9%81%D9%84%D8%B3%D8%B7%DB%8C%D9%86 (accessed: 05.10.2025).

[23] Khamenei A. Bayanat dar didar-e mardom-e Qom [Выступление на встрече с жителями Кума] // Khamenei.ir. January 8, 2020. (На фарси). URL: https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=44628 (accessed: 05.10.2025).

бочей силе — вести длительную войну на истощение[24].

Эта локализация обеспечила три стратегические функции:

– повышение социальной легитимности. Местные силы воспринимались как «защитники земли», а не как «иностранные наемники», что подрывало враждебные нарративы, направленные на дискредитацию сети. Широкое участие иракцев в СНМ, например, ослабило стереотип об «иранском экспансионизме»;

– доступ к местным ресурсам. Местные группы обладали полевой разведкой, логистическими сетями и знанием культурной специфики региона — преимуществами, которые иностранные силы не могут воспроизвести. Использование «Ансар Аллах» географии Йемена во время операций в Красном море в 2024–2025 гг. является ключевым примером;

– долгосрочная устойчивость. После деэскалации острых кризисов местные вооруженные и политические группы часто сохраняли свои позиции в качестве политико-военных акторов в своих национальных контекстах, тем самым расширяя стратегическое влияние Ирана без необходимости постоянного прямого военного присутствия.

3. Устойчивые экономические сети: экономическая экосистема сопротивления. В экономической сфере сетевая архитектура, созданная К. Сулеймани, вышла далеко за рамки обеспечения безопасности, создав то, что можно назвать «экономической экосистемой сопротивления» с двумя основными стратегическими функциями: противодействие стратегии экономического истощения США и построение устойчивой сети внерегиональных экономических потоков. Эта сеть опиралась на общие идеологические течения — солидарность внутри «оси сопротивления», противодействие западной гегемонии и защита угнетенных, которые сформировали единую транснациональную идентичность среди различных участников.

В рамках конкуренции великих держав с Китаем США проводили целенаправленную политику деградации экономической инфраструктуры вдоль афгано-средиземноморского коридора: от демонтажа северной железной дороги Афганистана, которая блокировала доступ к коридору в Иран, до препятствования проектам развития электроэнергетики в Ираке и контроля над всеми валютными операциями в Ираке через контролируемое США ведомство[25]. «Доктрина Сулеймани», защищая национальный суверенитет и территориальную целостность как Ирака, так и Сирии, позволила нейтрализовать эти деструктивные меры и сохранить инфраструктуру безопасности и экономики этих государств.

В то же время подход К. Сулеймани создал сложную, децентрализованную экономическую сеть, которая опиралась не только на формальные каналы, но и на местные и народные ресурсы. Экспорт Ирана в Ирак вырос с менее чем 800 млн долл. США в середине 2000-х гг. до 9 млрд долл. США, что в четыре раза больше, чем совокупный экспорт Ирана в страны Европейского союза и США[26]. Расширение торговых связей было достигнуто за счет реализации трех основных механизмов:

1. Инновации в торговой инфраструктуре. На территории Ирана было создано 18 приграничных рынков, что позволило иракским торговцам работать без виз или разрешений, вы-

[24] The Soleimani Killing's Regional Implications // International Institute for Strategic Studies. March 2020. URL: https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2020/the-soleimani-killings-regional-implications/ (accessed: 05.10.2025).

[25] Shakeri M. Negahi be naqsh-e Shahid Soleymani dar towse'e-ye zirsakht-ha-ye eqtesadi-ye manteqe-ye Gharb-e Asia [Роль мученика Сулеймани в развитии экономической инфраструктуры региона Западной Азии] // Amrikashenasi [Американские исследования], 2022. No. 17. P. 107. (На фарси). URL: https://ascenter.ir/wp-content/uploads/2023/01/Binder23-1.pdf (accessed: 05.10.2025).

[26] Jozeyat-e saderat-e 9 milyard dolari-ye Iran be Aragh dar sal-e 1400 [Подробности экспорта Ирана в Ирак на сумму 9 млрд долларов в 1400 иранском году] // Iran Economist. April 17, 2022. (На фарси). URL: https://iraneconomist.com/fa/news/418453/%D8%AC%D8%B2%D8%A6%D-B%8C%D8%A7%D8%AA-%D8%B5%D8%A7%D8%AF%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%DB%B9-%D9%85%DB%8C%D9%84%DB%8C%D8%A7%D8%B1%D8%AF-%D8%AF%D9%84%D8%A7%D8%B1%D-B%8C-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%A8%D9%87-%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D8%AF%D8%B1-%D8%B3%D8%A7%D9%84-%D-B%B1%DB%B4%DB%B0%DB%B0 (accessed: 05.10.2025).

данных Багдадом. Это превратило Иран из географически ограниченного центра торговли в страну с обширной сетью трансграничных коридоров. В то время как Ирак полагался на один основной пункт пропуска с Турцией и лишь недавно вновь открыл свой пункт пропуска Арар с Саудовской Аравией, Иран поддерживал 10 действующих официальных пунктов пропуска наряду с 18 приграничными рынками, образуя уникально плотную торговую сеть.

2. Экономическая институционализация. Создание «Штаба развития ирано-иракских экономических отношений» вышло за рамки упрощения торговых процедур, устранив структурные препятствия и обеспечив долгосрочное планирование — воплощение того, что А.-М. Слотер называет «функциональными сетями управления».

3. Создание экономической стратегической глубины. Ирак служил не только экспортным направлением, но и воротами, позволяющими обходить санкции, и мостом к более широким региональным рынкам. Такая глубина охвата позволила Ирану принять участие в восстановлении Сирии и Ирака — рынков с рассчитанным на десятилетия потенциалом в сфере машиностроения, строительства и производства промышленных материалов[27].

Эта экономическая архитектура отражала логику оперативной децентрализации: местные узлы получали полномочия действовать быстро на основе детального знания рынка и временных возможностей, в то время как стратегическая координация поддерживалась через центральный штаб. Это снижало политические издержки прямого присутствия, одновременно генерируя устойчивые, защищенные от санкций потоки доходов.

Работая одновременно на трех уровнях — местном (защита экономических структур на уровне сообщества), региональном (влияние на баланс сил на Ближнем Востоке) и транснациональном (противостояние региональному порядку, возглавляемому Западом), эта модель трансформировалась в конкретный стратегический потенциал.

В целом архитектура сетевой власти как структурная основа «доктрины Сулеймани» интегрировала оперативную децентрализацию, локализацию вооруженной и политической деятельности и устойчивое экономическое сетевое взаимодействие в экосистему, которая была распределенной, но скоординированной, локально укорененной, но транснациональной по охвату и адаптируемой по функциям. Эта конфигурация тесно соответствует концепции Мануэля Кастельса (Castells, 2009a) «власть в пространстве потоков», определяемой как способность регулировать и управлять критически важными потоками, от которых зависят сетевые структуры. Помимо того, что эта архитектура позволила Ирану преследовать стратегические цели с относительно ограниченными материальными затратами, она способствовала созданию адаптивной стратегической глубины и устойчивости в ответ на многоуровневое давление — начиная от кинетических военных действий и заканчивая информационными операциями. Таким образом, она заложила структурные условия для последующих столпов инженерии дискурса идентичности и управления операционными рисками, рассмотренных в следующих разделах.

Инженерия дискурса идентичности: формирование коллективного представления о сопротивлении

Если архитектуру сетевой власти можно понимать как «аппаратную часть» «доктрины Сулеймани», то инженерия дискурса идентичности функционировала как ее дискурсивное «программное обеспечение», поднимая сеть из рыхлой военной коалиции на уровень сравнительно устойчивой и транснациональной моби-

[27] Dolarhayi ke ba tadbir-e Haj Qasem nasib-e Iran shod [Доллары, которые Иран получил благодаря дальновидности Хадж Касема] // Mashregh News. January 3, 2021. (На фарси). URL: https://www.mashreghnews.ir/news/1163189/%D8%AF%D9%84%D8%A7%D8%B1%D9%87%D8%A7%DB%8C%DB%8C-%DA%A9%D9%87-%D8%A8%D8%A7-%D8%AA%D8%AF%D8%A8%D-B%8C%D8%B1-%D8%AD%D8%A7%D8%AC-%D9%82%D8%A7%D8%B3%D9%85-%D9%86%D8%B5%DB%8C%D8%A8-%D8%A7%D-B%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%B4%D8%AF (accessed: 05.10.2025).

лизационной структуры. Этот столп опирается на конструктивистские подходы и критические исследования безопасности, в частности на теорию секьюритизации Копенгагенской школы (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998), и формирует мощную, общую идентичность, объединяя участников с различным культурным, религиозным и национальным происхождением — шиитов и суннитов, арабов и персов — вокруг объединяющего идеала «сопротивления».

Благодаря созданию коллективного представления о сопротивлении этот столп обеспечивал внутреннюю легитимность и генерировал устойчивый мотивационный потенциал для мобилизации добровольцев, одновременно функционируя как дискурсивный буфер против враждебных психологических операций и информационного давления. Этот многомерный процесс основывался на двух фундаментальных компонентах: дискурсивном конструировании угрожающего «Другого» и формировании религиозно окрашенного, транснационального «Я».

Конструирование образа угрожающего Другого

Для сплоченности и легитимности сети, связанной с Ираном, было крайне важно четкое определение противника — такое, которое могло бы сгладить внутренние трения между разнородными группами и направить их к общей цели. В рамках этой концепции «доктрина Сулеймани» дискурсивно конструировала двух различных, но взаимодополняющих «Других» и посредством секьюритизирующих речевых актов возвела их в статус воспринимаемых экзистенциальных угроз:

– внешние субъекты, представленные в дискурсе сопротивления как проявления «империализма», в частности США и Израиль;

– такфиристский терроризм, воплощением которого являются ИГИЛ (запрещено в РФ) и «Джабхат ан-нусра»[28].

Эта дискурсивная переформулировка подняла конфликт с уровня военной конфронтации до того, что было представлено как моральное, религиозное и цивилизационное обязательство[29].

С одной стороны, в официальном и мобилизационном дискурсе США и Израиль изображались как проявления «глобального господства» и «оккупации». В рамках этого нарративного контекста сопротивление представлялось не как агрессия, а — по определению его сторонников — как законная защита независимости, национального суверенитета и культурных и религиозных ценностей региона. В лозунгах «Дня аль-Кудс», выступлениях лидеров сопротивления и устойчивом медиадискурсе к Израилю применялись делегитимизирующие метафоры, такие как «раковая опухоль»; он изображался как экзистенциальная угроза для всей сети. В свою очередь США представлялись как «большой сатана», покровитель колониализма и терроризма. Такая дискурсивная структура служила для укрепления общего и неотложного чувства долга внутри сети, независимо от национальности[30].

[28] Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

[29] См.: Brodsky J.M., Mansharof Y. Soleimani Birthed Iran's Axis of Resistance, Ghaani Coordinated It // Middle East Institute. December 15, 2023. URL: https://www.mei.edu/publications/soleimani-birthed-irans-axis-resistance-ghaani-coordinated-it (accessed: 05.10.2025); Naqsh-e rahbordi-ye Shahid Sepahbod Haj Qasem Soleimani dar shekl-giri va taghviyat-e mehvar-e moqavemat [Стратегическая роль мученика генерал-лейтенанта Хадж Касема Сулеймани в формировании и укреплении оси сопротивления] // Defa Press. December 31, 2023. (На фарси). URL: https://defapress.ir/fa/news/641602/%D9%86%D9%82%D8%B4-%D8%B1%D8%A7%D9%87%D8%A8%D8%B1%D8%AF%DB%8C-%D8%B4%D9%87%DB%8C%D8%AF-%D8%B3%D9%BE%D9%87%D8%A8%D8%AF-%D8%AD%D8%A7%D8%AC-%D9%82%D8%A7%D8%B3%D9%85-%D8%B3%D9%84%DB%8C%D9%85%D8%A7%D9%86%DB%8C-%D8%AF%D8%B1-%D8%B4%DA%A9%D9%84%E2%80%8C%DA%AF%DB%8C%D8%B1%DB%8C-%D9%88-%D8%AA%D9%82%D9%88%DB%8C%D8%AA-%D9%85%D8%AD%D9%88%D8%B1-%D9%85%D9%82%D8%A7%D9%88%D9%85%D8%AA (accessed: 05.10.2025).

[30] См.: Mahamad A. Iran's Shadow Network: The Axis of Resistance Explained // IranWire. December 6, 2024. URL: https://iranwire.com/en/politics/136769-irans-shadow-network-the-axis-of-resistance-explained/ (accessed: 05.10.2025); Iran: U.S. and Israeli Threats & Options // The Iran Primer. United States Institute of Peace. January 26, 2023.

С другой стороны, ИГИЛ (запрещено в РФ) и «Джабхат ан-нусра» (запрещена в РФ) представлялись как внутренняя угроза социальной и цивилизационной структуре региона, как крайнее отклонение от нормы, направленное не только на физическую безопасность, но и на саму исламскую и человеческую идентичность соответствующих обществ. Подчеркивая защиту святынь «ахль аль-бейт» и исламских и христианских святынь, этот дискурс вышел за рамки шиитских конфессиональных границ, привлекая даже немусульманские общины, такие как христиане и езиды в Ираке и Сирии, к неформальному сотрудничеству с сопротивлением. Беспрецедентная народная мобилизация против ИГИЛ в Ираке (2014–2017 гг.), объединившая шиитские, суннитские, курдские и христианские силы, стала ярким примером успеха этого стратегического нарратива[31].

Тщательно продуманная структура противостояния принесла два ключевых стратегических преимущества:

– введение более масштабной общей угрозы значительно занизило исторические, религиозные и этнические разногласия внутри сети, связанной с Ираном, создав более сплоченный и эффективный фронт;

– определение сопротивления как одновременной борьбы против иностранной оккупации и внутреннего терроризма позволило создать убедительный нарратив, способный заручиться региональной — и даже глобальной — общественной поддержкой, одновременно противодействуя западным медиакампаниям, изображающим эти группы как «террористических марионеток».

Создание священного, транснационального Я

Второй столп этой инженерии идентичности заключался в построении общей, религиозно окрашенной транснациональной идентичности, преобразующей сеть из тактического объединения в долгосрочный цивилизационный нарратив. Этот процесс был сосредоточен на трансцендентной концепции «сопротивления», как она сформулирована в дискурсе самого движения. Эта идентичность поддерживалась за счет систематического использования символов, коллективных ритуалов и построения нарративов с помощью СМИ с целью объединения разрозненных сообществ в общее коллективное воображение.

Транснациональные ритуалы, такие как ежегодные марши в «День аль-Кудс» из Тегерана в Бейрут и Сану, выступали в качестве перформативного подтверждения идентичности сопротивления. Памятные мероприятия в честь павших бойцов разных национальностей — ливанцев, иракцев, афганцев, пакистанцев и иранцев — и продвижение нарратива «Защитники святынь» углубляли чувство единства и общей цели. Эти ритуалы, освящающие такие понятия, как мученичество и жертвенность, обеспечивали глубокую духовную мотивацию для набора добровольцев.

Наряду с этими ритуалами мощный медиааппарат сопротивления — от традиционных изданий, таких как «Аль-Манар» и «Аль-Маядин», до современных цифровых платформ — неустанно транслировал истории о победе, стойкости и несправедливости, противодействуя доминированию западных СМИ. Такое формирование идентичности оказалось настолько убедительным, что привлекло такие группы, как афганская «Фатемиюн», пакистанская «Зайнабиюн», а также добровольцев из Ирака и Сирии — не посредством принудительной вербовки, а через веру в общую идентичность и глубоко укоренившийся религиозный долг (Cingöz et al., 2024; Wastnidge & Mabon, 2024).

В конечном итоге как «программное обеспечение» «доктрины Сулеймани» это формирование дискурса идентичности посредством параллельного конструирования угрожающего Другого и священного Я превратило сеть сопротивления в осмысленное и устойчивое движение. Способствуя идеологической сплоченности, устойчивой мобилизации населения и легитимности целей, оно не только повысило

URL: https://iranprimer.usip.org/blog/2023/jan/26/iran-us-and-israeli-threats-options (accessed: 05.10.2025).

[31] Soufan A. Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy // CTC Sentinel. November 2018. Vol. 11. Iss. 10. URL: https://ctc.westpoint.edu/qassem-soleimani-irans-unique-regional-strategy/ (accessed: 05.10.2025).

устойчивость сети к военному и психологическому давлению, но и позиционировало ее как решающую силу в формировании региональных и глобальных нарративов. Эта укрепленная база идентичности, в свою очередь, обеспечила необходимую основу для третьего столпа доктрины: управления операционными рисками, которое составляет исполнительную и полевую логику этой сложной архитектуры.

Управление операционными рисками: логика гибридной войны в «серой зоне»

Если первые два столпа «доктрины Сулеймани» — архитектура сетевой власти и проектирование дискурса идентичности — формировали соответственно «тело» и «душу» сети, связанной с Ираном, то третий столп — управление операционными рисками — был ее «мозгом» и исполнительной логикой. Этот столп преобразовывал структурные возможности и идеологическую мотивацию стран «оси сопротивления» в продуманные, высокоэффективные действия на поле боя.

Его суть заключалась в смещении противостояния от дорогостоящих, прямых, симметричных военных столкновений в «серую зону» — неоднозначное пространство между войной и миром, в котором правила ведения боевых действий неопределенны, а ответственность может быть правдоподобно отрицаема (Kalantari & Najafi Sayar, 2024, p. 65). Основанный на гибридной войне и асимметричном сдерживании (Hoffman, 2007), этот подход позволил сети, связанной с Ираном, нанести значительный ущерб таким могущественным соперникам, как США и Израиль, избегая при этом полномасштабных войн, которые могли бы иметь разрушительные стратегические и материальные последствия.

Гибридная война как скоординированная многодоменная стратегия

В основе этой логики лежала скоординированная и одновременная интеграция множества инструментов власти. Наряду с традиционными военными методами, такими как консультирование, вооружение и обучение прокси-сил, доктрина использовала нерегулярные методы, включая партизанскую войну, психологические операции, кибердеятельность и экономическое давление. Такой комплексный подход вовлекал противников в противостояние сразу в нескольких сферах, ограничивая их возможности по нанесению решительного и целенаправленного ответа (Hoffman, 2007, pp. 7–9, 36).

Полевые свидетельства этой гибридной модели были многочисленны. В Сирии и Ираке (2011–2018 гг.) КСИР и его силы «Кудс» не только вооружали и обучали местные формирования, такие как «Аль-Хашд аш-шааби» в Ираке и Национальные силы обороны в Сирии, но и размещали своих командиров на передовых позициях для руководства комплексными операциями. Операции по освобождению Мосула и Аль-Букамаля (2016–2017 гг.) являются яркими примерами, когда наземные наступления Ирака шли одновременно с информационной войной и психологическими кампаниями в социальных сетях, чтобы ослабить моральный дух ИГИЛ (запрещено в РФ) и укрепить легитимность сопротивления[32].

Этот подход обеспечил ряд стратегических преимуществ:

– неожиданность и неопределенность: противникам часто было сложно определить характер, происхождение и конечную цель атак;

– экономическая эффективность для Ирана: опора на силы, мотивированные на местном уровне, снизила необходимость в крупномасштабном развертывании иранских войск;

[32] См.: Amaliyat-e bozorg-e azadsazi-ye Mosul-e Aragh va sharayet-e ayandeh-ye terrorist-ha [Крупная операция по освобождению иракского Мосула и будущие перспективы террористов] // Strategic Council on Foreign Relations. 2016. (На фарси). URL: https://scfr.ir/fa/300/14151/%D8%B9%D9%85%D9%84%DB%8C%D8%A7%D8%AA-%D8%A8%D8%B2%D8%B1%DA%AF-%D8%A2%D8%B2%D8%A7%D8%AF%D8%B3%D8%A7%D8%B2%DB%8C-%D9%85%D9%88%D8%B5%D9%84-%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D9%88%D8%B4%D8%B1%D8%A7%DB%8C%D8%B7/ (accessed: 05.10.2025); Shaeri R. Revayat-e dast-e avval az azadsazi-ye Bukamal / Taktik-ha-yi ke kamar-e Daesh ra shekast [Рассказ из первых уст об освобождении Букамаля: тактики, сломившие хребет ИГИЛ] // Mehr News Agency. January 2, 2021. (На фарси). URL: https://mehrnews.com/xTswN (accessed: 05.10.2025)

Интегрированная аналитическая матрица «доктрины Сулеймани»

Аналитическая рамка	Основные механизмы	Аналитические выводы	Структурные ограничения
1. Архитектура «сетевой власти»	Децентрализованная координация; взаимодействие государственных и негосударственных субъектов; локализация ресурсов	Распределение власти и обязанностей на основе сетевых структур, выходящее за рамки формальных государственных иерархий	Зависимость от внутренней сплоченности; подверженность технологическим и логистическим асимметриям
2. Инженерия дискурса идентичности	Дискурсивное конструирование коллективной идентичности; символическое фреймирование; транснациональные нарративы	Формирование сплоченности и легитимности в различных социальных контекстах	Уязвимость к дискурсивной эрозии, контрфреймингу и ограниченному резонансу за пределами сети
3. Управление операционными рисками	Гибридные и асимметричные практики; двусмысленность и косвенное взаимодействие	Перераспределение и управление рисками между несколькими узлами в условиях неопределенности	Риск эскалации из-за просчетов; чувствительность к передовым технологиям наблюдения и высокоточной диагностики

Источник: составлено А. Зареи.

– устойчивость сети: распределенная оперативная модель поглощала удары, сохраняя при этом наступательный потенциал.

Асимметричное сдерживание и логика наложения издержек

Дополняла гибридную войну асимметричная стратегия сдерживания, разработанная в рамках доктрины: она строилась не на достижении военного паритета, а на поддержании баланса террора посредством разрушительного, невыносимого наложения издержек. Основная логика состояла в том, чтобы удерживать противника в постоянной, дорогостоящей оборонительной позиции, не переходя порог открытой войны.

Эта стратегия работала на основе точного анализа затрат и выгод, систематически воздействуя на экономические, психологические и политические уязвимости противников.

Стратегические функции включали:

– сдерживание на основе разрушения: удары «Ансар Аллах» по нефтяным объектам *Saudi Aramco* в 2019 г. и последующие военно-морские операции против израильских судов в Красном море (2024–2025 гг.) нанесли огромный экономический и психологический ущерб без формального объявления войны[33];

– правдоподобное отрицание: операции, проводимые через сетевые прокси-силы, позволили Ирану отрицать прямую ответственность и значительно снизить риск прямого военного возмездия на своей территории. Многочисленные кибератаки на критическую инфраструктуру Израиля в 2023–2024 гг. являются примером этой тактики[34];

– тактическая гибкость и адаптация к технологиям: страны «оси» быстро внедрили в свой арсенал недорогие, но революционные новые технологии, такие как беспилотники и высокоточные крылатые ракеты, изменив баланс сил на местном и региональном уровнях[35].

Интегрирующая функция управления операционными рисками

По сути, управление оперативными рисками функционировало как интеграционный механизм, связывающий сетевые структуры с мобилизацией на основе идентичности. Сочетание методов гибридной войны с логикой

[33] Blanchard C. M. Yemen: Conflict, Red Sea Attacks, and U.S. Policy // Congressional Research Service. CRS In Focus. No. IF12581. July 22, 2025. URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12581 (accessed: 05.10.2025).

[34] Bish az 3 milyon dolar khasarat-e salaneh-ye Sahyonist-ha az hamalat-e sayberi [Ежегодный ущерб сионистов от кибератак превышает 3 млн долларов] // Tasnim News Agency. May 10, 2025. (На фарси). URL: https://www.tasnimnews.ir/fa/news/1404/02/20/3309459/ (accessed: 05.10.2025).

[35] Newman M. Hamas's Cheap, Makeshift Drones Are Outsmarting Israel's High-Tech Military // Bloomberg. December 19, 2023. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-12-19/israel-s-advanced-defenses-are-pierced-by-makeshift-hamas-drones-in-gaza-war (accessed: 05.10.2025).

асимметричного сдерживания позволило сети государственных и негосударственных субъектов, лояльных Ирану, преследовать стратегические цели, сохраняя при этом расчетливый и ограниченный уровень риска. Эта оперативная логика частично компенсировала материальную асимметрию за счет структурных и стратегических преимуществ, способствуя динамичной стратегической глубине Ирана в условиях крайне нестабильной региональной обстановки и завершая общую архитектуру «доктрины Сулеймани» (табл.).

Заключение

«Доктрина Сулеймани», рассматриваемая как локальная, сетецентричная и гибридная парадигма безопасности, представляет собой значительный аналитический отход от доминирующих государственно-центричных подходов к безопасности на Ближнем Востоке. Вместо того чтобы представлять собой предписывающую политическую модель, доктрину лучше понимать как контекстуально обусловленную структуру, посредством которой организуется управление безопасностью в условиях фрагментированной политической и конфликтной среды.

Выйдя за рамки традиционных парадигм, данное исследование реконструировало доктрину как многоуровневую модель, структурированную вокруг трех взаимозависимых аналитических столпов: архитектуры сетевой власти, проектирования дискурса идентичности и управления операционными рисками. Рассматриваемые в совокупности, эти столпы освещают внутреннюю логику, посредством которой в рамках сетевой системы безопасности координируются действия различных субъектов, обеспечивается сплоченность в гетерогенных социальных контекстах и происходит управление рисками в условиях асимметрии и стратегической неопределенности. Сравнительная уникальность этой структуры заключается не в материальном превосходстве, а в акценте на сетевой ориентации, мобилизации на основе идентичности и локализации, что концептуально отличает ее от классических реалистических и западных стратегических моделей.

С аналитической точки зрения данное исследование вносит вклад в критические исследования безопасности и теорию международных отношений, не относящуюся к западным странам, демонстрируя, как безопасность может формироваться вне формальных государственных институтов посредством дискурсивных, сетевых и гибридных механизмов. Таким образом, концепция «доктрины Сулеймани» функционирует как теоретическая линза для изучения альтернативных способов организации безопасности, а не как обобщенная или универсально применимая модель.

В то же время анализ подчеркивает структурные ограничения и уязвимости, присущие таким сетевым системам, включая риски внутренней фрагментации, технологическую асимметрию и развивающиеся формы ведения войны. Эти ограничения подчеркивают ситуативный и контекстно-зависимый характер доктрины и предостерегают от детерминистических интерпретаций.

В конечном счете значение «доктрины Сулеймани» заключается в ее вкладе в переосмысление безопасности за пределами иерархических командных структур и территориально ограниченной власти. Представляя собой аналитически реконструированную парадигму, исследование расширяет концептуальный словарь исследований в области безопасности, демонстрируя, как сетевые экосистемы могут обеспечивать преемственность, адаптивность и стратегическую координацию даже в отсутствие централизованного или харизматичного руководства. В этом смысле исследование открывает новые возможности для теоретического осмысления управления безопасностью в сложных и нестабильных региональных условиях за пределами Ближнего Востока.

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 19.12.2025
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Balzacq T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context // European Journal of International Relations. 2005. Vol. 11, iss. 2. P. 171–201. https://doi.org/10.1177/1354066105052960; EDN: JRSMYJ

Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security : A New Framework for Analysis. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998.

Campbell D. Writing Security : United States Foreign Policy and the Politics of Identity : Revised edition. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1998.

Castells M. Communication Power. Oxford : Oxford University Press, 2009a.

Castells M. The Rise of the Network Society : 2nd edition. Oxford : Blackwell, 2009b. https://doi.org/10.1002/9781444319514

Cingöz M., Özkan F., Alkan Y. S., İzol R. Iran's Axis of Resistance Through the Lens of Ontological Security // Third World Quarterly. 2024. Vol. 45, iss. 13. P. 1963–1980. https://doi.org/10.1080/01436597.2024.2398613

Creswell J. W. Qualitative Inquiry and Research Design : Choosing Among Five Approaches : 3rd edition. Thousand Oaks, CA : Sage, 2013.

Daigle C. The American War for the Greater Middle East: From Diplomacy to Military Intervention // International Journal of Middle East Studies. 2017. Vol. 49, iss. 4. P. 757–765. https://doi.org/10.1017/S0020743817000745

Dehghan H. Shakhesheha-ye farmandehi va moqavemat dar sepahbod-e shahid Haj Qasem Soleymani dar goft-o-gu ba Sardar Hoseyn Dehqan [Особенности командования и сопротивления у генерал-лейтенанта, мученика Хаджа Касема Сулеймани: интервью с генералом Хосейном Дехганом] // Nashriye-ye Motaleat-e Siyasat-e Khareji-ye Tehran [Тегеранские исследования внешней политики]. 2019. No. 14. P. 63–86. (На фарси). URL: https://www.magiran.com/paper/2190648 (accessed: 05.10.2025).

Erfanifar A. Naqsh-e rahbordi-ye Haj Qasem Soleymani dar shekl-giri-ye mehvar-e moqavemat va modiriyat-e towḥidi-ye an [Стратегическая роль Хаджа Касема Сулеймани в формировании оси сопротивления и ее монотеистическом управлении] // Faslnameh-ye elmi-ye hokmrani-ye motaali [Научный ежеквартальный журнал трансцендентного управления]. 2020. No. 1. P. 63–79. (На фарси). URL: https://hm.sndu.ac.ir/article_1131_b376bef7f8b6c30eec22413f141ad765.pdf (accessed: 05.10.2025).

Hoffman F. G. Conflict in the 21st Century : The Rise of Hybrid Wars. Arlington, VA : Potomac Institute for Policy Studies, 2007.

Hybrid Warfare : Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present / ed. by W. Murray, P. R. Mansoor. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. https://doi.org/10.1017/CBO9781139199254

Kalantari F., Najafi Sayar R. Martyr Soleimani's Hybrid Defense Achievements // Strategic Discourse Quarterly. 2024. Vol. 1, no. 1. P. 61–85. URL: https://dor.isc.ac/dor/20.1001.1.30606632.2024.1.1.3.7 (accessed: 12.02.2026).

Keck M. E., Sikkink K. Activists Beyond Borders : Advocacy Networks in International Politics. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1998.

Networked Politics : Agency, Power, and Governance / ed. by M. Kahler. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2009.

Nye J. S., Jr. The Future of Power. New York : PublicAffairs, 2011.

Ronfeldt D., Arquilla J. Networks, Netwars and the Fight for the Future // First Monday. 2001. Vol. 6, no. 10. https://doi.org/10.5210/fm.v6i10.889

Shelah O., Valensi C. The Campaign Between Wars and the IDF // The Campaign Between Wars at a Crossroads : CBW, 2013–2023 : What Lies Ahead? / ed. by J. Rosen. Tel Aviv : Institute for National Security Studies, 2023. P. 59–62. URL: http://www.jstor.org/stable/resrep54964.10 (accessed: 05.10.2025).

Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2009.

Wastnidge E., Mabon S. The Resistance Axis and Regional Order in the Middle East: Nomos, Space, and Normative Alternatives // British Journal of Middle Eastern Studies. 2024. Vol. 51, iss. 5. P. 954–971. https://doi.org/10.1080/13530194.2023.2179975

Wehrey F. M. Sectarian Politics in the Gulf : From the Iraq War to the Arab Uprisings. New York : Columbia University Press, 2014.

Сведения об авторах:

Зареи Али — PhD (история исламской революции), доцент кафедры исламоведения, Центральный Тегеранский филиал, Исламский университет Азад; Исламская Республика Иран, 1469669191, г. Тегеран, пр. Ашрафи Эсфахани, пл. Пунак, б-р Имама Хасана Моджтабы, Академический комплекс Нияеш; ORCID: 0000-0003-3546-5361; e-mail: ali.zareei@iau.ac.ir

Ниязи Ареф Шорби — аспирант, научно-исследовательский филиал, Исламский университет Азад; Исламская Республика Иран, 1477893855, г. Тегеран, б-р Шохада Хесарак, пл. Данешга, ш. Саттари; ORCID: 0009-0008-1859-7737; e-mail: a_shorbiniyazi@outlook.com

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 463–475
http://journals.rudn.ru/international-relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-463-475
EDN: FIHQFG

Научная статья / Research article

Современные арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки: от императивов выживания до модернизации

И.А. Матвеев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
iamatveev@fa.ru

Аннотация. Пространство Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), разобщенное с точки зрения интересов государств, превращается в глубоко разделенный регион. Если после «арабской весны» ряд стран, прежде всего аравийские монархии, сумев сохранить внутреннюю стабильность, взяли курс на ускоренную модернизацию и диверсификацию экономик, во что бы то ни стало нуждаясь в прочном мире, то Йемен, Ливан и Сирия погрузились в кризисы, оказавшись на грани распада. Еще раньше Ирак и Ливия стали жертвами военных интервенций США, что привело к падению правящих режимов и спровоцировало гражданские войны. Свидетельством неоднородности БВСА стали «соглашения Авраама» 2020 г. о нормализации отношений Израиля с Объединенными Арабскими Эмиратами, Бахрейном и Марокко, заключенные при дипломатическом содействии Вашингтона, и «мирное соглашение» Израиля и ХАМАС, достигнутое в октябре 2025 г. благодаря посредничеству США и Катара при игнорировании «формулы двух государств» для урегулирования палестино-израильского конфликта. Хаотичная эскалация на Ближнем Востоке, представляющая угрозу для национальной безопасности Российской Федерации, требует адекватной оценки, чем объясняется актуальность данного исследования. Большое значение имеет прогнозирование сценариев, обусловливающее его практическую значимость. Цель — обоснование тезиса о разделении арабских государств на две группы, ориентированные на устойчивое развитие или выживание, несмотря на эфемерную солидарность — будь то по палестинской проблеме или сирийскому конфликту, демонстрируемую на саммитах Лиги арабских государств (ЛАГ), и наличие объединений типа Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Имея непримиримые и трудноразрешимые противоречия в абсолютных приоритетах, они не в состоянии участвовать в общих интеграционных процессах. Страны из первой категории не воспринимают контрагентов из второй группы как равных партнеров, руководствуясь парадигмой реализма и, если необходимо, «забывая» о своем суверенитете и общеарабских проблемах под давлением Запада. Поскольку в российских и зарубежных научных трудах, посвященных конфликтам и модернизации в арабских странах, не уделяется достаточно внимания анализу дихотомии «выживание — устойчивое развитие», автор, используя методы сравнительного и матричного анализа, восполнил данный пробел.

Ключевые слова: макрорегион Ближнего Востока и Северной Африки, БВСА, глубоко разделенный регион, арабская весна, палестино-израильский конфликт, экономическая модернизация, диверсификация экономики, дихотомия выживание — устойчивое развитие

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Примечание. Мнения, высказанные в статье, принадлежат автору и могут не совпадать с позицией редколлегии журнала.

© Матвеев И.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Матвеев И. А.* Современные арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки: от императивов выживания до модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 463–475. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-463-475; EDN: FIHQFG

Contemporary Arab States in the MENA Region: From Survival Imperatives to Modernization

Igor A. Matveev

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
✉iamatveev@fa.ru

Abstract. The macro-region of the Middle East and North Africa (MENA) has become a deeply divided region with increasingly polarized interests of states. Following the Arab Spring, some Arab countries, primarily Gulf monarchies, which had maintained internal political stability, embarked on accelerated modernization and economic diversification, ultimately needing long-lasting peace, while other states, like Yemen, Lebanon, and Syria have plunged into domestic crises on the brink of collapse. Earlier, Iraq and Libya became victims of US military interventions, leading to the destruction of their ruling regimes and civil wars. The heterogeneity of the MENA became reflected in both the 2020 Abraham Accords on the normalization of Israel's relations with the UAE, Bahrain, and Morocco, concluded with Washington's diplomatic assistance and the October 2025 "peace agreement" between Israel and Hamas mediated by the USA and Qatar, ignoring the two-state formula of the Palestinian-Israeli settlement. The chaotic escalation in MENA poses a threat to the national security of the Russian Federation, therefore, requiring an adequate assessment, which explains the relevance of this study, while, the task to predict future scenarios determines its practical significance. The author aims to prove the acknowledgment that, despite the ephemeral unity, shown at Arab summits on the Palestinian issue or Syria and the existence of formats like the Gulf Cooperation Council (GCC), Arab countries remain divided into two groups, focused respectfully on sustainable development and survival. Facing irreconcilable and intractable contradictions in their ultimate priorities, they are not able to share integration. Not perceiving counterparties as equal partners, the countries of the first category are guided in politics by the paradigm of realism, if necessary, "forgetting" about sovereignty and pan-Arab problems under Western pressure. Since Russian and foreign studies devoted to conflicts and modernization of Arab countries apparently lack a review of the *survival—sustainable development* dichotomy, the author intends to fill this gap by using the methods of comparative and cross-event analyses. This constitutes the novelty of this research.

Key words: macro-region of the Middle East and North Africa, MENA, deeply divided region, Arab Spring, Palestinian-Israeli conflict, economic modernization, diversification of economy, survival—sustainable development dichotomy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Disclaimer. The opinions expressed in this article are those of the author. They do not purport to reflect the opinions or views of the editorial team.

For citation: Matveev, I. A. (2026). Contemporary Arab states in the MENA region: From survival imperatives to modernization. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 463–475. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-463-475; EDN: FIHQFG

Введение

На фоне тревожных сообщений СМИ о боевых столкновениях и внутристрановых кризисах и одновременно об экономических и технологических успехах на пространстве Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) арабские страны[1] все больше внешне отлича-

[1] В данной статье под арабскими понимаются страны — члены ЛАГ, географически расположенные в Северной Африке и Западной Азии, включая частично признанные Государство Палестина и не входящую в ЛАГ

ются друг от друга. После двух волн турбулентности, которые затронули почти весь арабский мир — сначала в виде массовых протестов «арабской весны» 2011–2012 гг., а затем множества страновых и региональных конфликтов с высокой степенью интернационализации в 2012–2018 гг. (Труевцев, 2020, с. 9–10), поляризация арабского мира резко усилилась. При этом в отличие от биполярного мироустройства 1945–1991 гг. с его идеологическим разломом и политической ориентацией арабских стран на США либо на СССР главными критериями и маркерами разделенности постбиполярного БВСА в эпоху глобализации стали уровни социально-экономического развития и качества жизни населения, выраженность признаков глубоко разделенного общества, а также связи конкретных государств с внешним миром в условиях наличия или отсутствия западных санкций.

Все упомянутые обстоятельства, обусловливающие поведение арабских стран, особенно радикальную смену их позиций по конкретным вопросам региональной повестки, будь то непризнание или нормализация отношений с Израилем, улучшение отношений с Ираном, прагматизм по палестинской проблеме, соперничество за влияние между Катаром и другими членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), противостояние между Саудовской Аравией и Объединенными арабскими Эмиратами (ОАЭ) в Йемене, требуют системного изучения. На фоне традиционно повышенной конфликтогенности БВСА цикличные эскалации региональной обстановки, представляющие угрозу национальной безопасности, политическим и экономическим интересам РФ, также нуждаются в анализе, что и определяет актуальность темы данного исследования.

Рассмотрение логики действий отдельных стран или групп стран, вызовов и угроз на примере БВСА через призму концепта глубоко разделенного региона с непреодолимыми и труднопреодолимыми противоречиями позволяет, как представляется, просчитывать и хеджировать политические и деловые риски. Это касается, прежде всего, прогнозирования позиций государств Лиги арабских государств (ЛАГ) по отношению к России в условиях западных санкций, что может быть востребовано не только в научных исследованиях, но и дипломатами и российскими экономоператорами. Этим обусловлена теоретическая и практическая значимость данной работы.

Объектом анализа являются международные отношения в макрорегионе Ближнего Востока и Северной Африки в 2010–2020-е гг., то есть после «арабской весны» и в исторический момент перехода от однополярности к многополярности. Предметом исследования служат непримиримые или трудноразрешимые противоречия в интересах арабских стран, связанные с жизненными императивами модернизации либо, напротив, выживания и сохранения государственности.

Цель исследования — проверка гипотезы о ключевом значении дихотомии «выживание — устойчивое развитие» как детерминанты модальностей поведения государств на региональной арене, что по существу превращает БВСА в глубоко разделенный регион. В этой связи автор ставит перед собой следующие задачи:

– сопоставить логику действий стран ЛАГ во время холодной войны (биполярности) и глобализации (однополярности и формирующейся многополярности);

– проанализировать основные последствия влияния «арабской весны» на макрорегион БВСА с разделением арабских стран на группы с точки зрения новых национальных приоритетов;

– описать иерархию национальных интересов арабских стран после «арабской весны» с их ориентированностью на выживание, сохранение территориальной целостности и суверенитета, выход из внутренних вооруженных конфликтов либо на обеспечение ускоренной экономической модернизации и мирного устойчивого развития;

– обозначить отличительные черты БВСА как глубоко разделенного региона.

Сахарскую Арабскую Демократическую Республику и исключая неарабские восточно-африканские государства — члены ЛАГ: Джибути, Коморские о-ва и Сомали.

Материалы и методы исследования

Ряд аспектов, связанных с темой данной статьи, получил отражение в научных трудах российских и иностранных авторов. Так, А.В. Демченко (Демченко, 2010, с. 153) и В.Н. Панин (Панин, 2024, с. 40–41) описывают внутренние и геополитические факторы формирования внешней политики стран Арабского Востока. Набор внешних и внутренних факторов, включая зависимость от Запада в вопросах безопасности, экономическую отсталость, этнические и социальные расколы, влияющих на формирование внешнеполитического курса арабских стран во время «арабской весны», представляет эксперт из ОАЭ Х. аль-Алким (al-Alkim, 2012). Воздействие глобализации на арабский мир рассматривается под углом теории и практики К.М. Труевцевым (Труевцев, 2020, с. 7), в коллективной монографии под редакцией Б. Корани и А. Дессуки (The Foreign Policies of Arab States…, 2008, p. 45–66) и многих других работах.

Внушительный пласт научных исследований посвящен проблемам экономической модернизации в арабских странах. Речь идет, в частности, о монографии Л.Н. Руденко, посвященной анализу экономических реформ как триггера массовых политических выступлений и вооруженных конфликтов, начавшихся в арабском мире в 2011 г., и их экономических последствий (Руденко, 2017, с. 6), а также о статье эксперта из США М. Абдулджабера, который рассматривает влияние социальных и экономических трансформаций арабских обществ на улучшение восприятия Запада и Израиля со стороны населения стран БВСА (Abduljaber, 2018, p. 161).

Хотя в некоторых научных и экспертных работах, вышедших в России и за рубежом, под «выживанием» (*survival*) арабских стран понимают самый широкий спектр задач — от использования внешней политики в обеспечении безопасного существования правящих режимов[2] до энергоперехода, противостояния климатическому кризису, трансформации и диверсификации экономики (Филоник, Батурина, 2022, с. 154), — подобный подход едва ли в полной мере учитывает современные реалии БВСА. Так, если сопоставить императивы устойчивого развития в обычной обстановке, с одной стороны, и задачи сохранения государственности, территориальной целостности и суверенитета в неблагоприятных условиях внутренних конфликтов и внешнего давления (которые и стоят перед арабскими государствами) — с другой, то термин «выживание» в его классической трактовке[3] представляется более оправданным применительно к случаям второго порядка.

Базовый концепт глубоко разделенного общества (ГРО) (*deeply divided society*), автором которого считается британский социолог А. Гелке (Guelke, 2012, p. vi), исследуется применительно к ближневосточным странам российским академиком В.В. Наумкиным (Наумкин, 2015, с. 67). Аналогичный подход в отношении пространства БВСА, признаваемого глубоко разделенным регионом (*deeply divided region*), используется И.А. Матвеевым (Матвеев, 2025, с. 465).

Применяемые комплексно в данном исследовании методы сравнительного и матричного анализа и метод визуализации данных позволяют, линейно сопоставив страновые кейсы и перекрестно — события, явления и процессы, определить и изложить в виде таблицы некоторые отличительные черты современного макрорегиона БВСА. В итоге появляется возможность классифицировать результаты в рамках дихотомии противоречий «выживание — устойчивое развитие», что согласуется с методом ивент-анализа, который используется для рассмотрения в динамике сложных политических, экономических и социальных процессов и последовательностей событийных данных,

[2] Späth J., Minh Vo C., Günay C. Survival Strategies in the Middle East: Foreign Policy in the Service of Regime Security. The Cases of Egypt and UAE. Austrian Institute of International Affairs Policy Analysis. 2024 (January). No. 1. URL: https://www.oiip.ac.at/cms/media/policy-analysis-survival-strategies-in-the-middle-east-2.pdf (accessed: 22.01.2026).

[3] Выжить // Грамота.ру. URL: https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B2%D1%8B%D0%B6%D0%B8%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения: 23.01.2026).

позволяя выявлять основные тенденции развития событий и влияние одного события на другое (Ковалева, Ремарчук, 2022, с. 2).

Делая при необходимости хронологические экскурсы в русле исторического метода, автор показывает, что императивы выживания государств в условиях конфликтов и глубоко разделенных обществ в ряде случаев, невзирая на трудности, не снимают с повестки задачи устойчивого развития; это связано, например, с ИТ-сферой. Речь идет об Ираке (Ахмед, 2023, с. 19–20; Мзедави, Мингалева, 2023, с. 40, 45), Ливане[4] и палестинских территориях Западного берега[5]. Однако в чрезвычайных условиях многолетних внутренних конфликтов, внешнего вмешательства и санкций, как в Йемене, Ливии и Сирии (Филоник, 2015, с. 143, 156–157), Судане (Анас, 2024, с. 285, 287) и секторе Газа[6], присущие обычному мирному времени экономические цели и задачи отходят на задний план, уступая место абсолютным приоритетам выживания, таким как краткосрочное финансовое выживание[7].

Абсолютные императивы модернизации и диверсификации экономик в странах, где сейчас нет открытых противостояний (монархии ССАГПЗ, в той или иной степени Алжир, Египет, Иордания, Марокко, Тунис), часто входят в противоречия с интересами выживания государств, переживающих острую фазу кризисов. В российской и зарубежной востоковедной науке такие противоречия называют конфликтом «имущих» и «неимущих» стран (Абалян, 2013, с. 72), что, наш взгляд, представляется оправданным[8]. Метод аналогии позволяет провести сущностную параллель между данным конфликтом и радикальными линиями разделения в глубоко разделенных обществах, которые А. Гелке по совокупности называет «разломом» (*fault line*), порождающим политическую поляризацию и «силовое поле» (*force field*) (Guelke, 2012, p. vi). Это, в свою очередь, позволяет вести речь о трансформации БВСА в глубоко разделенный регион (Матвеев, 2025, с. 449).

Результаты исследования

В условиях биполярности перед всем арабским миром стояли в целом сходные цели и задачи обеспечения внутренней стабильности, индустриализации, накопления капитала, преодоления отсталости и бедности. И в союзных США и Западу государствах, и в странах социалистической ориентации, на которые делал ставку СССР[9], благодаря западной либо советской помощи строились крупные промышленные и инфраструктурные объекты, росла грамотность населения. Не зря считавшиеся странами социалистической ориентации Ливия и Сирия в биполярном, а затем и в постбиполярном мире причислялись российскими

[4] Our Work on the Sustainable Development Goals in Lebanon // United Nations. Lebanon. URL: https://lebanon.un.org/en/sdgs (accessed: 24.01.2026).

[5] State of Palestine's Commitments to Accelerate the Implementation of the Sustainable Development Goals by 2030 // United Nations Department of Economic and Social Affairs — Sustainable Development. URL: https://sdgs.un.org/national-commitments-sdg-transformation/22439 (accessed: 24.01.2026).

[6] Gaza War: Expected Socioeconomic Impacts on the State of Palestine — Update (May 2024) // UNDP — ESCWA, 2024. P. 1, 9. URL: https://www.unescwa.org/sites/default/files/pubs/pdf/gaza-war-socioeconomic-impacts-palestine-english.pdf (accessed: 24.01.2026).

[7] The Impact of the Conflict in Syria: A Devastated Economy, Pervasive Poverty, and a Challenging Road Ahead to Social and Economic Recovery // United Nations Development Programme in Syria. February 19, 2025. P. 24. URL: https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/impact-conflict-syria-devastated-economy-pervasive-poverty-and-challenging-road-ahead-social-and-economic-recovery-enar (accessed: 24.01.2026).

[8] А. И. Абалян, ссылаясь на монографию израильского историка Офры Бенджио (Bengio, 1998, p. 183), относит к «имущим» арабским странам шесть монархий ССАГПЗ, тогда как остальные страны ЛАГ, включая Алжир, Египет, Иорданию, Марокко и Тунис, причисляются к «неимущим» странам. Однако книга О. Бенджио вышла в 1990-е гг., когда постбиполярный Ближний Восток еще не пережил «арабскую весну» и не стал глубоко разделенным регионом; кроме того, в Алжире тогда продолжалась гражданская война.

[9] В число союзных Западу государств до сих пор входят монархии ССАГПЗ, Иордания и Марокко. К странам социалистической ориентации (неформальный термин, который использовался в советской публицистике, историографии и востоковедении с конца 1960-х гг. (Valkenier, 1988, p. 24)) причислялись сотрудничавшие с СССР страны с республиканской формой правления: Алжир, Египет, Ирак, Ливия, Южный Йемен (Народная Демократическая Республика Йемен), Сирия и Судан (Демократическая Республика Судан).

и зарубежными экспертами к наиболее динамично развивавшимся экономикам региона. Так, как отмечает Б.В. Долгов, в Сирии ситуация по многим показателям отличалась в лучшую сторону от таковой в Тунисе и Египте, впоследствии охваченных протестными движениями «арабской весны» (Долгов, 2021, с. 2): по данным Всемирного банка, рост ВВП в Ливии и Сирии в 2010 г. составил 5,0 % и 5,2 % соответственно при среднем показателе для БВСА в 4,8 %[10].

Хотя в эпоху биполярности страны могли переходить из одного лагеря в другой после обретения государственной независимости (Алжир), в результате военных переворотов (Египет при Г.А. Насере, Ирак, Ливия, Судан) или по решению высшего руководства (Египет при А. Садате), абсолютные приоритеты и стратегические цели национальной повестки не менялись. Принадлежность стран к Движению неприсоединения, которая исключала членство в западном и восточном блоках, позволяя «доить двух коров»[11], также не влияла на иерархию приоритетов и не делала эти государства по сути антагонистическими, невзирая на их полярные идеологии и позиции по многим международным вопросам.

Неслучайно вопреки блоковому противостоянию среди арабов в 1960-е гг. широко распространились идеи арабского юнионизма с популярным у баасистов в Ираке и Сирии лозунгом «Арабская нация едина, ее миссия бессмертна» (араб.: *Умма арабийя вахида, зат рисала кхаледа*, الأمة العربية واحدة، ذات رسالة خالدة)[12], а в 1970-е гг. — доктрина «арабской солидарности» (*ат-тадамун аль-арабий*, التضامن العربي), которая предполагала налаживание межарабской координации и сотрудничества в политической, экономической, военной и культурной областях (Barakat, 1997, pp. 30, 40).

Показательно, что тогда арабские страны, несмотря на порой непростые отношения между собой, могли занимать солидарную позицию по палестинской проблеме. Так, на 4-м саммите ЛАГ в Хартуме (29 августа 1967 г.) после поражения арабов в Шестидневной войне были утверждены три общеарабских принципа в отношении Израиля («Троекратное нет»): «Нет миру с Израилем», «Нет признанию Израиля» и «Нет переговорам с Израилем» (Мельникова, 2020, с. 31). В ходе Октябрьской арабо-израильской войны 1973 г. арабские нефтедобывающие государства согласованными действиями вызвали мировой нефтяной кризис, который советники президента США Р. Никсона назвали «Энергетическим Пёрл-Харбором» (Макаров, Чупилкин, 2021, с. 43). На 7-м саммите ЛАГ в Рабате (29 сентября 1974 г.) арабские страны сообща признали Организацию освобождения Палестины (ООП) в качестве единственного законного представителя палестинского народа (1974 г.)[13]. Характерно, что в условиях биполярности только Египет признал Израиль, заключив с ним мирный договор 1979 г. и отказавшись от поддержки палестинцев[14], за что президент Египта А. Садат был обвинен в предательстве и убит в 1981 г., а членство Египта в ЛАГ было приостановлено вплоть до 1989 г.[15]

Постбиполярный Ближний Восток начал приобретать все более разобщенный характер с точки зрения иерархий интересов государств. Порожденный распадом мировой системы со-

[10] GDP Growth (Annual %) — Arab World // World Bank Group. 2026. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=1A (accessed: 21.02.2026).

[11] Движение неприсоединения // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1942374 (дата обращения: 17.01.2026).

[12] Alnizam aldaakhiliu lihizb albaeth alearabii aliashtirakii [Устав Партии арабского социалистического возрождения]. Damascus : Hizb albaeth alearabii aliashtirakii, Alqiadat alqawmia [Общеарабское руководство ПАСВ], 1980. P. 3. (На арабском языке). Баасисты — сторонники Партии арабского социалистического возрождения.

[13] Text of Arab Resolution at Rabat // The New York Times. October 30, 1974. URL: https://www.nytimes.com/1974/10/30/archives/text-of-arab-resolution-at-rabat.html (accessed: 28.01.2026).

[14] Васильев А. М. Цунами революций // Российский совет по международным делам. 20.03.2011. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/tsunami-revolyutsiy/ (дата обращения: 17.01.2026).

[15] Лига арабских государств (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 10.06.2009. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/organizacia-islamskogo-sotrudnicestva-ois-/1749936/ (дата обращения: 25.01.2026).

циализма идейный вакуум и кризис левых идей привел к политизации ислама, и, как следствие, нарушил внутреннюю стабильность в странах социалистической ориентации. Негативно сказалось и вмешательство Запада: сначала в 1990–1991 гг. США и их союзники силой наказали Ирак за вторжение в Кувейт, установив санкции против режима С. Хусейна. Объединение в 1990 г. Северного и Южного Йемена не привело к миру; в 1992 г. вспыхнула гражданская война в Алжире, названная «Черным десятилетием» (Василенко, 2019, с. 177). Несмотря на участие сирийских войск в военной операции «Буря в пустыне» против Ирака в 1991 г., мирные переговоры с Израилем при посредничестве президента США Б. Клинтона[16] и диалог Дамаска с Европейским союзом (ЕС) в 2000-е гг. в рамках Барселонского процесса[17], режим Асадов не стал для Запада «своим». Тот факт, что в 2000 г. Х. Асада, считавшегося на Западе союзником СССР[18], сменил сын Башар, учившийся на врача в Лондоне, не изменил ситуацию. Не смог помириться с западными державами и ливийский лидер Муаммар Каддафи[19]. Оба, М. Каддафи и Б. Асад, в итоге были свергнуты — в Ливии при прямом вмешательстве, а в Сирии — под санкционным давлением Запада.

Несмотря на сохранение в 1990-х гг. некоторой постбиполярной инерции, когда арабские страны еще объединял ключевой императив сохранения внутренней стабильности в новых исторических условиях, США и Израиль начали энергично наращивать усилия по перестройке на свой лад макрорегиона БВСА. Пожелание к его структуре было заявлено в 1993 г. премьер-министром Израиля Ш. Пересом по формуле: «Нефть Персидского залива + египетская рабочая сила + турецкая вода + арабские капиталы + израильские мозги = так называемый Новый Ближний Восток»[20] (НБВ). Акцент, следуя западной трактовке глобализации, был сделан не на равноправных отношениях с арабами и справедливом решении палестинской проблемы (соглашения «Осло» 1994 г. между Израилем и ООП предусматривали учреждение Палестинской национальной администрации вместо полноценного государства), а на пропаганде западных ценностей и высокого уровня жизни. Неслучайно, выступая в мае 1995 г. перед депутатами городского совета Хайфы, Ш. Перес «неожиданно» для аудитории заявил, что «цепь отелей создает не худшую оборону, чем цепь бронетанковых дивизий»[21]. В 1995 г. — спустя 16,5 лет после Египта — Иордания стала второй, а после распада биполярного мира — первой арабской страной, подписавшей при посредничестве президента США Б. Клинтона мирный договор с Израилем, что позволило ей укрепить экономическое положение за счет иностранных инвестиций и присутствия международного капитала[22], что вполне вписывалось в парадигму НБВ.

С началом нового тысячелетия процесс политической и экономической поляризации БВСА ускорился. Первой жертвой американской агрессии в 2003 г. стал режим С. Хусейна в Ираке. Переломным историческим событием стала «арабская весна», до которой, как спра-

[16] Rabinovich I. The Brink of Peace: The Israeli-Syrian Negotiations // The Washington Institute for Near East Policy. September 24, 1998. URL: https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/brink-peace-israeli-syrian-negotiations (accessed: 19.01.2026).

17 Syria Returns to UfM Ministerial Meeting on 30th Anniversary of Barcelona Process // Ministry of Foreign Affairs and Expatriates of the Syrian Arab Republic. November 30, 2025. URL: https://mofaex.gov.sy/en/news/%D8%B3%D9%88%D8%B1%D9%8A%D8%A7-%D8%AA%D8%B4%D8%A7%D8%B1%D9%83-%D8%A8%D9%85%D8%A4%D8%AA%D9%85%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%AA%D8%AD%D8%A7%D8%AF-%D9%85%D9%86-%D8%A3%D8%AC%D9%84-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%AA%D9%88%D8%B3%D8%B7 (accessed: 17.01.2026).

[18] Seale P. Hafez al-Assad // The Guardian. June 12, 2000. URL: https://www.theguardian.com/news/2000/jun/12/guardianobituaries.israel (accessed: 19.01.2026).

[19] Быстров А.А. Ливия: на кого опирается М. Каддафи // Институт Ближнего Востока. 03.08.2011. URL: https://www.iimes.ru/rus/stat/2011/08-03-11b.htm#top (дата обращения: 17.01.2026).

[20] Миргород Д. Жизнь не в фокусе — текущие реалии Ближнего Востока // Россия в глобальной политике. 24.07.2023. URL: https://globalaffairs.ru/articles/blizhniy-vostok-ne-v-fokuse/ (дата обращения: 19.01.2026).

[21] Шехтер Д. Рядом с премьер-министрами. Москва — Иерусалим : Мосты культуры, Гешарим, 2001. С. 60.

[22] Лукоянов А. К., Тронов А. М. Израиль и Иордания: испытание временем // Институт Ближнего Востока. 15.08.2006. URL: https://www.iimes.ru/?p=4837 (дата обращения: 19.01.2026).

ведливо отмечал К.М. Труевцев, Ближний Восток (и прежде всего — его арабская часть) был самым большим и консолидированным заповедником автократий в мире (Труевцев, 2021, с. 60). На волне общественных протестов произошла верхушечная смена режимов в Тунисе и Египте, а в Йемене, Ливии и Сирии начались гражданские войны, провоцируемые интервенциями и санкциями Запада[23]. В Судане «арабская весна» послужила косвенной причиной для смены власти в 2019 г. и начала в 2023 г. третьей гражданской войны, продолжающейся до сих пор[24].

Напротив, правящие режимы в аравийских монархиях, Иордании и Марокко с их традиционной прозападной ориентацией устояли. Пережив стресс на фоне трагедий «неимущих» стран и собственные внутренние потрясения, такие как восстание в Бахрейне, местные элиты сделали вывод о необходимости ускоренной экономической модернизации при сохранении незыблемости власти, то есть допуская революционные перемены в экономике, но не в политике[25]. В 2008–2020 гг. во всех странах ССАГПЗ были приняты национальные программы диверсификации и развития экономики: «Видение 2030» в Саудовской Аравии[26], «Экономическое видение Бахрейна до 2030 г.»[27], «Национальное видение Катара до 2030 г.»[28], «Кувейт 2035» или «Новый Кувейт»[29], «Видение Омана 2040»[30]. Состоялся запуск программ устойчивого развития в ОАЭ как на национальном уровне (программа «Мы — ОАЭ 2031»[31]), так и в отдельных эмиратах, например «Экономическое видение Абу-Даби до 2030 г.»[32].

Лакмусовой бумажкой противоречий в рамках дихотомии «выживание — устойчивое развитие» остается палестинский вопрос. «Забыв» про формулу «двух государств» для урегулирования палестино-израильского конфликта[33], в 2020 г. ОАЭ, Бахрейн и Марокко в угоду национальным экономическим интересам согласились на нормализацию отношений с Израилем, заключив при содействии Вашингтона «соглашения Авраама». Кроме того, Саудовская Аравия через фонд зятя Д. Трампа Д. Кушнера впервые в истории начала инвестировать средства в израильскую экономику (Костенко, Морозов, 2024, с. 38).

Пытаясь перестроить по своим лекалам Ближний Восток, американцы и израильтяне стремятся еще больше расколоть арабский мир, используя тактику «кнута и пряника» в отношении стран, перед которыми стоят задачи выживания, чтобы лишить поддержки палестинских радикалов и инкорпорировать Израиль в макрорегион БВСА. Так, в 2021 г. Судан

[23] Эль-Кальюби Р. Арабская весна: все что нужно знать об арабской весне // ПостНаука. 10.03.2016. URL: https://postnauka.org/faq/61168 (дата обращения: 19.01.2026).

[24] Протасов Д. Вечная война. Почему в Судане не прекращается кровопролитие // Африканская инициатива. 15.02.2024. URL: https://afrinz.ru/2024/02/vechnaya-vojna-pochemu-v-sudane-ne-prekrashhaetsya-krovoprolitie/ (дата обращения: 20.01.2026).

[25] Тезис подтверждается беседами автора с парламентариями, дипломатами и академическими экспертами из ОАЭ в Абу-Даби и Дубае в 2024–2025 гг.

[26] Saudi Vision 2030: A Story of Transformation 2026. URL: https://www.vision2030.gov.sa/en (accessed: 07.02.2026).

[27] Bahrain Economic Vision 2030 // Ministry of Finance and National Economy of the Kingdom of Bahrain. URL: https://www.mofne.gov.bh/en/project-initiatives/bahrain-economic-vision-2030/ (accessed: 20.01.2026).

[28] Qatar National Vision 2030 // National Planning Council of the State of Qatar. URL: https://www.npc.qa/en/QNV/pages/default.aspx (accessed: 20.01.2026).

[29] Agarwal S. Kuwait Vision 2035: Ambitions, Challenges, and the Road Ahead // The 197 Initiative. June 23, 2025. URL: https://www.the197initiative.org/post/kuwait-vision-2035-ambitions-challenges-and-the-road-ahead (accessed: 20.01.2026).

[30] Видение Омана 2040 // Information Portal of Sultanate of Oman. URL: https://www.omaninfo.om/ru/pages/205/show/764 (дата обращения: 20.01.2026).

[31] 'We the UAE 2021' Vision // Government of the United Arab Emirates. URL: https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/we-the-uae-2031-vision (accessed: 20.01.2026).

[32] Abu Dhabi Economic Vision 2030 // Government of the United Arab Emirates. URL: https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/finance-and-economy/abu-dhabi-economic-vision-2030 (accessed: 20.01.2026).

[33] Попов В. ООН будет продвигать концепцию «два государства для двух народов» // Российский совет по международным делам. 27.01.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/oon-budet-prodvigat-kontseptsiyu-dva-gosudarstva-dlya-dvukh-narodov/ (дата обращения: 28.01.2026).

в обмен на готовность присоединиться к «соглашениям Авраама» был исключен из американского списка государств — спонсоров терроризма[34], хотя затем на фоне гражданской войны «израильский вопрос» отошел на второй план (Костенко, Морозов, 2024, с. 44–45). Факт подписания 26 декабря 2025 г. декларации о взаимном признании между Израилем и Сомалилендом, которую осудили некоторые члены ЛАГ, в частности Сомали и Египет, был представлен израильтянами как продолжение «соглашений Авраама»[35]: по «совпадению», ранее в СМИ появлялись утечки о намерении президента США Д. Трампа переселить в Сомалиленд палестинцев из Газы[36].

ХАМАС, внезапно атаковав Израиль 7 октября 2023 г. и сознательно создав *casus belli* для вторжения ЦАХАЛ в сектор Газа, ради борьбы за свое политическое будущее и авторитет среди «арабской улицы» проигнорировал заинтересованность государств Ближнего Востока в мире и устойчивом развитии. Автор согласен с западными экспертами в том, что тем самым ХАМАС в условиях маргинализации небезуспешно попытался представить это нападение как военное достижение, развеяв миф о «неуязвимости» Израиля: никогда прежде палестинцы не захватывали земли в пределах границ 1948 г. и армейские базы, не убивали столько израильтян и не брали так много заложников[37]. Именно руководствуясь соображениями популизма, высокопоставленный представитель ХАМАС А. Бараке назвал целью атаки захват израильских заложников для последующего торга по освобождению палестинцев в Израиле и США[38].

Вместе с тем в контексте внешней политики следует обратить внимание на мнение китайских экспертов, объясняющих действия ХАМАС стремлением воспрепятствовать примирению Израиля и Саудовской Аравии и развертыванию стратегии США на Ближнем Востоке[39]. Неудивительно, что, ограничившись дежурным осуждением Израиля на внеочередных саммитах ЛАГ и Организации исламского сотрудничества (ОИС) в 2023 и 2024 гг. в Эр-Рияде[40], арабские участники «соглашений Авраама» не стали разрывать с ним дипломатические отношения (хотя Бахрейн и Иордания понизили их уровень[41]) и тем более, как в 1973 г., применять торговое эмбарго и нефтяное оружие. Взамен та же Саудовская Аравия приветствовала заключение соглашения о прекращении огня между Израилем и ХАМАС 9 октября 2025 г. без учета формулы «двух государств», выразив лишь надежду на то, что эта сделка в итоге приведет к созданию независимого палестинского государства в границах 1967 г.[42]

Война в Газе и дестабилизация ситуации в регионе по «принципу домино»: военная операция западных стран во главе с США «Страж процветания» против хуситов

---

[34] США исключили Судан из списка стран-спонсоров терроризма // Интерфакс. 14.12.2020. URL: https://www.interfax.ru/world/741178 (дата обращения: 29.01.2026).

[35] Копытцев И. Сомалиленд: первое признание. Отдельный прецедент или предвестник неотвратимых перемен? // New Eastern Outlook. 29.12.2025. URL: https://journal-neo.su/ru/2025/12/29/somalilend-pervoe-priznanie-otdelnyj-preczedent-ili-predvestnik-neotvratimyh-peremen/ (дата обращения: 28.01.2026).

[36] По плану Трампа палестинцы Газы должны переселиться в Африку — Сомали и Марокко // Военное обозрение. 06.02.2025. URL: https://topwar.ru/258877-po-planu-trampa-palestincy-gazy-dolzhny-pereselitsja-v-afriku-somali-i-marokko.html (дата обращения: 30.01.2026).

[37] Will Hamas Turn From War to Politics? // The Economist. August 1, 2024. URL: https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2024/08/01/will-hamas-turn-from-war-to-politics (accessed: 21.02.2026).

[38] Мингазов С. Представитель ХАМАС назвал цель и причины нападения на Израиль // Forbes. 10.10.2023. URL: https://www.forbes.ru/society/498121-predstavitel-hamas-nazval-cel-i-priciny-napadenia-na-izrail (дата обращения: 21.02.2026).

[39] Эксперты считают, что ХАМАС может помешать сближению Израиля с Саудовской Аравией // ТАСС. 09.10.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18946039 (дата обращения: 30.01.2026).

[40] Калмыков А. Состоялся второй внеочередной саммит ЛАГ — ОИС // Казахстанская правда. 13.11.2024. URL: https://kazpravda.kz/n/sostoyalsya-vtoroy-vneocherednoy-sammit-lag-ois/ (дата обращения: 28.01.2026).

[41] «В поддержку палестинского дела»: арабские страны продолжают разрывать отношения с Израилем // Военное обозрение. 02.11.2023. URL: https://topwar.ru/229432-v-podderzhku-palestinskogo-dela-arabskie-strany-prodolzhajut-razryvat-otnoshenija-s-izrailem.html (дата обращения: 28.01.2026).

[42] Саудовская Аравия приветствовала соглашение ХАМАС и Израиля // ТАСС. 09.10.2025. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/25295923 (дата обращения: 28.01.2026).

в Йемене[43], дополняющая удары ЦАХАЛ по еще одному участнику иранской «оси сопротивления» — «Хизбалле» в Ливане[44], и в качестве апогея 12-дневная ирано-израильская война в июне 2025 г. приостановили реализацию китайской инициативы «Один пояс, один путь»[45] и транспортного коридора «Индия — Ближний Восток — Европа» (*India — Middle East — Europe International Corridor*, IMEC)[46]. Угроза повторения вооруженного конфликта между Ираном и США, чреватая иранскими акциями возмездия и израильскими атаками, стала опасным вызовом для экономических планов арабских стран Персидского залива (23 июня 2025 г. Иран атаковал авиабазу США Аль-Удейд в Катаре[47], а Израиль 9 сентября 2025 г. — руководство ХАМАС в Дохе[48]).

Положение усугубляется ввиду неопределенности будущих сценариев, несмотря на пока успешные попытки лидеров Саудовской Аравии, Катара и Омана убедить Д. Трампа воздержаться от новых ударов по Ирану[49]. Эти усилия вписываются в последовательную линию стран ССАГПЗ во главе с саудовцами на нивелирование негативных последствий противостояния с Ираном для своих программ устойчивого развития, ярким проявлением которой стала достигнутая при посредничестве Китая договоренность Эр-Рияда и Тегерана о нормализации отношений (после разрыва в 2016 г.) и возобновлении работы дипмиссий, о чем было заявлено в Пекине 10 марта 2023 г.[50]

При помощи матричного анализа, который показывает особенности перекрестного воздействия факторов и событий на Ближнем Востоке, в таблице представлены некоторые противоречия, присущие дихотомии «выживание — устойчивое развитие».

Заключение

Проведенное исследование выявило существенные отличия в логике, определяющей поведение арабских стран на региональной арене в биполярный и постбиполярный периоды. Если в эпоху холодной войны эти страны поддерживали Западный или Восточный блоки либо балансировали между ними, пытаясь решать принципиально схожие задачи социально-экономического развития (индустриализация, преодоление отсталости и колониальной зависимости, модернизация и др.), в новом тысячелетии после «арабской весны» ускорилась поляризация абсолютных приоритетов государств, условно признаваемых «имущими» и «неимущими». Данный раскол вызвал «противоречивость» действий арабских стран в нынешний исторический момент перехода от однополярного мира к многополярности, растущую фрагментацию БВСА с делением на зоны конфликтов и относительной стабильности (пример — монархии ССАГПЗ) и маргинализацию общеарабских проблем, таких как палестинский вопрос.

---

[43] Stewart P., Davison J. US Launches Red Sea Force as Ships Reroute to Avoid Attacks // Reuters. December 19, 2023. URL: https://www.reuters.com/world/middle-east/us-launches-new-multinational-operation-safeguard-red-sea-commerce-2023-12-18/ (accessed: 30.01.2026).

[44] Израиль нанес удары по военным объектам в Ливане // РБК. 09.01.2026. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69611e4a9a7947080feba0ef (дата обращения: 30.01.2026).

[45] См.: «Один пояс — один путь» // Знакомство с Китаем с помощью ключевых слов. Китайская академия перевода — Китайская ассоциация переводчиков. 08.09.2015. URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2015-09/08/content_36587632.htm (дата обращения: 26.01.2026); Юрганов Д. Ближневосточный кризис — это удар США по интересам Китая // Завтра.ру. 16.01.2024. URL: https://zavtra.ru/events/blizhnevostochnij_krizis_-_eto_udar_ssha_po_interesam_kitaya (дата обращения: 26.01.2026).

[46] Савин Л. Война в Израиле поставила под удар обходящий Россию транспортный коридор // Регнум. 10.10.2023. URL: https://regnum.ru/article/3838479 (дата обращения: 26.01.2026).

[47] В Пентагоне заявили, что удар Ирана по базе в Катаре не привел к жертвам // РБК. 23.06.2025. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/685998369a7947d3808135d8 (дата обращения: 26.01.2026).

[48] Израиль объяснил цель удара по столице Катара // РБК. 09.09.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/09/09/2025/68c0368f9a7947863f853e24 (дата обращения: 28.01.2026).

[49] Баласян Л. Саудовская Аравия, Катар и Оман убедили Трампа не нападать на Иран // КоммерсантЪ. 15.01.2026. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8342235 (дата обращения: 26.01.2026).

[50] Когалов Ю. Иран и Саудовская Аравия договорились о нормализации отношений. Какова реакция стран региона // Российская газета. 12.03.2023. URL: https://rg.ru/2023/03/12/iran-i-saudovskaia-araviia-dogovorilis-o-normalizacii-otnoshenij-kakova-reakciia-stran-regiona.html?utm_referrer=https%3A%2F%2F (дата обращения: 21.02.2026).

Противоречия в рамках дихотомии «выживание — устойчивое развитие»

Императивы выживания	Императивы развития		
	Реализация странами ССАГПЗ национальных планов диверсификации экономики	**Стремление стран ССАГПЗ стать «мостом» между Востоком и Западом**	**Потребность арабских стран в доступе к передовым технологиям**
Попытки Ирана сохранить национальный суверенитет и право на ядерную программу в условиях жесткого военного противостояния с Израилем и США	Отвлечение ресурсов стран ССАГПЗ на нужды обороны; возможный ущерб от иранских «ударов возмездия» по американским объектам	Разрыв целостности глобальных логистических маршрутов, приостановка инициатив «Один пояс, один путь» и IMEC	Ограничение Западом экспорта технологий из-за опасений утечек, повышенные инвестиционные риски в сфере модернизации экономик стран ССАГПЗ
Заинтересованность ХАМАС в сохранении за собой роли основного «борца за палестинское дело»	Рост рисков реализации экономических планов стран ССАГПЗ из-за войны в Газе	Эскалация в Красном море, противостояние йеменских хуситов с Израилем и Западом	Приостановка процесса нормализации отношений Израиля и Саудовской Аравии
Нереализованная потребность Сирии в постконфликтном экономическом восстановлении	Нежелание монархий ССАГПЗ ссориться с Западом: отказ от экономической помощи Сирии при Б. Асаде; осторожный подход к финансированию восстановления постасадовской Сирии до отмены санкций	Сохранение в Сирии нестабильности и террористической угрозы — барьер для транзитного участия страны в реализации проектов «Один пояс, один путь» и IMEC	Вероятность сценария масштабной военной интервенции Израиля в Сирии при содействии США в поддержании технологического превосходства Израиля над арабами

Источник: составлено И.А. Матвеевым.

На практике это означает, что объективный процесс суверенизации политики стран ЛАГ нередко пересекается и чередуется с добровольным сохранением их зависимости от западных держав во главе с США, в особенности ввиду непредсказуемости Д. Трампа. С подачи Вашингтона и по инициативе Израиля, невзирая на трагизм войны в Газе, «соглашения Авраама» получают «второе дыхание»: за взаимным признанием Израиля и Сомалиленда могут последовать аналогичные шаги; ожидается продолжение израильско-саудовского диалога о нормализации отношений. Неясной остается ситуация вокруг Ирана, где мощные протестные настроения населения в декабре 2025 г. — январе 2026 г., которые властям с трудом удалось обуздать, в случае новых эффективных военных ударов США по центрам принятия решений могут повториться и привести к беспрецедентному витку дестабилизации, вплоть до гражданской войны. При этом Тегеран, как представляется, вполне способен нанести чувствительные «удары возмездия» по инфраструктуре союзных США стран ССАГПЗ. Неясным остается итог конфликтов в Йемене и Сирии, что ставит под вопрос реализацию глобальных транспортно-логистических проектов.

На пространстве БВСА быстро складываются две полярные иерархии национальных интересов, что превращает его в глубоко разделенный регион. Речь идет об императивах выживания ряда стран, переживающих внутренние конфликты. Они наносят ущерб соседним (и не только) странам в экономическом плане, будь то влияние сирийского конфликта на Ливан и Иорданию или войны в Газе на Египет, Иорданию и Красноморский субрегион. Ситуация усугубляется противоборствами государств: так, сохраняющаяся конфронтация между Израилем и США, с одной стороны, а с другой — Ираном, который стремится выжить, не поступившись национальным суверенитетом, чревата большим военным конфликтом.

В свою очередь ориентированные на устойчивое развитие арабские страны, нуждаясь в прочном мире по сути любой ценой, несмотря на исторические нарративы единства, при необходимости «забывают» о нуждах арабских «братьев», будь то палестинцы или Сирия при Б. Асаде, следуя в фарватере запад-

ной политики. В качестве иллюстрации можно привести отношения арабских стран с Ираном: так, в апреле 2024 г. Иордания при воздушной атаке Ирана на Израиль в угоду США сбивала иранские БПЛА над своей территорией[51], а дружественные Вашингтону монархии ССАГПЗ, как уже упоминалось, испугавшись иранских «ударов возмездия», неоднократно сообща просили Д. Трампа воздержаться от атак на Иран[52] — и все ради абсолютных императивов обеспечения своей безопасности и процветания.

В свете вышеизложенного представляется, что России при реализации действующей Концепции внешней политики 2023 г. следует учитывать фактор разобщенности БВСА, не испытывая завышенных ожиданий от процесса суверенизации политики арабских стран и не сбрасывая со счетов неблагоприятные для российской стороны сценарии укрепления их партнерств с западными державами и участия в антироссийских санкциях. В качестве встречных мер, направленных на выработку общих для государств ЛАГ и других стран Глобального Юга нарративов, сплачивающих макрорегион БВСА, было бы целесообразно поддерживать активно продвигаемую Китаем новую парадигму отношений «Юг — Юг», используя в том числе имеющиеся форматы координации, такие как БРИКС.

Поступила в редакцию / Received: 30.01.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 21.02.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Абалян А. И. Анализ основных источников конфликтов в Ближневосточном регионе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9, № 2. С. 71–79. EDN: RTDBAT

Анас А. И. М. Конфликты в Судане и их последствия // Власть. 2024. Т. 32, № 4. С. 285–290. https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-4-285-290; EDN: KEDJMU

Ахмед А. Ф. Х. Проблемы устойчивого развития в Ираке // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 3. С. 18–20. EDN: ODBGIE

Василенко А. И. Долгое эхо конфликта: память о «Черном десятилетии» 1990-х годов в современной политической культуре Алжира // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11, № 2. С. 171–200. EDN: HKSXDA

Демченко А. В. Внутренние факторы формирования внешней политики стран Арабского Востока // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1. С. 153–165. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-1-10-153-165; EDN: LAIFWD

Долгов Б. В. Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). Москва : Ленанд, 2021. EDN: PYXGBX

Ковалева Е. В., Ремарчук В. Н. Технология ивент-анализа в региональном управлении // Гуманитарный вестник. 2022. № 3. С. 1–8. https://doi.org/10.18698/2306-8477-2022-3-782; EDN: ZTNTPL

Костенко Ю. И., Морозов В. М. «Соглашения Авраама» и новая реальность в арабо-израильских отношениях // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 37–52. https://doi.org/10.17223/15617793/503/4; EDN: EDTSVP

Макаров И. А., Чупилкин М. С. Энергетический Пёрл-Харбор. Нефтяной кризис 1973 года // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19, № 1. С. 38–53. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-1-38-53; EDN: XZIVCW

Матвеев И. А. Постбиполярный Ближний Восток: движение от конфликтов к устойчивому развитию в условиях формирующегося многополярного мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 449–468. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-449-468; EDN: WBQKJX

[51] Иордания начала сбивать иранские дроны, летящие в Израиль // Радио РБК. 14.04.2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/14/04/2024/661b14c39a79471eefaad5fe?utm_referrer=https%3A%2F%2F (дата обращения: 07.08.2026).

[52] Pietromarchi V. Gulf Countries Gear Up Diplomacy to Stave off US-Iran Escalation // Aljazeera. January 16, 2026. URL: https://www.aljazeera.com/news/2026/1/16/gulf-countries-gear-up-diplomacy-to-stave-off-us-iran-escalation (accessed: 07.02.2026).

Мельникова С. В. Динамика вовлеченности арабских стран в решение палестинского вопроса (1967–2002 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 30–37. https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-30-37; EDN: WQIXCM

Мзедави С. К. А., Мингалева Ж. А. Экономические препятствия и устойчивое развитие в Ираке // Экономические исследования и разработки. 2023. № 9. С. 40–53. EDN: QRTWCC

Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. Т. 7, № 1. С. 66–96. EDN: TXHWHV

Панин В. Н. Геополитические процессы в арабском мире // Ближний и Постсоветский Восток. 2024. № 4. С. 33–48. EDN: SMBSPY

Руденко Л. Н. Экономическая модернизация в арабских странах (конец XX — начало XXI века). Казань : Изд-во Казанского федерального университета, 2017. EDN: ZEWWCT

Труевцев К. М. Глобализация и арабский мир : до и после двух волн турбулентности. Москва : Институт востоковедения РАН, 2020. EDN: ZPRYSL

Труевцев К.М. Десять лет «арабской весны»: пейзаж после битвы // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19, № 5. С. 60–70. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-5-60-70; EDN: UKKTTG

Филоник А. О. Арабская экономика: внешние угрозы и внутренние вызовы // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / отв. ред. В. В. Наумкин, Д. Б. Малышева. Москва : Институт востоковедения РАН, 2015. С. 130–166. EDN: WEWRDL

Филоник А. О., Батурина В. Н. Арабский мир на пороге энергоперехода: вызовы, амбиции, пределы роста // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14, № 2. С. 148–172. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-2-148-172; EDN: CJWQSL

Abduljaber M. Effects of Modernization and Globalization on Values Change in the Arab World // Changing Societies & Personalities. 2018. Vol. 2, no 2. P. 161–182. https://doi.org/10.15826/csp.2018.2.2.035; EDN: XWXBLV

Al-Alkim H. H. Dynamics of Arab Foreign Policy-Making in the Twenty-First Century : Domestic Constraints and External Challenges. London : Saqi Books, 2012.

Barakat S. Ruyat fi fikr alqayid al'Asad [Взгляд на воззрения Х. Асада]. Damascus : Muasasat Eala' [Фонд «Алаа»], 1997. (На арабском языке).

Bengio O. Saddam's Word : The Political Discourse in Iraq. New York : Oxford University Press, 1998. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195114393.001.0001

Guelke A. Politics in Deeply Divided Societies. Cambridge : Polity Press, 2012.

The Foreign Policies of Arab States : The Challenge of Globalization / ed. by B. Korany, A. H. Dessouki. Cairo : American University Press, 2008. https://doi.org/10.2307/j.ctt15m7fsx

Valkenier E. K. Revolutionary Change in the Third World: Recent Soviet Reassessments // The Soviet Union, Eastern Europe and the Third World / ed. by R.E. Kanet. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. P. 23–41.

Сведения об авторе:

Матвеев Игорь Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международного бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49/2; eLibrary SPIN-код: 2933-1143; ORCID: 0000-0002-4611-5669; e-mail: iamatveev@fa.ru

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 476–488
http://journals.rudn.ru/international-relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-476-488
EDN: FKQXOQ

Научная статья / Research article

Восточный Тимор в АСЕАН: последствия для асеаноцентричного экономического сотрудничества в цифровой сфере

Е.А. Канаев

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Российская Федерация
kanaev@imemo.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению основных последствий вступления Восточного Тимора в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в октябре 2025 г. для асеаноцентричных экономических проектов и инициатив в цифровой сфере. Среди задач исследования — выявление влияния цифровой трансформации на АСЕАН и асеаноцентричное экономическое сотрудничество, анализ ответных мер Ассоциации и, наконец, оценка потенциального вклада со стороны Восточного Тимора в реализацию асеаноцентричных цифровых проектов и инициатив. Особое внимание уделено наложению цифровых и нецифровых факторов уязвимости Ассоциации, рассматриваемых с точки зрения участия Восточного Тимора в асеаноцентричном экономическом сотрудничестве в цифровой сфере. Автор поставил следующий исследовательский вопрос: почему вступление Восточного Тимора в АСЕАН может крайне негативно сказаться на асеаноцентричном экономическом сотрудничестве, при том что устранить проблему недостаточно развитой инфраструктуры страны относительно несложно. Хотя влияние Восточного Тимора на многостороннюю экономическую политику АСЕАН в цифровой сфере может казаться незначительным из-за его небольшой территории и численности населения, в действительности страна может серьезно осложнить усилия Ассоциации по формированию цифровой среды в Юго-Восточной Азии. Более того, по мере нарастания влияния «геополитики данных» фактор Восточного Тимора может привести к эскалации новых противоречий между странами — членами АСЕАН и ее внерегиональными партнерами. Кроме того, незначительный вклад Восточного Тимора в асеаноцентричное экономическое сотрудничество в цифровой сфере поставит под сомнение эффективность интеграционной модели АСЕАН как таковой, поскольку цифровая трансформация окончательно лишает эту модель релевантности характеру современного мирового развития. Исследование базируется на привлечении общенаучных и частнонаучных методов, интегрированных в междисциплинарный подход в рамках акторно-сетевой теории. Поскольку цифровые аспекты политики АСЕАН изучены фрагментарно, а фактор Восточного Тимора как их составляющая в научной литературе на текущий момент вообще не рассматривался, данное исследование обладает очевидной актуальностью и научной новизной.

Ключевые слова: асеаноцентризм, глобальная цифровая трансформация, искусственный интеллект, вступление Восточного Тимора, геополитика данных, акторно-сетевая теория

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Канаев Е. А.* Восточный Тимор в АСЕАН: последствия для асеаноцентричного экономического сотрудничества в цифровой сфере // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 476–488. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-476-488; EDN: FKQXOQ

© Канаев Е.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Timor Leste in ASEAN: Implications for ASEAN-Led Economic Multilateralism in the Digital Field

Evgeny A. Kanaev

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russian Federation
kanaev@imemo.ru

Abstract. The paper explores the main implications of East Timor's accession to the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in October 2025 for ASEAN-led economic projects and initiatives in the digital field. The research aims to identify the impact of the digital transformation on ASEAN and ASEAN-led economic cooperation, analyze the association's response, and finally assess East Timor's potential contribution to implementing ASEAN-led digital projects and initiatives. Special attention is paid to the overlap of association's digital and non-digital vulnerability factors, seen through the prism of East Timor's participation in the ASEAN-led economic cooperation in the digital field. The author raises the following research question: why might East Timor's joining ASEAN have a significant negative impact on ASEAN-led economic cooperation, despite the relative ease of addressing the issue of underdeveloped infrastructure in the country. Although East Timor's influence on ASEAN's multilateral economic policy in the digital field may seem insignificant due to its small territory and population, in reality, the country may seriously complicate the association's efforts to establish a digital ecosystem in Southeast Asia. Moreover, as the influence of "geopolitics of data" increases, the East Timor factor could generate an escalation of new tensions between the ASEAN countries and ASEAN's extra-regional partners. Additionally, East Timor's insignificant contribution to the ASEAN-led economic cooperation in the digital field will cast doubt on the effectiveness of the ASEAN integration model per se, since the digital transformation completely deprives this model of relevance to the contemporary global development. The research is based on the use of general scientific and specific scientific methods, integrated into an interdisciplinary approach within the actor-network theory. Since the digital aspects of ASEAN's policy have been explored fragmentarily, while the East Timor factor as their part has been completely missing in the academic literature thus far, the article has obvious relevance and scientific novelty.

Key words: ASEAN-centrism, global digital transformation, Artificial Intelligence, East Timor's accession, geopolitics of data, actor-network theory

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Kanaev, E. A. (2026). Timor Leste in ASEAN: Implications for ASEAN-led economic multilateralism in the digital field. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 476–488. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-476-488; EDN: FKQXOQ

Введение

В октябре 2025 г. Демократическая Республика Тимор-Лешти (далее — Тимор-Лешти или Восточный Тимор) присоединилась к Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Это событие имеет серьезные последствия как для самого Восточного Тимора, так и для Ассоциации в целом. Несомненно, Восточный Тимор значительно расширил свой политический инструментарий. В то же время влияние членства Восточного Тимора на многостороннее экономическое сотрудничество под эгидой АСЕАН может оказаться не столь благоприятным, как могло показаться на первый взгляд, поскольку реализация экономических проектов и инициатив под эгидой АСЕАН в результате присоединения этого государства может быть серьезно подорвана. Эта оценка особенно актуальна для цифровой сферы, поскольку цифровые изъяны Восточного Тимора могут усугубить цифровые разрывы внутри АСЕАН, создавая отрицательный мультипликативный эффект.

Исследование посвящено поиску ответа на вопрос, почему Восточный Тимор, несмотря на изъяны своей цифровой инфраструктуры, которые могут быть устранены согласованными усилиями АСЕАН в короткие сроки, может препятствовать реализации проектов

и инициатив АСЕАН в цифровой сфере? В качестве гипотезы исследования выдвигается следующий тезис. Несмотря на небольшие размеры и численность населения Восточного Тимора, его интеграция в многостороннее цифровое сотрудничество под руководством АСЕАН является относительно несложной задачей с финансовой и технической точки зрения, тем не менее, его участие, вероятно, выявит недостатки интеграционной модели АСЕАН и вновь поднимет вопрос о ее пересмотре. Поскольку Ассоциация еще далека от готовности к этому, анализ цифровых последствий, вытекающих из членства Восточного Тимора в АСЕАН для многостороннего экономического сотрудничества в рамках этой организации, является своевременным и актуальным.

Поскольку исследовательский вопрос сосредоточен на текущих проблемах и процессах, число академических публикаций невелико. Ряд исследователей отслеживают глобальную цифровую трансформацию (Schmid et al., 2025; Colmenares-Zapata, 2025; Васильковский, 2020; Ларионова, 2025), ее влияние на АСЕАН и ее государства-члены, а также реакцию АСЕАН на изменения в этой сфере (Ali et al. 2025; Lee et al., 2025; Rodriguez & Soeparwata, 2015; Канаев, 2025; Рамич, Пискунов, Китаев, 2022), а также внешнюю[1] и внутреннюю политику Восточного Тимора (Шатерников, 2023; 2025). Однако до настоящего времени отсутствовала оценка вступления Восточного Тимора в АСЕАН с точки зрения многостороннего цифрового экономического сотрудничества под эгидой АСЕАН, что делает данную работу оригинальной и новаторской.

Методологически исследование опирается на общенаучные и специализированные научные методы, интегрированные в междисциплинарный подход в рамках акторно-сетевой теории. Согласно этой теории, международные процессы формируются неантропогенными субъектами (актантами), такими как, например, технологии, алгоритмы, организации и т. д., в не меньшей степени, чем другими акторами. Эта теория подчеркивает сетевой эффект взаимодействия, поскольку сети, а не традиционные иерархии играют решающую роль в эволюции социальных и — в более широком смысле — международных экономических (алгоритмические и высокочастотные транзакции), политических (стимулирование социальных беспорядков) и процессов безопасности (контроль над современной военной техникой, такой как беспилотники). Хотя акторно-сетевая теория была разработана с широким акцентом на социальные науки (Law, 1992; Latour, 1994; Callon, 1999), ее применимость к международным отношениям начала обсуждаться лишь недавно (Aradau, 2010; Barry, 2013; Bueger & Bethke, 2014; Leese & Hoijtink, 2019 и др.). Поскольку акторно-сетевая теория имеет непосредственное отношение к анализу цифровых процессов, ее использование для изучения цифровых последствий вступления Восточного Тимора в АСЕАН представляется целесообразным.

Цифровая трансформация и ее влияние на АСЕАН

По мере того как нынешняя цифровая трансформация, примером которой является прежде всего форсированное развитие искусственного интеллекта (ИИ), набирает обороты, ее международно-политические последствия порождают растущую неопределенность и ухудшают международную обстановку (Schmid et al., 2025). Эти факторы свидетельствуют о том, что сеть внутри глобальной цифровой экосистемы как фундаментальный компонент акторно-сетевой теории стала гораздо более сложной, что имеет серьезные последствия для управления и регулирования в цифровой сфере. Для того чтобы получить полное и детальное понимание того, что означает вступление Восточного Тимора в АСЕАН для многостороннего экономического сотрудничества в рамках этой организации, исключительно важно оценить основные последствия цифровой трансформации для Ассоциации.

В целом исследователи выделяют несколько побочных эффектов прогрессирующей цифровой трансформации во всем мире, а именно:

[1] Huang J. China's Engagement with Timor-Leste amid Geopolitical Tensions // RSIS Commentary. 2024 (July 10). No. 092. P. 1–4. URL: https://rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2024/07/CO24092.pdf (accessed: 11.01.2026).

фрагментацию глобального цифрового пространства, разрыв между регулированием этой сферы и инновациями, а также возрастающую роль ИКТ-гигантов в цифровом управлении[2]. К другим побочным эффектам относятся усиление роли энергетических ресурсов, рост конкуренции между технологическими компаниями и жесткие регуляторные барьеры (Сытник, Базлуцкая, 2025). Хотя для АСЕАН эти тенденции остаются скорее долгосрочным фактором, чем актуальным приоритетом, они осложняют усилия по формированию цифрового управления в Юго-Восточной Азии.

Эти факторы пересекаются с серьезными изъянами цифрового инструментария АСЕАН, и здесь следует отметить несколько моментов.

Во-первых, значимую роль играют огромные разрывы между уровнями развития цифровой инфраструктуры стран Юго-Восточной Азии. Это подтверждается фактическими показателями распространения Интернета: в то время как большинство стран — членов АСЕАН имеют показатель выше 90 % (количество интернет-пользователей на 100 человек), в Индонезии, Лаосе, на Филиппинах и во Вьетнаме эти показатели составляют 72,8, 63,6, 83,8 и 84,2 % соответственно[3]. Поскольку цифровая инфраструктура является центральным компонентом трансграничных обменов, этот фактор серьезно подрывает сотрудничество между странами АСЕАН, что негативно сказывается на планах Ассоциации по превращению Юго-Восточной Азии в субрегион с унифицированными правилами экономической деятельности.

Во-вторых, государства — члены АСЕАН и сама Ассоциация как международный игрок сталкиваются с растущей зависимостью от внерегиональных держав, в основном от США и Китайской Народной Республики (КНР). Нарастание противостояния между США и КНР эволюционировало от американских запретов на продажу критически важных технологий Китаю до попыток Вашингтона контролировать глобальные промышленные и технологические цепочки и рынки (Данилин, 2022). В результате Юго-Восточная Азия находится между американской и китайской цифровыми экосистемами: США и Китай продвигают там свои технологии, американские и китайские технологические компании занимают значительную долю рынка в строительстве инфраструктуры 5G, медиаплатформы этих стран привлекают внимание большинства потребителей (Рамич, Пискунов, Китаев, 2022; Канаев, 2025). В этих условиях АСЕАН все больше зависит от своих внешних партнеров, которые, как показывают примеры США и Китая, обладают действенными инструментами для создания и модернизации своих цифровых экосистем в Юго-Восточной Азии.

Еще один проблемный для АСЕАН момент связан с экстраполяцией разногласий между США и Китаем по технологическим вопросам на область искусственного интеллекта. По мере того, как Китай развивает «Цифровой шелковый путь» (Cheng, 2022), а США запустили Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение, содержащее связанные с цифровой торговлей положения (Park, 2023), интересы двух стран в цифровой сфере вступили в противоречие еще до нынешнего бума искусственного интеллекта. Из-за фундаментальных различий между Пекином и Вашингтоном ИИ, скорее всего, приведет к серьезным конфликтам (Colmenares-Zapata, 2025). Фактически Вашингтон и Пекин разрабатывают во многом противоположные инструменты ИИ для продвижения своих интересов по всему миру. В соответствии с Планом действий США по искусственному интеллекту Вашингтон стремится «экспортировать весь свой набор технологий искусственного интеллекта — оборудование, модели, программное обеспечение, приложения и стандарты — всем странам, желающим присоединиться к Альянсу США по ИИ»[4]. В свою очередь, КНР опубликовала

[2] Сытник А. Глобальные тенденции в области цифрового управления // Российский совет по международным делам. 08.08.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnye-tendentsii-v-oblasti-tsifrovogo-upravleniya/ (дата обращения: 10.01.2026).

[3] Connectivity // ASEAN Statistical Highlights. 2025. P. 7. URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2025/11/ASH2025v251112.pdf (accessed: 11.01.2026).

[4] Winning the Race. America's AI Action Plan // The White House. Executive Office of the President of the United States. July 2025. P. 20. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/Americas-AI-Action-Plan.pdf (accessed: 12.01.2026).

«Заключения Государственного совета об углублении реализации инициативы „Искусственный интеллект+“», в которых определены параметры подхода Китая к развитию ИИ в критически важных областях, включая содействие инклюзивному обмену ИИ и создание глобальной системы управления ИИ в сотрудничестве с партнерами[5].

В этих обстоятельствах АСЕАН сталкивается с трудным выбором, поскольку Вашингтон настаивает на том, чтобы страны АСЕАН ограничивали сотрудничество с Китаем в технологически развитых областях, в то время как Пекин способствует межправительственному и межкорпоративному сотрудничеству с партнерами из Юго-Восточной Азии (Zhang & Khanal, 2024). Формирование изолированных экосистем, ориентированных на США и Китай, неизбежно заставит государства — члены АСЕАН выбирать ту или иную сторону, что нанесет ущерб проектам и инициативам в масштабах всей АСЕАН.

Проблемы внутри АСЕАН усугубляются тем, что глобальные многосторонние диалоговые форматы пока не привели к согласию относительно параметров регулирования цифровой среды. Различия между подходами, продвигаемыми G7, с одной стороны, и расширенным БРИКС — с другой, являются показательными. Как следует из документов G7, ее приоритетами являются открытый и глобальный Интернет, свободные трансграничные потоки информации и либеральный подход к локализации данных. В свою очередь, расширенный БРИКС делает акцент на защите суверенитета в цифровой сфере, а также придерживается консервативного подхода к локализации данных. Одновременно Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) укрепляет свои позиции в качестве регулятора глобального цифрового пространства. Примечательно, что ОЭСР и G7 координируют свою политику по вопросам формирования глобального цифрового пространства (Рамич, Потемкина, Демина, 2026), в то время как страны БРИКС+ еще не сформулировали единую позицию по регулированию Интернета (Васильковский, 2020; Ларионова, 2025). Для АСЕАН эта ситуация означает растущую неопределенность, поскольку Индонезия и Таиланд планируют присоединиться как к ОЭСР, так и к формату БРИКС+.

Наконец, цифровая трансформация породила разнообразные преступления в региональном цифровом пространстве (Zhang, 2024). Помимо традиционных видов мошенничества, таких как фишинг, программы-вымогатели, утечки данных и т. д., в последнее время актуальной темой стала услуга «мошенничество как сервис» (*Scam-as-a-Service*)[6]. Этот фактор совпадает с разгулом трансграничной преступности в Юго-Восточной Азии (Sundram, 2024). Поскольку подневольные работники скам-центров вовлечены в незаконную цифровую деятельность, индустрия кибермошенничества получила широкое распространение в регионе, особенно в районе р. Меконг.

Исходя из рассмотренных выше тенденций, можно утверждать, что значительно возросла сетевая гетерогенность участников и их способность к преобразованию собственных интересов для создания стабильной сети, которая операционализируется акторно-сетевой теорией и формирует глобальную цифровую среду. Более того, практика подтверждает теорию акторных сетей в том, что касается способности новых участников трансформировать международное управление и регулирование в не меньшей степени, чем это присуще традиционным участникам. Таким образом, Ассоциации и ее государствам-членам приходится сталкиваться с непростыми вопросами, масштабы и сложность которых постоянно возрастают. Логично, что серьезность этой задачи требует эффективных политических инстру-

[5] Opinions of the State Council on Deepening the Implementation of the “Artificial Intelligence+” Initiative. Translation // Center for Security and Emerging Technology. September 24, 2025. URL: https://cset.georgetown.edu/publication/china-ai-plus-opinions-2025/ (accessed: 12.01.2026).

[6] Puente Ilieva C., de la. Southeast Asia: Cyberattack Victim or Aggressor? // ESCP International Politics Society. October 29, 2025. URL: https://pppescp.com/2025/10/29/southeast-asia-cyberattack-victim-or-aggressor/ (accessed: 24.01.2026).

ментов. Среди них заслуживают внимания проекты и инициативы АСЕАН, касающиеся цифровой сферы.

Реакция АСЕАН

Учитывая вышеизложенные проблемы и осознавая необходимость быстрого и эффективного реагирования на них, АСЕАН реализует цифровые проекты и инициативы в рамках своей многосторонней экономической политики. Среди основных направлений уместно отметить следующие.

Деятельность, осуществляемая исключительно в цифровом пространстве, началась в 2000 г., когда Ассоциация подписала Рамочное соглашение e-АСЕАН[7], хотя отдельные компоненты подхода АСЕАН к этой области были изложены в «Перспективах АСЕАН 2020» (1997)[8]. Среди последующих важных документов можно отметить «Рамочную программу АСЕАН по защите персональных данных» (2016)[9], «Рамочную программу АСЕАН по управлению данными» (2021)[10], «Цифровой генеральный план АСЕАН до 2025 г.» (2021)[11] и некоторые другие[12]. К более поздним документам относятся «Руководство АСЕАН по управлению и этике ИИ» (2024)[13], «Расширенное руководство АСЕАН по управлению и этике ИИ — генеративному ИИ» (2025)[14], «Цифровой генеральный план АСЕАН до 2030 г.» (2026)[15], Ханойская декларация о сотрудничестве в цифровом пространстве (2026)[16], и это лишь некоторые примеры. В настоящее время государства — члены АСЕАН ведут переговоры о Рамочном соглашении по цифровой экономике, которое является важнейшим инструментом их сотрудничества в цифровых вопросах (Lee et al., 2025).

Кроме того, АСЕАН оснащает свои нецифровые проекты и инициативы цифровыми инструментами. Рассмотрим, например, Зону свободной торговли АСЕАН (АФТА). Запущенная в 1992 г. и достигшая своих основных целей в 2018 г. (Ishikawa, 2021), эта инициатива привела к созданию соглашений ATIGA (Соглашение АСЕАН о торговле товарами) и ATISA (Соглашение АСЕАН о торговле услугами), которые вступили в силу в 2010 и 2021 гг. соответственно. Для устранения своих цифровых изъянов Ассоциация запустила форму *ATIGA Form D* (она позволяет экспортерам подавать заявки на получение сертификата происхождения *ATIGA CO* онлайн и электронного фитосанитарного сертификата *ATIGA e-Phyto*). Пересмотренное соглашение (обновленное ATIGA) было подписано в октябре 2025 г.[17]

---

[7] e-ASEAN Framework Agreement // The ASEAN Secretariat. November 24, 2000. URL: https://agreement.asean.org/media/download/20140119121135.pdf (accessed: 26.07.2026).

[8] ASEAN Vision 2020. Kuala Lumpur, December 15, 1997 // ASEAN. June 28, 2012. URL: https://asean.org/asean-vision-2020/ (accessed: 26.07.2026).

[9] ASEAN Telecommunications and Information Technology Ministers Meeting (TELMIN) Framework on Personal Data Protection // The ASEAN Secretariat. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/10-ASEAN-Framework-on-PDP.pdf (accessed: 26.07.2026).

[10] ASEAN Data Management Framework // The ASEAN Secretariat. 2021. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ASEAN-Data-Management-Framework.pdf (accessed: 26.07.2026).

[11] ASEAN Digital Masterplan 2025 // The ASEAN Secretariat. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/ASEAN-Digital-Masterplan-EDITED.pdf (accessed: 26.07.2026).

[12] Isono I., Prilliadi H. ASEAN's Digital Integration: Evolution of Framework Documents. Jakarta : ERIA, 2023. URL: https://econpapers.repec.org/bookchap/eraeriabk/2023-10-oct-asean-digital-integration-evolution-of-framework-documents.htm (accessed: 24.01.2026).

[13] ASEAN Guide on AI Governance and Ethics // The ASEAN Secretariat. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf (accessed: 26.07.2026).

[14] Expanded ASEAN Guide on AI Governance and Ethics — Generative AI // The ASEAN Secretariat. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/01/Expanded-ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics-Generative-AI.pdf (accessed: 26.07.2026).

[15] ASEAN Digital Masterplan 2030 // The ASEAN Secretariat. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2026/01/ASEAN-Digital-Master-Plan-2030-final-2026.pdf (accessed: 26.07.2026).

[16] Hanoi Digital Declaration // The ASEAN Secretariat. January 16, 2026. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2026/01/ADOPTED-HANOI-DIGITAL-DECLARATION_14Jan2026-CLN.pdf (accessed: 26.07.2026).

[17] ASEAN Powers ahead with Next Generation Trade Agreements and Global Engagement at the 47th ASEAN Summit // Ministry of Trade and Industry of Singapore. October 28, 2025. URL: https://isomer-user-content.by.gov.sg/166/e69393ab-ecb0-43e1-82ca-7c96c30085f3/For%20

Помимо АФТА Ассоциация придает огромное значение модернизации цифровых инструментов Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). В основном цифровой инструментарий ВРЭП представлен в главе 12 («Электронная торговля»), хотя отдельные цифровые положения ВРЭП размещены в главах 8 («Торговля услугами»), 10 («Инвестиции») и 19 («Урегулирование споров»)[18]. Цифровой инструментарий ВРЭП выгоден для АСЕАН, поскольку он создает благоприятные условия для сотрудничества в сфере торговли услугами, в первую очередь в области внутренних и трансграничных электронных транзакций, электронной аутентификации и подписи и т. д. (Mitchell & Gyanchandani, 2023). В совокупности эти факторы способствуют повышению устойчивости регионального корпоративного сектора, что раскрывает экономический потенциал АСЕАН и ее государств-членов.

Наконец, АСЕАН способствует сотрудничеству в области исследований и разработок между своими государствами-членами. Ключевой надзорный орган, определяющий параметры диалога внутри АСЕАН в этой области, — Совещание министров науки, технологий и инноваций АСЕАН (AMMSTI), созданное в 1976 г. Кроме того, был создан Комитет АСЕАН по науке, технологиям и инновациям (COSTI), функции которого в основном совпадают с функциями AMMSTI. Постепенно это направление сотрудничества укреплялось и диверсифицировалось в рамках АСЕАН и ее государств-членов (Rodriguez & Soeparwata, 2015). С 2015 г. Совет советников COSTI сосредоточился на решении технических вопросов, таких как, например, распределение и операционализация финансовых ресурсов. Среди подкомитетов, рабочих и экспертных групп особого внимания заслуживает Подкомитет по микроэлектронике и информационным технологиям (SCMIT), целью которого является преодоление внутрирегиональных пробелов в этой области в рамках АСЕАН, главным образом путем содействия внутрирегиональной деятельности в таких областях, как Интернет вещей, кибербезопасность, облачные вычисления и т. д. Эти усилия поддерживаются более узкоспециализированными площадками для диалога, такими как Совет регуляторов телекоммуникаций АСЕАН, Региональная группа АСЕАН по реагированию на чрезвычайные ситуации в компьютерной сфере, Совещание министров цифровых технологий АСЕАН и др.

Ассоциация придает решающее значение модернизации нормативно-правовой базы для цифрового сотрудничества на низовом уровне как внутри АСЕАН, так и между АСЕАН и ее партнерами за пределами региона. В качестве примеров можно привести такие инициативы, как «Рамочная программа содействия развитию цифровых стартапов в АСЕАН»[19] или «Руководящие принципы АСЕАН по созданию динамичной экосистемы для стартапов в Юго-Восточной Азии»[20] и др. Кроме того, действуют программы *ASEAN—India ScaleHub*[21], *Korea—ROK AI Startup Competition*[22] и ряд других.

Несмотря на эти изменения, АСЕАН не удалось сделать свою политику в цифровой сфере достаточно эффективной. Ассоциация всегда выстраивала свое многостороннее сотрудничество на основе негативной интеграции. Эта

immediate%20reporting_MTI%20Press%20Release%20on%20the%2047th%20ASEAN%20Summit_28%20Oct%202025.pdf (accessed: 29.01.2026).

[18] Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement // The ASEAN Secretariat (n.d.). URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/10/Regional-Comprehensive-Economic-Partnership-RCEP-Agreement-Full-Text.pdf (accessed: 02.02.2026).

[19] Framework for Promoting the Growth of Digital Startups in ASEAN // The ASEAN Secretariat. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2023/03/1.Framework-for-Promoting-the-Growth-of-Digital-Startups-in-ASEAN-1.pdf (accessed: 26.07.2026).

[20] ASEAN Guidelines on Fostering a Vibrant Ecosystem for Startups across Southeast Asia // The ASEAN Secretariat. December 2020. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ASEAN-Guidelines-on-Fostering-a-Vibrant-Ecosystem-for-Startups-across-Southeast-Asia.pdf (accessed: 26.07.2026).

[21] F.I.R.S.T, IIT Kanpur Signs MoU with ASEAN Economic Forum in Indonesia to Bolster Startup Ecosystem in Southeast Asia // Indian Institute of Technology Kanpur. July 9, 2024. URL: https://iitk.ac.in/mou-with-asean-economic-forum-in-indonesia (accessed: 26.07.2026).

[22] The Korea—ASEAN AI Startup Competition, AI Youth Fiesta 2025 Now Open // ASEAN-ROK S&T Cooperation Center. July 24, 2025. URL: https://akstcc.org/the-koreaasean-aistartup-competition-ai-youth-fiesta-2025-now-open (accessed: 26.07.2026).

модель делает акцент на устранении торговых, инвестиционных, технологических и других экономических барьеров для трансграничного обмена, а не на создании и постоянном совершенствовании эффективных наднациональных инструментов (Королев, Фомина, 2020). Показательно, что, преодолевая цифровые и — с недавнего времени — связанные с ИИ факторы риска, АСЕАН не пересмотрела свой традиционный подход к сотрудничеству. Важно отметить, что как «Руководство АСЕАН по управлению и этике ИИ» (2024)[23], так и «Расширенное руководство АСЕАН по управлению и этике ИИ — генеративному ИИ» (2025)[24] подтверждают добровольный подход к использованию инструментов ИИ. Поскольку в цифровой реальности реализация коллективных решений должна быть мгновенной, а не постепенной, этот фактор серьезно препятствует многостороннему цифровому сотрудничеству под руководством АСЕАН.

Внутрирегиональные различия в цифровой конкурентоспособности в рамках АСЕАН усугубляют проблему. Убедительным доказательством этому служит ежегодный рейтинг цифровой конкурентоспособности мира IMD, публикуемый швейцарским Международным институтом развития менеджмента (IMD), ведущей бизнес-школой и аналитическим центром. Согласно оценке за 2025 г., Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия и Филиппины заняли 3-е, 34-е, 38-е, 51-е и 56-е места соответственно в общем рейтинге и 6-е, 40-е, 45-е, 43-е и 52-е места соответственно по критерию «готовность к будущему»[25]. Для Ассоциации преодоление этих разрывов в короткие сроки практически невозможно, в то время как быстрое и эффективное внедрение необходимых мер по цифровизации для выравнивания условий внутрирегиональной конкуренции в АСЕАН является крайне важной задачей.

Рассматривая эти события с точки зрения акторно-сетевой теории, логичным представляется вывод, что общая цифровая повестка дня АСЕАН стала более сложной, поскольку на конфигурацию ее сетевой экосистемы (уже действующие многосторонние проекты и инициативы с алгоритмами в качестве актантов) повлияли как материальные (документы), так и семиотические (идеи, институты и т. д.) дискурсы. Более того, стали очевидны новые уязвимые места и необходимость реконфигурации существующих сетей. Оптимизм вселяет то, что страны Ассоциации не только осознают, что постоянно растущие цифровые вызовы требуют ее пристального внимания, но и прилагают значительные усилия для активного формирования своего курса. На этом фоне членство Тимор-Лешти может стать серьезным препятствием для реализации видения и политического курса АСЕАН.

Фактор Восточного Тимора

Вступление Восточного Тимора в АСЕАН в октябре 2025 г. стало значимым событием в истории АСЕАН, по крайней мере с точки зрения его символического измерения (Шатерников, 2025). Однако применительно к сотрудничеству в цифровой сфере фактор Восточного Тимора создает для АСЕАН ряд серьезных проблем.

Во-первых, Восточный Тимор — страна с серьезными нецифровыми и цифровыми проблемами, которые переплетаются, создавая отрицательный мультипликативный эффект. Что касается нецифрового аспекта, то здесь крайне важна недостаточно развитая инфраструктура, включая логистику. По состоянию на май 2025 г. около 30 % жителей Восточного Тимора проживали в отдаленных и труднодоступных районах[26], поэтому проблема «последней мили» доставки является серьезным препят-

[23] ASEAN Guide on AI Governance and Ethics // The ASEAN Secretariat. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf (accessed: 26.07.2026).

[24] Expanded ASEAN Guide on AI Governance and Ethics — Generative AI // The ASEAN Secretariat. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/01/Expanded-ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics-Generative-AI.pdf (accessed: 26.07.2026).

[25] IMD World Digital Competitiveness Ranking 2025 // Institute for Management and Development. 2025. URL: https://imd.widen.net/content/xclarczvwr/pdf/WDCR_Report_2025.pdf (accessed: 05.02.2026).

[26] Medina A.F. Investment Opportunities in Timor-Leste's Digital Economy // ASEAN Briefing. May 28, 2025. URL: https://www.aseanbriefing.com/news/investment-opportunities-in-timor-lestes-digital-economy/ (accessed: 05.02.2026).

ствием для экономического роста. Поскольку Восточный Тимор — крошечное государство со слаборазвитым производственным сектором, его интеграция в технологически развитые глобальные цепочки создания стоимости, в которых участвуют предприятия других стран АСЕАН, представляет собой сложную задачу. Проблема усугубляется ограниченным внутренним рынком Тимор-Лешти и высоким уровнем бедности (в 2025 г. 42 % населения жили за чертой бедности[27]). В цифровой сфере уровень охвата населения Интернетом в Восточном Тиморе в 2024 г. (последние доступные данные) составил лишь 54,2 %[28]. Государственные услуги и участие общественности в цифровой сфере развиты слабо, о чем свидетельствуют 159-е и 120-е места (из 193) страны в Индексе развития электронного правительства ООН и Индексе участия в электронной сфере ООН за 2024 г.[29] Эти факторы и их совокупность слишком серьезны, чтобы их можно было преодолеть в короткий промежуток времени.

Во-вторых, Тимор-Лешти не обладает достаточно развитыми компетенциями в области кибербезопасности для интеграции в многостороннюю экономическую систему под руководством АСЕАН. Это особенно важно, поскольку Ассоциация сталкивается с серьезными проблемами, связанными с кибербезопасностью (Ali et al., 2025). Согласно Глобальному индексу кибербезопасности Международного союза электросвязи (МСЭ) за 2024 г. (последний доступный выпуск), Тимор-Лешти значительно отставал от других стран Азиатско-Тихоокеанского региона по многим критериям (правовые, технические, организационные и меры сотрудничества, а также развитие потенциала). Из-за этого страна была включена в 5-й уровень (вместе с Афганистаном, Бурунди, Соломоновыми о-вами и другими слаборазвитыми странами), что является самым низким показателем[30]. Характерно, что передовые методы в области кибербезопасности во всем мире смещаются от установки и обновления антивирусного программного обеспечения к разработке комплексной экосистемы кибербезопасности, основанной на подходе непрерывного управления угрозами (CTEM). Параллельно с этим киберугрозы, а также методы и технологии противодействия им нарастают с точки зрения своего масштаба и сложности (Аветисян, Белеванцев, 2025). Несомненно, Тимор-Лешти с его плохо подготовленными кадрами не сможет заблаговременно решать эти проблемы даже в среднесрочной перспективе, что осложняет его полноценное участие в усилиях АСЕАН, направленных на обеспечение кибербезопасности.

В-третьих, Восточный Тимор может спровоцировать новые противоречия в цифровой сфере между АСЕАН и ее внешними партнерами. По мере того как набирает обороты нынешняя «геополитика данных», страна становится все более зависимой от Китая и Австралии. В 2017 г. Восточный Тимор присоединился к инициативе «Один пояс, один путь», а в 2023 г. Пекин и Дили вывели отношения на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства[31]. Позже Китай запустил в стране многочисленные проекты, включая строительство инфраструктуры цифрового телевидения и программы обучения цифровым навыкам. В свою очередь, Австралия демонстрирует растущий интерес к расширению сотрудничества с Восточным Тимором (Шатерников, 2023). Естественным образом финансовый и технический вклад Австралии в цифровые проекты Восточного Тимора явля-

[27] Timor-Leste Country Focus Report // The EU System for an Enabling Environment for Civil Society (EU SEE). November 25, 2025. URL: https://eusee.hivos.org/document/timor-leste-country-focus-report/ (accessed: 08.02.2026).

[28] Timor-Leste Artificial Intelligence Readiness Assessment Report // UNESCO. 2025. P. 29. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000395617?posInSet=1&queryId=f5974ab4-bb36-4a22-bc40-72fcc106634a (accessed: 08.02.2026).

[29] UN e-Government Knowledgebase. East Timor // United Nations (n.d.). URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data/Country-Information/id/171-Timor-Leste (accessed: 10.02.2026).

[30] ITU Development Sector // Global Cybersecurity Index 2024. 5th edition. 2024. P. 25, 28, 95. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/GCIv5/2401416_1b_Global-Cybersecurity-Index-E.pdf (accessed: 11.02.2026).

[31] Huang J. China's Engagement with Timor-Leste amid Geopolitical Tensions // RSIS Commentary. 2024 (July 10). No. 092. P. 1–4. URL: https://rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2024/07/CO24092.pdf (accessed: 11.01.2026).

ется частью этой стратегии[32]. Если нынешняя конкуренция между инициативой «Один пояс, один путь» и возглавляемым США Индо-Тихоокеанским экономическим рамочным соглашением (IPEF) распространится на Восточный Тимор, что является вероятным сценарием, уязвимость АСЕАН значительно возрастет.

В этом контексте приоритеты Тимор-Лешти в отношении искусственного интеллекта заслуживают особого внимания. Дили рассматривает ИИ в контексте потенциального доминирования держав Глобального Севера. Кроме того, ИИ считается более актуальным для развитых, чем для развивающихся экономик, таких как Тимор-Лешти. Наконец, Дили рассматривает ИИ как отдаленный, а не непосредственный приоритет. По этим причинам использование и перспективы ИИ остаются недостаточно концептуализированными в ключевых документах, формирующих технологическую политику страны, и недостаточно используются в ее повседневной экономической и коммерческой практике[33].

Логично предположить, что Восточный Тимор не сможет интегрироваться в возглавляемую АСЕАН цифровую многостороннюю систему, поскольку эта задача потребует значительной модернизации цифровых и нецифровых ресурсов Дили в сжатые сроки. В частности, из-за отсутствия необходимых компетенций Восточный Тимор не сможет внести существенный вклад в реализацию Плана действий АСЕАН по борьбе с транснациональной преступностью (2026–2035 гг.), в котором киберпреступность и онлайн-мошенничество являются одной из восьми приоритетных областей[34]. Кроме того, помощь Восточного Тимора в модернизации цифровых инструментов АФТА и ВРЭП вряд ли будет релевантна усилиям Ассоциации, поскольку доля этой страны в общем объеме товарной торговли АСЕАН в 2024 г составила лишь 0,03 %[35]. Наконец, даже скромная помощь Восточного Тимора в рамках сотрудничества между странами АСЕАН в области НИОКР представляется нереалистичной, поскольку стране не хватает развитой промышленной и технологической базы. По этой причине Восточный Тимор не может внести свой вклад в политику АСЕАН по внедрению цифровых технологий для удовлетворения потребностей изолированных сообществ, поскольку ему не хватает соответствующей инфраструктуры и опыта. Аналогичным образом его опыт решения национальных задач без цифровой инфраструктуры нерелевантен перспективным планам других стран АСЕАН, которые уделяют первостепенное внимание повышению своей цифровой конкурентоспособности.

С точки зрения акторно-сетевой теории вступление Восточного Тимора в АСЕАН усилило неоднородность и многоуровневость системы. Логично, что это приводит к трансформации ролей как Восточного Тимора, так и других государств — членов АСЕАН в сетевой экосистеме АСЕАН. По мере добавления новой единицы — Восточного Тимора — его цифровые технологии будут выступать в качестве независимых акторов и изменять внутрисистемную сеть цифровых связей АСЕАН. Показательно, что при интеграции новой единицы в функционирующую сеть необходимо обеспечить синергию ее акторов (видение, протоколы и технологии) с уже функционирующей цифровой экосистемой АСЕАН (например, АФТА или ВРЭП с их цифровыми инструментами для поддержки трансграничных торговых обменов). Если эта трансляция (еще один термин, предлагаемый теорией акторных сетей) окажется проблематичной, то стабильность всей системы будет подорвана. К сожалению, для

[32] Australia to Improve East Timorese Internet and Naval Base // The Straits Times. August 30, 2019. URL: https://www.straitstimes.com/asia/australianz/australia-to-improve-east-timorese-internet-and-naval-base (accessed: 11.02.2025).

[33] Timor-Leste Artificial Intelligence Readiness Assessment Report // UNESCO. 2025. P. 15–16, etc. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000395617?posInSet=1&queryId=f5974ab4-bb36-4a22-bc40-72fcc106634a (accessed: 11.02.2026).

[34] ASEAN Plan of Action in Combatting Transnational Crime (2026–2035) // ASEAN Secretariat. September 10, 2025. P. 5. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/09/04.-ASEAN-Plan-of-Action-in-Combatting-Transnational-Crime-2026-2035.pdf (assessed: 13.02.2026).

[35] Merchandise Trade Share and Growth Rate (%) by ASEAN Member State, 2024 // ASEAN Key Figures 2025. Jakarta : The ASEAN Secretariat, 2025. P. 42. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/12/AKF-2025_v3_202601151314.pdf (accessed: 13.02.2026).

Ассоциации, из-за специфики цифровой трансформации и ее основных компонентов, будет наблюдаться отрицательный мультипликативный эффект — сценарий, которого АСЕАН стремится избежать.

Как по отдельности, так и в совокупности вышеупомянутые факторы предполагают, что Тимор-Лешти останется скорее пассивным наблюдателем, чем реальным участником основных инициатив АСЕАН в цифровой сфере. Поскольку Ассоциация столь же сильна, как и ее самое слабое звено, последствия вступления Восточного Тимора для цифрового многостороннего экономического сотрудничества в рамках АСЕАН будут явно негативными.

Вместо заключения: перспективы развития АСЕАН в цифровую эпоху

Анализ последствий вступления Восточного Тимора в АСЕАН с точки зрения многостороннего цифрового экономического сотрудничества под руководством АСЕАН, его вероятного будущего развития и ограничений приводит к нескольким общим оценкам.

Применение акторно-сетевой теории позволяет достичь более тонкого понимания международных отношений в цифровой сфере, главным образом за счет изучения скрытых связей и механизмов. В частности, оно включает в себя объяснение проблем, связанных с многосторонним сотрудничеством, отслеживание растущего влияния неантропогенных субъектов (актантов) и сопоставление этих результатов с более широким региональным и глобальным контекстом.

Последнее расширение АСЕАН произошло на фоне прогрессирующей глобальной энтропии или, иными словами, революционной фазы глобального развития (Sumsky, 2024), усугубленной цифровой трансформацией. В этих обстоятельствах для Ассоциации фактор скорости имеет решающее значение при принятии и реализации коллективных решений. На данном этапе присущие АСЕАН недостатки и сопутствующие уязвимости, похоже, достигли критической точки.

Постоянно усиливающаяся цифровая трансформация подняла вопрос о полной неактуальности «пути АСЕАН» (Хонрада, Бокерия, 2023) в нынешней международной обстановке. Можно утверждать, что Тимор-Лешти, вероятно, подорвет любые многосторонние проекты и инициативы АСЕАН. В целом вступление Восточного Тимора в АСЕАН станет лакмусовой бумажкой того, как и в какой степени АСЕАН сможет изменить свою модель сотрудничества для повышения своей устойчивости. В настоящее время многочисленные свидетельства указывают, что эта попытка может закончиться неудачей.

Участие Восточного Тимора в асеаноцентричном многостороннем экономическом сотрудничестве в цифровой сфере может в конечном итоге превратить идентичность АСЕАН в фикцию. Фактически Ассоциация может снова столкнуться с проблемой, с которой ей приходилось бороться во время своего расширения в 1990-х гг., а именно — с появлением двухуровневой АСЕАН (новички рассматривались как члены второго эшелона). Тогда проблема была решена, но вступление Восточного Тимора вполне может возродить эти настроения. В результате последствия выйдут далеко за пределы самого Восточного Тимора, серьезно подорвав усилия АСЕАН по формированию духа идентичности АСЕАН и способности действовать в качестве единого субъекта. Эти задачи приобретают все большую актуальность в связи с растущей международной нестабильностью в Юго-Восточной Азии и в мире в целом.

Ожидать, что необходимость интеграции Восточного Тимора в возглавляемую АСЕАН цифровую многостороннюю структуру может побудить АСЕАН пересмотреть свой подход к цифровой трансформации и укрепить обязательный компонент сотрудничества, безосновательно. Изложенные выше факты позволяют утверждать, что еще до вступления Восточного Тимора Ассоциация сталкивалась с серьезными проблемами, связанными с цифровизацией, и решения пока не найдены. В настоящее время у Восточного Тимора отсутствуют необходимые инструменты для преодоления этого тупика в интересах АСЕАН, и АСЕАН не же-

лает и не может изменить свою интеграционную модель после присоединения Восточного Тимора.

Учитывая все факторы, членство Восточного Тимора может принести АСЕАН больше проблем, чем она ожидала изначально. Принимая во внимание сложность проблемы и отсутствие инструментов для ее эффективного решения, сила и устойчивость АСЕАН могут быть подорваны на многие годы вперед.

Поступила в редакцию / Received: 02.03.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 10.06.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Аветисян А. И., Белеванцев А. А. Обеспечение кибербезопасности в эпоху ИИ: проблемы, методы и институционализация // Пути к миру и безопасности. 2025. № 1. С. 40–52. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2025-1-40-52; EDN: GIEGVP

Васильковский С. А. На пути к цифре: обзор докладов ОЭСР, посвященных деятельности, развитию и влиянию онлайн-платформ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15, № 4. С. 196–203. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-10; EDN: UZCCIX

Данилин И. В. От технологических санкций к технологическим войнам: влияние американо-китайского конфликта на санкционную политику и рынки высоких технологий // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 212–217. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-13; EDN: ZFSGTL

Канаев Е. А. Искусственный интеллект как фактор уязвимости Экономического сообщества АСЕАН 2025 // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18, № 1. С. 18–34. https://doi.org/10.31249/kgt/2025.01.02; EDN: JPDKJE

Королев А. С., Фомина Э. О. Специфика и проблемы экономической интеграции в рамках АСЕАН // Азия и Африка сегодня. 2020. № 4. С. 67–73. https://doi.org/10.31857/S032150750009094-5; EDN: POKDUL

Ларионова М. В. Тенденции и риски формирования глобального цифрового управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20, № 1. С. 202–228. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-01-11; EDN: LESTBN

Рамич М. С., Пискунов Д. А., Китаев И. В. Сетевой анализ технологической конкуренции США и КНР в Юго-Восточной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 6. С. 131–151. https://doi.org/10.31249/kgt/2022.06.07; EDN: AVWSZS

Рамич М. С., Потемкина В. О., Демина Е. В. Конкуренция регулятивных парадигм в сфере искусственного интеллекта: либеральная и государственно-центричная модели и их продвижение в ОЭСР и МСЭ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 216–227. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-216-227; EDN: HNSWDN

Сытник А. Н., Базлуцкая М. М. Парус при шторме // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 4. С. 38–52. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-4-38-52; EDN: CFAVSR

Хонрада Г. Д., Бокерия С. А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 253–264. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-253-264; EDN: JKVFZS

Шатерников П. С. Восточный Тимор и Австралия: стратегические аспекты сотрудничества и проблема Тиморского окна // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 4, № 3. С. 172–179. https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-172-179; EDN: FFTGQD

Шатерников П. С. Вступление Восточного Тимора в АСЕАН: исторический рубеж и новые вызовы региональной интеграции // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2025. Т. 3, № 3. С. 205–216. https://doi.org/10.31696/2072-8271-2025-3-3-68-205-216; EDN: NIYPTY

Ali A. S., Zaaba Z. F., Singh M. M., Anuar N. B., Shariff M. R. B. M. Advancing Cybersecurity in ASEAN: Current Trends, Emerging Challenges, and Opportunities for Enhanced Resilience // International Journal of Information Security. 2025. Vol. 24, iss. 5. Art. 200. https://doi.org/10.1007/s10207-025-01111-2; EDN: KWHRWK

Aradau C. Security That Matters: Critical Infrastructure and Objects of Projection // Security Dialogue. 2010. Vol. 41, iss. 5. P. 491–514. https://doi.org/10.1177/0967010610382687

Barry A. The Translation Zone: Between Actor-Network Theory and International Relations // Millennium: Journal of International Studies. 2013. Vol. 41, iss. 3. P. 413–429. https://doi.org/10.1177/0305829813481007

Bueger C., Bethke F. Actor-Networking the "Failed State"—An Enquiry into the Life of Concepts // Journal of International Relations and Development. 2014. Vol. 17, iss. 1. P. 30–60. https://doi.org/10.1057/jird.2012.30; EDN: TKOFVC

Callon M. Actor-Network Theory—The Market Test // The Sociological Review. 1999. Vol. 47, iss. 1_suppl. P. 181–195. https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1999.tb03488.x

Cheng G. China's Digital Silk Road in the Age of the Digital Economy: Political Analysis // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 271–287. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-271-287; EDN: CWJLIN

Colmenares-Zapata A. J. AI Amid the US—China Rivalry: Scenarios and Policies for Small States // Foresight and STI Governance. 2025. Vol. 19, no. 1. P. 19–27. https://doi.org/10.17323/fstig.2025.27128

Ishikawa K. The ASEAN Economic Community and ASEAN Economic Integration // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2021. Vol. 10, iss. 1. P. 24–41. https://doi.org/10.1080/24761028.2021.1891702; EDN: DMOFUP

Latour B. On Technical Mediation: Philosophy, Sociology, Genealogy // Common Knowledge. 1994. Vol. 3, no. 2. P. 29–64. URL: https://sixyears2011.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/03/latour-bruno-on-technical-mediation.pdf (accessed: 08.02.2026).

Law J. Notes on the Theory of the Actor-Network: Ordering, Strategy, and Heterogeneity // Systems Practice. 1992. Vol. 5, iss. 4. P. 379–393. https://doi.org/10.1007/BF01059830; EDN: TGWXFR

Lee B. T. F., Dinh L. D., Sims J. P., Bettani S. A. ASEAN Digital Economy Framework Agreement (DEFA): Implications for Digital Trade and Regional Economic Integration // Journal of Strategic and Global Studies. 2025. Vol. 8, iss. 1. P. 81–96. https://doi.org/10.7454/jsgs.v8i1.1166; EDN: PBACZR

Leese M., Hoijtink M. How (Not) to Talk about Technology: International Relations and the Question of Agency // Technology and Agency in International Relations / ed. by M. Hoijtink, M. Leese. London : Routledge, 2019. P. 1–23. https://doi.org/10.4324/9780429463143-1

Mitchell A. D., Gyanchandani V. Convergence & Divergence in Digital Trade Regulation: A Comparative Analysis of CP-TPP, RCEP and eJSI // South Carolina Journal of International Law and Business. 2023. Vol. 19, iss. 2. P. 98–150. URL: https://scholarcommons.sc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1265&context=scjilb (accessed: 08.02.2026).

Park S.-C. Mega FTAs and the Indo-Pacific Economic Framework in the Asia Pacific Region: Will It Be Cooperation or Competition? // International Organisations Research Journal. 2023. Vol. 18, no. 2. P. 122–150. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-02-07; EDN: SAZURD

Rodriguez V., Soeparwata A. The Governance of Science, Technology and Innovation in ASEAN and Its Member States // Journal of the Knowledge Economy. 2015. Vol. 6, iss. 2. P. 228–249. https://doi.org/10.1007/s13132-012-0111-x

Schmid S., Lambach D., Diehl C., Reuter C. Arms Race or Innovation Race? Geopolitical AI Development // Geopolitics. 2025. Vol. 30, iss. 4. P. 1907–1936. https://doi.org/10.1080/14650045.2025.2456019

Sumsky V. ASEAN and the Vagaries of Asia-Pacific Regionalism // The "Asian Turn" in Russian Foreign Policy / ed. by A. Torkunov, D. Streltsov, E. Koldunova E. Singapore : Palgrave Macmillan, 2024. P. 307–332. https://doi.org/10.1007/978-981-97-5392-5_14; EDN: TTXKXI

Sundram P. ASEAN Cooperation to Combat Transnational Crime: Progress, Perils, and Prospects // Frontiers in Political Science. 2024. Vol. 6. P. 1–10. https://doi.org/10.3389/fpos.2024.1304828; EDN: WFEFWI

Zhang H., Khanal S. To Win the Great AI Race, China Turns to Southeast Asia // Asia Policy. 2024. Vol. 19, no. 1. P. 21–34. https://doi.org/10.1353/asp.2024.a918871; EDN: GUQMMW

Zhang Sh. Analysis of the Impact of Transnational Cybercrime in Southeast Asian Countries on Global Social Development // Highlights in Business, Economics and Management. 2024. Vol. 24. P. 1049–1053. https://doi.org/10.54097/2ptd5375; EDN: AWUGSE

Сведения об авторе:

Канаев Евгений Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН); Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; eLibrary SPIN-код: 4522-1252; ORCID: 0000-0002-7988-4210; e-mail: kanaev@imemo.ru

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 489–499
http://journals.rudn.ru/international-relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-489-499
EDN: FKYATS

Научная статья / Research article

Проблемы вовлечения АСЕАН в евразийский региональный порядок

А.С. Королев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
askorolev@hse.ru

Аннотация. Исследованы институциональные и нормативные ограничения, определяющие характер и пределы вовлечения Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в евразийский региональный порядок. Эмпирическую основу исследования составил анализ основополагающих документов АСЕАН, включая Устав Ассоциации и иные документы, отражающие стратегическое видение объединения. Проанализирован характер институциональных связей АСЕАН с ключевыми евразийскими структурами (Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Содружество Независимых Государств (СНГ)) и степень их формализации. Результаты исследования показывают, что ограниченная вовлеченность Ассоциации обусловлена совокупностью четырех структурных факторов. Во-первых, выявлено принципиальное несоответствие моделей незападного регионализма в Юго-Восточной Азии и Евразии: распределенная функциональная архитектура евразийских институтов с разделением компетенций и фокусов на вопросы экономки, политики и безопасности контрастирует с нормативно-диалоговой моделью, ориентированной на консенсус и процедурную консолидацию вокруг АСЕАН как единого центра регионального порядка. Во-вторых, установлено, что стратегическое позиционирование АСЕАН ориентировано преимущественно на Индо-Тихоокеанский регион и политику хеджирования в условиях соперничества крупных держав, тогда как евразийское направление не закреплено в качестве самостоятельного приоритета. В-третьих, подтверждено, что принцип центральности АСЕАН и сохранение процедурной автономии ограничивают перспективы участия в конструкциях, предполагающих альтернативное Ассоциации институциональное ядро. Это обусловливает дистанцирование объединения от таких российских инициатив и концепций, как Большое евразийское партнерство и евразийская архитектура безопасности. В-четвертых, показано, что внутренняя неоднородность государств-членов по ключевым вопросам в сфере безопасности (прежде всего кризис в Мьянме и территориальный конфликт в Южно-Китайском море) и взаимодействия с внешними партнерами затрудняет формирование единой позиции. В совокупности данные факторы определяют фрагментарный характер межрегиональных связей и препятствуют созданию комплексной рамки сотрудничества с евразийскими институтами.

Ключевые слова: Евразия, регионализм, ЕАЭС, ШОС, межрегиональное взаимодействие, Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион, институциональная архитектура

Сведения о финансировании. Исследование выполнено в рамках гранта РНФ 25-78-10133 «Формирование Евразийского макрорегиона в контексте разнонаправленного влияния глобальных и региональных процессов на внешнеполитические стратегии евразийских государств».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Королев А.С.* Проблемы вовлечения АСЕАН в евразийский региональный порядок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 489–499. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-489-499; EDN: FKYATS

© Королев А.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

The Challenges of ASEAN's Involvement in the Eurasian Regional Order

Alexander S. Korolev

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
askorolev@hse.ru

Abstract. This article explores the various constraints, including institutional, normative and other factors, that shape the nature and limits of the Association of South East Asian Nations' (ASEAN) engagement with the Eurasian regional order. The empirical foundation of the study is based on an analysis of ASEAN's core foundational documents, such as the ASEAN Charter and strategic documents reflecting the organization's long-term vision. The findings indicate that ASEAN's limited engagement is driven by a set of four structural factors. First, there is a significant discrepancy between the institutional logics of Southeast Asia and that of Eurasia. The distributed and functionally differentiated architecture of Eurasian institutions, characterized by the separation of economic, political, and security competencies among different organizations, contrasts with ASEAN's normatively driven and dialogue-oriented model, which is centered on consensus-building and procedural consolidation around ASEAN as the singular core of the regional order. Second, ASEAN's strategic positioning is predominantly oriented toward the Indo-Pacific region and a hedging strategy amid major power competition, whereas the Eurasian dimension is not institutionalized as an independent strategic priority in ASEAN's official documents. Third, the principle of ASEAN centrality and preservation of procedural autonomy constrain participation in frameworks that imply an institutional core alternative to ASEAN. This explains the organization's cautious stance toward Russian initiatives such as the Greater Eurasian Partnership and proposals for Eurasian security architecture. Fourth, internal heterogeneity among member states on key security issues, most notably the Myanmar crisis and territorial dispute in the South China Sea, as well as differing approaches to engagement with external partners, complicates the formation of a unified position. Collectively, these factors account for the fragmented nature of interregional linkages and impede the establishment of a comprehensive framework for cooperation with Eurasian institutions.

Key words: Eurasia, regionalism, EAEU, SCO, interregional interaction, Asia-Pacific region, Indo-Pacific region, institutional architecture

Funding sources. This publication is supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-78-10133, "Formation of the Eurasian Macro-region in the Context of the Multidirectional Influence of Global and Regional Processes on the Foreign Policy Strategies of Eurasian States".

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Korolev, A. S. (2026). The challenges of ASEAN's involvement in the Eurasian regional order. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 489–499. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-489-499; EDN: FKYATS

Введение

Современная трансформация международной системы сопровождается усилением роли региональных порядков как ключевых элементов глобальной архитектуры управления. Фрагментация мировой экономики, кризис универсальных институтов и рост конкуренции между крупными державами стимулируют развитие разнообразных форм регионального сотрудничества, которые все чаще выступают не только экономическими проектами, но и механизмами институционального строительства и стратегического позиционирования. В этих условиях регионализм становится центральной категорией анализа процессов макрорегиональной организации пространства и формирования устойчивых режимов взаимодействия государств.

В исследованиях в области международных отношений под регионализмом понимается процесс институционализации сотрудничества государств в определенном географическом пространстве, направленный на создание устойчивых механизмов координации в сфере экономики, политики и безопасности. Он предполагает формирование разделяемых норм, процедур и институтов, обеспечивающих воспроизводство регионального порядка и снижение транзакционных издержек взаимодействия.

Особое место в современной исследовательской повестке занимает феномен незападного регионализма, который рассматривается в качестве моделей регионального строительства, формирующихся вне западноевропейского контекста и не воспроизводящих автоматически институциональную логику Европейского союза как нормативного эталона интеграции (Koldunova, 2026; Агазаде, Дегтерев, Курылев, 2023; Acharya, 2016). Незападный регионализм характеризуется гибкостью институциональных форм, приоритетом суверенитета, опорой на консенсус, а также значимой ролью политического диалога и неформальных механизмов координации (Хонрада, Бокерия, 2023). Ряд исследователей относит незападный регионализм в категорию «нового регионализма», фактически ставя знак равенства между этими понятиями (Söderbaum, 2003; The Regional World Order…, 2019; Wang, 2020).

Кроме того, отличительной чертой незападного, или «нового», регионализма является адаптивность к региональным политическим реалиям и стремление балансировать между интеграцией и сохранением автономии государств-членов. Помимо этого, сущность данного феномена заключается в стремлении стран обеспечить региональную стабильность и экономическое развитие, минимизируя при этом вмешательство внешних (западных) сил и сохраняя политическую автономию, что часто проявляется в форме «мягкого регионализма» или неформальных сетей сотрудничества (Söderbaum, 2003; The Regional World Order…, 2019; Wang, 2020).

В рамках данного исследовательского ракурса особый аналитический интерес представляют Юго-Восточная Азия (ЮВА) и Евразия как крупные макрорегиональные пространства, в которых формируются собственные модели незападного регионализма, институциональные практики, механизмы многостороннего взаимодействия и подходы к организации регионального порядка.

Цель исследования — выявление институциональных и нормативных факторов, ограничивающих встраивание АСЕАН в евразийский региональный порядок. Евразийский региональный порядок понимается нами как совокупность институционализированных ((Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Содружество Независимых Государств (СНГ)) и неинституционализированных форм (Большое евразийское партнерство, евразийская архитектура безопасности) сотрудничества на постсоветском пространстве и в прилегающем макрорегионе, включающих экономическую интеграцию, координацию в сфере безопасности и многосторонний политический диалог.

Исследование опирается на качественные методы. Эмпирическую базу работы составляют преимущественно документы АСЕАН, включая Устав Ассоциации, документы долгосрочного стратегического планирования АСЕАН (Видение Сообщества АСЕАН до 2045 г., Куала-Лумпурская декларация АСЕАН 2025 г.) и иные материалы, отражающие институциональные приоритеты и внешнеполитическое видение объединения. Анализ данных источников позволяет реконструировать нормы, принципы функционирования и официальные установки, определяющие рамки регионального взаимодействия и внешнего позиционирования АСЕАН.

Кроме того, используются документы Российской Федерации, в частности положения Концепции внешней политики РФ 2023 г. и Сочинской декларации по итогам юбилейного саммита «Россия — АСЕАН», а также официальные выступления и заявления президента Российской Федерации В.В. Путина и министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, содержащие концептуальные ориентиры относительно евразийской интеграции, форматов межрегионального сотрудничества и инициатив в сфере региональной архитектуры безопасности. Их включение позволяет сопоставить институциональные и нормативные рамки взаимодействия с АСЕАН и евразийских объединений и выявить параметры концептуального расхождения двух моделей незападного регионализма.

Дополнительно в исследовании применены результаты социологических опросов, проведенных в странах АСЕАН. Их включение обеспечивает дополнительную эмпирическую

опору для оценки факторов, влияющих на внешнеполитические приоритеты государств Юго-Восточной Азии, и места Евразии в них.

В качестве рабочей гипотезы автор выдвигает утверждение, что ограниченная вовлеченность АСЕАН в евразийский региональный порядок обусловлена не дефицитом внешних возможностей сотрудничества и не отсутствием интереса со стороны отдельных евразийских акторов, а особенностями, базовыми принципами функционирования и приоритетами самой АСЕАН. В их числе:

1) несовместимость моделей регионализма в Юго-Восточной Азии и Евразии;

2) особенности стратегического позиционировании АСЕАН и ее внешнеполитической идентичности;

3) приоритизация центральной роли АСЕАН в отношениях с зарубежными партнерами;

4) отсутствие внутреннего единства.

Именно эти четыре структурных фактора выступают в качестве барьера для формирования устойчивых механизмов межрегиональной связанности, снижая возможности для глубокого встраивания АСЕАН в евразийские процессы.

Научная новизна исследования и вклад автора состоят из нескольких элементов.

Во-первых, в работе выявлены и обоснованы структурные факторы, ограничивающие вовлеченность АСЕАН в евразийский региональный порядок.

Во-вторых, автор уточнил суть и характер функционирования двух моделей незападного регионализма — в Евразии и Юго- Восточной Азии.

В-третьих, в отличие от существующих работ, где взаимодействие между регионами анализируется преимущественно на уровне отдельных институтов (например, ЕАЭС — АСЕАН или ШОС — АСЕАН), предложено рассматривать его как результат структурного несовпадения институциональных и нормативных логик региональных порядков. Тем самым статья вносит вклад в концептуально-эмпирическое развитие исследований незападного регионализма и межрегиональных взаимодействий.

Конфликтующие модели регионализма

Первым фундаментальным фактором слабого уровня встраивания АСЕАН в региональные процессы в Евразии являются принципиальные различия в функционировании моделей регионализма в Юго-Восточной Азии и Евразии. Евразийский регионализм в его современной институциональной конфигурации характеризуется многослойной и функционально специализированной архитектурой. В Евразии воспроизводится модель распределенного регионализма, при которой различные измерения регионального взаимодействия институционально оформлены в разных организациях и взаимодополняют друг друга (Курылев и др., 2021). Экономическая интеграция институционально закреплена за ЕАЭС, а вопросы коллективной безопасности входят в компетенцию ОДКБ. Политико-дипломатическое и гуманитарное взаимодействие преимущественно относится к сфере деятельности СНГ. Более широкий многосторонний контур политического диалога и сотрудничества в сфере безопасности продвигается усилиями ШОС. В результате евразийский регионализм не формирует единого институционального центра, задающего универсальные нормы и процедуры для всего макрорегиона. Это принципиально отличает евразийскую модель регионализма от модели в Юго-Восточной Азии, в рамках которой сохраняется единое процедурное, дискурсивное и нормативное пространство, выстраиваемое вокруг АСЕАН (Acharya, 2009b; Stubbs, 2014).

Наиболее институционально плотным элементом евразийского регионализма является экономический контур, продвигаемый ЕАЭС (Никитина, 2025). Интеграционная модель Союза во многом опирается на разветвленную договорно-правовую базу и функционирование постоянно действующих наднациональных органов. Ряд исследователей подчеркивают, что именно правовая институционализация и формализация интеграционных режимов являются ключевым отличием евразийского экономического регионализма от большинства неевропейских моделей (Dragneva, 2017; Vinokurov & Libman, 2022). В этом заключается принци-

пиальное отличие евразийского регионализма от модели экономического регионализма в Юго-Восточной Азии. Отказ от придания большинству экономических договоренностей юридически обязывающего характера и намеренно ограниченный уровень институционализации выступают сознательно выбранным принципом формирования регионального порядка в ЮВА.

В этом контексте ярким примером служит создание Экономического сообщества АСЕАН в 2015 г. Оно не предполагало перехода к общему рынку с унифицированным правовым режимом, сопоставимому с ЕАЭС, а было ориентировано на поэтапную гармонизацию норм, снижение нетарифных барьеров и развитие производственных цепочек (Tijaja, Tay & Das, 2024). В совокупности эти характеристики формируют «мягкую» модель регионализма, в рамках которой внешнеполитическая идентичность Ассоциации определяется не стремлением к институциональной глубине и стратегической мобилизации, а задачей сохранения автономии, инклюзивности и управляемости региональной среды с учетом роста числа внутренних и внешних шоков (Колдунова, 2019).

Контур безопасности в Евразии также отличается от того, что мы наблюдаем в Юго-Восточной Азии. В рамках ОДКБ институционализированы элементы коллективной обороны, совместного военного планирования и координации в сфере реагирования на угрозы. В свою очередь АСЕАН сознательно и последовательно избегает создания механизмов коллективной безопасности и позиционирует себя как внеблоковое объединение, выстраивающее сотрудничество в сфере безопасности преимущественно через диалоговые и консультационные форматы (Goh, 2008). Именно этой установкой объясняется подчеркнуто аккуратная и взвешенная дипломатическая линия АСЕАН в отношении формирующихся сетевых форматов безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе — Четырехстороннего диалога по безопасности (КВАД, QUAD), трехстороннего военно-политического блока AUKUS (Австралия, Великобритания и США) и иных механизмов. В принятом в 2019 г. документе «Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион» Ассоциация сознательно избегает поддержки любых эксклюзивных или сдерживающих форматов, акцентируя приоритет открытости, диалога и опоры на существующие механизмы под эгидой самой АСЕАН[1]. В результате безопасность в ЮВА институционально конструируется как пространство предотвращения конфликтов и управления рисками, тогда как в евразийской архитектуре она включает и элементы союзнического взаимодействия (Allison, 2013).

В научной литературе эта модель устойчиво описывается через феномен «пути АСЕАН» (*ASEAN Way*), предполагающий приоритет неформальности, гибкости процедур и отказ от жестких механизмов принуждения (Pu, 2025; Caballero-Anthony, 2005). Консенсус внутри Ассоциации является не столько инструментом выработки оптимальных решений, сколько способом сохранения политической целостности объединения и предотвращения институционального раскола. Как показывает А. Ачарья, именно процессуальный характер взаимодействия — регулярные встречи, согласование позиций, многоуровневые консультационные механизмы — стал основой формирования специфического сообщества безопасности в ЮВА, в котором конфликт между членами воспринимается как политически недопустимый сценарий даже при отсутствии развитых правовых ограничителей (Acharya, 2009a).

Особое место в евразийской архитектуре занимает ШОС, которая по своим процедурным характеристикам, степени гибкости и многофункциональности в наибольшей степени сближается с асеановской моделью регионализма. Для ШОС характерны принятие решений на основе консенсуса, отказ от жестких механизмов принуждения и приоритет регулярного политического диалога и учета индивидуальных особенностей стран-членов (Yuan, 2023; Denisov & Safranchuk, 2016). Вместе с тем в отличие от АСЕАН, где ее институциональные механизмы используются странами-

[1] ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // ASEAN. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (accessed: 26.01.2026).

членами как инструмент внешнеполитического хеджирования и сохранения автономии, в рамках ШОС действует иная институциональная логика. Здесь ключевые параметры и приоритеты сотрудничества в значительной степени задаются ведущими региональными державами, тогда как сама организация выступает прежде всего площадкой для согласования их позиций и координации действий государств-членов в более широком региональном контексте (Lukin et al., 2025; Евразийская идеология и евразийская интеграция, 2025).

Таким образом, если регионализм в ЮВА можно охарактеризовать как нормативно-диалоговый, направленный на укрепление субъектности АСЕАН и подчеркивание уникальности своего пути, то евразийский регионализм представляет собой преимущественно функционально-регуляторную модель.

Идентичность и стратегическое видение

В официальном дискурсе и документах АСЕАН Евразия не фигурирует в качестве самостоятельной аналитической категории и не закрепляется как отдельный макрорегиональный приоритет. Доминирующими рамками внешнеполитического позиционирования Ассоциации традиционно оставался Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). При этом в последние годы Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) все стремительнее становится ключевым измерением внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации АСЕАН. В частности, в Куала-Лумпурской декларации «АСЕАН–2045: наше совместное будущее», принятой по итогам малайзийского председательства на Саммите АСЕАН в 2025 г., прямо обозначено, что Ассоциация ставит цель превратиться в «эпицентр роста в ИТР» к 2045 г.[2]

Показательно, что в разделе с ключевыми вызовами и возможностями в документе «Видение сообщества АСЕАН до 2045 г.» не представлен ни один конфликт или вопрос, имеющий ярко выраженное евразийское измерение. Это означает, что различные экономические процессы, кризисы и иные события в континентальной Евразии в концептуальном и прикладном восприятии АСЕАН носят преимущественно периферийный характер. На первом месте в списке приоритетов Ассоциации находится обеспечение мира, безопасности и стабильности в ИТР, включая Южно-Китайское море[3]. Далее идет противостояние ключевых центров силы. Однако более детальный анализ этого и иных представленных в работе стратегических документов АСЕАН позволяет сделать вывод, что Ассоциация воспринимает великодержавное соперничество через призму столкновения США и Китайской Народной Республики (КНР), которое носит глобальный характер.

В данном случае ответом и одновременно необходимостью стран — членов АСЕАН становится реализация политики хеджирования (Kuik & Jamil, 2024). На практике она означает укрепление взаимодействия объединения, в первую очередь с ключевыми диалоговыми партнерами, включая ЕС, Японию и др. Характерно, что в социологическом опросе 2026 г., проведенном влиятельным сингапурским аналитическим центром ISEAS на вопрос «Кого Вы выберете в качестве третьей стороны для хеджирования неопределенностей от американо-китайского противостояния?» большинство респондентов из стран ЮВА выбрали именно ЕС (37,7 %), Японию (34,2 %) и Австралию (9,7 %)[4].

Кроме того, ни одно из государств — членов Ассоциации не имеет комплексной стратегии взаимодействия с Евразией. Контакты со странами постсоветского региона и с евразийскими институтами выстраиваются в основном либо в двустороннем межгосударственном формате, либо в рамках узкоспециализирован-

[2] ASEAN 2045: Our Shared Future // ASEAN. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/ASEAN-2045-Our-Shared-Future.pdf (accessed: 07.05.2026).

[3] ASEAN Community Vision 2045: “Resilient, Innovative, Dynamic, and People-Centred ASEAN” // ASEAN. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/05.-ASEAN-Community-Vision-2045_adopted.pdf (accessed: 07.05.2026).

[4] The State of Southeast Asia 2026 Survey Report // ASEAN Studies Centre at the ISEAS—Yusof Ishak Institute. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2026/03/The-State-of-Southeast-Asia-2026-Survey-Final-Single.pdf (accessed: 10.05.2026).

ных отраслевых треков. Как следствие, отсутствие евразийского элемента во внешнеполитической идентичности и стратегическом видении АСЕАН создает препятствие для выстраивания стабильного межрегионального диалога.

Данное ограничение проявляется в относительно слабой институциональной встраиваемости АСЕАН в существующий евразийский региональный порядок. Так, например, Ассоциация не имеет устойчивых каналов взаимодействия с ОДКБ и структурами СНГ. Сотрудничество Ассоциации с ШОС более формализовано (наличие Меморандума о взаимопонимании), но в основном оно носит протокольный характер и сводится к диалогу на уровне секретариатов в формате обмена информацией и лучшими практиками в таких сферах, как цифровизация, борьба с транснациональной преступностью, терроризмом и наркотрафиком[5].

Единственным активным и институционально развитым форматом вовлечения Ассоциации в процессы евразийского регионализма остается взаимодействие с ЕАЭС. Стороны ведут регулярный диалог по таким направлениям, как торговая политика, техническое регулирование, таможенное администрирование и многие другие (Халова, Иллерицкий, 2020). Ежегодные бизнес-форумы, экспертные диалоги и отраслевые мероприятия по линии ЕАЭС — АСЕАН помогают укреплять связи между деловыми и экспертными сообществами стран обоих объединений, что позволяет поддерживать практическое взаимодействие даже при отсутствии более широкой политико-стратегической рамки (Канаев, Королев, 2020).

Вместе с тем другое важное направление развития внешнеэкономической деятельности ЕАЭС — введение переговоров по созданию зон свободной торговли (ЗСТ) — на практике реализуется в двустороннем формате с участием Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и отдельных стран — членов АСЕАН без координации и согласования интересов на уровне всей Ассоциации.

Приоритизация центральной роли АСЕАН

Ассоциация последовательно продвигает один из фундаментальных принципов функционирования организации — «центральности», или центральной роли (*ASEAN Centrality*). Этот принцип закреплен в ряде основополагающих документов АСЕАН — Уставе 2007 г.[6], «Видении Сообщества АСЕАН до 2025 г.»[7], обновленном документе до 2045 г.[8] и более комплексном видении развития АСЕАН до 2045 г.[9] Идея «центральности» АСЕАН предполагает стремление объединения выступать в качестве главного архитектора, модератора и движущей силы во всех многосторонних процессах (безопасность и экономика) в Азиатско-Тихоокеанском и Индо-Тихоокеанском регионах. На практике этот принцип реализуется через сеть асеаноцентричных диалоговых механизмов, таких как Региональный форум АСЕАН по безопасности, Восточноазиатский саммит и Совещание министров обороны в формате «АСЕАН плюс».

Как подчеркивает Р. Стаббс, «центральность» АСЕАН определяется не совокупной материальной мощью объединения, а его ролью в формировании и поддержании процедур, повестки и форматов многостороннего взаимодействия (Stubbs, 2014). Иными словами, Ассоциация выполняет функцию институционального ядра и процедурного коорди-

[5] ШОС и АСЕАН укрепляют связи // Шанхайская организация сотрудничества. 23.05.2025. URL: https://rus.sectsco.org/20250523/1827784.html (дата обращения: 26.01.2026).

[6] The ASEAN Charter // ASEAN. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf (accessed: 20.01.2026).

[7] ASEAN Community Vision 2025 // ASEAN. URL: https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf (accessed: 07.05.2026).

[8] ASEAN Community Vision 2045: “Resilient, Innovative, Dynamic, and People-Centred ASEAN” // ASEAN. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/05.-ASEAN-Community-Vision-2045_adopted.pdf (accessed: 07.05.2026).

[9] ASEAN 2045: Our Shared Future // ASEAN. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/ASEAN-2045-Our-Shared-Future.pdf (accessed: 07.05.2026).

натора взаимодействия внешних акторов, что позволяет государствам блока сохранять субъектность и релевантность в условиях различных кризисов и соперничества крупных держав.

Приоритизация центральной роли и «пути АСЕАН» проявляется не только в дистанцировании Ассоциации от военно-политических блоков и политизированных форматов, но и продвигаемых усилиями России проектов «нового регионализма» в Евразии. Особое место в этой дискуссии занимает российская инициатива Большого евразийского партнерства (БЕП), выдвинутая в середине 2010-х гг. Ее концептуальный замысел предполагает формирование широкой рамки взаимодействия между ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и другими региональными форматами (Лукин, Новиков, 2019). При этом Россия рассматривает АСЕАН в качестве одного из ведущих элементов БЕП, что находит отражение в российских стратегических документах внешнеполитического планирования[10] и заявлениях официальных лиц РФ[11]. Кроме того, еще в 2016 г. в Сочинской декларации по итогам юбилейного саммита «Россия — АСЕАН» было зафиксировано намерение сторон «рассмотреть вопрос о возможности взаимовыгодного сотрудничества между АСЕАН, ЕАЭС и ШОС»[12], что идейно вписывается в концепцию БЕП.

Несмотря на декларативную инклюзивность, БЕП не предлагает понятных механизмов участия для государств Юго-Восточной Азии. Для АСЕАН неочевидно, какую добавленную стоимость может обеспечить включение в подобную макрорегиональную конструкцию по сравнению с существующими форматами азиатско-тихоокеанского и индо-тихоокеанского регионализма и какую именно роль в этих процессах будет играть АСЕАН.

Еще более проблематичным является вопрос потенциальной поддержки со стороны АСЕАН выдвигаемой Россией идеи формирования евразийской архитектуры безопасности, которая опирается на представление о необходимости переосмысления принципов общеевропейской и — шире — евразийской безопасности. Однако в логике АСЕАН вопросы безопасности традиционно рассматриваются через призму инклюзивного диалога с участием всех ключевых внешних игроков и при безусловном сохранении центральной роли Ассоциации (Qiao-Franco, Karmazin & Kolmaš, 2025). Встраивание АСЕАН в евразийские инициативы, где институциональный центр смещается в сторону континентальных держав и институтов вне ЮВА, грозит размыванием центральной роли Ассоциации в этих процессах.

Отсутствие единства внутри АСЕАН

Дополнительным структурным фактором, ограничивающим вовлеченность Ассоциации в евразийский региональный порядок, выступает отсутствие единства внутри самой организации. Несмотря на то, что номинально АСЕАН позиционирует себя как единое сообщество с общей идентичностью и видением, что закреплено в Уставе АСЕАН и иных документах объединения, организация сталкивается с серьезными трудностями в выработке согласованной позиции по ключевым вопросам регионального развития и безопасности.

[10] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 10.05.2026).

[11] См.: Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. 17.06.2022. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/68669 (дата обращения: 06.05.2026); Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова по итогам совещания Россия — АСЕАН и министерской встречи стран — участниц Восточно-азиатского саммита, Куала-Лумпур, 11 июля 2025 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/evraziyskaya_bezopasnost/2035949/ (дата обращения: 11.05.2026).

[12] Сочинская декларация юбилейного саммита Россия — АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://asean.mid.ru/upload/iblock/7fa/zzviyy3klb33wxzqo0qdog58lh2uhqvi.pdf (дата обращения: 08.05.2026).

Эти проблемы проявляются как во внутриасеановской повестке (прежде всего кризис в Мьянме, осложняющий реализацию принципа невмешательства и механизмов коллективного реагирования), так и в более широкой региональной рамке, включая проблему Южно-Китайского моря — одного из наиболее чувствительных вопросов для нескольких государств-членов, а также институционализацию Индо-Тихоокеанского региона[13]. В последнем случае различия между странами становятся все более заметными. Так, Индонезия[14] и Малайзия[15] демонстрируют настороженность по поводу формата QUAD и особенно AUKUS, тогда как Вьетнам активно участвует в расширенных консультационных форматах, например QUAD Plus (Thuong & Oanh, 2021), а Филиппины открыто поддерживают углубление сотрудничества с этими структурами с целью укрепления региональной безопасности и сдерживания Китая в Южно-Китайском море[16]. Подобная асимметрия стратегических предпочтений препятствует формированию единой внешнеполитической линии поведения АСЕАН в отношении внерегиональных инициатив. В итоге в условиях отсутствия консенсуса по ряду чувствительных для Ассоциации вопросов выработка согласованной стратегии в отношении внешних акторов и форматов в Евразии, которые не воспринимаются государствами — членами АСЕАН как экзистенциальные для их национальной безопасности, становится затруднительной.

Заключение

Проведенный анализ показал, что ограниченная институциональная и нормативная вовлеченность АСЕАН в евразийский региональный порядок обусловлена не отдельными эпизодическими факторами, а совокупностью структурных факторов. Евразийская модель характеризуется функциональной дифференциацией и распределенностью институтов, тогда как модель регионализма в ЮВА опирается на нормативно-диалоговую логику, процедурную консолидацию и принцип центральности Ассоциации. Эти различия формируют несопоставимые институциональные «режимы входа» в межрегиональное взаимодействие и ограничивают возможности для системного диалога.

Исследование также подтвердило, что внешнеполитическая идентичность АСЕАН в большей степени ориентирована на Индо-Тихоокеанский регион и политику хеджирования в условиях американо-китайского соперничества, тогда как евразийское направление носит периферийный для АСЕАН характер и не закреплено ни в одном из стратегических документов Ассоциации как самостоятельный приоритет. В результате контакты с евразийскими структурами носят преимущественно фрагментарный и проектный характер, зачастую выстраиваясь на уровне отдельных государств — членов АСЕАН без согласования интересов и координации внутри объединения. При этом углубление диалога с институтами и форматами в Евразии ограничивается отсутствием комплексной рамки взаимодействия и устойчивого политического запроса со стороны государств — членов АСЕАН.

Дополнительным ограничением выступает внутренняя неоднородность АСЕАН, затрудняющая формирование единой пози-

[13] Buendia R. The ASEAN Way Under Pressure in Response to a Fractured World Order // E-International Relations. 2026. URL: https://www.e-ir.info/2026/05/08/the-asean-way-under-pressure-in-response-to-a-fractured-world-order/ (accessed: 11.05.2026).

[14] Hurst D. Indonesian Ambassador Warns Australia Aukus Pact Must Not Fuel a Hypersonic Arms Race // The Guardian. November 2, 2022. URL: https://www.theguardian.com/australia-news/2022/nov/03/indonesian-ambassador-warns-australia-aukus-pact-must-not-fuel-a-hypersonic-arms-race-in-the-region (accessed: 08.05.2026).

[15] Murphy K. Malaysian Foreign Minister Says Concerns Remain about Aukus Pact after Meeting with Penny Wong // The Guardian. June 28, 2022. URL: https://www.theguardian.com/world/2022/jun/28/malaysian-foreign-minister-says-concerns-remain-about-aukus-pact-after-meeting-with-penny-wong (accessed: 08.05.2026).

[16] Joint Declaration on a Strategic Partnership between the Republic of the Philippines and the Commonwealth of Australia // Australian Government. September 8, 2023. URL: https://www.dfat.gov.au/countries/joint-declaration-strategic-partnership-between-republic-philippines-and-commonwealth-australia (accessed: 12.05.2026).

ции по ключевым вопросам региональной безопасности и взаимодействия с внешними инициативами. Совокупность этих факторов указывает на то, что расширение сотрудничества между АСЕАН и евразийскими институтами требует не только технической согласованности инструментов, но и более четкого понимания взаимной институциональной совместимости и политической добавленной стоимости.

Поступила в редакцию / Received: 15.02.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 13.05.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Агазаде М. М., Дегтерев Д. А., Курылев К. П. Постсоветский регионализм на перепутье // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6, № 3. С. 341–351. EDN: APEBGU

Евразийская идеология и евразийская интеграция / под ред. К. П. Курылева. Москва : Аспект Пресс, 2025. EDN: GIIPJB

Канаев Е. А., Королев А. С. ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2020.Т. 64, № 1. С. 64–72. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-64-72; EDN: SPLPMR

Колдунова Е. В. Региональные трансформации Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка // Сравнительная политика. 2019. Т. 10, № 4. С. 52–64. EDN: OCAWYB

Курылев К. П., Малышев Д. В., Хотивришвили А. А., Шабловский В. С. ШОС и ЕАЭС в контексте евразийской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 2. С. 81–88. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88; EDN: VSHHAU

Лукин А. В., Новиков Д. П. Большая Евразия: от полюса конфронтации к сообществу развития // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2019. № 6. С. 173–188. https://doi.org/10.31857/S086919080007702-9; EDN: XNJDGE

Никитина М. Г. Евразийский регионализм: идея и реальность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 151–157. EDN: KOTKEY

Халова Г. О., Иллерицкий Н. И. Партнерство ЕАЭС—АСЕАН как перспективный вектор развития межинтеграционного взаимодействия в Евразии и АТР // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. № 4. С. 103–111. EDN: JYSFJW

Хонрада Г. Д., Бокерия С. А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 253–264. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-253-264; EDN: JKVFZS

Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia : ASEAN and the Problem of Regional Order. London : Routledge, 2009a. https://doi.org/10.4324/9780203939239

Acharya A. Regionalism beyond EU-centrism // The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / ed. by T. A. Börzel, T. Risse. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 109–130. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199682300.013.7

Acharya A. Whose Ideas Matter? Agency and Power in Asian Regionalism. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2009b. https://doi.org/10.7591/9780801459757

Allison R. Russia, the West, and Military Intervention. Oxford : Oxford University Press, 2013. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199590636.001.0001

Caballero-Anthony M. Regional Security in Southeast Asia : Beyond the ASEAN Way. Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2005. https://doi.org/10.1355/9789812307095

Denisov I. E., Safranchuk I. A. Four Problems of the SCO in Connection with Its Enlargement // Russian Politics and Law. 2016. Vol. 54, iss. 5–6. P. 494–515. https://doi.org/10.1080/10611940.2016.1296304; EDN: YVFBML

Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Balancing Sovereignty and Integration // Post-Soviet Constitutions and Challenges of Regional Integration / ed. by R. Petrov, P. Van Elsuwege. London : Routledge, 2017. P. 48–70. https://doi.org/10.4324/9781315656847; EDN: RJLEDB

Goh E. Great Powers and Hierarchical Order in Southeast Asia: Analyzing Regional Security Strategies // International Security. 2008. Vol. 32, iss. 3. P. 113–157. https://doi.org/10.1162/isec.2008.32.3.113

Koldunova E. Essay 50: Towards Non-Western Regionalism : What Does the Regional Level of Analysis Explain About Contemporary IR? // Essays on Global Regionalism I: The Past, Present and Future of Regionalism Studies / ed. by A. Acharya, P. De Lombaerde, B. Futák-Campbell, L.C. Iroulo, J. Peixoto Batista. Cham, Switzerland : Springer, 2026. P. 509–515. https://doi.org/10.1007/978-3-032-13642-8_50

Kuik Ch. Ch., Jamil N. Sh. The Feasibility and Future of Middle-State Hedging // East Asian Policy. 2024. Vol. 16, no. 4. P. 7–28. https://doi.org/10.1142/S1793930524000254; EDN: FGRPPV

Lukin A., Novikov D., Puzanova O., Yenikeyeff Sh. The Shanghai Cooperation Organization Amidst the Rising International Tensions // Journal of Eurasian Studies. 2025. Vol. 16, iss. 2. P. 173–183. https://doi.org/10.1177/18793665251357320; EDN: VNTVSU

Pu X. Research on the ASEAN Way and ASEAN Integration // Academic Journal of Management and Social Sciences. 2025. Vol. 11, no. 2. P. 155–158. https://doi.org/10.54097/677hq953; EDN: DHPMNN

Qiao-Franco G., Karmazin A., Kolmaš M. The Indo-Pacific and the Next Phase of ASEAN Centrality // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2025. Vol. 44, iss. 3. P. 413–435. https://doi.org/10.1177/18681034241307658

Söderbaum F. Introduction: Theories of New Regionalism // Theories of New Regionalism / ed. by F. Söderbaum, T. Shaw. London : Palgrave Macmillan, 2003. P. 1–21. https://doi.org/10.1057/9781403938794_1

Stubbs R. ASEAN's Leadership in East Asian Region-Building: Strength in Weakness // The Pacific Review. 2014. Vol. 27, iss. 4. P. 523–541. https://doi.org/10.1080/09512748.2014.924229

The Regional World Order : Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia / ed. by A. D. Voskressenski, B. Koller. Lanham ; Boulder ; New York ; London : Rowman & Littlefield ; Lexington Books, 2019. https://doi.org/10.5040/9781978735545

Thuong N. L. T., Oanh N. T. Vietnam in the Indo-Pacific Region: Perception, Position and Perspectives // India Quarterly: A Journal of International Affairs. 2021. Vol. 77, iss. 2. P. 129–142. https://doi.org/10.1177/09749284211005036

Tijaja J., Tay S., Das S. B. ASEAN Post-2025: Reimagining the ASEAN Economic Community. Singapore : ISEAS—Yusof Ishak Institute, 2024. https://doi.org/10.1355/9789815203400

Vinokurov E., Libman A. Regionalism in Eurasia: Four Research Puzzles // Handbook on Global Governance and Regionalism / ed. by J. Rueland, A. Carrapatoso. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2022. P. 248–262. https://doi.org/10.4337/9781800377561.00028

Wang Y. New Regionalism Reshaping the Future of Globalization // China Quarterly of International Strategic Studies. 2020. Vol. 6, no. 2. P. 249–265. https://doi.org/10.1142/S2377740020500116; EDN: SYZAGX

Yuan J. Forging a New Security Order in Eurasia: China, the SCO, and the Impacts on Regional Governance // Chinese Political Science Review. 2023. Vol. 8, iss. 3. P. 422–439. https://doi.org/10.1007/s41111-022-00223-7; EDN: IFKFVE

Сведения об авторе:

Королев Александр Сергеевич — кандидат политических наук, заместитель декана по науке, доцент департамента международных отношений факультета мировой экономики и международных отношений, НИУ ВШЭ, участник реализуемого на базе МГИМО МИД России проекта РНФ № 25-78-10133; Российская Федерация, 119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; eLibrary SPIN-код: 7467-6214; ORCID: 0000-0001-8560-9517; email: askorolev@hse.ru

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 500–527
http://journals.rudn.ru/international-relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-500-527
EDN: DTTXAQ

Научная статья / Research article

«Зоны исключения» как плацдарм для вмешательства во внутренние дела суверенных государств: пример американской базы Гуантанамо

О.А. Кузнецова, А.С. Холоимова, Л.Р. Клебанов, М.М. Маджумаев ✉

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉madzhumaev-mm@rudn.ru

Аннотация. В современной архитектуре международных отношений наблюдаются качественно новые угрозы государственному суверенитету, к числу которых относятся так называемые «зоны исключения»: территориально обособленные участки, которые находятся на территории одного государства, но представляют военно-политические интересы другого государства. Олицетворением такой зоны исключения является база ВМС США Гуантанамо, располагающаяся на территории Кубы. Актуальность данного исследования продиктована институционализацией этих экстерриториальных анклавов, которые эволюционировали из военной инфраструктуры в активные инструменты влияния на независимые государства и превратились в плацдармы не только для точечных специальных операций против неугодных лидеров независимых стран, но и полномасштабного военного вторжения. Такие «зоны исключения» находятся фактически не только вне юрисдикции государств, территорию которых они занимают, но и вне каких-либо рамок международного права. На территории базы Гуантанамо находится тюрьма для лиц, подозреваемых в террористической деятельности. Содержащиеся там заключенные подверглись «исключению» из числа субъектов права (утратили правосубъектность), что выразилось в бесчеловечном обращении с ними и изощренных пытках. Цель исследования — введение в научный оборот определения понятия «зон исключения» и выявление специфики таких зон на примере базы Гуантанамо, которая прошла качественную трансформацию от традиционного военного гарнизона к «зоне влияния» США в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна и за его пределами. Рассмотрены основные этапы становления базы и та функциональная роль, которую она играет в качестве плацдарма напряженности и орудия гибридной войны. Методологическую основу исследования составили классический политический реализм Г. Моргентау, структурный реализм К. Уолтца, структурно-функциональный подход и постструктуралистская политическая философия (М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Мбембе). В ходе исследования также применялся проблемно-хронологический подход. Научная новизна исследования заключается в обосновании неразрывной связи между существованием таких «зон исключения», включая специализированные закрытые секретные учреждения экстерриториального характера, и легитимацией актов «силового правосудия» в интересах США и прямой военной агрессии. В результате исследования выявлен правовой механизм создания «зон исключения» и установлено, что их фундаментом служит теория «расщепленного суверенитета», создающая искусственные правовые вакуумы для систематических нарушений принципов международного права со стороны отдельных влиятельных акторов. В качестве реагирования на этот вызов сформулированы подходы адекватного ответа стран Глобального Юга, предполагающие отказ от пассивного наблюдения в пользу денонсации кабальных соглашений на основе доктрины коренного изменения обстоятельств (*rebus sic stantibus*), формирование блокирующей международной нормативно-правовой основы против односторонних санкций и создание альтернативных судебных механизмов в рамках многополярных институтов.

© Кузнецова О.А., Холоимова А.С., Клебанов Л.Р., Маджумаев М.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: внешнее вмешательство, расщепленный суверенитет, экстерриториальная юрисдикция, государственный суверенитет, гибридная война, неоколониализм, международное право, безопасность, многополярность

Сведения о финансировании. Статья подготовлена в рамках темы № 210506-0-000 «Передовые технологии молекулярной морфологии, пространственного фенотипирования и искусственного интеллекта при доказывании в уголовном судопроизводстве», поддержанной Мегагрантом РУДН 2025 года (код конкурса U.4-2025).

Вклад авторов. Кузнецова О.А.: концептуализация, разработка методологии исследования, проведение исследования, сбор и обработка данных. Холоимова А.С.: проведение исследования, сбор и обработка данных, курирование данных, подготовка черновика рукописи. Клебанов Л.Р.: научное руководство исследованием, проведение исследования, сбор и обработка данных, анализ и систематизация информации. Маджумаев М.М.: проведение исследования, сбор и обработка данных, подготовка рукописи, работа с программным обеспечением. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Кузнецова О. А., Холоимова А. С., Клебанов Л. Р., Маджумаев М. М.* «Зоны исключения» как плацдарм для вмешательства во внутренние дела суверенных государств: пример американской базы Гуантанамо // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 500–527. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-500-527; EDN: DTTXAQ

“Exclusion Zones” as a Springboard for Interference in the Internal Affairs of Sovereign States: The Case of the US Guantanamo Bay Base

Olga A. Kuznetsova, Alexandra S. Kholoimova, Lev R. Klebanov, Murad M. Madzhumayev✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation
✉madzhumaev-mm@rudn.ru

Abstract. The contemporary architecture of international relations is witnessing new challenges to state sovereignty, notably the emergence of so-called “exclusion zones”: geographically demarcated enclaves located within the borders of a state but operating exclusively to serve the military and political interests of another. The United States Naval Base at Guantanamo Bay, situated on Cuban territory, serves as the quintessential embodiment of such an exclusion zone. The relevance of this study is underscored by the progressive institutionalization of these extraterritorial enclaves, which have evolved beyond conventional military infrastructure into active instruments for projecting influence over independent states; they have transformed into staging grounds not only for targeted covert operations against dissenting foreign leaders, but also for full-scale military invasions. Crucially, these “exclusion zones” operate in a state of factual impunity, existing entirely outside the jurisdictional reach of their host states and beyond the constraints of international law. The Guantanamo Bay base houses a detention facility specifically for individuals suspected of terrorist activities. The detainees held within this facility have been subjected to a radical legal “exclusion” — a systemic deprivation of their status as subjects of law — which has facilitated inhumane treatment and sophisticated methods of torture. The primary objective of this research is to introduce a rigorous definition of “exclusion zones” into academic discourse and to elucidate their specific characteristics using Guantanamo Bay as a case study, tracing its qualitative transformation from a traditional military garrison into a broader US “zone of influence” spanning Latin America, the Caribbean, and beyond. The article examines the key historical stages of the base’s formation and analyzes its ongoing functional role as a catalyst for geopolitical tension and an instrument of hybrid warfare. The methodological framework integrates Hans J. Morgenthau’s classical political realism, Kenneth Waltz’s structural realism, a structural-functional approach, and post-structuralist political philosophy (M. Foucault, G. Agamben, A. Mbembe), accompanied by a problem-chronological approach. The scientific novelty of the study lies in establishing the inextricable link between the proliferation of these “exclusion zones”, including highly classified extraterritorial detention facilities, and the legitimization of acts of “coercive justice” and direct military aggression serving US strategic interests. The findings reveal the legal mechanisms underpinning the establishment of “exclusion

zones", determining that their foundation rests upon the theory of "split sovereignty", which deliberately generates artificial legal vacuums enabling powerful international actors to systematically violate fundamental principles of international law. To counter this challenge, the study formulates strategic responses for the Global South, advocating a decisive shift away from passive observation in favor of denouncing exploitative bilateral agreements under the doctrine of a fundamental change of circumstances (rebus sic stantibus), developing a blocking international legal framework against unilateral sanctions, and establishing alternative judicial mechanisms within emerging multipolar institutions.

Key words: external interference, split sovereignty, extraterritorial jurisdiction, state sovereignty, hybrid warfare, neocolonialism, international law, security, multipolarity

Funding sources. This research was prepared within the framework of project No. 210506-0-000, "Advanced technologies of molecular morphology, spatial phenotyping, and artificial intelligence in criminal evidence proceedings," supported by the 2025 RUDN University Megagrant (competition code U.4-2025).

Authors' contributions. O.A. Kuznetsova: conceptualization, development of research methodology, conducting research, data collection and processing. A.S. Kholoimova: conducting research, data collection and processing, data curation, writing—manuscript draft preparation. L.R. Klebanov: academic supervision, conducting research, data collection and processing, information analysis and systematization. M.M. Madzhumayev: conducting research, data collection and processing, manuscript preparation, software operation. All authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Kuznetsova, O. A., Kholoimova, A. S., Klebanov, L. R., & Madzhumayev, M. M. (2026). "Exclusion zones" as a springboard for interference in the internal affairs of sovereign states: The case of the US Guantanamo Bay base. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 500–527. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-500-527; EDN: DTTXAQ

Введение

Современная архитектура международных отношений, основанная на принципах Вестфальского мира и закрепленная в Уставе Организации Объединенных Наций (ООН), в настоящее время проходит через этап глубокой структурной трансформации (Каширина, 2020, с. 28). Этот процесс представляет собой не просто очередную смену циклов гегемонии или перераспределение сфер влияния, а фундаментальное преобразование самой природы власти в глобальном масштабе. Страны коллективного Запада продолжают формулировать и навязывать свою собственную интерпретацию развития миросистемы, не допуская иного видения ситуации, иных трендов, «вызреваемых» и объективируемых в XXI в. (Панкратов, Клиньшанс, 2023, с. 232). Так, одним из ресурсов противодействия трансформации однополярного мира к многополярному выступает использование технологии «геополитики восприятия», определяемой как господствующий дискурс, «вырабатываемый доминирующими державами и навязывающий всему остальному миру безальтернативную модель мироустройства в качестве представления о существе и значении мирополитических процессов, а также собственного места в мире» (Панкратов, Клиньшанс, 2023, с. 232).

Логическим продолжением данной дискурсивной стратегии противодействия трансформации глобальной архитектуры от однополярности к многополярности на институциональном уровне выступают воспроизводство и легитимация асимметрии суверенного статуса. Если «геополитика восприятия» формирует концептуальную рамку неравенства, то асимметрия суверенитета закрепляет ее в политико-правовой реальности. В рамках данной парадигмы субъекты международных отношений дифференцируются на государства, обладающие полнотой суверенитета, и акторов, чей суверенитет носит сугубо декларативный характер. Прикладным воплощением этого разрыва становятся «зоны исключения», составляющие предмет данного исследования. Они представляют собой пространственную объективацию указанной асимметрии: географическую локализацию дефицита властных полно-

мочий, дистанцирующую государство-гегемон от субъектов, которые, сохраняя формально-юридическое равенство по Уставу ООН, фактически ограничены в реализации исключительной юрисдикции над собственной территорией.

Со стороны ведущих западных держав прослеживаются попытки систематического демонтажа принципа государственного суверенитета, который столетиями служил единственной — пусть и несовершенной — гарантией против произвола сильных государств. В эпоху классического колониализма отрицание суверенитета «нецивилизованных» народов было открытым и непреложным, однако по мере слома колониальной системы в результате появления государств социалистического блока и национально-освободительной борьбы за независимость появились «стандарты цивилизаций», которые сопряжены с формулировкой критериев признания/непризнания той или иной страны равноправным членом международного общества (Миронов, 2017, с. 359). Такие «стандарты», по сути, являются закамуфлированным средством, применяемым западными странами для сохранения своего господства над территориями бывших колоний. В свою очередь, эти «стандарты» включают самые разнообразные практики контроля, одной из которых является создание так называемых «зон исключения».

Актуальность исследования данной проблемы обусловлена тем, что подобные зоны перестали быть локальными аномалиями, характерными лишь для периодов военных конфликтов. Традиционные войны уступают место сложным гибридным противостояниям, где силовые операции сочетаются с экономическим давлением, информационными кампаниями и политическими манипуляциями, в том числе через использование подконтрольных (марионеточных) фигур и структур. Сегодня это системный инструмент внешней политики, применяемый для проецирования силы, устранения конкурентов и удержания контроля над стратегически важными регионами. «Зоны исключения» могут принимать различные формы и иметь разную структуру. Их объединяет общая логика: создание правового вакуума, в котором воля внешнего актора подменяет любой закон, за исключением того, который помогает достигать своих целей. Важно отметить, что данная практика является не спонтанной реакцией на угрозы, а продуманной стратегией, уходящей корнями в колониальное прошлое и адаптированной к современным реалиям. Концепции, ранее применявшиеся для управления зависимыми территориями, сегодня возрождаются в форме экстерриториальной юрисдикции и избирательного (не)применения норм международного права.

Цель исследования — определение политико-правового содержания категории «зона исключения» посредством ее теоретической демаркации от смежных понятий, а также выявление функциональной роли военно-морской базы США в Гуантанамо на различных этапах ее функционирования.

Достижение поставленной цели обусловило необходимость решения следующих задач:

– сформулировать доктринальное определение «зоны исключения» и выделить комплекс критериев, дифференцирующих ее от иных политико-пространственных режимов;

– установить этапы институциональной трансформации базы в Гуантанамо с определением ее стратегического назначения на каждом из них;

– оценить применимость международно-правовых механизмов, доступных государствам для защиты своего суверенитета в условиях размещения на их территории подобных экстерриториальных анклавов.

Архитектоника исследования подчинена логике решения перечисленных задач.

Источниковая база исследования формируется из ряда взаимодополняющих видов документов.

Первую группу составляют материалы рассекреченного фонда Архива национальной безопасности США (*National Security Archive*, Университет Джорджа Вашингтона), включая документы проекта «Куба» (*Cuba Project*, операция «Мангуст») и меморандум Объединенного комитета начальников штабов «Обоснование военного вмешательства США на Кубе»

от 13 марта 1962 г., известных под кодовым обозначением «Нортвудс»[1]. Документы рассекречены и введены в оборот на основании Закона о свободе информации (*Freedom of Information Act*, FOIA), принятого в 1966 г. и вступившего в силу в 1967 г.[2], а также в рамках проекта архива по кубинскому направлению[3].

Вторую группу образуют советские и российские архивные материалы об операции «Анадырь», частично опубликованные и введенные в научный оборот С.В. Каракаевым (Каракаев, 2013).

Третью группу составляют нормативно-правовые документы и материалы судебной практики: соглашение об аренде земель под угольные и морские станции от 16/23 февраля 1903 г.[4], дополнительное соглашение об аренде от 2 июля 1903 г.[5], кубино-американские договоры об отношениях 1903 и 1934 гг.[6], «поправка Платта»[7], Национальный закон об оборонных ассигнованиях США 1961 г. (*National Defense Authorization Act*, NDAA)[8], а также консультативное заключение Международного суда ООН 2019 г. по вопросу об отделении архипелага Чагос[9] и резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/73/295[10].

Методология исследования

Концептуальной основой для понимания мотивов создания «зон исключения» служит классический политический реализм. Несмотря на постоянные оговорки Г. Моргентау относительно необходимости соотнесения политики с этикой, политический реализм в его понимании — это прежде всего политика силы, проводимая исключительно в собственных интересах: «Цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой» (Morgenthau, 1949, p. 440). Под национальным интересом он понимает государственный интерес, а не интерес нации. В пределе эта концепция нацеливает политического актора на стремление подчинения себе возможно большего политического пространства (Шабага, 2015, с. 29). В случае политической

[1] Chairman, Joint Chiefs of Staff. Memorandum to the Secretary of Defense "Justification for US Military Intervention in Cuba", 13 March 1962 // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/CMC-60/joint-chiefs-pretexts-to-invade-Cuba-1962 (accessed: 24.06.2026).

[2] Public Information Act of 1966, 5 U.S.C. § 552 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-80/pdf/STATUTE-80-Pg250.pdf (accessed: 24.06.2026).

[3] The Cuba Project // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/project/cuba-project (accessed: 24.06.2026).

[4] Agreement Between the United States and Cuba for the Lease (Subject to Terms to be Agreed upon by the Two Governments) to the United States of Lands in Cuba for Coaling and Naval Stations, February 16/23, 1903 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historical-documents/frus1903/d331 (accessed: 24.06.2026).

[5] Lease to the United States by the Government of Cuba of Certain Areas of Land and Water for Naval or Coaling Stations in Guantanamo and Bahia Honda, July 2, 1903 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1903/d332 (accessed: 24.08.2026).

[6] См.: Naval Station Guantanamo Bay: History and Legal Issues Regarding Its Lease Agreements // Congressional Research Service. URL: https://www.congress.gov/crs-product/R44137 (accessed: 24.06.2026); Treaty Between the United States of America and Cuba, Signed at Washington, May 29, 1934 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1934v05/d170 (accessed: 24.06.2026).

[7] Treaty Between the United States and the Republic of Cuba Embodying the Provisions Defining Their Future Relations as Contained in the Act of Congress Approved, March 2, 1901; 5/22/1903; Perfected Treaties, 1778–1945; General Records of the United States Government, Record Group 11; National Archives Building, Washington, DC // U.S. National Archives and Records Administration. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/platt-amendment (accessed: 24.06.2026).

[8] An Act to Authorize Appropriations for Aircraft, Missiles, and Naval Vessels for the Armed Forces, and for Other Purposes, June 21, 1961 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-75/pdf/STATUTE-75-Pg94-2.pdf (accessed: 24.06.2026).

[9] Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965. Advisory Opinion of 25 February 2019. P. 95 // International Court of Justice. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/169/169-20190225-ADV-01-00-EN.pdf (accessed: 24.06.2026).

[10] Resolution A/RES/73/295 Adopted by the General Assembly on 22 May 2019 "Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965" // United Nations. URL: https://docs.un.org/en/A/RES/73/295 (accessed: 24.06.2026).

слабости (абсолютной или относительной) политический реализм указывает на путь приспособления к обстоятельствам с целью достижения самого желаемого из возможного (Шабага, 2015, с. 29). Вместе с тем для осуществления подобного силового вмешательства необходимы стратегические опорные плацдармы. «Зоны исключения» вполне удовлетворяют этому запросу, поскольку создание экстерриториального анклава видится рациональным способом обеспечения национальных интересов при минимальных издержках.

Системный характер и закономерности устойчивого воспроизводства данных зон во многом детерминированы логикой неореализма (структурного реализма), концептуализированной К. Уолтцем (Waltz, 1979). Он полагал, что структуры, определяющие состояние и развитие международной системы, могут различаться по потенциалу (силе), функциям (назначению) и организованности (негэнтропийности) (Waltz, 1979; Шабага, 2015, с. 29). Самой важной структурной характеристикой К. Уолтц считал силу, но придавал большое значение не только ее военной, но и финансовой, экономической и другим составляющим (Waltz, 1979; Шабага, 2015, с. 29). На макроуровне межгосударственных отношений этот теоретический аппарат позволяет характеризовать «зоны исключения» как инструмент структурного влияния, с помощью которого великая держава обеспечивает свое присутствие через экстерриториальные анклавы, избегая издержек прямой аннексии и формально соблюдая принцип суверенного равенства. При этом на институциональном уровне структурно-функциональный подход позволяет рассматривать подобные зоны не как единичные отклонения от нормы, а как элементы более широкой системы проецирования силы, выполняющие военные, разведывательные, правовые и политические функции.

Политико-правовое измерение человеческого существования внутри «зоны исключения» и механизмы осуществляемого над ним властного воздействия позволяет осмыслить постструктуралистская политическая философия. Отправной точкой для такого анализа выступает разработанная М. Фуко теория «биовласти» (биополитика). Классическая биополитика («биовласть» и «биоистория»), по мнению М. Фуко, фокусируется на управлении жизненными процессами населения (сбережении, регулировании рождаемости) ради усиления государства (Foucault, 2004, pp. 239–242). М. Фуко определяет биополитику как попытку «рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство…» и подчеркивает далее, что эти проблемы «неотделимы от рамок политической рациональности» (Foucault, 2008, p. 317). То есть биополитика — это прежде всего процесс, действие, нацеленное на управление населением и сопряженное с реализацией конкретной политической идеи (Аласания, 2018, с. 71). Биополитика, понятая таким образом, оказывается формой существования самой власти (фактически биовласти) (Аласания, 2018, с. 71). В этом подходе власть определяется не как карающий меч, а как механизм оптимизации витальных ресурсов в интересах государственного организма (Foucault, 2004). Однако экспансия биовласти не влечет за собой автоматическую отмену суверенной прерогативы государства на насилие; напротив, происходит глубокая функциональная трансформация этой прерогативы. Классическое право суверена «лишать жизни или оставлять в живых» перерождается в технологию «позволять умирать» (*laisser mourir*). В условиях «зоны исключения» эта установка материализуется в практике системного отчуждения субъекта от правовой защиты, медицинского обеспечения и социальных коммуникаций. Таким образом, биополитика реализуется через создание условий, в которых человеческая жизнь, оставаясь биологически сохранной, выводится за пределы политического и правового существования.

Антиподом биополитики представляется некрополитика. Так, Д.В. Попов на основе работ Ахилла Мбембе понимает под некрополитикой предельное выражение негантропной

(человекоотрицающей) биополитики (Попов, 2019, с. 91). Некрополитика редуцирует биополитику не просто к контролю над послушным телом, а к тотальному подчинению под непосредственной и зримой угрозой смерти (Попов, 2019, с. 91). Некрополитика в трактовке А. Мбембе может рассматриваться как право диктовать условия, при которых субъект может быть подвергнут уничтожению или переведен в бесправное состояние (Mbembe, 2003, pp. 16–25; Голофаст, 2021, с. 253). Иными словами, речь идет об абсолютной власти над субъектом, что выражается и в способности обрекать его на существование в режиме «живого мертвеца». «Зоны исключения», будь то спецобъекты в заливе Гуантанамо, секретные тюрьмы или «серые зоны» конфликтов, являются материальным воплощением некрополитической власти. Они создаются для реализации «права сильного» на применение в отношении «слабого» различных форм насилия, не сковывая себя рамками национального или международного права. Внутри периметра базы в отношении содержащихся в тюрьме лиц перестают действовать какие-либо механизмы защиты прав человека. Человек (как правило, граждане иностранных государств) остается один на один с военно-репрессивной машиной, обрекающей его на пытки и готовой уничтожить его в любой момент.

Состояние подобного абсолютного бесправия, когда физическое выживание субъекта сопровождается полным аннулированием его правового статуса, тесно связано с понятием «социальной смерти». Социальная смерть — это состояние людей, не признанных обществом в полной мере людьми. Иными словами, это процесс и результат самоустранения и/или исключения социального субъекта из жизни социума. Главными признаками социальной смерти являются потеря свободы как необходимого условия для самореализации; потеря социальной идентичности, которая ведет к невозможности самоопределения; отрицание личностью общепринятых норм и ценностей; осознанный отказ от взаимодействия в сфере общественной жизни. Это состояние было впервые описано социологом О. Паттерсоном при исследовании институтов рабства для описания положения раба: раб, будучи физически живым, социально был мертв (лишен имени, родственных связей (Garcia, 2025, p. 472), чести и прав). В условиях современной гибридной войны эта концепция масштабируется, переносясь с уровня отдельного индивида на уровень социальных групп, включая государственных лидеров и представителей политических элит. Гибридная война призвана, среди прочего, посеять уныние, отчаяние, страх и внушить бесперспективность какого-либо сопротивления. И здесь, как нам представляется, закон перехода количественных изменений в качественные будет проявляться достаточно четко — от сломленной воли индивида к сломленной воле масс.

«Социальная смерть» представляет собой искусственно моделируемое состояние, процесс систематического стирания юридической и политической субъектности. Это не одномоментный акт, а длительная процедура десубъективации. Субъект превращается в «голую жизнь» (*homo sacer* в терминологии Дж. Агамбена), в фигуру, полностью выведенную за пределы правового поля (Агамбен, 2011).

Концептуальное развитие этой идеи находит отражение в трудах Дж. Агамбена «Homo sacer» (Агамбен, 2011) и «Состояние исключения» (Agamben, 2004), где категория «чрезвычайного положения» интерпретируется как топологическое пространство, в котором суверен санкционирует приостановку правопорядка ради его парадоксального сохранения. В этой логике субъект, помещенный в «зону исключения», подвергается радикальной деполитизации: он лишается *bios* (определенной формы или способа жизни, свойственного индивиду или группе, то есть социально и юридически квалифицированного бытия гражданина) и низводится до состояния *zoē* (простого факта биологической жизни, общего для всех живых существ — животных и людей) (Агамбен, 2011). Суверенная власть лишает индивида его политической субъектности (*bios*), но при этом не отпускает его в состоя-

ние естественной, природной свободы. Напротив, как подчеркивает Дж. Агамбен, результатом такого властного исключения становится не просто возврат к животной *zoē*, а производство «голой» или «священной жизни» (*sacred life*) как специфической зоны неразличения, в которой *zoē* и *bios* взаимно исключают и одновременно поглощают друг друга (Агамбен, 2011, с. 87). Эта «голая жизнь» представляет собой сугубо биологический субстрат, в отношении которого суверенная власть реализуется безотносительно к каким-либо правовым ограничениям. Именно этот метафизический принцип детерминирует специфику правового режима пенитенциарного комплекса Гуантанамо. Конструирование «правового нигде» осуществляется через намеренный отказ в наделении задержанных статусом военнопленных, защищенных нормами Третьей Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными (в частности ст. 4, определяющей критерии статуса военнопленного)[11], или статусом обвиняемых, обладающих процессуальными гарантиями национального законодательства. Результатом подобного институционального лишения прав человека становится возникновение уникальной юрисдикции, в которой индивид продолжает физическое существование, полностью утрачивая при этом качество субъекта права.

Технологический цикл производства «социальной смерти» представляет собой многоступенчатый процесс, реализация которого начинается задолго до физического задержания оппонента. Первым и определяющим этапом является символическая, или дискурсивная, делегитимация. Глобальные медийные ресурсы, включая информационные агентства и социальные сети, запускают процесс семантической дегуманизации объекта. Закрепление ярлыков «враг демократии», «пособник терроризма», «наркотеррорист», «кровавый убийца» или «военный преступник» выполняет функцию не просто оскорбления, а своего рода маркера исключения. Это сигнал международным институтам и целым государствам о том, что на данного субъекта больше не распространяются нормы права. Демонизация формирует необходимый когнитивный фон, «новую нормальность», в которой любые агрессивные действия (от санкций до физического похищения) воспринимаются общественным мнением как восстановление справедливости, а не как нарушение суверенитета («силовое правосудие»).

Завершающим актом процедуры десубъективации становится физическое помещение субъекта в материальную «зону исключения», в спецтюрьму или на военную базу (по типу Гуантанамо). На этом этапе процесс достигает кульминации, переходя в фазу непосредственного психофизического подавления. Попадая в эту систему, человек лишается последних атрибутов личности, включая собственное имя, которое заменяется порядковым номером. Субъект изымается из привычной среды, изолируется от информационной и культурной сферы. Внутри зоны применяются специальные техники разрушения личности: сенсорная депривация или перегрузка, лишение сна, принудительное кормление и унизительные процедуры досмотра. Целью данных практик является не столько получение информации, сколько полный слом воли и деконструкция личности, превращение человека в послушный биологический объект. Узник «зоны исключения» перестает быть политическим противником, с которым возможны переговоры, или военнопленным, защищенным конвенциями. Он трансформируется в бесправный объект, чья судьба служит инструментом устрашения для любых сил, готовых бросить вызов гегемонии, и наглядной демонстрацией неспособности международного права защитить того, кто был приговорен к «социальной смерти».

Связующим звеном изложенного выступает правовая конструкция «расщепленного суверенитета». Она позволяет обосновать взаимодополняющий характер выбранных подхо-

[11] Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. Принята 12 августа 1949 года Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения: 24.06.2026).

дов: параметры «зоны исключения» задаются на межгосударственном уровне, однако правовые последствия этих решений напрямую отражаются на положении человека.

Таким образом, теория политического реализма раскрывает политико-правовые предпосылки формирования такого вакуума, тогда как постструктурализм описывает его воздействие на личность. В современных исследованиях экстерриториальных режимов (Borgen, 2024; Cantor et al., 2022) именно такой ракурс позволяет проследить прямую связь между геополитическими решениями государства и фактической утратой индивидом правовой защиты.

Феномен «зон исключения»: понятие и специфика политико-правового режима

Распространение экстерриториальной юрисдикции в современных условиях перестает восприниматься в качестве юрисдикции «последнего уровня», принимая во внимание возможность ее установления применительно к публично-правовым отношениям (Терентьева, 2019, с. 161). Это объясняется тем, что в современном мире пределы распространения всеобъемлющей юрисдикции государств очерчиваются не только рамками физически определенных государственных границ, но и тем, что глобальные игроки называют зоной своих жизненно важных интересов, защита которых строится по известному принципу Н. Макиавелли: «Цель оправдывает средства». По сути, речь идет о возможности одних государств осуществлять действия, ущемляющие суверенитет других государств, причем на территории последних. В таких условиях проявление экстерриториальной юрисдикции становится все более частым явлением (Терентьева, 2019, с. 161). Как следствие, выделение «зоны исключения» в самостоятельную исследовательскую категорию обусловлено потребностью разрешить сложившуюся терминологическую амбивалентность. Смешение данного термина со смежными понятиями требует его четкой категориальной демаркации.

Следует учитывать разграничение между «зоной исключения» и «неконтролируемой территорией», которое встречается в работах В.А. Колосова (Колосов, Себенцов, Туров, 2021; Себенцов, Колосов, 2012). Именно он одним из первых обратил внимание на частое несовпадение официальной и фактической юрисдикций над той или иной территорией в ряде стран (Окунев, Шестакова, 2022, с. 172). Заметим, что А.Б. Себенцов и В.А. Колосов приводят схожие по значению термины, встречающиеся в работах А.И. Фурсова («серая зона») (Фурсов, 1999), А.И. Неклессы (территории «транзитной государственности») (Неклесса, 1997) и др.

В зарубежной литературе наиболее распространен термин «неуправляемая территория» (*ungoverned territories* (Schetter, 2012) / *areas* (Lamb, 2008) / *spaces* (Whelan, 2006) / *zones* (Botchway, 2017)). С. Макдональд (MacDonald, 1993) и К. Рауфер (Raufer, 1999) употребляют примерно в том же значении термин «серая зона» (*grey area*). Так, С. Макдональд определяет «серую зону» как территорию или сферу деятельности, над которой правительство теряет эффективный контроль (MacDonald, 1993, p. 34). В свою очередь К. Рауфер описывает такие зоны как пространства анархии, окончательно вышедшие из-под юрисдикции государства и закрытые для внешнего мира (Raufer, 1999, p. 32). Главная особенность этих территорий заключается в том, что официальные институты полностью утрачивают там свою силу, а реальная власть переходит к нелегальным теневым структурам (Raufer, 1999, p. 32).

Общим для всех перечисленных понятий является указание на разрыв между формальной и фактической властью над территорией. Однако во всех этих случаях разрыв возникает стихийно вследствие слабости институтов, вооруженного конфликта или криминальной активности. Принципиальное отличие «зоны исключения» состоит в том, что разрыв создается намеренно и оформляется юридически: он является не дефектом правопорядка, а его следствием.

С учетом изложенного под «зоной исключения» в данном исследовании понимается экстерриториальный анклав, целенаправленно

создаваемый доминирующим государственным актором на территории суверенного государства на договорной основе посредством разделения формального титула на территорию и фактической власти над ней и характеризующийся совокупностью пяти признаков: юрисдикционного дуализма, нормативной неопределенности, функциональной полицентричности, институциональной устойчивости и информационной герметичности.

Юрисдикционный дуализм означает, что формальный суверенитет над территорией сохраняется за государством-хозяином, тогда как административная, военная и правовая власть фактически принадлежит государству-арендатору. Эта дихотомия закрепляется в специфических договорных формулах, разграничивающих «верховный суверенитет» (*ultimate sovereignty*) и «полный оперативный контроль» (*complete jurisdiction and control*), что и было сделано в кубино-американских соглашениях 1903 г.[12] и подтверждено договором 1934 г.[13]

Нормативная неопределенность является следствием такого дуализма: действие национального права территориального суверена блокируется, а нормы международного гуманитарного права и принципы универсальной юрисдикции применяются государством, осуществляющим фактический контроль, избирательно. Создаваемая таким образом зона правовой неопределенности становится инструментом для реализации операциональных задач, выведенных за рамки конвенционального правового поля.

Функциональная полицентричность отличает «зону исключения» от обычной иностранной военной базы, статус которой определяется соглашением о статусе вооруженных сил. Такая база выполняет строго определенный перечень функций, тогда как «зона исключения» одновременно сочетает в себе роли военно-стратегического плацдарма, форпоста для специальных разведывательных операций и внеправового пространства для содержания под стражей, выступая материальным воплощением асимметрии суверенных возможностей.

Институциональная устойчивость проявляется в том, что, в отличие от оккупационного режима, ограниченного во времени и урегулированного IV Женевской конвенцией 1949 г., «зона исключения» приобретает бессрочный характер и защищается от ликвидации внутренними правовыми механизмами самого государства-арендатора. В случае базы США на Гуантанамо такую защиту обеспечивают положения законов об ассигнованиях на нужды национальной обороны, начиная с Национального закона об оборонных ассигнованиях США 1961 г.[14]

Информационная герметичность «зоны исключения» обеспечивается либо полной депортацией местного населения, либо режимом закрытости, исключающим независимый гражданский и правозащитный мониторинг. Первый вариант был реализован на архипелаге Чагос в Индийском океане, где в 1968–1973 гг. Великобритания принудительно выселила коренное население (народ илои) на Маврикий и Сейшельские о-ва, чтобы разместить на острове Диего-Гарсия совместную с США военную базу (Motluk, 2024; Chowdhury, 2024). В 2019 г. Международный суд ООН признал отделение

[12] См.: Agreement Between the United States and Cuba for the Lease (Subject to Terms to be Agreed upon by the Two Governments) to the United States of Lands in Cuba for Coaling and Naval Stations, February 16/23, 1903 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1903/d331 (accessed: 24.06.2026); Lease to the United States by the Government of Cuba of Certain Areas of Land and Water for Naval or Coaling Stations in Guantanamo and Bahia Honda, July 2, 1903 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1903/d332 (accessed: 24.08.2026).

[13] Treaty Between the United States of America and Cuba, Signed at Washington, May 29, 1934 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1934v05/d170 (accessed: 24.06.2026).

[14] An Act to Authorize Appropriations for Aircraft, Missiles, and Naval Vessels for the Armed Forces, and for Other Purposes, June 21, 1961 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-75/pdf/STATUTE-75-Pg94-2.pdf (accessed: 24.06.2026).

архипелага от Маврикия в 1965 г. противоречащим праву народов на самоопределение[15], что поддержала Генассамблея ООН[16]. Показательно, что урегулирование 2025 г., по которому Великобритания признала суверенитет Маврикия над архипелагом, сохранило базу на условиях аренды сроком на 99 лет[17]: смена формального титула не устранила саму зону, а лишь переоформила ее правовое основание. Это подтверждает, что определяющим признаком «зоны исключения» является не принадлежность титула, а его отделенность от фактического контроля.

Институциональное устройство таких зон раскрывается через политико-правовую категорию «расщепленного суверенитета». Исторически данный концепт восходит к классической теории делимости суверенитета, изначально обосновавшей распределение властных полномочий в федеративных государствах (Черняк, 2005, с. 15). В современном научном дискурсе эта идея развивается в рамках теорий разделенного суверенитета (Януш, Мухарямов, 2025, с. 52) и делимости суверенитета (Грибунов, Степанова, 2023, с. 31). При экстраполировании данной категории на специфику исследуемого феномена в развитие идей М. Штрауса о статусе экстерриториальных аренд (Strauss, 2007) данный подход предполагает искусственное разделение формального титула владения территорией и фактической власти над ней. Традиционная Вестфальская модель постулирует неразрывную связь триады «территория — население — власть» (Карпиленя, 2020, с. 32), где суверен обладает всей полнотой юрисдикции в своих границах. Однако практика создания «зон исключения» базируется на намеренном разрыве этих компонентов.

Указанные анклавы, выведенные за пределы национальной юрисдикции, не следует воспринимать исключительно как рудименты колониальной эпохи или досадные пробелы в международно-правовом регулировании отношений между странами. Напротив, они представляют собой продукт современной «геополитической инженерии», созданный для обеспечения скрытого влияния ведущих держав в условиях формального юридического равенства государств. Генезис данных зон неразрывно связан с эволюцией стратегий доминирования, демонстрирующей переход от прямого физического захвата территорий к формированию сложной системы экстерриториальных узлов. Такой подход позволяет проецировать силу в глобальном масштабе, минимизируя политические и правовые издержки. В данном контексте институт экстерриториальности утрачивает характер дипломатической привилегии и трансформируется в инструмент гибридной войны, то есть в механизм, посредством которого сильный актор формирует пространство стратегического влияния в пределах границ более слабого актора.

Сопоставление «зоны исключения» со смежными пространственно-правовыми режимами по указанным основаниям представлено в таблице.

Предложенная система критериев позволяет дифференцировать «зоны исключения» от смежных пространственных режимов. Данный подход объясняет и высокую степень устойчивости таких образований: их статус базируется не на фактическом контроле территории, который всегда носит обратимый характер, а на обязывающем международном договоре. При этом расторжение такого соглашения юридически поставлено в прямую зависимость от согласия самого государства-выгодоприобретателя.

[15] Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965. Advisory Opinion of 25 February 2019. P. 95 // International Court of Justice. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/169/169-20190225-ADV-01-00-EN.pdf (accessed: 24.06.2026).

[16] Resolution A/RES/73/295 Adopted by the General Assembly on 22 May 2019 “Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965” // United Nations. URL: https://docs.un.org/en/A/RES/73/295 (accessed: 24.06.2026).

[17] Agreement between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the Republic of Mauritius Concerning the Chagos Archipelago Including Diego Garcia. London and Port Louis, 22 May 2025 // UK Government. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/682f25afc054883884bff42a/CS_Mauritius_1.2025_Agreement_Chagos_Diego_Garcia.pdf (accessed: 25.06.2026).

Отграничение «зоны исключения» от смежных пространственно-правовых режимов

Понятие	Основание возникновения	Субъект фактического контроля	Характер во времени	Отличие от «зоны исключения»
«Зона исключения»	Международный договор (аренда, уступка юрисдикции)	Иностранное государство	Бессрочный (институционализированный)	–
Неконтролируемая территория (В.А. Колосов)	Слабость институтов государства-хозяина	Негосударственные акторы либо никто	Переменный	Разрыв юрисдикций возникает стихийно, а не создается договором
«Серая зона» в пространственном значении (А.И. Фурсов, С.С. Макдональд, К. Рауфер)	Утрата эффективного контроля государством в пользу теневых структур	Негосударственные акторы (вооруженные и/или криминальные)	Ситуативный (конъюнктурный)	Отсутствует внешний суверен, юридически оформивший экстерриториальный контроль
Территории «транзитной государственности» (А.И. Неклесса)	Незавершенность государственного строительства	Формирующиеся местные институты	Переходный	Состояние носит временный и сугубо внутренний по природе характер
Несостоявшееся государство (*failed state*)	Утрата государством монополии на легитимное насилие	Конкурирующие внутренние группировки	Перманентно-кризисный	Правовой вакуум носит не проектируемый, а стихийный характер (распад институтов)
Оккупированная территория (IV Женевская конвенция 1949 г.)	Установление фактической власти вооруженных сил противника	Оккупирующая держава	Временный, до прекращения оккупации	Режим прямо урегулирован и ограничен международным гуманитарным правом
Иностранная военная база на условиях соглашений о статусе сил (войск) (*Status of Forces Agreement*, SOFA)	Соглашение о статусе вооруженных сил	Государство пребывания с изъятиями в пользу направляющего государства	Ограниченный сроком договора	Юрисдикция государства-хозяина сохраняется, функции арендатора ограничены военными
Зависимая территория (несамоуправляющаяся)	Колониальное наследие, международная система опеки / управления	Управляющая держава	Долгосрочный (до реализации права народов на самоопределение)	Отсутствует договорное расщепление суверенитета независимых государств; статус регулируется Уставом ООН

Источник: составлено О.А. Кузнецовой, А.С. Холоимовой, Л.Р. Клебановым и М.М. Маджумаевым.

Этапы становления базы Гуантанамо как «зоны исключения»

В современном мире ярким примером «зоны исключения» является база военно-морских сил США в заливе Гуантанамо.

База Гуантанамо (занимает 117 кв. км и расположена в 920 км к юго-западу от Гаваны, Куба) получила всемирную «дурную славу» из-за пыток и массовых нарушений прав человека в секретной тюрьме на территории базы: с 2002 по 2022 г. в Гуантанамо содержалось около 780 мужчин и мальчиков-мусульман, почти во всех случаях — без предъявления обвинений и суда. По состоянию на июль 2026 г., там содержится 15 человек[18]. Заключенные Гуантанамо в основном являются гражданами стран, которые, по мнению представителей администрации США, причастны к террористической деятельности. Задержанные были захвачены на чужой территории, им не было предъявлено никаких конкретных обвинений (Кудинов, Микрикова, 2023, с. 5–12). Следует заметить, что эта база может функционировать не только как военно-морская, но и как военно-воздушная база.

[18] The Guantánamo Docket // The New York Times. Updated July 27, 2026. URL: https://www.nytimes.com/interactive/2021/us/guantanamo-bay-detainees.html#indefinite (accessed: 25.08.2026).

История создания и использования базы неразрывно связана с историей взаимоотношений Кубы и США и включает в себя пять этапов:

1) правовое оформление расщепленного суверенитета (1898–1934 гг.);

2) использование базы как инструмента вмешательства США во внутриполитические процессы Кубы (1934–1958 гг.);

3) превращение базы в плацдарм подготовки вторжения США на Кубу (1959–1962 гг.);

4) применение в качестве пространства отказа в правосубъектности мигрантам (1991–1996 гг.);

5) функционирование как внеправового места содержания под стражей в период афганской кампании (2001–2021 гг.).

События января 2026 г. открывают шестой этап, содержание которого еще формируется.

Правовое оформление расщепленного суверенитета (1898–1934 гг.)

Свое начало американская экспансия на Кубе берет в 1898 г., когда США под предлогом помощи кубинцам в освобождении от испанского господства захватили бухту Гуантанамо с помощью отряда морской пехоты, правда, удержаться американским солдатам помогли кубинцы из Освободительной армии.

Правовое оформление присутствия проходило в несколько этапов. 2 марта 1901 г. Сенат США принял в качестве поправки к Законопроекту об ассигнованиях на содержание армии 1901 г. (*Army Appropriations Bill of 1901*) предложение сенатора О. Платта, состоящее из восьми статей и существенно ограничившее суверенитет Кубы[19]. Речь идет о ст. III, VI, VII и VIII. В частности, ст. III предоставляла США право на интервенцию с целью «охраны независимости» Кубы, ст. VI передавала США о-в Пинос, а ст. VII обязывала Кубу продать или передать в аренду США часть территорий для обустройства угольных баз и морских станций. Ст. VIII, в свою очередь, требовала включить поправку в постоянный договор между США и Кубой[20].

Во исполнение ст. VII 16 февраля 1903 г. президент Кубы Т. Эстрада Пальма, а 23 февраля того же года президент США Т. Рузвельт подписали Соглашение об аренде земель под угольные и морские станции. Именно этот документ содержит формулу, которая впоследствии стала юридической основой режима: Куба сохраняет за собой «верховный суверенитет» (*ultimate sovereignty*), тогда как США получают «полную юрисдикцию и контроль» (*complete jurisdiction and control*) над территорией базы (Cantor et al., 2022, p. 143), однако точное содержание двух этих понятий в документе не раскрыто. Как известно, контроль над территорией — естественная потребность любого государства, поскольку позволяет ему получать ресурсы для существования, служит основой его суверенитета, отличает от других политических организаций (Окунев, Шестакова, 2022, с. 173).

29 мая 1903 г. был подписан Договор об отношениях, инкорпорировавший «поправку Платта» в двусторонний договор[21], а 2 июля 1903 г. было заключено дополнительное соглашение, определившее условия аренды, включая ежегодный платеж в размере 2 тыс. долл. США золотом[22].

[19] Treaty Between the United States and the Republic of Cuba Embodying the Provisions Defining Their Future Relations as Contained in the Act of Congress Approved, March 2, 1901; 5/22/1903; Perfected Treaties, 1778–1945; General Records of the United States Government, Record Group 11; National Archives Building, Washington, DC // U.S. National Archives and Records Administration. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/platt-amendment (accessed: 24.06.2026).

[20] Treaty Between the United States and the Republic of Cuba Embodying the Provisions Defining Their Future Relations as Contained in the Act of Congress Approved, March 2, 1901; 5/22/1903; Perfected Treaties, 1778–1945; General Records of the United States Government, Record Group 11; National Archives Building, Washington, DC // U.S. National Archives and Records Administration. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/platt-amendment (accessed: 24.06.2026).

[21] Treaty Between the United States of America and Cuba, Signed at Washington, May 29, 1934 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1934v05/d170 (accessed: 24.06.2026).

[22] Lease to the United States by the Government of Cuba of Certain Areas of Land and Water for Naval or Coaling Stations in Guantanamo and Bahia Honda, July 2, 1903 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1903/d332 (accessed: 24.08.2026).

Специфика данного международно-правового режима обусловлена тем, что ни одно из соглашений не раскрывает нормативного содержания указанных категорий и не устанавливает критериев их разграничения. В текстах документов не указан объем правомочий, сохраняемых за территориальным сувереном, не определен правопорядок, применимый к находящимся на базе лицам, и не предусмотрен институциональный механизм разрешения споров о компетенции. Подобная правовая неопределенность представляет собой не технический пробел договора, а его фундаментальную функциональную особенность. Сложившаяся конструкция позволяла каждой из сторон апеллировать к собственному основанию (Кубе — к номинальному титулу, США — к фактическому контролю) в условиях отсутствия наднациональной инстанции, уполномоченной разрешать юрисдикционные противоречия. Как отмечает М. Штраус, исследуя эту модель через призму институтов международной аренды и сервитутов, подобное расщепление не интегрирует территорию в обе правовые системы, а, напротив, выводит ее за пределы действия каждой из них (Strauss, 2007). Таким образом, именно намеренная нормативная амбивалентность соотношения этих статусов трансформирует классическую договорную аренду в экстерриториальную «зону исключения».

В 1934 г. был заключен новый Договор об отношениях, отменивший «поправку Платта»[23]. Однако ст. III прямо сохранила действие соглашений об аренде Гуантанамо и установила, что их изменение или прекращение возможно только по взаимному согласию сторон. Тем самым устранение правового основания ограничения суверенитета Кубы не повлекло устранения самого ограничения, а условие обоюдного согласия придало режиму бессрочный характер.

Инструмент вмешательства во внутриполитические процессы Кубы (1934–1958 гг.)

На втором этапе база использовалась как ресурс воздействия на внутреннюю политику государства пребывания. Сразу же после Второй мировой войны, в 1946 г., правительство США пыталось убедить кубинское правительство оставить базы, созданные по Соглашению о военно-морском сотрудничестве от 7 сентября 1942 г., в американском распоряжении еще на несколько лет. Официальным обоснованием этого требования выступали «интересы обороны полушария» — военно-стратегическая концепция, предполагающая защиту всего Западного полушария (Северная и Южная Америка, включая Карибский бассейн) как единого пространства безопасности[24]. Однако рост патриотических и национально-освободительных настроений на Кубе заставил тогдашнее руководство страны занять решительную позицию в этом вопросе: США были вынуждены вернуть временные военные базы, и только база в Гуантанамо осталась под контролем США (Бородаев, 2015, с. 112).

В военном перевороте под руководством Ф. Батисты, произошедшем на Кубе 10 марта 1952 г., персонал базы Гуантанамо, судя по всему, тоже играл определенную роль. Как отмечает В.А. Бородаев, военный атташе посольства США в Гаване Ф. Хук находился вместе с Ф. Батистой в крепости «Колумбия» в ночь, когда произошел переворот, и координировал по каналам специальной связи переговоры лидера переворота с высокопоставленными военными и гражданскими чиновниками страны. В это же время два американских офицера с базы Гуантанамо находились в гарнизоне

[23] Treaty Between the United States of America and Cuba, Signed at Washington, May 29, 1934 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1934v05/d170 (accessed: 24.06.2026).

[24] См.: Memorandum of Conversation, by the Adviser on Political Relations (Duggan). [Washington,] July 9, 1942 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v06/d311 (accessed: 26.06.2026); The Secretary of State to the Ambassador in Cuba (Braden). Washington, August 24, 1942–4:45 p.m. // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v06/d316 (accessed: 26.06.2026).

Сантьяго-де-Куба (второго по своей значимости на острове). Офицеры, видимо, также выполняли роли координаторов и оставались в гарнизоне до того момента, пока власть в стране полностью не перешла в руки диктатора. Вскоре после переворота Ф. Батиста инициировал разрыв дипломатических отношений с СССР и заявил, что Куба никогда не будет базой для коммунизма (Бородаев, 2015, с. 118–119).

База Гуантанамо использовалась и для помощи Ф. Батисте в борьбе с революционным движением, которое развернулось после прихода диктатора к власти. Часть районов страны контролировалась партизанами, для уничтожения которых США в 1958 г. начали поставлять правительственным войскам оружие и боеприпасы, включая напалмовые бомбы для ВВС. Также американцы разрешили военно-воздушным силам Ф. Батисты использовать базу Гуантанамо для заправки самолетов и загрузки бомб (Бородаев, 2015, с. 123).

Функциональное значение этого этапа состоит в следующем: анклав, юридически выведенный из-под кубинской юрисдикции, обеспечивал внешнему актору возможность участвовать во внутриполитическом процессе, оставаясь физически на территории страны и формально не нарушая ее суверенитет.

Плацдарм подготовки вторжения (1959–1962 гг.)

После прихода к власти на Кубе Фиделя Кастро, 3 января 1961 г., США разорвали дипломатические отношения с «Островом свободы». Впоследствии кубинское правительство прекратило подачу воды на базу в Гуантанамо, и той пришлось перейти на автономное обеспечение водой и электричеством в течение нескольких лет[25]. Именно победа Кубинской революции в 1959 г. ознаменовала собой следующий этап в истории базы Гуантанамо, который связан с такими важнейшими военно-политическими событиями, как операции «Мангуст» и «Анадырь» периода Карибского кризиса 1962 г.

Операция «Мангуст» (известная также как «Кубинский проект», *Cuba Project*) была разработана Центральным разведывательным управлением США и Пентагоном в первый год президентства Дж.Ф. Кеннеди и являлась классическим примером гибридной войны против независимого государства. Материалы этого сверхсекретного когда-то проекта ныне преданы огласке, что позволяет исследователям оценить, насколько циничными были действия руководства США, не гнушавшегося никакими средствами в достижении своей цели по устранению лидера Кубы Фиделя Кастро и ликвидации кубинской независимости. Рассекреченные файлы, в частности меморандум Объединенного комитета начальников штабов «Обоснование военного вмешательства США на Кубе» от 13 марта 1962 г. (кодовое обозначение «Нортвудс»)[26], свидетельствуют о том, что главной задачей этой операции было обеспечить прямое военное вторжение США на Кубу. Однако такое вторжение требовало соответствующего обоснования, предлога: нужно было создать видимость «кубинской угрозы» миру в Западном полушарии и представить США как избавителя от этой угрозы. Базе США в Гуантанамо в этом проекте отводилась особая роль.

Для легитимации вторжения на Кубу требовалось прибегнуть к «легитимной провокации» (в файлах «Мангуста» этот термин значился как "*legitimate provocation*"). Объектом такой «легитимной провокации» и должна была стать американская база в Гуантанамо, в отношении которой планировалось осуществить ряд скоординированных агрессивных действий, ответственность за которые тут же возложить на кубинское правительство. Эти действия включали в себя:

– распространение с использованием подпольных радиостанций устойчивых слухов о вторжении кубинцев на базу;

[25] Naval Station Guantanamo Bay: History and Legal Issues Regarding Its Lease Agreements // Congressional Research Service. URL: https://www.congress.gov/crs-product/R44137 (accessed: 24.06.2026).

[26] Chairman, Joint Chiefs of Staff. Memorandum to the Secretary of Defense "Justification for US Military Intervention in Cuba", 13 March 1962 // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/CMC-60/joint-chiefs-pretexts-to-invade-Cuba-1962 (accessed: 24.06.2026).

– высадка кубинцев-коллаборантов (*friendly Cubans*), одетых в кубинскую военную форму, в районе взлетно-посадочной полосы, для инсценировки нападения на базу;

– захват в плен этих же кубинцев-«диверсантов» на территории базы;

– массовые беспорядки у главных ворот базы, затеянные кубинцами-коллаборантами;

– взрывы боеприпасов на территории базы и стрельба из огнестрельного оружия;

– поджог самолетов на летном поле;

– минометные обстрелы базы с территорий, находящихся за ее периметром, и некоторые разрушения объектов базы;

– захват в плен штурмовых групп, которые атакуют базу с моря или со стороны окрестностей г. Гуантанамо;

– захват в плен групп вооруженного ополчения, штурмующих базу;

– диверсия на корабле в гавани и потопление корабля с последующей церемонией похорон «лже»-погибших.

Все эти манипуляции должны дать немедленный повод для широкомасштабного вторжения США на Кубу[27]. Вполне возможно, что такой повод для вторжения — прямая «атака» на американскую военную базу — был избран потому, что предыдущие планы оправдать возможное американское военное вмешательство с помощью кубинских мятежников из числа эмигрантов успеха не имели. Высадка наемников-эмигрантов («бригада 2506») в заливе Кочинос (район Плая-Хирон) 17 апреля 1961 г. закончилась полным крахом — уже 19 апреля наемники были окончательно разгромлены, многие взяты в плен[28].

Упомянутый меморандум имеет для настоящего исследования значение, выходящее за рамки частного исторического эпизода. Он показывает, что функции базы не сводились исключительно к военно-морским: экстерриториальный статус объекта позволял моделировать ситуации, юридически вменяемые государству пребывания. Стандартная иностранная база исключает подобную двойственность, поскольку нападение на нее квалифицируется как посягательство на территорию государства-хозяина со всеми вытекающими международно-правовыми последствиями. В случае же с Гуантанамо именно расщепление титула и контроля формирует пространство, в котором один и тот же инцидент может трактоваться одновременно и как угроза интересам США, и как деяние кубинской стороны. Именно в этой юрисдикционной асимметрии и выражается специфика «зоны исключения» на данном этапе.

Советское руководство регулярно получало достоверные сведения о том, что США готовят прямое военное вторжение на Кубу, чего Советский Союз никак не мог допустить. Ответом стала сверхсекретная операция Вооруженных Сил СССР «Анадырь», в ходе которой на Кубу была переброшена Группа советских войск на Кубе (ГСВК), оснащенная ядерными ракетами, способными поражать военно-стратегические объекты на всей территории США. В случае боевых действий военно-воздушные силы ГСВК совместно с сухопутными и военно-морскими силами и при поддержке подразделений кубинской армии должны были уничтожить десанты противника и нанести удары по базе Гуантанамо (Каракаев, 2013, с. 37–38).

После получения президентом США Дж. Кеннеди информации о том, что на Кубе находятся советские войска с ядерным оружием, американцы начали активно устанавливать районы дислокации советских ракетных установок, а 22 октября 1962 г. глава Белого дома объявил о морской блокаде Кубы. В своем обращении к американской нации он упомянул и базу Гуантанамо — члены семей военнослужащих были эвакуированы, а сама база получила дополнительное усиление[29]. Стремясь

[27] Chairman, Joint Chiefs of Staff. Memorandum to the Secretary of Defense "Justification for US Military Intervention in Cuba", 13 March 1962. P. 7 // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/CMC-60/joint-chiefs-pretexts-to-invade-Cuba-1962 (accessed: 24.06.2026).

[28] The Bay of Pigs Invasion and Its Aftermath, April 1961–October 1962 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration, U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/milestones/1961-1968/bay-of-pigs (accessed: 26.06.2026).

[29] Address During the Cuban Missile Crisis. Radio and Television Address to the American People on the Soviet Arms Build-Up in Cuba, 22 October 1962 // The John F. Kennedy

реализовать замысел операции «Мангуст», Пентагон довел численность группировки войск для вторжения до 250 тысяч военнослужащих, при этом на самой базе в Гуантанамо находилась усиленная дивизия морской пехоты численностью около 16 тыс. человек (Каракаев, 2013, с. 41), которая входила в гуантанамо-пуэрториканскую группировку, включавшую свыше 30 кораблей[30]. Кризис был урегулирован политическими средствами.

Пространство отказа мигрантам в правосубъектности (1991–1996 гг.)

Следующий этап институционального становления базы Гуантанамо был спровоцирован миграционными кризисами в Карибском бассейне 1990-х гг. Тогда база Гуантанамо сыграла роль «приемного пункта» для беженцев из Гаити: государственный переворот на Гаити в сентябре 1991 г. привел к тому, что несколько тысяч гаитян бежали по морю из страны. В итоге к декабрю на кораблях и иных объектах ВМС США, включая базу в Гуантанамо, находилось свыше 6 тыс. человек[31]. Именно тогда экстерриториальный статус базы был впервые использован как юридическое основание для лишения находящихся там лиц правовой защиты.

В 1994 г. имеющийся контингент пополнился кубинскими мигрантами. Американская администрация организовала на территории базы изоляционные лагеря, полностью отказав задержанным в доступе к процедурам, гарантированным иммиграционным законодательством США. Юридическая аргументация правительства строилась на тезисе о том, что Гуантанамо не является суверенной американской территорией, следовательно, на находящихся там иностранных граждан не распространяются конституционные и статутные гарантии. 18 января 1995 г. Апелляционный суд 11-го округа США поддержал данную позицию. В решении по делу Ассоциация кубино-американских юристов против Кристофера (*Cuban American Bar Association v. Christopher*)[32] суд постановил, что осуществление «юрисдикции контроля» не тождественно обладанию суверенитетом, в связи с чем иностранные мигранты на территории базы не обладают правами, подлежащими судебной защите в американской юрисдикции.

Этот судебный прецедент радикально трансформировал изначальный смысл двустороннего договора. Правовая формула 1903 г., созданная для урегулирования территориального статуса военно-морской станции, впервые стала легальным предлогом для изъятия людей из-под действия права. Механизм расщепления «верховного суверенитета» и «полной юрисдикции» был перенесен с пространственного измерения непосредственно на правовое положение личности. В результате к моменту событий 2001 г. юридический инструментарий для создания полноценной «зоны исключения» оказался полностью сформирован и судебно апробирован.

Внеправовое место содержания под стражей в период афганской кампании (2001–2021 гг.)

Следующим этапом трансформации Гуантанамо в «зону исключения» стало ее использование во время военной кампании США в Афганистане в 2001–2021 гг. Его правовые основы были заложены в первые месяцы после событий 11 сентября 2001 г. Уже 18 сентября Конгресс США принял Резолюцию о применении военной силы (*Authorization for Use of Military Force*), наделившую президента правом применять вооруженную силу против лиц и организаций, причастных

Presidential Library & Museum (National Archives and Records Administration). URL: https://www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/historic-speeches/address-during-the-cuban-missile-crisis (дата обращения: 26.06.2026).

[30] В эти дни исполняется годовщина Карибского кризиса 1962 года. Малоизвестные страницы истории // AfterShock. 24.10.2024. URL: https://aftershock.news/?q=node/1435950&full (дата обращения: 01.04.2026).

[31] Naval Station Guantanamo Bay: History and Legal Issues Regarding Its Lease Agreements // Congressional Research Service. URL: https://www.congress.gov/crs-product/R44137 (accessed: 24.06.2026).

[32] Cuban American Bar Ass'n, Inc. v. Christopher, 43 F.3d 1412 (11th Cir. 1995). United States Court of Appeals, Eleventh Circuit. January 18, 1995 // Human Rights Library. University of Minnesota. URL: https://hrlibrary.umn.edu/refugee/CubanABA_v_Christopher.html (accessed: 26.06.2026).

к терактам[33]. В развитие этого акта 13 ноября 2001 г. президент Дж. Буш-мл. издал приказ о задержании и предании суду военных комиссий иностранных граждан, подозреваемых в терроризме[34]. 11 января 2002 г. на базу прибыла первая группа задержанных, размещенная в лагере *Camp X-Ray* (впоследствии замененном на *Camp Delta*)[35].

Задержанным был присвоен статус «вражеских комбатантов» — правовая конструкция, не предусмотренная ни международным гуманитарным правом, ни национальным уголовно-процессуальным законодательством США (Глазунова, 2011, с. 153). Введение этого статуса означало одновременное лишение лица гарантий двух базовых правовых режимов: защиты военнопленных, предусмотренной III Женевской конвенцией от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными[36], и процессуальных прав гражданских обвиняемых. В результате сформировался беспрецедентный режим, при котором индивид, сохраняя физическое существование, полностью утрачивает качество субъекта права.

Пример базы Гуантанамо наглядно демонстрирует, что «зоны исключения» могут функционировать как механизм сегрегации, отделяющий политико-правовой статус личности (*corpus politicum*) от ее физического существования (*corpus naturale*). Фактически «зона исключения» превратилась в «зону бесправия».

Необходимо отметить, что по периметру базы Гуантанамо в разное время были размещены четыре самостоятельных военных образования: база военно-морских сил США (*Guantanamo Bay Naval Base*), объединенная оперативная группа Гуантанамо (*Joint Task Force Guantanamo*), которую расформировали в 1994 г., Южное отделение Офиса Военной комиссии (*Office of Military Commission—South Detachment*) и места содержания под стражей (*detention facilities*). Именно функционирование последних на территории базы (тюрьма Гуантанамо) стали примером абсолютного расчеловечивания содержащихся там людей, что дало веские основания обвинять всех причастных к созданию и функционированию тюрьмы в совершении преступлений против человечности (Кудинов, Микрикова, 2023, с. 5–12).

Необходимо провести анализ той практики «десубъективации» (исключение из числа субъектов права), которая реализуется внутри базы представителями силовых структур одного государства, при том что эта территория принадлежит другому государству. В современной политической теории такую практику, как уже отмечалось, принято обозначать термином «социальная смерть». Введение категории смерти в политологический анализ международных отношений требует отказа от ее восприятия исключительно как биологического факта прекращения жизнедеятельности. В контексте функционирования «зон исключения» смерть трансформируется в управленческую технологию, наиболее полно описываемую концепцией некрополитики.

Механизм осуществления «социальной смерти» включает две стадии. Первая — идеологическая делегитимация, то есть закрепление за задержанным ярлыков «враг демократии» или «пособник терроризма» как маркеров исключения, сигнализирующих о неприменимости к данному лицу общепризнанных правовых норм. На второй стадии происходит физическая изоляция в материальной «зоне исключения». Здесь лицо лишается последних

[33] Authorization for Use of Military Force, Public Law 107–40, 107th Congress, 115 STAT. 224, September 18, 2001 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ40/pdf/PLAW-107publ40.pdf (accessed: 26.06.2026).

[34] Military Order of November 13, 2001. Detention, Treatment, and Trial of Certain Non-Citizens in the War Against Terrorism, Federal Register Vol. 66, No. 222. 57833 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2001-11-16/pdf/01-28904.pdf (accessed: 26.06.2026).

[35] Lawfulness of Detentions by the United States in Guantánamo Bay : Committee on Legal Affairs and Human Rights Report. Doc. 10497. 8 April 2005 // Parliamentary Assembly of the Council of Europe. URL: https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=10994&lang=EN (accessed: 26.06.2026).

[36] Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. Принята 12 августа 1949 года Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения: 24.06.2026).

атрибутов субъектности (включая имя, которое заменяется порядковым номером), полностью отрезается от внешнего мира и подвергается методикам подавления личности (сенсорная депривация, депривация сна, принудительное кормление). Целью данных мер является не столько допрос, сколько слом воли и превращение человека в бесправный объект. Подобное состояние точно описывается категорией «голой жизни» Дж. Агамбена: субъект деполитизируется и низводится до уровня сугубо биологического существования (*zoē*) (Агамбен, 2011), власть над которым осуществляется вне любых юридических ограничений.

Экстраординарная устойчивость созданного режима подтверждается тем фактом, что для его минимальной корректировки потребовалось вмешательство высшей судебной инстанции США. В деле Расул против Буша (*Rasul v. Bush*) (2004) Верховный суд признал компетенцию федеральных судов рассматривать петиции о правомерности содержания под стражей лиц в Гуантанамо, обосновав это тем, что США осуществляют над базой полный контроль[37]. В деле Хамдан против Рамсфелда (*Hamdan v. Rumsfeld*) (2006)[38] суд признал созданные военные комиссии противоречащими Единому кодексу военной юстиции США (*Uniform Code of Military Justice*) и общей для Женевских конвенций ст. 3 (Конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Женева, 12 августа 1949 г.[39]; Конвенция (II) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, Женева, 12 августа 1949 г.[40]; Конвенция (III) об обращении с военнопленными, Женева, 12 августа 1949 г.[41]; Женевская конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны, Женева, 12 августа 1949 г.[42]).

В ответ Конгресс США принял Закон о военных комиссиях 2006 г.[43], в котором в ст. 7 (e) (1) содержится прямое исключение возможности подачи петиций *habeas corpus* от лиц со статусом «вражеских комбатантов». Однако в деле Бумедьен против Буша (*Boumediene v. Bush*) (2008) Верховный суд США признал этот запрет неконституционным, постановив, что конституционная гарантия *habeas corpus* распространяется на Гуантанамо, поскольку определяющим фактором является фактический, а не формально-титульный контроль территории[44]. Показательна сама политико-правовая динамика: каждое решение Верховного суда США вынуждало исполнительную или законодательную ветви власти конструировать новые механизмы правового исключения. Необходимость вынесения трех решений высшей инстанции за четыре года свидетельствует не о способности системы к самокоррекции, а об упорном стремлении государства сохранить за экстерриториальным объектом статус зоны, свободной от конституционных гарантий.

В настоящее время институциональное сохранение режима обеспечивается нормами бюджетного законодательства США. Начиная с Закона об ассигнованиях на нужды национальной обороны 2011 г. Конгресс США ежегодно налагает запрет на расходование госу-

[37] Rasul v. Bush, 542 U.S. 466 (2004) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/542/466/ (accessed: 26.06.2026).

[38] Hamdan v. Rumsfeld, 548 U.S. 557 (2006) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/548/557/ (accessed: 26.06.2026).

[39] Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field of 12 August 1949 // International Committee of the Red Cross. URL: https://ihl-databases.icrc.org/public/treaties/365-GC-I-EN.pdf (accessed: 26.06.2026).

[40] Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of Wounded, Sick and Shipwrecked Members of Armed Forces at Sea of 12 August 1949 // International Committee of the Red Cross. URL: https://ihl-databases.icrc.org/public/treaties/370-GC-II-EN.pdf (accessed: 26.06.2026).

[41] Geneva Convention Relative to the Treatment of Prisoners of War of 12 August 1949 // International Committee of the Red Cross. URL: https://ihl-databases.icrc.org/public/treaties/375-GC-III-EN.002.pdf (accessed: 26.06.2026).

[42] Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War of 12 August 1949 // International Committee of the Red Cross. URL: https://ihl-databases.icrc.org/public/treaties/380-GC-IV-EN.pdf (accessed: 26.06.2026).

[43] Military Commissions Act of 2006. Public Law 109–366, 109th Congress, 120 STAT. 2600, October 17, 2006 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-109publ366/pdf/PLAW-109publ366.pdf (accessed: 26.06.2026).

[44] Boumediene v. Bush, 553 U.S. 723 (2008) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/553/723/ (accessed: 26.06.2026).

дарственных средств для перемещения узников Гуантанамо на американскую территорию (§ 1032) и регламентирует жесткие условия их передачи третьим странам (§ 1033)[45]. Одновременно установлен запрет на изменение условий договора об аренде базы без предварительного согласия Конгресса США[46]. В результате сложилась парадоксальная правовая конструкция: ликвидация «зоны исключения» заблокирована не международным обязательством, а внутренним финансовым механизмом самого государства-арендатора. При этом действие американского санкционного законодательства в отношении Кубы делает юридически невозможной передачу имущества базы территориальному суверену.

Транзитный узел «силового правосудия» (с 2026 г.)

Новейший прецедент, свидетельствующий об очередной трансформации функционального профиля базы, был зафиксирован в начале 2026 г. В ходе операции «Абсолютная решимость» (3 января 2026 г.) президент Венесуэлы Н. Мадуро и его супруга были захвачены специальными подразделениями армии США на территории укрепленного военного комплекса Форт-Тиуна (Каракас). Транспортировка задержанных осуществлялась по многоступенчатой схеме: захваченные лица были доставлены вертолетом на борт десантного вертолетоносца ВМС США «Иводзима», находившегося в Карибском море. С борта «Иводзима» президентскую чету доставили уже на базу в Гуантанамо, откуда на борту самолета переправили на базу ВВС Национальной гвардии США «Стюарт» в штате Нью-Йорк[47].

По сути, база Гуантанамо выступила важным промежуточным звеном при проведении нелегитимной военной операции против главы независимого государства. Это не является логистической случайностью. С позиции правовой архитектоники «зон исключения» данный выбор носит строго функциональный характер: экстерриториальный статус объекта создает условия для юрисдикционной амбивалентности. В этой точке задержанный фактически лишен возможности в полной мере апеллировать к кубинскому или американскому правосудию, в то время как оборонное ведомство США сохраняет над ним «полный оперативный контроль».

Подобная политико-правовая практика имеет исторический прецедент. Так, в декабре 1989 г. США использовали вооруженные силы не для обороны или выполнения союзнических обязательств, а для исполнения ордера на арест лидера Панамы Мануэля Норьеги, выданного национальным судом (Kruschke, 2025, p. 29). В этой акции «силового правосудия» был задействован контингент численностью 24 тысячи человек при поддержке авиации (Landis, 1991, p. 582). В ходе действий, направленных на задержание одного лица, бомбардировкам подверглись жилые районы Панама-Сити, что привело к жертвам среди гражданского населения и разрушению инфраструктуры. Впоследствии адвокаты М. Норьеги опирались в его защите на два аргумента, подкрепленные нормами международного права: статус военнопленного согласно Третьей Женевской конвенции и иммунитет главы государства (Mathias, 2023). Однако американский федеральный суд, опираясь на доктрину Кер-Фрисби[48], занял следующую позицию: незаконный способ доставки подсудимого (вклю-

---

[45] Ike Skelton National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2011. Public Law 111–383, 111th Congress, 124 STAT. 4137, January 7, 2011 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-111publ383/pdf/PLAW-111publ383.pdf (accessed: 26.06.2026).

[46] National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017. Public Law 114-328, 114th Congress, 130 STAT. 2000, Dec. 23, 2016 // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-114publ328/html/PLAW-114publ328.htm (accessed: 26.06.2026).

[47] Escorted Off Plane in Handcuffs: First Video Shows Nicolas Maduro in US Custody // Times of India. January 4, 2026. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/world/us/escorted-off-plane-in-handcuffs-video-shows-maduro-in-us-custody-happy-new-year-moment-at-dea-office/articleshow/126330367.cms (accessed: 01.04.2026).

[48] Доктрина Кер-Фрисби — правило американского уголовно-процессуального права, согласно которому суд США, как правило, не теряет юрисдикцию над обвиняемым лишь потому, что того доставили в страну или штат незаконным способом, включая насильственное похищение (*Прим. ред.*).

чая похищение и нарушение суверенитета другого государства) не является основанием для прекращения преследования и не отменяет юрисдикцию суда (Landis, 1991, pp. 593–594), а иммунитет Норьеги был отвергнут на том основании, что правительство США официально не признавало его режим легитимным (Landis, 1991, p. 590). Данное решение создало прецедент, согласно которому неприкосновенность иностранного лидера зависит не от конституционных процедур внутри его страны, а от акта политического признания со стороны иностранного государства, и осуждение М. Норьеги на 40 (впоследствии снижен до 17) лет лишения свободы закрепило практику подмены международного права национальным уголовным судопроизводством (Kwiatkowska, 2022).

Тем не менее различие между данными прецедентами носит принципиальный характер. Если в 1989 г. для задержания иностранного лидера потребовалась полномасштабная военная интервенция с последующим многолетним судебным разбирательством, то в 2026 г. между захватом президента Венесуэлы и его доставкой на территорию США прошли считанные часы. В этой схеме Гуантанамо выполнила роль юрисдикционного «шлюза», идеальной «зоны исключения», обеспечивающей беспрепятственный транзит вне строгих рамок международного права. Трансформация этого механизма очевидна: правовой инструментарий, для применения которого в 1962 г. требовалось конструировать провокацию, а в 2002 г. изобретать экстраординарный процессуальный статус, к 2026 г. оказался органично интегрирован в рутинную практику американских силовых ведомств.

В парадигме структурного реализма (неореализма) экспансия «зон исключения» является закономерной реакцией доминирующих держав коллективного Запада на кризис однополярного мироустройства. Утрачивая способность управлять, опираясь на грубую силу и прямую вооруженную агрессию, слабеющий гегемон вынужден все чаще прибегать к методам непрямого силового давления и созданию анклавов «нестабильности» на территории суверенных стран. Системный анализ показывает, что данная стратегия содержит встроенный дефект: создание «зон исключения» неизбежно провоцирует эрозию самой системы международного права, на которой базируется глобальная стабильность.

Стратегии противодействия внешнему вмешательству и институциональные механизмы защиты суверенитета

Систематическое применение экстерриториальной юрисдикции создает угрозу для независимых государств, прежде всего стран «Глобального не-Запада» (Радкевич, Шабага, 2018). Эта ситуация требует перехода от пассивной дипломатической обороны к стратегии активного комплексного противодействия. Традиционные методы реагирования, такие как ноты протеста и декларации, в текущих условиях доказали свою неэффективность. Современная международно-политическая реальность требует выработки комплекса прагматичных мер, которые наносили бы ощутимый политический и экономический ущерб инициаторам агрессивных действий. Политика вмешательства должна стать слишком дорогостоящей и рискованной. Речь идет о создании системы сдерживания, включающей, среди прочего, пересмотр международных договоров, принятие блокирующего законодательства, формирование новых судебных институтов, выработку средств экономического, информационного и иного противодействия.

Центральным элементом этой стратегии является механизм юридической «деоккупации» территорий, занятых иностранными военными базами. Государствам, предоставившим свою территорию, необходимо инициировать пересмотр или расторжение договоров аренды. Основанием для этого служат фундаментальные принципы международного права. Ключевым инструментом выступает доктрина *rebus sic stantibus* (коренное изменение обстоятельств) (Ильинская, 2024). Государство вправе заявить, что принципы использования арендованной территории изменились, поскольку

базы, изначально созданные для обеспечения безопасности, теперь используются для агрессии или содержания тайных тюрем (как в случаях с Гуантанамо или Диего-Гарсия), и это фундаментально меняет условия, существовавшие при заключении договора. Следовательно, принимающая сторона получает законное право на денонсацию соглашения.

В международных отношениях необходимо обеспечить верховенство права для справедливого и устойчивого мироустройства, поддержания глобальной стабильности, мирного и плодотворного сотрудничества государств и их объединений, а также для снижения международной напряженности и повышения предсказуемости мирового развития. В целях повышения устойчивости международно-правовой системы, недопущения ее фрагментации и ослабления, предотвращения избирательного применения общепризнанных принципов и норм международного права государствам, выступающим за восстановление всеобщего уважения к международному праву и укрепление его роли как основы международных отношений, следует консолидировать свои усилия[49].

В силу этого необходимо использовать аргумент о нарушении императивных норм международного права (*jus cogens*) (Ромашев, 2024). Международный договор не может санкционировать нарушение прав человека или агрессию. Если база используется для пыток или подготовки войны, договор о ее размещении может быть признан ничтожным. Для реализации этого механизма требуется принятие национальных законов о статусе иностранных военных объектов. Эти законы должны вводить строгий мониторинг деятельности баз. В них следует включить норму об автоматическом аннулировании права аренды при выявлении незаконной деятельности. Этот механизм можно назвать «оговоркой о защите суверенитета». Нарушение условий эксплуатации немедленно запускает процедуру вывода войск. Инфраструктура объекта национализируется в качестве компенсации ущерба. Такой подход переводит вопрос из плоскости политических переговоров в плоскость автоматического исполнения закона.

Вторым элементом системы защиты является законодательство о блокировании экстерриториальности. Такие акты должны быть приняты национальными парламентами и синхронизированы в рамках БРИКС и ШОС. Они должны запрещать соблюдение односторонних санкций, введенных без мандата Совета Безопасности ООН. Также необходимо ввести механизм зеркальной имущественной ответственности. Если активы пострадавшей страны арестованы за рубежом по политическим мотивам, национальный суд должен иметь право на ответные меры. Суд может наложить арест на активы компаний страны-агрессора в своей юрисдикции. Это позволит компенсировать понесенный ущерб. Такой подход переводит конфликт в коммерческую плоскость. Крупный бизнес страны, инициирующей санкции, становится заложником политики своего правительства. Потеря активов и рынков заставит корпорации лоббировать деэскалацию отношений.

Третьим механизмом должно стать создание Специализированного международного трибунала. Он будет рассматривать дела об экстерриториальных преступлениях и вмешательстве во внутренние дела. Деятельность Международного уголовного суда ООН часто подвергается критике за политическую ангажированность, поэтому новый орган может быть учрежден под эгидой Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС или в структуре ООН. В его юрисдикцию войдут незаконные санкции, кибератаки и организация государственных переворотов. Решения трибунала создадут правовую основу для введения коллективных контрсанкций. Также необходимо расширить применение универсальной юрисдикции в национальных уголовных кодексах. Это позволит преследовать иностранных должностных лиц, выносящих заведомо неправосудные решения об арестах. Риск

[49] Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/ (дата обращения: 27.12.2025).

уголовного преследования станет сдерживающим фактором для исполнителей политики вмешательства.

Системным ответом на угрозу изоляции должно стать создание механизмов цифрового и финансового суверенитета. Это подразумевает создание независимых интернет-платформ и платежных систем, альтернативных SWIFT. Также необходимо сформировать Глобальный пул страхования политических рисков. Фонд может пополняться за счет отчислений от торговли ресурсами внутри БРИКС. Он гарантирует экономическую стабильность стран-участниц при отключении от западных рынков. Техническая возможность переключения на альтернативные каналы делает угрозу изоляции бессмысленной. Комплекс этих правовых и экономических мер сформирует надежную защиту государственного суверенитета.

При этом формирование стратегий институционального реагирования предполагает предварительную деконструкцию доктринальных оснований, легитимирующих текущий статус экстерриториальных анклавов. В политико-правовой плоскости выделяются три вектора аргументации, потенциально обосновывающих существование подобных юрисдикций, каждый из которых требует обособленного аналитического рассмотрения.

Первый вектор апологии выстраивается вокруг функционально-безопасностного императива, в рамках которого существование «зон исключения» постулируется как неизбежная мера противодействия асимметричным угрозам транснационального терроризма (Birdsall, 2016; Sanders, 2018). В этой логике экстерриториальный статус объекта выступает инструментом изоляции лиц, чья деятельность представляет критическую угрозу, однако процедура доказывания их вины в рамках национального судопроизводства признается неосуществимой без компрометации разведывательных источников и методов. Несмотря на кажущуюся операциональную состоятельность, данная позиция опровергается верификацией фактических данных: в случае Гуантанамо из примерно 780 лиц, содержавшихся в этой тюрьме, абсолютное большинство было репатриировано или освобождено без предъявления обвинительных актов (Rietveld, van Wijk & Bolhuis, 2021, pp. 36–37). Учитывая, что даже институционализированные механизмы внутренней проверки, такие как Трибуналы по проверке статуса комбатантов (*Combatant Status Review Tribunals*, CSRT), в ряде случаев констатировали необоснованность задержания, аргумент безопасности лишается статуса системного универсального обоснования, превращаясь в декларативную формулу политической целесообразности.

Вторая группа аргументов основывается на легалистско-позитивистской парадигме, апеллируя к незыблемости принципа *pacta sunt servanda* и стабильности международно-договорного правопорядка (Strauss, 2007, p. 504). Сторонники этого подхода утверждают, что статус базы детерминирован действующими двусторонними соглашениями, произвольное расторжение которых создало бы опасный прецедент для всей архитектуры международного права. Однако в случае Гуантанамо формально-юридическая состоятельность этого довода нивелируется при анализе исторического контекста возникновения самих обязательств: договор 1903 г. был заключен в условиях ограниченного суверенитета Кубы и прямого военно-политического давления со стороны США, зафиксированного в «поправке Платта». С точки зрения современного права международных договоров, в частности положений Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. о недействительности соглашений, заключенных под принуждением (ст. 51–52)[50], легитимность данного положения представляется уязвимой. Более того, многофункциональность деятельности базы, в частности переход от функции военно-морского логистического хаба к плацдарму для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, дает веские основания для приме-

[50] Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 года // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 26.06.2026).

нения доктрины *rebus sic stantibus*, фиксирующей коренное изменение обстоятельств, составлявших существо первоначального согласия сторон.

Третье направление базируется на императиве геостратегического детерминизма, рассматривающего подобные анклавы как опорные пункты проекции силы и инструменты поддержания регионального баланса в рамках неореалистической парадигмы (Sawycky, 2016). В этом отношении существование «зон исключения» оправдано интересами *ratio status* (государственного интереса), которые превалируют над нормативными ограничениями, включая ограничения международного характера. Признавая логичность данной аргументации в качестве дескриптивного инструмента теории международных отношений, необходимо подчеркнуть недопустимость ее абсолютизации и безоговорочного доминирования над общепризнанными принципами и нормами международного права. Смешение категорий политической необходимости и нормативного правопорядка ведет к подмене универсальных норм волей отдельных влиятельных субъектов международных отношений, что в конечном счете девальвирует те самые правовые механизмы, на устойчивость которых формально претендуют сторонники государственного интереса.

В конечном итоге содержательная оценка изложенных позиций позволяет заключить, что ни одна из них не обеспечивает всеобъемлющей и неоспоримой аргументации в пользу существования «зон исключения». Обнаруживая либо эмпирическую несостоятельность, либо юридическую дефектность, либо методологическую эклектику, данные аргументы сохраняют свою политическую инструментальность, однако не могут рассматриваться как обоснованное основание для воспроизводства подобных институциональных аномалий в современном мире.

Заключение

Современная система международных отношений находится на историческом переломе. Однополярная модель, позволяющая отдельным акторам избирательно применять международное право в собственных интересах, переживает системный кризис. Он выражается в утрате государством-гегемоном способности осуществлять глобальное управление легитимными политико-правовыми средствами и вынужденном переходе к экстраординарным, внеправовым механизмам принуждения. В связи с этим стратегической задачей новых центров силы становится принуждение к реальному и равноправному исполнению международно-правовых норм. Отход от основных принципов Вестфальской системы международного мироустройства проявился в эрозии государственного суверенитета и появлении на территории независимых стран анклавов, выведенных из-под национальной юрисдикции.

Проведенное исследование показало, что «зона исключения» представляет собой самостоятельную категорию, отличную от неконтролируемых территорий, «серых зон» и обычных иностранных военных баз. Отличие носит качественный характер: разрыв между формальной и фактической юрисдикцией здесь возникает не стихийно, а целенаправленно проектируется и закрепляется международным договором. Предложенная пятикритериальная модель (юрисдикционный дуализм, нормативная неопределенность, функциональная полицентричность, институциональная устойчивость и информационная герметичность) позволяет отграничить данный феномен от смежных политико-правовых режимов.

Становление базы Гуантанамо выступает хрестоматийным примером практической реализации этой правовой конструкции. Функциональный профиль такой зоны способен радикально меняться, тогда как ее правовое основание остается неизменным. Формула, разграничившая «верховный суверенитет» и «полную юрисдикцию» в соглашениях 1903 г., обслуживала последовательно функционирование угольной станции, поддержку военного переворота, отказ мигрантам в правосубъектности, бессрочное содержание под стражей и, наконец, транзит задержанного главы иностранного государства. При этом устойчивость режима обеспечивается тем, что пре-

кращение аренды юридически поставлено в зависимость от согласия стороны, извлекающей из нее выгоду.

Современные практики вмешательства во внутренние дела суверенных государств со стороны «мирового жандарма» не случайны. Существующие на сегодня «зоны исключения» находятся под контролем США, которые фактически проводят политику неоколониализма. Использование «зон исключения» для обхода национального закона и нивелирования государственного суверенитета является системным свойством уходящей модели глобализации — патологией международных отношений и рудиментом однополярного миропорядка, для которого характерны двойные стандарты.

Стремление сохранить однополярность через санкции и гибридные войны в стратегической перспективе приведет к обратному результату, поскольку современный период характеризуется консолидацией альтернативных центров силы. Политическая активность стран Глобального Юга возросла, что привело к формированию антиколониального консенсуса. Ответная реакция стран, не согласных с политикой коллективного Запада, выражена в стратегиях БРИКС и ШОС. Эти объединения доказывают существование реальной альтернативы политике «мирового диктата». Институционализация многополярного мира происходит прямо сейчас. Создаются независимые финансовые механизмы и технологические платформы, формируются новые структуры безопасности и судебные инстанции. Эффективным видится создание механизмов принудительного исполнения международного права. Денонсация навязанных договоров аренды на основании коренного изменения обстоятельств, блокирующее законодательство против односторонних принудительных мер, специализированные судебные инстанции в рамках многосторонних объединений и инструменты финансового суверенитета образуют тот взаимодополняющий комплекс, который позволяет надежно защитить национальные интересы.

Мир объективно движется к формированию крупных макрорегиональных кластеров, каждый из которых будет обладать собственной финансовой системой и технологическими стандартами. Концепция равной и неделимой безопасности предлагает разумный выход из конфликтов, предполагающий возвращение к дипломатии и компромиссам. Необходимо признать ценность суверенитета и права каждого народа на собственный путь развития. От внешнего вмешательства они будут защищены собственными политико-юридическими, экономическими и — если потребуется — военными механизмами. В такой системе «зоны исключения» существовать попросту не смогут, поскольку превратятся в нежизнеспособные реликты прошлого. Региональные державы смогут эффективно купировать эти угрозы коллективными усилиями при наличии должной политической воли.

Поступила в редакцию / Received: 24.12.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 09.05.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Агамбен Дж. Homo Sacer: суверенная власть и голая жизнь. Москва : Европа, 2011.

Аласания К. Ю. Философская концепция биовласти: истоки и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 4. С. 70–77. EDN: XWOSTB

Бородаев В. А. Вмешательство США в дела Кубы в условиях подъема антиимпериалистической борьбы и победы революции. 1946–1959 годы // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 109–128. EDN: VJMHWN

Глазунова Е. Н. Гуантанамо: история с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 153–183. EDN: OOMNEH

Голофаст А. В. Пандемия в мировой философии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 250–258. EDN: PLXGCJ

Грибунов О. П., Степанова Е. Е. Понятие и сущность суверенитета государства в его историческом генезисе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3. С. 29–36. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-29-36; EDN: BAOBDO

Ильинская О. И. Доктринальные подходы к проблеме влияния коренного изменения обстоятельств на действие международных договоров // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 1. С. 179–188. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.158.1.179-18; EDN: TYGPXI

Каракаев С. В. Участие Ракетных войск стратегического назначения в операции Вооруженных Сил СССР «Анадырь» // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 37–43. EDN: RARIOX

Карпиленя Н. В. Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства. Москва : Архонт, 2020. EDN: DWJAGP

Каширина Т. В. Факторы трансформации современной системы международных отношений // Обозреватель. 2020. № 8. С. 22–29. EDN: TXJBZW

Колосов В. А., Себенцов А. Б., Туров Н. Л. Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 1. С. 23–51. https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-2; EDN: RWJOEW

Кудинов В. В., Микрикова С. А. Обеспечение безопасности государства как основание для совершения преступлений против человечности и нарушения прав человека (база Гуантанамо, США) // Военно-юридический журнал. 2023. № 6. С. 5–12. EDN: XLJFCW

Миронов В. В. «Стандарты цивилизаций» Г. Гонга и история международного общества // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 3. С. 355–367. https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.355-367; EDN: ZSUEGB

Неклесса А. И. Постсовременный мир в новой системе координат // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1997. № 2. С. 35–50.

Окунев И. Ю., Шестакова М. Н. Политическая география: современная российская школа : хрестоматия. Москва : Аспект Пресс, 2022. EDN: NVUUSI

Панкратов С. А., Клиньшанс Е. В. Россия в современной архитектуре международных отношений: прогнозные сценарии и границы допустимой реструктуризации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 226–238. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.20; EDN: SGAZLN

Попов Д. В. Кризис реципрокности: трансформация биополитики в некрополитику // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 91–99. EDN: RVWXSV

Радкевич К. В., Шабага А. В. Оппозиция «Запад — Незапад» в социальной мысли: pro et contra // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 1. С. 20–32. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-20-32; EDN: DXMKHX

Ромашев Ю. С. Иерархия норм международного права при их применении и в нормотворческом процессе // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 3. С. 180–211. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.3.180.211; EDN: QGIYIY

Себенцов А. Б., Колосов В. А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 31–46. EDN: OVXKFV

Терентьева Л. В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 160–180. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.3.160.180; EDN: GJFPOL

Фурсов А. И. Терроризм или всемирная война? // Русский исторический журнал. 1999. Т. II, № 2. С. 193–231.

Черняк Л. Ю. Основные теории государственного суверенитета // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4. С. 15–17. EDN: JXCXON

Шабага А. В. Методология исследования международных отношений: реализм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15, № 3. С. 24–33. EDN: VIOIAD

Януш О. Б., Мухарямов Н. М. Концепты суверенности в семантической деривации // Политическая наука. 2025. № 2. С. 41–61. https://doi.org/10.31249/poln/2025.02.02; EDN: KITNFC

Agamben G. State of Exception. Chicago : University of Chicago Press, 2004.

Birdsall A. But We Don't Call It "Torture"! Norm Contestation During the US 'War on Terror' // International Politics. 2016. Vol. 53, iss. 2. P. 176–197. https://doi.org/10.1057/ip.2015.42; EDN: EMXQZC

Borgen C. J. National Security's International Empire (or, What We Talk about When We Won't Talk about Self-Determination) // Temple International & Comparative Law Journal. 2024. Vol. 38, no. 2. P. 65–78. URL: https://sites.temple.edu/ticlj/files/2025/05/7-Borgen_65-78-proof-with-final-edits-final.pdf (accessed: 18.12.2025).

Botchway C. A. The Need for Executive Federalism in Federal-Provincial Relations: The Canadian Example // Journal of Public Administration and Policy Research. 2017. Vol. 9, no. 5. P. 68–75. https://doi.org/10.5897/JPAPR2017.0390

Cantor D., Tan N. F., Gkliati M., Mavropoulou E., Allinson K. et al. Externalisation, Access to Territorial Asylum, and International Law // International Journal of Refugee Law. 2022. Vol. 34, iss. 1. P. 120–156. https://doi.org/10.1093/ijrl/eeac023; EDN: CPENCV

Chowdhury T. 'Executive Robbery': UK Public Law, Race, and 'Regimes of Dispossession' in the Chagos Archipelago // Journal of Law and Society. 2024. Vol. 51, iss. 1. P. 57–81. https://doi.org/10.1111/jols.12454; EDN: VMYFMO

Foucault M. Society Must Be Defended : Lectures at the Collège de France, 1975–1976 / ed. by A. Fontana, M. Bertani. London : Penguin Books, 2004.

Foucault M. The Birth of Biopolitics : Lectures at the Collège de France, 1978–1979 / ed. by M. Senellart, F. Ewald, A. Fontana. London : Palgrave Macmillan, 2008. https://doi.org/10.1057/9780230594180

Garcia H. An Enslaved Black Seaman in Victorian London? Abolitionism, Missionary Care, and the Trials of John Bardoe // Cultural and Social History. 2025. Vol. 22, iss. 4. P. 467–483. https://doi.org/10.1080/14780038.2025.2562606; EDN: ZHISEW

Kruschke P. The Panama Canal, Cocaine, and Communism: An Analysis on the Timing of the U.S. Action Against General Manuel Noriega // The Ascendant Historian. 2025. Vol. 4. P. 23–31. URL: https://journals.uvic.ca/index.php/corvette/article/view/22474 (accessed: 20.12.2025).

Kwiatkowska K. Manuel Noriega and His Impact on the Events in Panama from 1981 to 1989 // Ameryka Łacińska. Kwartalnik Analityczno-Informacyjny. 2022. Vol. 30, no. 2. P. 25–48. https://doi.org/10.7311/20811152.2022.11 6.03; EDN: EKEXAN

Lamb R. D. Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens : Final Report of the Ungoverned Areas Project. College Park, MD : Center for International and Security Studies at Maryland, 2008. URL: https://spp.umd.edu/sites/default/files/2019-07/ugash_report_final.pdf (accessed: 20.12.2025).

Landis K. T. The Seizure of Noriega: A Challenge to the Ker—Frisbie Doctrine // American University International Law Review. 1991. Vol. 6, no. 4. P. 571–607. URL: https://digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?httpsredir=1&article=1568&context=auilr (accessed: 12.12.2025).

MacDonald S. B. The New "Bad Guys": Exploring the Parameters of the Violent New World Order // Gray Area Phenomena : Confronting the New World Disorder / ed. by M. G. Manwaring. Boulder, CO : Westview Press, 1993. P. 33–60.

Mathias C. General Manuel Noriega and the Application of the Geneva Conventions in US Courts // UC Davis Law Review Online. 2023. Vol. 57. P. 93–112.

Mbembe A. Necropolitics // Public Culture. 2003. Vol. 15, no. 1. P. 11–40. URL: https://mirror.explodie.org/Public%20Culture-2003-Mbembe-11-40.pdf (accessed: 12.12.2025).

Morgenthau H. J. Politics Among Nations : The Struggle for Power and Peace. 2nd printing. New York : Alfred A. Knopf, 1949.

Motluk K. The Imagined Island: Colonialism and Constructed Remoteness on Diego Garcia // The Geographical Journal. 2024. Vol. 190, iss. 4. Art. e12587. https://doi.org/10.1111/geoj.12587; EDN: YULCWW

Raufer X. New World Disorder, New Terrorisms: New Threats for Europe and the Western World // Terrorism and Political Violence. 1999. Vol. 11, iss. 4. P. 30–51. https://doi.org/10.1080/09546559908427530

Rietveld G., van Wijk J., Bolhuis M. P. Who Wants "the Worst of the Worst"? Rationales for and Consequences of Third-Country Resettlement of Guantanamo Bay Detainees // Crime, Law and Social Change. 2021. Vol. 76, no. 1. P. 35–83. https://doi.org/10.1007/s10611-020-09932-z; EDN: IEOVYM

Sanders R. Human Rights Abuses at the Limits of the Law: Legal Instabilities and Vulnerabilities in the "Global War on Terror" // Review of International Studies. 2018. Vol. 44, iss. 1. P. 2–23. https://doi.org/10.1017/S0260210517000377

Sawycky B. S. International Relations Theory and US Foreign Policy // The Ashgate Research Companion to US Foreign Policy / ed. by R. J. Pauly, Jr. London : Routledge, 2016. P. 65–84.

Schetter C. Ungoverned Territories: The Construction of Spaces of Risk in the 'War on Terrorism' // The Spatial Dimension of Risk : How Geography Shapes the Emergence of Riskscapes / ed. by D. Muller-Mahn. London : Routledge, 2012. P. 135–148.

Strauss M. J. Guantanamo Bay and the Evolution of International Leases and Servitudes // The City University of New York Law Review. 2007. Vol. 10, iss. 2. P. 479–509. URL: https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1210&context=clr (accessed: 10.12.2025).

Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading, MA : Addison-Wesley, 1979.

Whelan T. Africa's Ungoverned Space // Nação e Defesa: Instituto de Defesa Nacional. 2006. No. 114. 3rd series. P. 61–73. URL: https://www.idn.gov.pt/pt/publicacoes/nacao/Documents/NeD114/NeD114.pdf (accessed: 10.12.2025).

Сведения об авторах:

Кузнецова Ольга Алексеевна — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 8755-2997; ORCID: 0000-0003-1066-3783; e-mail: kuznetsova-ola@rudn.ru

Холоимова Александра Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 9897-7556; ORCID: 0000-0003-4029-8502; e-mail: vasilenko-as@rudn.ru

Клебанов Лев Романович — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 8500-6094; ORCID: 0000-0002-1452-9568; e-mail: klebanov-lv@rudn.ru

Маджумаев Мурад Мамедович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 2278-5843; ORCID: 0000-0003-3332-2850; e-mail: madzhumaev-mm@rudn.ru

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 528–541
http://journals.rudn.ru/international-relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-528-541
EDN: DZICCP

Научная статья / Research article

Турция и страны Африки южнее Сахары: состояние и перспективы многовекторного сотрудничества

Т.С. Денисова ✉, С.В. Костелянец

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация
✉tsden@hotmail.com

Аннотация. С середины 2000-х гг. расширение контактов с африканскими странами в социально-экономической и военно-политической сферах стало одним из главных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Анкары. Исследование посвящено комплексному анализу этой политики в отношении стран Африки южнее Сахары (АЮС), основанному на изучении официальных документов турецкого правительства, статистических данных по торговле и инвестициям, а также на обзоре академической литературы и докладов ведущих исследовательских центров. Рассмотрено многовекторное и многофакторное сотрудничество Турции со странами АЮС, которое охватывает помощь наименее развитым государствам, торговлю, инвестирование, реализацию совместных экономических проектов, образование, здравоохранение, военную подготовку и предоставление услуг по обеспечению безопасности. Новизна исследования заключается в системном подходе, рассматривающем экономические, военно-технические, политические и религиозные аспекты как неотъемлемые части единой стратегии по укреплению статуса Турции как одного из «мировых центров силы». Экономическое взаимодействие иллюстрируется ростом товарооборота Турции со странами АЮС с 742 млн долл. США в 2000 г. до 12,4 млрд долл. США в 2023 г., а также инвестициями турецких компаний в инфраструктуру, энергетику и строительство. Военно-техническое сотрудничество включает поставки вооружений и подготовку африканских военных специалистов. Хотя наиболее тесные отношения традиционно сохраняются Анкарой с Североафриканским регионом, варианты партнерства, предлагаемые ею странам Африки южнее Сахары, вызывают в этой части континента все больший интерес, в том числе благодаря антинеоколониальной риторике турецкого руководства. Подчеркнуто, что для Турции сотрудничество с Африкой стало важным элементом ее стратегии по диверсификации внешних связей и усилению ее влияния на глобальном уровне.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, политические контакты, помощь в целях развития, безопасность, миротворчество

Сведения о финансировании. Исследование подготовлено при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Вклад авторов. Денисова Т.С.: концептуализация, разработка методологии исследования, проведение исследования, сбор и анализ материалов, подготовка первоначального текста, рецензирование и редактирование рукописи. Костелянец С.В.: концептуализация, разработка методологии исследования, проведение исследования, сбор и анализ материалов, рецензирование и редактирование рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

© Денисова Т.С., Костелянец С.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Денисова Т. С., Костелянец С. В.* Турция и страны Африки южнее Сахары: состояние и перспективы многовекторного сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 528–541. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-528-541; EDN: DZICCP

Türkiye and Sub-Saharan Africa: Current State and Prospects for Multi-vector Cooperation

Tatyana S. Denisova ✉, Sergey V. Kostelyanets

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
✉tsden@hotmail.com

Abstract. Since the mid-2000s, the expansion of contacts with African countries in socio-economic and military-political spheres has become one of the main directions of Ankara's foreign policy and foreign economic activity. This paper provides a comprehensive analysis of Ankara's policy towards Sub-Saharan African (SSA) countries, based on official documents of the Turkish government, trade and investment statistics, as well as academic literature and reports from leading international think tanks. The study examines Türkiye's multi-vector and multi-factor cooperation with SSA, which encompasses aid to the least developed countries, trade, investment, the implementation of joint economic projects, education, healthcare, military training, and security services. The novelty of the research lies in its systemic approach, which considers economic, military-technical, political, and religious aspects as integral parts of a single strategy to strengthen Türkiye's status as a "global center of power." Economic interaction is illustrated by the growth of Türkiye's trade with SSA countries from USD 742 million in 2000 to USD 12.4 billion in 2023, as well as investments by Turkish companies in infrastructure, energy, and construction. Military-technical cooperation includes the supply of arms and training of African military specialists. Although Ankara traditionally maintains the closest relations with the North African region, the partnership options it offers to countries south of the Sahara are generating increasing interest in this part of the continent, notably due to the anti-neocolonial rhetoric of the Turkish leadership. The authors of the paper emphasize that cooperation with Africa has become a key element of Türkiye's strategy to diversify its foreign relations and enhance its global influence, which injects new dynamism into international relations on the African continent.

Key words: economic cooperation, political contacts, development aid, security, peacekeeping

Authors' contributions. T.S. Denisova: conceptualization, methodology, investigation, collection and analysis of materials, writing — original draft, review and editing. S.V. Kostelyanets: conceptualization, methodology, investigation, collection and analysis of materials, writing — review and editing. Both authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Funding sources. This study was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and Regional Centers of Power in the Emerging World Order."

For citation: Denisova, T. S., & Kostelyanets, S. V. (2026). Türkiye and Sub-Saharan Africa: Current state and prospects for multi-vector cooperation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 528–541. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-528-541; EDN: DZICCP

Введение

Турция имеет давние традиции отношений со странами Африки благодаря длительному политическому, экономическому и военному присутствию Османской империи (Оттоманской Порты, 1299–1922 гг.) в различных регионах континента. В XVI–XIX вв. обширные территории Северной Африки, а также нынешних Судана, Эфиопии, Эритреи и Чада полностью

или частично находились под контролем Порты. В начале этого периода османские султаны установили дипломатические контакты с могущественным средневековым государством Канем-Борну, охватывавшим районы современных Нигерии, Нигера и Чада. В 1894 г., например, Османская империя направила на территорию нынешней Северной Нигерии своего специального представителя. Кроме того, османы способствовали распространению ислама в странах Африки южнее Сахары (АЮС), в частности на юге Африки: в середине XIX в. группа имамов отправилась в Кейптаун для укрепления местной мусульманской общины (Rudincová, 2014).

После провозглашения Турецкой Республики в 1923 г. эта страна отказалась от ранее установленных отношений с африканскими территориями из-за доминирования на континенте европейских держав и в связи с необходимостью консолидации самой Турции. До Второй мировой войны, в годы президентства Мустафы Кемаля Ататюрка (1923–1938), отношения со странами АЮС сводились лишь к ограниченным дипломатическим контактам: в тот период Эфиопия была первым и единственным государством к югу от Сахары, в котором Турция имела посольство (с 1926 г.).

Участие Турции в создании Организации Объединенных Наций (ООН) в 1945 г. и вступление в Организацию Североатлантического договора (НАТО) в 1952 г. заметно повлияло на ее отношения с африканскими странами. Поддержка Турцией Великобритании в контексте кризиса 1956–1957 гг., вызванного национализацией Египтом Суэцкого канала, привела к дипломатической напряженности между Турцией и африканскими государствами — участниками Движения неприсоединения. Прозападная позиция, занятая Турцией на Бандунгской конференции 1955 г., в ходе которой, как считается, был создан единый антиколониальный фронт народов Азии и Африки, предопределила дальнейшее охлаждение в отношениях между сторонами[1]. К тому же в ходе Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН в 1956 г. Турция не поддержала идею предоставления независимости Алжиру (Ersoy, 2012). Тем не менее 1940–1950-е гг. ознаменовались и рядом позитивных событий: в 1948 г. Турция выступила за решение ГА ООН об оказании экономической помощи региону Сахеля (Ipek & Biltekin, 2013, p. 126).

До 1960-х гг. Анкара развивала отношения лишь с двумя — независимыми — государствами континента — Эфиопией и Либерией и поддерживала ограниченные контакты со странами Северной Африки, хотя и открыла в 1956 г. консульство в Лагосе (Нигерия), а в 1957 г. — аналогичное ведомство в Гане. Однако из-за обострившегося в 1963 г. Кипрского конфликта и возникновения в 1970-х гг. напряженности в отношениях с Западом Турции пришлось диверсифицировать свою внешнюю политику и начать активнее развивать контакты в том числе со странами Африки, хотя этому и препятствовало масштабное экономическое и политическое присутствие на континенте бывших колониальных держав и новых игроков — США, Китая, Индии и др., имевших здесь собственные интересы.

Заметное расширение турецко-африканских контактов началось с приходом к власти премьер-министра Тургута Озала (1983–1989) и реализацией им структурной перестройки экономики, причем Африканский континент с его ресурсами и почти миллиардным населением стал восприниматься Анкарой как «особо важный рынок». Поворотным в развитии контактов с Африкой стал 1998 г., когда был принят так называемый «План действий по открытию Африки», который, в частности, предусматривал учреждение новых посольств, заключение торговых соглашений, создание специального фонда сотрудничества, а также участие в военной подготовке африканцев и в миротворческих миссиях ООН (Алексанян, 2023). Однако реализация африканской политики Анкары в конце 1990-х гг. осложнялась серьезными внутренними проблемами: экономическими, курдским вопросом и др. Поэтому «План действий» оставался на бумаге до 2003 г.

[1] Дух Бандунга // За рубежом. 19.06.2025. URL: https://zarubejom.ru/articles/indoneziya-i-mir-solidarnosti/ (дата обращения: 15.11.2025).

Приход к власти в Турции 14 марта 2003 г. Реджепа Тайипа Эрдогана, лидера созданной им в 2001 г. и ныне правящей Партии справедливости и развития (ПСР), ознаменовал собой начало нового этапа развития экономических и политических контактов со странами Африки, сотрудничество с которыми оказалось весьма привлекательным в том числе из-за потенциальной поддержки африканцами позиции Турции по различным вопросам мировой политики. В 2003 г. была принята «Стратегия улучшения экономических отношений со странами Африки». В 2005 г. Анкара получила статус наблюдателя при Африканском союзе (АС), тот же год был объявлен в Турции «Годом Африки». В 2008 г. страна стала «стратегическим партнером» АС, и тогда же в Стамбуле состоялся саммит «Турция — Африка» с участием представителей 49 стран континента[2]. В 2013 г. Турция стала «нерегиональным членом» Африканского банка развития[3], и таким образом начался устойчивый процесс развития двустороннего и многостороннего сотрудничества.

В работах российских исследователей (Костелянец, 2012; 2016; Мосаки, 2013; Ягья, Колесникова, 2018; Озтюрк, Шишкина, 2020; Волков, Дейч, 2020; Сидорова, Поспелов, 2021; Евграфов, 2024) анализируется африканская политика Турции, однако они в основном фокусируются на отношениях Анкары с государствами Северной Африки. Между тем в фокусе политических и экономических интересов Анкары все чаще оказываются страны АЮС, и в данной статье анализируются различные аспекты сотрудничества Турции с государствами этого региона.

О возрастании интереса Анкары к углублению сотрудничества со странами Африки в целом и государствами АЮС в последние годы в частности свидетельствуют и труды турецких ученых, отмечающих среди прочего важность идеологического наполнения многовекторных связей Турции с Африканским континентом. Так, турецкие авторы подчеркивают, что Анкара умело использует антиимпериалистическую риторику для формирования альтернативной модели взаимодействия со странами АЮС (Siradag, 2022; Armutlu, 2025). Кроме того, по мнению турецких исследователей, трансформация незначительных исторических контактов во всеобъемлющее партнерство обусловлена стремлением Анкары к диверсификации своих внешнеполитических и внешнеэкономических связей, причем решение этой задачи, которую поставило перед собой турецкое руководство, отвечает потребностям и африканских государств (Demirtaş & Pirinççi, 2024).

Методологической основой данного исследования является системный подход, позволяющий рассматривать многовекторную политику Турции в Африке как целостную стратегию, в рамках которой экономическая экспансия, военно-техническое сотрудничество, религиозная дипломатия и официальная помощь в целях развития образуют единый комплекс. В работе применялся историко-ретроспективный метод для анализа трансформации африканского курса Анкары — от ограниченных контактов периода ранней Турецкой Республики до активной стратегии «открытия Африки» в 2000–2020-е гг. В целях объективной оценки динамики взаимодействия использовался статистический анализ данных, касающихся внешней торговли, объемов инвестиций и распределения гуманитарной помощи, взятых из отчетов профильных министерств Турции и международных организаций. Кроме того, для сопоставления турецкой модели партнерства с подходами к развитию сотрудничества с африканскими государствами стран Запада, Китая и других глобальных игроков использовался метод сравнительно-политического анализа.

Торгово-экономическое сотрудничество

Анкара предлагает африканским странам вариант партнерства, основанный на специально разработанной стратегии, обусловленной анти-

[2] Türkiye—Africa Relations // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkiye-africa-relations.en.mfa (accessed: 18.08.2026).

[3] The Republic of Turkey Joins African Development Bank Group // African Development Bank Group. December 9, 2013. URL: https://www.afdb.org/en/news-and-events/the-republic-of-turkey-joins-african-development-bank-group-12660 (accessed: 18.08.2026).

неоколониальной позицией правительства Р.Т. Эрдогана, который постоянно подчеркивает, что Турция находится на стороне «угнетенных наций»[4]. Это часть широкой внешнеполитической доктрины, согласно которой существующий международный порядок нефункционален и нуждается в кардинальных трансформациях. Сотрудничество Анкары с Африкой преимущественно развивается в экономической, военно-технической, религиозной, образовательной сферах и в области предоставления официальной помощи в целях развития (ОПР). В настоящее время конкуренция между Турцией и ее региональными соперниками (Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), Саудовской Аравией и др.) все больше перемещается на Африканский континент, что отчасти способствует распространению идеи возникновения новой «схватки за Африку» (Денисова, Костелянец, 2025). Неслучайно «медовый месяц» в турецко-африканских отношениях совпал с избранием Турции в 2008 г. на место непостоянного члена Совета Безопасности ООН на период 2009–2010 гг., и многие африканские государства поддержали Анкару в этом ее стремлении[5].

Экономическое взаимодействие Турции и африканских государств можно разделить на три составляющие — торговое, инвестиционное сотрудничество и ОПР (Bagci & Erdurmaz, 2017, p. 40). Анкара подписала соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве с 50 африканскими странами, а также соглашения о свободной торговле с пятью из них[6].

Объем товарооборота между Турцией и АЮС вырос с 742 млн долл. США в 2000 г. (со всей Африкой в 2002 г. — 3 млрд долл. США[7]) до 5,7 млрд долл. США в 2008 г.[8] и до 12,4 млрд долл. США в 2023 г.[9] (со всей Африкой в 2023 г. — 40,7 млрд долл. США [10], в 2024 г. — 36,5 млрд долл. США[11]). Объем турецкого экспорта в Африку в 2024 г. достиг 19,4 млрд долл. США (на 1,7 % больше, чем в 2023 г.)[12].

В структуре экспорта стран АЮС в Турцию заметное место занимают сельскохозяйственная продукция, сырье и топливо, причем соотношение этих товарных групп существенно различается по отдельным государствам. В свою очередь Турция ввозит в Африку химикаты и другую химическую продукцию (в 2024 г. на 3,1 млрд долл. США), зерновые, бобовые и масличные культуры (2,5 млрд долл. США), а также электронику, сталь, жемчуг, драгоценные камни и ювелирные изделия[13].

---

[4] Idriss M. A. Turkey—Africa Partnership: A Development-Oriented Approach // Anadolu Agency. January 8, 2020. URL: https://www.aa.com.tr/en/africa/analysis-turkey-africa-partnership-a-development-oriented-approach/1696640 (accessed: 17.11.2025).

[5] The United Nations General Assembly Votes to Seat Turkey // Republic of Türkiye. Embassy in Washington, D.C. October 17, 2008. URL: https://washington-emb.mfa.gov.tr/Mission/ShowAnnouncement/115665 (accessed: 18.03.2026).

[6] Kenez L. Parliament Debate Exposes Financing and Trade Failures in Turkey's Africa Policy // Nordic Monitor. December 9, 2025. URL: https://nordicmonitor.com/2025/12/parliament-debate-exposes-financing-and-trade-failures-in-turkeys-africa-policy (accessed: 11.12.2025).

[7] Кузнецов Ю. Африка: в чем секрет успеха Турции и что учесть России? О сильных и слабых сторонах политики наследников Блистательной Порты // Фонд стратегической культуры. 18.06.2024. URL: https://www.fondsk.ru/news/2024/06/18/afrika-v-chyom-sekret-uspekha-turcii-i-chto-uchest-rossii.html (дата обращения: 16.11.2025).

[8] Bilgic A., Nascimento D. Turkey's New Focus on Africa: Causes and Challenges // Norwegian Peacebuilding Resource Centre. 2014. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/183490/04208a7feeefed486e3be192c27f0f40.pdf (accessed: 26.11.2025).

[9] Beyaz Z. F. Cumhurbaşkanı Yardımcısı Yılmaz: Türkiye, Afrika kıtasının gelişmesine katkıda bulunmaya devam etmektedir // Anadolu Ajansı. 19.11.2024. URL: https://www.aa.com.tr/tr/politika/cumhurbaskani-yardimcisi-yilmaz-turkiye-afrika-kitasinin-gelismesine-katkida-bulunmaya-devam-etmektedir/3397706 (accessed: 18.06.2026).

[10] Гончаров В. О турецкой экспансии в Африке. Часть вторая: Основные направления и инструменты турецкой политики в Африке // New Eastern Outlook. 07.06.2024. URL: https://journal-neo.su/ru/2024/06/07/o-tureczkoj-ekspansii-v-afrike-chast-vtoraya-osnovnye-napravleniya-i-instrumenty-tureczkoj-politiki-v-afrike (дата обращения: 16.11.2025).

[11] Bilateral Relations: Türkiye—Africa Trade and Economic Relations // Republic of Türkiye. Ministry of Trade. URL: https://tabef.org/bilateral-relations.html (accessed: 17.11.2025).

[12] Tolmac S., Yildirim E. Türkiye's Trade with Africa Grows on Back of 'Win-Win' Strategy // Anadolu. June 25, 2025. URL: https://www.aa.com.tr/en/turkiye/turkiye-s-trade-with-africa-grows-on-back-of-win-win-strategy/3612490 (accessed: 17.11.2025).

[13] Чукубаев А. Экспорт из Турции в Африку продолжает расти // Казинформ. 03.02.2025. https://www.inform.kz/ru/eksport-turtsii-v-afriku-prodolzhaet-rasti-957ba4 (дата обращения: 16.11.2025).

Объем инвестиций в экономику континента к концу 2025 г. составил 15 млрд долл. США, а общая стоимость проектов (более 2000) в самых разнообразных сферах (промышленность, банковское дело, логистика, энергетика и строительство), реализованных турецкими подрядчиками в Африке, превысила 97 млрд долл. США [14], из которых на АЮС приходятся 5 млрд долл. США[15]. Крупнейшими получателями турецких прямых иностранных инвестиций (ПИИ) стали Судан, Южно-Африканская Республика (ЮАР), Кения, Кот-д'Ивуар, Нигерия и Замбия. В ответ на рост экономик многих африканских стран Турция начала активно инвестировать в собственную транспортную инфраструктуру, в том числе в авиакомпанию *Turkish Airlines*, которая в настоящее время выполняет рейсы по 40 направлениям в 33 страны АЮС[16]. Турецкие компании участвуют и в эксплуатации транспортной инфраструктуры африканских государств. В соответствии с соглашением 2014 г. *Albayrak Group* получила право на управление портом Могадишо в Сомали сроком на 20 лет[17]. Компания *Summa* участвует в эксплуатации международных аэропортов имени Блеза Дианя в Сенегале, Диори Амани в Нигере и Фритауна в Сьерра-Леоне, а также в развитии международного аэропорта Освальдо Виейра в Гвинее-Бисау[18].

Турецкие компании заметно представлены и в гражданском строительстве. Так, компания *Summa* построила Международный конференц-центр в Дакаре, открытый в 2014 г., а позднее участвовала в реализации других крупных инфраструктурных объектов в Сенегале, в том числе *Dakar Arena*. В 2024 г. на турецкие компании приходился 21 % строительных работ в Африке[19].

Турция активно участвует в развитии систем энергоснабжения, поставляя плавучие электростанции: в 2014 г. в Гану, затем в Гвинею-Бисау, Мозамбик, Сенегал, Гамбию и Сьерра-Леоне (в двух последних странах плавучие электростанции обеспечивают 80 % всей электроэнергии)[20]. В 2024 г. турецкая энергетическая компания *Karpowership* объявила о расширении своего присутствия еще в 15 африканских государствах, в том числе в Анголе, Камеруне, Габоне, Кении и Нигерии[21].

Участие Турции в экономическом развитии Африки отчасти можно объяснить простыми деловыми расчетами: деятельность турецких строительных фирм нашла здесь спрос благодаря растущим потребностям континента в развитии инфраструктуры, в то время как турецкие авиалинии начали работать на не обслуживавшихся ранее маршрутах, что приносит практическую выгоду обеим сторонам.

В 2020-е гг. стало все более заметным стремление Анкары к освоению природных ресурсов Африки, прежде всего урана и золота[22], а также нефти, например в Сомали, где она готова действовать даже в условиях конфликта[23].

Официальная помощь в целях развития

ОПР направляется из Турции в Африку через Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (*Türk İşbirliği ve Koordinasyon*

[14] Türkiye—Africa Ties Advancing to 'Unimaginable Levels': Erdoğan // Daily Sabah. October 17, 2025. https://www.dailysabah.com/business/economy/turkiye-africa-ties-advancing-to-unimaginable-levels-erdogan (accessed: 17.11.2025).

[15] Parlar Dal E., Dipama S. Assessing Turkey—Africa Engagements // Africa Policy Research Institute. April 27, 2023. URL: https://afripoli.org/assessing-turkey-africa-engagements (accessed: 04.01.2026).

[16] Flight Destinations and Current Flight Plan // Turkish Airlines. URL: https://www.turkishairlines.com/en-gr/flight-destinations/ (accessed: 18.03.2026).

[17] Mogadishu Alport // Albayrak Group. URL: https://www.albayrak.com.tr/en/sectors/logistics/mogadishu-alport-limani (accessed: 18.03.2026).

[18] Aviation // Summa. URL: https://www.summa.com.tr/en/activities/aviation.htm (accessed: 18.03.2026).

[19] Гончаров В. О турецкой экспансии в Африке. Часть вторая: Основные направления и инструменты турецкой политики в Африке // New Eastern Outlook. 07.06.2024. URL: https://journal-neo.su/ru/2024/06/07/o-tureczkoj-ekspansii-v-afrike-chast-vtoraya-osnovnye-napravleniya-i-instrumenty-tureczkoj-politiki-v-afrike (дата обращения: 16.11.2025).

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Turkey Eyes Niger Mining Projects amid Competition for Uranium // Mining.com. October 22, 2024. URL: https://www.mining.com/web/turkey-eyes-niger-mining-projects-amid-competition-for-uranium (accessed: 18.03.2026).

[23] Sezer C. Turkey Signs Energy Cooperation Deal with Somalia // Reuters. March 7, 2024. URL: https://www.reuters.com/business/energy/turkey-signs-energy-cooperation-deal-with-somalia-2024-03-07/ (accessed: 18.03.2026).

Ajansı Başkanlığı, TİKA), которое, в частности, финансирует ряд проектов в Судане, Сенегале, Буркина-Фасо, Мавритании, Демократической Республике Конго и Гамбии и имеет на континенте 22 офиса[24].

В 2005 г. общий объем турецкой ОПР составлял 11,8 млн долл. США (1,96 % всей ОПР, предоставлявшейся Африке); ею были охвачены 5 стран АЮС и Ливия (Ipek & Biltekin, 2013, p. 135). В 2022 г. объем турецкой ОПР Африке достиг 59,72 млн долл. США, в 2023 г. — 59,27 млн долл. США[25], причем наибольшие ее доли получили Сомали (10,98 млн долл. США), Судан (7,89 млн долл. США), Ливия (6,39 млн долл. США), Гвинея-Бисау (5,97 млн долл. США), Сенегал (1,76 млн долл. США), Гвинея (1,42 млн долл. США) и Нигер (1,31 млн долл. США)[26].

Динамика турецкой помощи африканским странам при этом оставалась неравномерной. После сокращения относительной доли африканского направления во второй половине 2010-х гг. в последние годы объемы ОПР вновь начали расти. В 2024 г. на страны АЮС пришлось 124,26 млн из 139,58 млн долл. США официальной помощи, направленной Турцией на Африканский континент в целом[27]. Таким образом, именно АЮС в настоящее время аккумулирует основную часть турецкой ОПР в Африке.

Географическое распределение турецкой ОПР свидетельствует о том, что большую часть средств Анкара направляет в страны с мусульманским большинством, однако указанные государства относятся и к числу беднейших на континенте, то есть в своих действиях Турция сообразуется и с потребностями стран-получателей. Впрочем, расширение контактов между Анкарой и государствами Сахеля показывает, что геополитические соображения начинают играть все более значимую роль в турецко-африканских отношениях.

Объем турецкой ОПР Африке пока незначителен, но она оказывает влияние на повседневную жизнь африканцев, так как включает в себя, например, непосредственную раздачу продуктов питания, строительство школ и больниц в неблагополучных районах, причем большая часть помощи предоставляется напрямую, а не через международные организации[28]. Так, в столице Нигерии Абудже действует больница «Низамие», строительство которой обошлось турецкой стороне в 30 млн долл. США и которая предлагает специализированные услуги, в том числе бесплатно[29].

В настоящее время Турция имеет соглашения о сотрудничестве в области здравоохранения более чем с 20 африканскими странами. В рамках совместных проектов совершенствуется медицинская инфраструктура и проводится обучение местного персонала[30]. Так, Анкара открыла центр профессиональной подготовки на Мадагаскаре, центры охраны здоровья матери и ребенка в Нигере и приюты для женщин в Камеруне. Турецкие врачи участвуют в кампаниях по диспансеризации[31]. Во время пандемии COVID-19 Анкара отправляла в Африку — в ЮАР, Сомали, Судан, Уганду, Мозамбик, Ботсвану, Намибию, Руанду, Эсватини, Замбию, Анголу и Южный Судан — маски, швей-

[24] TİKA Carried Out 1884 Projects in the Last 5 Years in Africa // Turkish Cooperation and Coordination Agency. May 31, 2022. URL: https://tika.gov.tr/en/detail-tika_carried_out_1884_projects_in_the_last_5_years_in_africa/ (accessed: 18.03.2026).

[25] Turkish Development Assistance Report 2023 // TIKA. 2025. P. 18. https://tika.gov.tr/wp-content/uploads/2025/05/TURKIYE-DEVELOPMENT-ASSISTANCE-REPORT-2023-ENG-final.pdf (accessed: 17.11.2025).

[26] Ibid. P. 19.

[27] Türkiye Kalkınma Yardımları Raporu 2024 // Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı (TİKA). Ankara, 2025. P. 16–17. URL: https://tika.gov.tr/wp-content/uploads/2026/08/TKY-2024.pdf (accessed: 18.03.2026).

[28] Parlar Dal E., Dipama S. Assessing Turkey—Africa Engagements // Africa Policy Research Institute. April 27, 2023. URL: https://afripoli.org/assessing-turkey-africa-engagements (accessed: 04.01.2026).

[29] Barnett J. Between Islamism and Pragmatism: Interrogating Neo-Ottomanism in Turkey—Africa Relations // Journal of Middle East Politics and Policy. 2021. P. 26. URL: https://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/Barnett+Fall+2022.pdf (accessed: 26.11.2025).

[30] Bilateral Relations: Türkiye—Africa Trade and Economic Relations // Republic of Türkiye. Ministry of Trade. URL: https://tabef.org/bilateral-relations.html (accessed: 17.11.2025).

[31] Dahir A. H. Turkey's Evolving Engagement in Africa // TRT World Research Centre. 2020. P. 12. URL: https://researchcentre.trtworld.com/wp-content/uploads/2020/11/Evolving-Turkey-Africa-Partnership.pdf (accessed: 20.11.2025).

ные машины и ткани для их производства, а также аппараты искусственной вентиляции легких (ИВЛ) и другие медицинские принадлежности[32].

Военно-техническое и политическое сотрудничество

В годы холодной войны Турция проводила прозападную внешнюю политику и дистанцировалась от Движения неприсоединения, что препятствовало ее сближению с африканскими странами. Однако как только отношения Анкары со странами Африки начали налаживаться, они обрели взаимовыгодный характер и сотрудничество стало развиваться быстрыми темпами.

Африканская политика Турции покоится на двух столпах: на исторических связях прежде всего между Северо-Восточной Африкой/Африканским Рогом и Османской империей в XVI–XIX вв. и антинеоколониальном дискурсе. Намеренно «забывая» о порабощении османами африканцев, Анкара постоянно подчеркивает, что не похожа на западных партнеров континента, имеющих в Африке «колониальное прошлое»[33].

Все турецкие правительства, несмотря на различия в их внутренней и внешней политике, прилагали усилия по развитию национальной оборонной промышленности. В 1970-е гг. были созданы такие крупные государственные оборонные компании, как *Turkish Aerospace* (TAI, 1973 г.) и *Military Electronic Industries* (ASELSAN, 1975 г.), а к концу 1980-х — несколько частных предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК) либо с участием уже действовавших турецких фирм, либо в партнерстве с международными синдикатами. Так, компания — производитель двигателей для аэрокосмической техники *Tusaş Engine Industries* была основана в 1985 г. как совместное предприятие (СП) с участием TAI, *General Electric* (США), Фонда Вооруженных сил Турции и Турецкой ассоциации аэронавтики. В свою очередь один из ведущих турецких производителей оборонной продукции — *FNSS Defence Systems* — был основан в 1988 г. как СП американской компании *FMC Corporation* (ныне — часть *BAE Systems*) и турецкой *Nurol Holding*; другая компания — *Otokar* — в 1987 г. начала производство по лицензии *Land Rover* тактических колесных транспортных средств, а в начале 1990-х гг. — бронированных автомобилей *Akrep* и *Cobra*[34]. В 2011 г. ASELSAN приобрела южноафриканскую инжиниринговую фирму и создала компанию *ASELSAN South Africa*, производящую электронно-оптические приборы для военной и аэрокосмической промышленности[35].

Экономический бум, наблюдавшийся в Турции в середине 2000-х гг., позволил увеличить объем средств, выделявшихся на оборону в целом и на разработку новых моделей военной техники в частности. К 2020-м гг. все большее число малых и средних предприятий стало работать в оборонном секторе в качестве субподрядчиков: в начале 2000-х гг. в Турции насчитывалось 56 компаний такого типа, а к началу 2020-х гг. их число достигло 1500, чему в немалой степени способствовало государственное финансовое стимулирование их деятельности[36].

В середине 2010-х гг. турецкие оборонные компании — в контексте диверсификации экспорта — обратили внимание на африканский рынок. Если ранее турецкая продукция военного назначения была в основном представлена

[32] Orakçi S. The Rise of Turkey in Africa // Aljazeera Centre for Studies. 2022. P. 14. URL: https://studies.aljazeera.net/sites/default/files/articles/documents/2022-01/The%20Rise%20of%20Turkey%20in%20Africa.pdf (accessed: 22.11.2025).

[33] Barnett J. Between Islamism and Pragmatism: Interrogating Neo-Ottomanism in Turkey—Africa Relations // Journal of Middle East Politics and Policy. 2021. P. 27. URL: https://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/Barnett+Fall+2022.pdf (accessed: 26.11.2025).

[34] Tanrıverdi Yaşar N. Unpacking Turkey's Security Footprint in Africa: Trends and Implications for the EU // SWP Comment. 2022. URL: https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022C42/ (accessed: 04.01.2026).

[35] Dahir A. H. Turkey's Evolving Engagement in Africa // TRT World Research Centre. 2020. P. 9. URL: https://researchcentre.trtworld.com/wp-content/uploads/2020/11/Evolving-Turkey-Africa-Partnership.pdf (accessed: 20.11.2025).

[36] Tanrıverdi Yaşar N. Unpacking Turkey's Security Footprint in Africa: Trends and Implications for the EU // SWP Comment. 2022. URL: https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022C42/ (accessed: 04.01.2026).

стрелковым оружием и боеприпасами к нему, то позже к ним добавилась бронетехника, а в последнее время главное место в турецком экспорте вооружений заняли боевые и разведывательные БПЛА (Kurç, 2024), причем турецкие беспилотники считаются не менее эффективными, нежели западные, но при этом доступными для африканских стран из-за их дешевизны.

Что касается бронетехники, то достаточно большое число турецких бронетранспортеров (БТР) уже приобрели Марокко, Ливия, Эфиопия, Сомали, Нигер, Того и Буркина-Фасо. Тунис, куда идут 26 % турецкого оружия, является крупнейшим его импортером в Африке. За ним следуют Нигерия (18,3 %), Ливия (11,0 %), Египет (7,3 %), Руанда (7,3 %), Буркина-Фасо (5,5 %), Гана и Марокко (по 4,9 %), Уганда (3,7 %) и Сенегал (3,0 %)[37]. В 2021 г. экспорт продукции оборонной и аэрокосмической промышленности Турции на континент достиг 460,6 млн долл. США против примерно 83 млн долл. годом ранее[38]. Так, в 2021 г. турецкая компания *Katmerciler* приняла заказ от Сил обороны Кении на поставки 118 бронемашин с противоминной защитой, подписав контракт на 73 млн долл. США[39]. Хотя по совокупному объему поставок Анкара продолжала уступать крупнейшим традиционным экспортерам вооружений в Африку, темпы роста и расширение номенклатуры продукции свидетельствовали о ее превращении в заметного поставщика (Kurç, 2024).

Параллельно с расширением экспорта вооружений Анкара развивала военно-консультативное, учебное и военно-техническое сотрудничество с африканскими государствами. Этот курс включал подготовку военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, деятельность военных атташе и заключение соглашений о сотрудничестве в сфере безопасности и оборонной промышленности[40]. Так, соглашения о партнерстве, предполагающем, в частности, передачу военных технологий и налаживание совместного производства электронно-оптических датчиков, систем наблюдений и радиоэлектронной борьбы, машин разминирования и легкого оружия, Анкарой подписаны более чем с 25 африканскими странами[41]. При этом турецкие оборонные компании предлагают конкурентоспособные цены на свою военную технику без каких-либо политических условий, то есть Турция становится удобным для африканцев партнером с точки зрения соотношения цены и качества экспортируемого оружия. Кроме того, Турция осуществляет на континенте подготовку военных и полицейских и активизировала участие в контртеррористических инициативах африканских государств[42].

Число африканских посольств в Анкаре выросло с 10 в 2008 г. до 44 в 2025 г.[43], и, что интересно, многие африканские дипломатические миссии в Турции возглавляются действующими или отставными генералами[44].

Среди стран АЮС Турция имеет соглашения (ратифицированные в основном в 2017–2018 гг.) в сфере безопасности с Бенином, Буркина-Фасо, Габоном, Гамбией, Ганой, Гвинеей, Гвинеей-Бисау, Джибути, ДРК, Кенией, Кот-д'Ивуаром, Мадагаскаром, Мали, Мавританией, Нигером, Нигерией, Республикой Конго, Руандой, Сенегалом, Танзанией и Угандой[45].

---

[37] Parlar Dal E., Dipama S. Assessing Turkey—Africa Engagements // Africa Policy Research Institute. April 27, 2023. URL: https://afripoli.org/assessing-turkey-africa-engagements (accessed: 04.01.2026).

[38] Tanrıverdi Yaşar N. Unpacking Turkey's Security Footprint in Africa: Trends and Implications for the EU // SWP Comment. 2022. URL: https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022C42/ (accessed: 04.01.2026).

[39] Hartung J. Kenya: Forging a Symbiotic Relationship with Turkey // International Institute for Strategic Studies. 2021. URL: https://horninstitute.org/kenya-forging-a-symbiotic-relationship-with-turkey (accessed: 18.11.2025).

[40] Tanrıverdi Yaşar N. Unpacking Turkey's Security Footprint in Africa: Trends and Implications for the EU // SWP Comment. 2022. URL: https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022C42/ (accessed: 04.01.2026).

[41] Ibid.

[42] Ibid.

[43] Türkiye—Africa Ties Advancing to 'Unimaginable Levels': Erdoğan // Daily Sabah. October 17, 2025. https://www.dailysabah.com/business/economy/turkiye-africa-ties-advancing-to-unimaginable-levels-erdogan (accessed: 17.11.2025).

[44] Tanrıverdi Yaşar N. Unpacking Turkey's Security Footprint in Africa: Trends and Implications for the EU // SWP Comment. 2022. URL: https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022C42/ (accessed: 04.01.2026).

[45] Ibid.

Программы военной подготовки ориентированы на различные подразделения служб безопасности — армию, жандармерию, береговую охрану и полицию. Так, турецкие инструкторы уже обучили десятки кенийских полицейских методам борьбы с терроризмом и пресечения наркотрафика[46]. В 2020 г. Турция подписала оборонные пакты с Нигером и Нигерией, в 2021 г. — с Того и Эфиопией, в 2022 г. — с ДРК и Сенегалом[47].

В феврале 2025 г. Анкара заключила военное соглашение с Нджаменой (Чад) о взятии под турецкий контроль военной базы Абеше, которую французский гарнизон покинул в конце января того года. В свою очередь, турецкая Национальная разведывательная организация (*Milli İstihbarat Teşkilatı*, MİT) создала свой офис в Нигере[48]. Эти сделки демонстрируют, во-первых, расширение на континенте турецкого военного присутствия, отчасти обусловленное завершением масштабных операций против Рабочей партии Курдистана на территориях Сирии и Ирака[49] и высвобождением таким образом части подразделений спецназа для их переброски в Африку, прежде всего в зону Сахеля, а во-вторых, ее заинтересованность в восстановлении влияния Османской империи в Африке, и, наконец, преимущество Турции как надежного игрока на континенте по сравнению с Францией для африканских правительств.

Политическое измерение турецкого присутствия отчетливо проявилось и в Судане. При режиме Омара аль-Башира (1989–2019) Анкара сочетала экономическое и военно-политическое сотрудничество с контактами с исламистскими кругами. Смена власти в апреле 2019 г. заставила турецкое руководство изменить прежний курс: сохранение накопленных экономических и политических позиций стало важнее поддержки отдельных идеологических партнеров. К моменту свержения О. аль-Башира объем инвестиций турецких компаний в Судане оценивался примерно в 600 млн долл. США[50].

Важным элементом турецко-суданского взаимодействия стал проект на острове Суакин. Договоренности 2017 г. предусматривали восстановление исторической портовой инфраструктуры и создание причала для обслуживания гражданских и военных судов[51]. Еще одним заметным проектом стало открытие в 2014 г. построенного при содействии TİKA Судано-турецкого учебно-исследовательского госпиталя в Ньяле в Южном Дарфуре[52].

Если присутствие Турции в Судане и на Африканском Роге вызывало беспокойство в Египте и странах Персидского залива, то растущее влияние Анкары на государства Сахеля стало предметом озабоченности Запада, прежде всего Франции, обвинившей турецкое правительство в разжигании в Африке антифранцузских настроений[53]. Действительно, политика Турции в Сахеле носит многовекторный характер, но сотрудничество Анкары с государствами региона остается весьма ограниченным по сравнению с ее деятельностью,

[46] Tanrıverdi Yaşar N. Unpacking Turkey's Security Footprint in Africa: Trends and Implications for the EU // SWP Comment. 2022. URL: https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022C42/ (accessed: 04.01.2026).

[47] Parlar Dal E., Dipama S. Assessing Turkey—Africa Engagements // Africa Policy Research Institute. April 27, 2023. URL: https://afripoli.org/assessing-turkey-africa-engagements (accessed: 04.01.2026).

[48] Parens R., Plichta M. Turkey's Return to Africa // Foreign Policy Research Institute. March 10, 2025. URL: https://www.fpri.org/article/2025/03/turkeys-return-to-africa (accessed: 22.11.2025).

[49] Баширли Р. Турция отправляет войска в Африку // Haqqin.az. 24.09.2025. URL: https://haqqin.az/news/360977 (дата обращения: 16.11.2025).

[50] Alaranta T. Turkey in Africa: Chasing Markets and Power with a Neo-Ottomanist Approach // Finnish Institute of International Affairs. 2020. URL: https://fiia.fi/en/publication/turkey-in-africa (accessed: 18.08.2026).

[51] Kucukgocmen A., Abdelaziz K. Turkey to Restore Sudanese Red Sea Port and Build Naval Dock // Reuters. December 26, 2017. URL: https://www.reuters.com/article/world/turkey-to-restore-sudanese-red-sea-port-and-build-naval-dock-idUSKBN1EK0Z1/ (accessed: 18.08.2026).

[52] Nyala Sudan Turkish Training and Research Hospital Inaugurated // Turkish Cooperation and Coordination Agency. March 10, 2014. URL: https://tika.gov.tr/en/detail-nyala_sudan_turkish_training_and_research_hospital_inaugurated/ (accessed: 18.03.2026).

[53] Macron Blames Russia and Turkey for Bolstering anti-French Sentiment in Africa // France 24. November 20, 2020. https://www.france24.com/en/france/20201120-macron-blames-russia-and-turkey-for-bolstering-anti-french-sentiment-in-africa (accessed: 18.11.2025).

например, в Ливии, Сомали и Алжире, и сводится преимущественно к строительству мечетей, медресе и инфраструктурных объектов; ни одна страна Сахеля не входит в десятку наиболее крупных торговых партнеров Турции в Африке[54]. Впрочем, в 2020-е гг. торговые и инвестиционные потоки из Турции в Мали, Нигер и Буркина-Фасо, где Анкара осуществляет проекты в сферах образования, здравоохранения и водоснабжения, расширились[55].

С 2010-х гг. Турция начала вносить большой вклад в усилия ООН по обеспечению безопасности в Африке и увеличила поставки гуманитарной помощи в пострадавшие в ходе вооруженных конфликтов районы Нигерии, Нигера и других стран[56]. Благодаря реализации программ подготовки малийских и нигерских военнослужащих на фоне сворачивания Францией контртеррористической деятельности в ее бывших колониях Турция расширила свое взаимодействие с государствами Сахеля. Кроме того, Анкара предоставила свой персонал для Миссии ООН в Южном Судане (МООНЮС), Миссии ООН по стабилизации в ДРК (МООНСДРК), Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА) и др.

Следует отметить, что на характер сотрудничества между Турцией и странами АЮС влияют — в контексте стремления Анкары стать членом Европейского союза (ЕС) — ее отношения с этим объединением. Когда в 2000-е гг. у Турции появился шанс войти в ЕС, Анкара использовала эту возможность в качестве внешнеполитического ресурса, позиционируя себя в том числе и на Африканском континенте как одного из глобальных центров силы. Например, в 2006–2007 гг. Турция была участником миссий ЕС в ДРК — *EUFOR RD Congo* и *EUPOL Kinshasa*[57]. В то время африканская политика Анкары соответствовала африканской политике Евросоюза.

Однако когда процесс вступления Турции в ЕС начал заходить в тупик, согласованность действий между Анкарой и Брюсселем в сфере безопасности стала ослабевать, и в настоящее время Турция не участвует ни в одной из 10 миротворческих/военно-учебных миссий ЕС в Африке, хотя и вносит свой вклад в деятельность Евросоюза в рамках Общей политики безопасности и обороны ЕС (ОПБО) на основе рамочного соглашения, подписанного в 2006 г. В результате Анкара и Евросоюз осуществляют военную подготовку офицеров, например Сомалийской национальной армии, но без какой-либо координации между собой. При этом Анкара предоставляет более комплексные программы обучения, осуществляя связь с отдаленными гарнизонами[58].

Религиозная дипломатия

С приходом ПСР к власти религиозные и связанные с ними неправительственные организации (НПО) стали играть более заметную роль в африканской политике Турции. Государственные структуры, фонды и НПО включились в реализацию образовательных, гуманитарных и культурных проектов, сформировав дополнительный канал турецкой «мягкой силы» на континенте (Guner, 2021; Haynes, 2022). Существенную роль на первом этапе играло движение Фетхуллаха Гюлена (1941–2024) «Хизмет» («Служение»), создававшее в африканских странах школы и другие образовательные учреждения. После попытки государственного переворота 2016 г. отношения между

[54] Carbone G., Casola C. Sahel, 10 Years of Instability: Local, Regional and International Dynamics // ISPI. 2022. P. 126. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/10_years_instability_sahel_report.ispi_.2022_0.pdf (accessed: 20.11.2025).

[55] Lebovich A. Unravelling Turkish Involvement in the Sahel: Geopolitics and Local Impact // Clingendael Institute. 2023. P. 5. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2023-07/Policy_brief_Unravelling_Turkish_involvement_in_the_Sahel.pdf (accessed: 21.11.2025).

[56] Tanrıverdi Yaşar N. Unpacking Turkey's Security Footprint in Africa: Trends and Implications for the EU // SWP Comment. 2022. URL: https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022C42/ (accessed: 04.01.2026).

[57] Tanrıverdi Yaşar N. Unpacking Turkey's Security Footprint in Africa: Trends and Implications for the EU // SWP Comment. 2022. URL: https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022C42/ (accessed: 04.01.2026).

[58] Parens R., Plichta M. Turkey's Return to Africa // Foreign Policy Research Institute. March 10, 2025. URL: https://www.fpri.org/article/2025/03/turkeys-return-to-africa (accessed: 22.11.2025).

турецкими властями и движением окончательно перешли в открытую конфронтацию, а Анкара стала добиваться передачи связанных с ним образовательных учреждений другим турецким структурам, прежде всего Фонду «Маариф» (Guner, 2021).

В настоящее время религиозная дипломатия Турции направлена прежде всего на расширение влияния страны в Африке на фоне усиления многовекторного присутствия на континенте ОАЭ, Саудовской Аравии, Катара и Ирана[59]. Анкара продвигает в АЮС так называемый турецкий ислам, позиционируя его более толерантным, нежели его альтернативные варианты, предлагаемые странами Ближнего Востока и Северной Африки. Параллельно Турция предоставляет гуманитарную помощь территориям, пострадавшим от войн и конфликтов (Чад, Южный Судан, Нигер, Мали, Центральноафриканская Республика (ЦАР) и др.), создает центры изучения ислама, уже опубликовала переводы Корана на девять африканских языков и начала реализацию проекта «города-побратимы»: так, район Чанкая в Анкаре стал городом-побратимом г. Джибути, район Мерзифон в Амасье — Дакара, а район Бука в Измире — Мапуту[60].

Это направление турецкой политики заметно проявилось и в Эфиопии. В этой стране, где мусульмане составляют значительную часть населения, образовательное присутствие Турции также расширялось на фоне перестройки сети учреждений, ранее связанных с движением Ф. Гюлена. При этом религиозно-образовательные инструменты сочетались с политической дипломатией: в 2021 г. Анкара предложила посредничество в урегулировании пограничного спора между Эфиопией и Суданом, и суданская сторона публично согласилась с турецкой инициативой[61].

В целом африканские кейсы показывают, что религиозный фактор используется Анкарой гибко и, как правило, подчиняется более широким политическим и экономическим задачам.

Вместо заключения: особенности турецкой модели взаимодействия со странами АЮС

Расширение сотрудничества в различных сферах между Турцией и странами АЮС стало результатом нескольких факторов: стремления Анкары к усилению своего влияния на международной арене и превращению в региональный центр силы в рамках соперничества с другими региональными и мировыми державами, роста потребностей в энергетических и прочих ресурсах, необходимости в освоении новых рынков сбыта своей продукции и т. д. Однако за этим, казалось бы, чистым прагматизмом скрывается более глубокая стратегия, представляющая собой не просто геополитический маневр, а попытку переосмыслить традиционные модели сотрудничества с Африкой. Турецкая дипломатия, которую нередко называют «Анкарским консенсусом», пытается предложить альтернативу не только западному, но и китайскому подходу, делая ставку не на патернализм, а на «партнерство равных», основанное на взаимной выгоде и уважении суверенитета. Впрочем, риторика равноправного партнерства и дистанцирования от западного колониального наследия характерна, в частности, и для китайской политики в Африке (Aydın & Liu, 2024). Поэтому специфика турецкой модели заключается скорее не в уникальности декларируемых принципов, а в сочетании различных инструментов и в способности Анкары относительно быстро связывать между собой

[59] Mahmood O. S. The Middle East's Complicated Engagement in the Horn of Africa. Has the Involvement of Saudi Arabia, the UAE, Qatar and Turkey Helped or Hurt East Africa? // Small Wars Journal. February 2, 2020. URL: https://archive.smallwarsjournal.com/jrnl/art/middle-easts-complicated-engagement-horn-africa (accessed: 22.11.2025).

[60] Aidi H. Africa and the "Ankara Consensus" // Policy Center for the New South. March 2022. URL: https://www.policycenter.ma/sites/default/files/2022-03/PB_20-22_Aidi.pdf (accessed: 20.11.2025).

[61] Amin M. Sudan Accepts Turkey's Mediation over Border Disputes with Ethiopia // Anadolu Agency. September 19, 2021. URL: https://www.aa.com.tr/en/africa/sudan-accepts-turkeys-mediation-over-border-disputes-with-ethiopia/2368525 (accessed: 18.03.2026).

дипломатические, коммерческие, транспортные, гуманитарные, образовательные и военно-технические каналы взаимодействия.

В качестве премьер-министра, а затем президента Р.Т. Эрдоган совершил 53 официальных визита в 31 африканское государство[62], что, в частности, свидетельствует о том, что Анкара намерена установить в Африке долгосрочное присутствие. Однако дальнейшее расширение турецко-африканского сотрудничества будет зависеть и от внутренних ресурсных возможностей самой Турции, прежде всего от состояния ее экономики и способности поддерживать одновременно широкий круг внешнеполитических, инвестиционных, гуманитарных и военно-технических инициатив. Способность Турции маневрировать в отношениях с Западом, Россией и Китаем позволяет ей сохранять достаточно самостоятельную линию на африканском направлении. В среднесрочной перспективе устойчивость турецкого присутствия будет зависеть от того, насколько Анкара сможет поддерживать сложившееся сочетание экономических, политических, гуманитарных и военно-технических инструментов в условиях усиливающейся конкуренции внешних игроков.

Поступила в редакцию / Received: 12.12.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 20.03.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Алексанян Л. М. Политика Турции в Африке на современном этапе (политический, экономический, гуманитарный аспекты) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2023. № 2. С. 67–80. https://doi.org/10.31249/RVA/2023.02.03; EDN: MJERYS

Волков С. Н., Дейч Т. Л. Конференция «Африка в условиях формирования полицентричного мира» // Ученые записки Института Африки РАН. 2020. № 2. С. 66–98. https://doi.org/10.31132/2412-5717-2020-51-2-66-98; EDN: SLIYCP

Денисова Т. С., Костелянец С. В. От торговли к геополитике: трансформация роли ОАЭ в Африке южнее Сахары // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18, № 3. С. 98–114. https://doi.org/10.31249/kgt/2025.03.06; EDN: DVEGFW

Евграфов А. И. Торговые отношения Турции со странами Африки в XXI в.: основные тренды развития // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2024. Т. 68, № 3. С. 176–189. EDN: LEFSBK

Костелянец С. В. Политика Турции на африканском направлении: новые тенденции в выборе партнеров // Азия и Африка сегодня. 2016. № 7. С. 30–35. EDN: WMUFAZ

Костелянец С. В. Турция и Африка: сотрудничество развивается // Азия и Африка сегодня. 2012. № 10. С. 36–40. EDN: PFQFZN

Мосаки Н. З. Образовательная экспансия Турции в Африке // Вопросы образования. 2013. № 2. С. 49–66. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-2-49-66; EDN: QJBMNX

Озтюрк М., Шишкина А. Р. Региональные державы в ливийском пространстве: противостояние турецко-катарского и саудовско-эмиратского блоков // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков : ежегодник : Т. 11, ч. 2 / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград : Учитель, 2020. С. 747–771. EDN: IPHFVY

Сидорова Г. М., Поспелов Н. В. Взаимодействие Турецкой Республики с Африкой в контексте обеспечения национальных интересов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2. С. 165–173. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_2_843_165; EDN: MSMUCB

Ягья В. С., Колесникова М. А. «Три кита» турецкой политики в Африке // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 1. С. 37–59. https://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-00004; EDN: YRIDOZ

[62] Bilateral Relations: Türkiye—Africa Trade and Economic Relations // Republic of Türkiye. Ministry of Trade. URL: https://tabef.org/bilateral-relations.html (accessed: 17.11.2025).

Armutlu İ. Konstrüktivist Perspektiften Türkiye—Afrika Ülkeleri İlişkilerinin Dönüşümü: Tarihsel Arka Plan, Politik ve Ekonomik Gelecek Perspektifleri // Akademik İzdüşüm Dergisi. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 222–254. URL: https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/4182474 (accessed: 04.01.2026).

Aydın H., Liu Y. Questioning the West and Creating an Alternative: China's and Türkiye's Similar Approaches toward Africa // Insight Turkey. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 251–273. https://doi.org/10.25253/99.2024263.14; EDN: OLODXX

Bagci H., Erdurmaz S. Libya and Turkey's Expansion Policy in Africa // JANUS.NET, e-journal of International Relations. 2017. Vol. 8, no. 2. P. 38–52. URL: https://www.redalyc.org/pdf/4135/413553386004.pdf (accessed: 04.01.2026).

Demirtaş B., Pirinççi A. Türkiye's Security Policy in Sub-Saharan Africa: A Constructivist Analysis // Insight Turkey. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 103–129. https://doi.org/10.25253/99.2024263.8

Ersoy E. Turkish Foreign Policy Toward the Algerian War of Independence (1954–62) // Turkish Studies. 2012. Vol. 13, iss. 4. P. 683–695. https://doi.org/10.1080/14683849.2012.746440

Guner E. NGOization of Islamic Education: The Post-Coup Turkish State and Sufi Orders in Africa South of the Sahara // Religions. 2021. Vol. 12, no. 1. Art. 24. https://doi.org/10.3390/rel12010024; EDN: KWZYOP

Haynes J. Religious and Economic Soft Power in Ghana—Turkey Relations // Religions. 2022. Vol. 13, no. 11. Art. 1030. https://doi.org/10.3390/rel13111030; EDN: VSTBOV

Ipek V., Biltekin G. Turkey's Foreign Policy Implementation in sub-Saharan Africa: A Post-International Approach // New Perspectives on Turkey. 2013. Vol. 49. P. 121–156. https://doi.org/10.1017/S0896634600002065

Kurç Ç. No Strings Attached: Understanding Turkey's Arms Exports to Africa // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2024. Vol. 26, iss. 3. P. 378–395. https://doi.org/10.1080/19448953.2023.2236515; EDN: DJPXXB

Rudincová K. New Player on the Scene: Turkish Engagement in Africa // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. 2014. No. 25. P. 197–213. https://doi.org/10.2478/BOG-2014-0039

Siradag A. The Rise of Turkey's Soft Power in Africa: Reasons, Dynamics, and Constraints // International Journal of Political Studies. 2022. Vol. 8, no. 2. P. 1–14. https://doi.org/10.25272/1icps.1117810

Сведения об авторах:

Денисова Татьяна Сергеевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая, Центр изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН; Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; eLibrary SPIN-код: 9099-3634; ORCID: 0000-0001-6321-3503; e-mail: tsden@hotmail.com

Костелянец Сергей Валерьянович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий, Центр социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН; Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; eLibrary SPIN-код: 2391-3452; ORCID: 0000-0002-9983-9994; e-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 542–558
http://journals.rudn.ru/international-relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-542-558
EDN: GGBEEO

Научная статья / Research article

Роль Бразилии в защите перемещенных лиц в Латинской Америке: региональное сотрудничество как лучшая практика

А.М.К.П. Пасифико ✉, Дж. да Коста Сантос

Университет штата Параиба, Параиба, Бразилия
✉apacifico@servidor.uepb.edu.br

Аннотация. Люди покидают места своего проживания — и внутри своих стран, и за их пределами, как это происходит в Латинской Америке — по разным причинам. Особенности региона способствовали разработке регионального режима и локальных решений по защите перемещенных лиц, основанных на «духе» Картахенской декларации декларацией о беженцах 1984 г. В контексте реализации Цели устойчивого развития № 17 (ЦУР 17) Латинская Америка вовлекает широкий круг акторов в усилия по сотрудничеству на местном, региональном и глобальном уровнях, чтобы обеспечить доступ к правовым и политическим механизмам. В этих инициативах участвуют гражданское общество, частный сектор, государства и сами перемещенные лица, что позволяет говорить о формировании коммуникативной модели сетевого общества (*Network Society Communicative Model*, NSCM) в сфере защиты перемещенных лиц. Исследование посвящено анализу перемещения населения в Латинской Америке и решений, достигнутых в результате сотрудничества различных акторов в рамках NSCM, которые могут служить примерами успешной практики защиты перемещенных лиц. Рассмотрена бразильская программа «Добро пожаловать» (*Operação Acolhida*), которая способствует приему и интеграции венесуэльских мигрантов и беженцев. Исследование носит междисциплинарный и качественный характер и основано на теории сетевого общества М. Кастельса, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, концепции коммуникативного сообщества К.О. Апеля, диалогической модели Б. Чимни и идее взаимосвязанности в глобальном управлении А. Беттса. Установлено, что бразильская операция «Добро пожаловать» сочетает оказание неотложной гуманитарной помощи с мерами, направленными на устойчивую интеграцию венесуэльских мигрантов и беженцев в принимающее общество. Эта модель отражает стремление Бразилии комплексно отвечать на потребности перемещенных лиц, координируя усилия государственных органов, международных и неправительственных организаций и других негосударственных участников.

Ключевые слова: миграция, венесуэльские беженцы и мигранты, коммуникативная модель сетевого общества, региональные миграционные режимы, Картахенский режим, УВКБ ООН, операция Добро пожаловать, Рорайма

Вклад авторов. Пасифико А.М.К.П.: концептуализация, разработка методологии исследования, проведение исследования, сбор и обработка данных, написание текста рукописи. Да Коста Сантос Дж.: концептуализация, разработка методологии исследования, проведение исследования, сбор и обработка данных, написание текста рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Пасифико А.М.К.П., да Коста Сантос Дж., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Пасифико А. М. К. П., да Коста Сантос Дж.* Роль Бразилии в защите перемещенных лиц в Латинской Америке: региональное сотрудничество как лучшая практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 542–558. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-542-558; EDN: GGBEEO

The Role of Brazil in Protecting Displaced Persons in Latin America: Regional Cooperation as a Good Practice

Andrea M.C.P. Pacifico ✉, Johnatan da Costa Santos

Paraiba State University, Paraiba, Brazil
✉apacifico@servidor.uepb.edu.br

Abstract. People leave their places of residence, both within and across national borders, for a variety of reasons, as is the case in Latin America. The specific characteristics of the region have contributed to the development of a regional regime and local solutions for the protection of displaced persons, grounded in the "spirit" of the 1984 Cartagena Declaration on Refugees. In the context of implementing Sustainable Development Goal 17 (SDG 17), Latin America engages a wide range of actors in cooperative efforts at the local, regional, and global levels to ensure access to legal and policy mechanisms. These initiatives involve civil society, the private sector, states, and displaced persons themselves, making it possible to speak of the emergence of a Network Society Communicative Model (NSCM) in the field of protection for displaced persons. The study examines population displacement in Latin America and the solutions achieved through cooperation among different actors within the NSCM, which may serve as examples of good practice in the protection of displaced persons. It considers Brazil's Operation Welcome (*Operação Acolhida*), which facilitates the reception and integration of Venezuelan migrants and refugees. The study is interdisciplinary and qualitative in nature, drawing on Manuel Castells's theory of the network society, Jürgen Habermas's theory of communicative action, Karl-Otto Apel's concept of the communication community, B. Chimni's dialogical model, and Alexander Betts's idea of interconnections in global governance. The findings suggest that Brazil's Operation Welcome combines the provision of emergency humanitarian assistance with measures to integrate Venezuelan migrants and refugees into the host society. This model reflects Brazil's commitment to responding comprehensively to the needs of displaced persons by coordinating efforts between state authorities, international and non-governmental organizations, and other non-state actors.

Key words: migration, Venezuelan refugees and migrants, Network Society Communicative Model, regional migration regimes, Cartagena regime, UNHCR, Operation Welcome ,Roraima

Authors' contributions. A.M.C.P. Pacifico: conceptualization, development of research methodology, conducting research, data collection and processing, writing the manuscript. J. da Costa Santos: conceptualization, development of research methodology, conducting research, data collection and processing, writing the manuscript. Both authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Pacifico, A. M. C. P., & da Costa Santos, J. (2026). The role of Brazil in protecting displaced persons in Latin America: Regional cooperation as a good practice. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 542–558. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-542-558; EDN: GGBEEO

Введение

Пресечение серьезных международных преступлений, нарушений прав человека и мобилизации мигрантов представляет собой одну из наиболее острых проблем, стоящих перед мировым сообществом сегодня. Это особенно актуально в усилиях Бразилии по защите прав перемещенных лиц, сфокусированной на таких вопросах, как защита беженцев и гуманитарная помощь. Как отмечается в научных исследованиях, правовые сложности осуществления этой деятельности проливают свет на проблемы, с которыми сталкиваются перемещенные лица,

пытаясь ориентироваться как в национальных, так и в международных правовых рамках (Santos, 2025, p. 105).

Необходимость защиты перемещенных лиц в Латинской Америке представляет собой многогранную задачу, требующую тонкого подхода, интегрирующего национальную политику с эффективными региональными стратегиями сотрудничества. В данном исследовании в качестве примера рассматривается роль Бразилии в решении проблемы перемещения населения с акцентом на вклад этой страны в региональное сотрудничество и внедрение практик, которые могут служить образцом для других стран. Опыт Латинской Америки, характеризующейся разнообразными факторами, которые вызывают перемещение населения (конфликты, стихийные бедствия и изменение климата), а также историей инновационных решений, таких как региональная солидарность, заслуживает глубокого изучения участия государственных и негосударственных субъектов в урегулировании этой проблемы. В статье анализируются усилия Бразилии в этом контексте, в частности через призму ее участия в региональных структурах и принятия инициатив, способствующих благополучию перемещенного населения в соответствии с Целью устойчивого развития № 17 (ЦУР-17)[1].

Реакция Бразилии на кризис перемещения населения из Венесуэлы представляет собой важный пример для изучения в более широком контексте. По имеющимся оценкам, по состоянию на май 2024 г. 6,59 млн венесуэльцев нашли убежище в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, что составляет большую часть общемирового показателя в 7,77 млн человек[2]. Бразилия, являющаяся одним из основных направлений для этого миграционного потока, запустила операцию «Добро пожаловать» в апреле 2018 г. в соответствии с Федеральным законом № 13.684/2018[3]. Эта инициатива, направленная на управление притоком венесуэльцев, особенно в северном штате Рорайма, подчеркивает подход Бразилии к решению проблемы масштабного перемещения населения.

Основываясь на долгосрочных аналитических исследованиях, эта статья рассматривает бразильскую операцию «Добро пожаловать» для венесуэльских мигрантов как коммуникативную модель сетевого общества (Pacífico, 2022) и демонстрирует, как межинституциональное сотрудничество позволило ей стать примером передовой практики. Исследование также носит качественный и междисциплинарный характер, опираясь на наработки специалистов по миграционным исследованиям, международным отношениям, международному праву, политологии и социологии (The Sage Handbook…, 2023). Исследование опирается на академическую литературу, анализ документов, данные из различных источников, например Федеральной полиции Бразилии, отчетов Региональной межведомственной координационной платформы по вопросам беженцев и мигрантов из Венесуэлы (*Regional Inter-Agency Coordination Platform for Refugees and Migrants from Venezuela*, R4V) и Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), а также контент-анализ сообщений СМИ.

В исследовании описывается соответствие программ Бразилии региональным и международным правовым рамкам и ее участие в инициативах по сотрудничеству в этой сфере. Также оценивается влияние ее политики на перемещенное население. Используя дедуктивную методологию, это исследование переходит от широкого изучения проблемы перемещения населения в Латинской Америке к целенаправленному анализу вклада Бразилии, включая операцию «Добро пожаловать» как потенциальную модель передового

[1] Department of Economic and Social Affairs Sustainable Development // United Nations. URL: https://sdgs.un.org/goals/goal17 (accessed: 20.03.2025).

[2] Refugees and Migrants from Venezuela [Infographic] // R4V. URL: https://www.r4v.info/en/refugeeandmigrants (accessed: 02.03.2025).

[3] Presidência da República Secretaria-Geral Subchefia para Assuntos Jurídicos. Lei No. 13.684, de 21 de Junho de 2018 // Presidência da República. URL: https://legislacao.presidencia.gov.br/atos/?tipo=LEI&numero=13684&ano=2018&ato=6f4oXW61UeZpWTdf2 (accessed: 04.03.2025).

опыта на региональном и международном уровнях (Gilgun, 2019).

Теоретико-методологическую основу исследования составляют предложенная А. Беттсом[4] концепция управления миграцией и защиты путем убеждения, подход Р. Зеттера (Zetter, 2015) к типологизации видов защиты перемещенных лиц и разработанная А. Пасифико (Pacífico, 2022) коммуникативная модель сетевого общества, что позволяет обеспечить критический взгляд на реализацию механизмов защиты и оценку эффективности стратегий защиты перемещенных лиц в регионе и за его пределами, подчеркивая важность сотрудничества и внедрения воспроизводимых передовых практик.

Перемещенные лица в рамках регионального режима в Латинской Америке: концептуализация, законы и политика

Отдельные категории уязвимых групп населения закреплены в законодательстве, тогда как другие еще не получили надлежащего признания в национальных правовых системах и государственной политике. Такая ситуация объясняется отсутствием в юридически обязательных международных актах либо четких определений соответствующих категорий, либо унифицированной терминологии, позволяющей обеспечить их идентификацию и эффективную защиту на глобальном уровне. Например, перемещенные лица могут быть ошибочно квалифицированы как беженцы либо отнесены к другим защищаемым категориям. В результате обязанности государств по их защите оказываются размытыми: лица, не отвечающие критериям статуса беженца, могут остаться вне действия как режима защиты беженцев, так и иных применимых международно-правовых механизмов (Owen, 2020; Brock, 2020).

Согласно С. Краснеру (Krasner, 1982), международный режим представляет собой совокупность правил, норм, принципов и процедур принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания участников в данной области международных отношений. В этом смысле у беженцев существует свой собственный режим защиты, установленный УВКБ ООН в 1950 г. Как основной институт этого режима УВКБ ООН отвечает за публикацию Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и Дополнительного протокола к ней 1967 г.[5]

После Конвенции о статусе беженцев 1951 г. появились другие термины, определения и концепции, что усложнило задачу международного режима по защите всех категорий перемещенных лиц, особенно после установления региональных режимов в Африке, Европейском союзе и Латинской Америке (McBrien, 2017).

В системе Организации Объединенных Наций действуют два учреждения, ответственные за регулирование миграции населения: Международная организация по миграции (МОМ) и УВКБ ООН. Первая в основном занимается защитой мигрантов — людей, которые перемещаются внутри или за пределы своей страны происхождения или гражданства, временно или постоянно, но добровольно. Это включает миграцию с целью обучения, туризма, заключения брака, воссоединения семьи и даже нелегальную миграцию. Некоторые иностранные мигранты въезжают в новую страну без обычной визы или документов и классифицируются как нелегальные или незарегистрированные мигранты.

Вторая организация, УВКБ ООН, отвечает за беженцев. Согласно Конвенции 1951 г., беженец — это человек, покинувший свою

[4] Betts A. Conceptualising Interconnections in Global Governance: The Case of Refugee Protection. RSC Working Paper No. 38. Oxford : Refugee Studies Centre, University of Oxford, 2006. URL: https://www.rsc.ox.ac.uk/files/files-1/wp38-conceptualising-interconnections-global-governance-2006.pdf/@@download (accessed: 12.03.2025). См. также: (Betts, 2009).

[5] Конвенция позволила государствам при присоединении к ней сделать заявление о том, что слова «события, произошедшие до 1 января 1951 г.» следует понимать как «события, произошедшие в Европе» до этой даты. Это географическое указание говорило лишь о весьма ограниченном числе государств, а с принятием Протокола 1967 года оно фактически утратило свое первоначальное значение. См.: United Nations. Protocol Relating to the Status of Refugees. Adopted by UN General Assembly Resolution 2198 (XXI), 16 December 1966; entered into force 4 October 1967 // UNHCR. URL: https://www.unhcr.org/publications/protocol-relating-status-refugees (accessed: 28.02.2025).

страну происхождения или гражданства и не желающий возвращаться из-за обоснованного опасения преследования по признаку расы, религии, национальности, политических убеждений или принадлежности к определенной социальной группе. Кроме того, лица, ищущие убежища (или заявители на получение статуса беженца в Латинской Америке), — это лица, подавшие заявление на получение убежища или статуса беженца в новой стране, но еще ожидающие решения. Некоторые лица, ищущие убежища, могут быть также классифицированы как нелегальные мигранты в стране назначения.

Согласно определению Организации Объединенных Наций (1998), внутренне перемещенные лица (ВПЛ) — это лица, вынужденные перемещаться внутри своей страны из-за вооруженных конфликтов, повсеместного насилия, нарушений прав человека или стихийных или антропогенных катастроф. В отличие от беженцев, они не пересекают международную границу[6].

А. Беттс (Betts, 2010) ввел термин «мигранты, вынужденные выживать», чтобы описать людей, которые были вынуждены пересечь международные границы, но не признаются беженцами из-за отсутствия конкретных видов преследования, описанных в юридическом определении. К ним, в частности, относятся лица, перемещенные вследствие экологических факторов, которые покидают страну своего происхождения или гражданства из-за стихийных бедствий, нестабильности государства либо утраты источников средств к существованию, вызванных такими причинами, как изменение климата или деградация окружающей среды. А. Пасифико и Р. де Араужо Нето (Pacífico & de Araújo Neto, 2017) рассматривают лиц, перемещенных по экологическим причинам (*environmentally displaced persons*, ЛПЭП) как лиц, которые были насильственно перемещены — временно или навсегда — либо внутри своей страны, либо пересекли международные границы из-за изменения окружающей среды.

В этом контексте необходимо также учитывать лиц без гражданства — тех, кто не имеет законного гражданства и кто может быть беженцами, внутренне перемещенных лиц, лиц, ищущих убежища, или ЛПЭП.

В целом современная литература по миграции и перемещению различает мигрантов, которые перемещаются добровольно, и перемещенных лиц, которые вынуждены покидать свои дома. Следовательно, первая группа находится в ведении МОМ, а вторая — в ведении УВКБ ООН. Однако на практике оба учреждения ООН сотрудничают на местах для решения проблем, связанных с миграцией населения, особенно в ситуациях стихийных бедствий, нарушающих местную социальную структуру. Эти совместные усилия очевидны в Латинской Америке, где региональный Картахенский режим сыграл ключевую роль в поощрении местных органов власти — как в отдельных странах, так и на региональном уровне — к разработке законов и политики, защищающих перемещенных лиц, включая мигрантов, беженцев, лиц без гражданства и ЛПЭП.

Нынешний латиноамериканский режим, состоящий в основном из национальных законов и программ, а также региональных деклараций, известен как Картахенский режим, или «дух Картахены», вдохновленный Картахенской декларацией о беженцах 1984 г. Эта декларация побудила страны Латинской Америки защищать беженцев и других перемещенных лиц в регионе (Pinheiro de Castro Simão, 2024) в соответствии с Американской конвенцией о правах человека 1969 г., которая подтверждает право на свободу передвижения и проживания для всех.

Главным достижением Картахенской декларации 1984 г. стало расширение определения беженца (по сравнению с определением, содержащимся в Конвенции 1951 г.) за счет включения в него тех, кто бежит от ситуаций, серьезно нарушающих общественный порядок, или общих нарушений прав человека.

[6] Further Promotion and Encouragement of Human Rights and Fundamental Freedoms, Including the Question of the Programme and Methods of Work of the Commission Human Rights, Mass Exoduses and Displaced Persons: Report of the Representative of the Secretary-General, Mr. Francis M. Deng, Submitted Pursuant to Commission Resolution 1997/39 // United Nations Documents. URL: https://docs.un.org/en/E/CN.4/1998/53/Add.2 (accessed: 03.03.2025).

Следуя этому расширенному определению, бразильский закон о беженцах 1997 г. также определил беженцев аналогичным образом, сделав Бразилию первой страной в мире, признавшей беженцами тех, кто бежит от серьезных и массовых нарушений прав человека[7].

Картахенский режим обновлялся каждые десять лет. В 1994 г. была опубликована Декларация Сан-Хосе о беженцах и перемещенных лицах, в которой подчеркивалось, что защита прав человека распространяется на беженцев и других мигрантов, включая экономических мигрантов, до, во время и после их исхода или возвращения[8]. Мексиканская декларация и План действий 2004 г. подтвердили необходимость усиления международной защиты беженцев и других мигрантов в регионе (Gilbert, 2006).

Еще одним значительным шагом вперед стала Декларация Бразилиа 2010 г., направленная на защиту беженцев и лиц без гражданства в Латинской Америке. Согласно этому документу, государства региона должны признать важность создания лучших альтернатив легальной миграции и миграционной политики, ориентированных на уважение прав мигрантов независимо от их миграционного статуса, в том числе нелегальных мигрантов и перемещенных лиц[9].

Опираясь на принципы «духа Картахены», в Бразильской декларации и Плане действий 2014 г., принятых путем аккламации в ходе конференции «Картахена +30», подчеркивается необходимость защиты беженцев, перемещенных лиц (в том числе лиц, перемещенных по экологическим причинам) и лиц без гражданства, а также тех, кто нуждается в гуманитарной помощи, и других уязвимых групп населения. Кроме того, в документе особое внимание уделяется сотрудничеству, солидарности и обмену передовым опытом в целях усиления защиты мигрантов и перемещенных лиц в регионе[10].

Наконец, в 2024 г. страны Латинской Америки подписали Декларацию и План действий Чили («Картахена +40»), в которых обязались проявлять солидарность, обеспечивать защиту и находить устойчивые решения для беженцев, перемещенных лиц и лиц без гражданства в регионе. Документ также предлагает комплексный подход к проблеме вызванного стихийными бедствиями перемещения населения, уделяя особое внимание лицам, вынужденным покинуть свои дома по экологическим причинам[11].

Регион столкнулся с серьезными вызовами, такими как внутренние конфликты в Колумбии, стихийные бедствия на Гаити и всеобъемлющий кризис в Венесуэле. Если говорить о статистике, то главным очагом напряженности в регионе на сегодняшний день является политический, экономический и социальный кризис в Венесуэле, который привел к тому, что страну покинули более 10 млн граждан, а число внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) превысило 3 млн. Важно отметить, что 84 % (6,5 млн) перемещенных венесуэльцев остаются в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, однако статус беженцев — в соответствии с международным режимом защиты беженцев и своим национальным законодательством — им предоставила только Бразилия[12]. Также тревожная ситуация сложилась в Колумбии в связи с гражданским

[7] Brazil: Law No. 9.474 of 1997, Establishing Arrangements for the Implementation of the 1951 Status of Refugees and Related Provisions // Official Gazette of the Federative Republic of Brazil. July 23, 1997. URL: https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1997/en/18339 (accessed: 04.03.2025).

[8] San José Declaration on Refugees and Displaced Persons // Refworld. December 7, 1994. URL: https://www.refworld.org/legal/resolution/rri/1994/en/69659 (accessed: 02.03.2025).

[9] Brasilia Declaration on the Protection of Refugees and Stateless Persons in the Americas. Brasília, 11 November 2010 // UNHCR. URL: https://www.unhcr.org/media/brasilia-declaration-protection-refugees-and-stateless-persons-americas-brasilia-11-november (accessed: 04.03.2025).

[10] 30th Commemorative Anniversary of the Cartagena Declaration on Refugees // UNHCR. URL: https://www.unhcr.org/about-unhcr/where-we-work/americas/30th-commemorative-anniversary-cartagena-declaration-refugees (accessed: 20.03.2025).

[11] Cartagena +40: Declaração e Plano de Ação do Chile consolidam a liderança da América Latina e do Caribe na proteção de pessoas refugiadas, deslocadas e apátridas // ACNUR Brasil. URL: https://www.acnur.org/br/noticias/notas-informativas/cartagena-40-declaracao-e-plano-de-acao-do-chile-consolidam-lideranca (accessed: 02.03.2025).

[12] Venezuela Situation Overview — Global Report 2024 // UNHCR. URL: https://www.unhcr.org/media/venezuela-situation-overview-global-report-2024 (accessed: 20.03.2025).

кризисом: с 1985 г. более 7 млн колумбийцев были вынуждены покинуть страну, а число внутренне перемещенных лиц превысило 10 млн[13].

Последней «горячей точкой» является Гаити (в Карибском бассейне), сталкивающееся с экологическими, экономическими, социальными и политическими проблемами и уязвимостями. По данным УВКБ ООН, на Гаити насчитывалось более 362 тыс. внутренне перемещенных лиц, а к концу 2023 г. почти 50 % населения страны, составляющего 11,4 млн человек, нуждалось в гуманитарной помощи[14]. В 2023 г. на Колумбию и Гаити пришлось 85 % всех новых случаев внутреннего перемещения, вызванного конфликтом и насилием в странах Америки[15].

Что касается именно ВПЛ, то, согласно докладу Центра мониторинга внутреннего перемещения за 2024 г., к концу 2023 г. в регионе насчитывалось 6,3 млн ВПЛ: 6,25 млн человек были вынуждены покинуть свои дома из-за конфликтов, а 50 тысяч — вследствие стихийных бедствий[16]. Это подчеркивает острую необходимость поиска решений на местах, предполагающих сотрудничество различных субъектов для внедрения передовых практик с упором на 17-ю Цель в области устойчивого развития (ЦУР).

Сотрудничество как региональное решение для мигрантов и ВПЛ в Латинской Америке

Каждый регион имеет свои особенности, поэтому решения проблем мигрантов должны адаптироваться к различным региональным условиям. Даже те передовые практики, которые могут быть применены повсеместно, требуют корректировки с учетом местной специфики. Передовую практику можно рассматривать как процесс или методологию, отвечающую этическим нормам и принципам справедливости, пригодную для распространения и рекомендуемую в качестве образца. Практика в отношении беженцев и других перемещенных лиц может считаться передовой и не допускать навязывания социальных стандартов или культурного империализма, если она реализуется гибко и опирается на такие принципы, как соблюдение прав человека и обеспечение равенства, защита интересов, участие заинтересованных сторон, организованная координация, наращивание потенциала и учет имеющихся ресурсов, комплексность системы поддержки беженцев, актуальность программ для беженцев, снижение рисков и устойчивый подход к решению проблем (Dunda, 2022, pp. 60–61).

Авторы обосновывают необходимость участия различных субъектов в обеспечении комплексной защиты мигрантов и перемещенных лиц, опираясь на концепцию защиты, предложенную Р. Зеттером (Zetter, 2015). По его мнению, «множественность гуманитарных и иных субъектов, занимающихся вопросами защиты, привела к фрагментации системы эффективной защиты вынужденных мигрантов» (Zetter, 2015, p. 62). Исследователь классифицирует виды защиты, выделяя защиту, основанную на статусе, на потребностях и на правах (Zetter, 2015, p. 64).

Защита, основанная на статусе, опирается на международно-правовые и нормативные акты, определяющие категории беженцев и иных перемещенных лиц, такие как Конвенция 1951 г. и Руководящие принципы по вопросу о перемещении лиц внутри страны 1998 г.

Защита, основанная на потребностях, направлена на реагирование на уязвимость людей в ходе гуманитарной фазы или фазы реагирования на чрезвычайные ситуации независимо от их правовой категории или статуса и, как правило, осуществляется гуманитарными организациями. Авторы делают оговорку «как правило», поскольку, как показано в рассма-

[13] Colombia Emergency // UNHCR. URL: https://www.unhcr.org/emergencies/colombia-emergency (accessed: 03.03.2026).

[14] Advocacy Note — Protection of Internally Displaced Persons in Haiti (May 2024) // ReliefWeb. May 31, 2024. URL: https://reliefweb.int/report/haiti/advocacy-note-protection-internally-displaced-persons-haiti-may-2024 (accessed: 02.03.2025).

[15] Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC). Global Report on Internal Displacement 2024 (GRID 2024). Geneva : IDMC, 2024. P. 83. URL: https://api.internal-displacement.org/sites/default/files/publications/documents/IDMC-GRID-2024-Global-Report-on-Internal-Displacement.pdf (accessed: 18.09.2025).

[16] Ibid. P. 81.

триваемом в данной статье примере, бразильскую операцию «Добро пожаловать», предназначенную для венесуэльских мигрантов и беженцев, координирует армия, что свидетельствует о применении гуманитарно-военного подхода.

Защита, основанная на правах, исходит из того, что все люди — вне зависимости от их правового (а также социального или политического) статуса — имеют право на защиту.

Независимо от применяемого вида защиты национальные правительства разрабатывают законы и меры политики для обеспечения безопасности людей, находящихся в ситуации перемещения, таких как беженцы, ВПЛ, ЛПЭП и лица без гражданства, на своей территории. Хотя адаптация международных режимов к национальным условиям порой сопряжена с трудностями (из-за нехватки финансовых или технических ресурсов, отсутствия политической воли и т. д.), А. Беттс (Betts, 2009) подчеркивает важность такой адаптации на местном уровне — даже без изменения глобального режима защиты беженцев.

А. Беттс (Betts, 2009) называет этот процесс «расширением режима» (*regime stretching*, RS) на местном уровне, которое осуществляется посредством международных переговоров (пересмотра договоров и уставных документов), институционализации (подписания, ратификации и имплементации договоров в национальное законодательство, а также толкования мандатов международных организаций) и/или практической реализации (разработки законов и мер политики для внедрения международных норм или рекомендаций организаций). Данная модель способна обеспечить защиту мигрантов и перемещенных лиц без изменения самого международного режима, лишь адаптируя его к местным условиям — например, к региональной или локальной специфике.

Что касается «расширения режима» на местном уровне, то это означает сохранение существующих структур при одновременном расширении их возможностей посредством сотрудничества, как это, по-видимому, произошло в случае операции «Добро пожаловать» в Бразилии.

На уровне институционализации «расширение режима» позволит сохранить существующую социальную политику, но при этом предоставить мигрантам и перемещенным лицам реальный доступ к ней, как это произошло с принятием бразильского закона о беженцах 1997 г. в рамках Картахенского режима.

На уровне международных договоров «расширение режима» будет включать, например, выдачу въездных виз и предоставление статуса беженца: так, Бразилия была единственной страной в регионе, которая признала граждан Венесуэлы беженцами. Другие страны, такие как Колумбия, предоставили им гуманитарную визу. Следует отметить, что получение визы — это дискреционное право, предоставляемое и принимаемое исключительно государствами, в то время как статус беженца подпадает под международный режим.

Несмотря на трудности и ограничения, возникающие при попытках убедить определенных субъектов — в частности государства и частный сектор — действовать в интересах перемещенных лиц, А. Беттс (2009) рекомендует другим участникам (таким как организации в структуре ООН и другие международные организации, гражданское общество и даже сами перемещенные лица) применять стратегию убеждения на основе увязки различных вопросов (*cross-issue persuasion*, CIP). В данном контексте под CIP понимаются условия, при которых негосударственные субъекты побуждают государство к сотрудничеству путем увязки различных проблем (например, защиты и безопасности перемещенных лиц с вопросами экономического характера) посредством механизма «расширения режима» на уровне реализации мер на местах.

Примером этого могут служить действия международных и неправительственных организаций (НПО), побуждающих государство разрабатывать и внедрять законодательные акты и меры политики, направленные на защиту лиц, вынужденных покинуть свои дома по экологическим причинам. Благодаря реализации инициативы CIP государство может обеспечивать свою экологическую, социальную и экономическую безопасность, принимая

меры в ответ на засухи или наводнения, нарушения прав человека и упущения со стороны органов власти.

В этом контексте сотрудничество различных субъектов в рамках CIP стало бы наиболее эффективным способом побудить местных участников адаптировать международный режим к национальным условиям, одновременно предоставляя перемещенным лицам активную роль в переговорном процессе и превращая их в субъектов, способных изменить собственную жизнь.

А. Пасифико (Pacífico, 2013; 2022) подчеркивает, что наилучший способ обеспечить полную защиту мигрантов и перемещенных лиц в соответствии с концепцией Р. Зеттера, подразумевающей не изменение международного режима, а его адаптацию на уровне реализации (Betts, 2009), заключается во внедрении коммуникативной модели сетевого общества (*Network Society Communicative Model*, NSCM) с участием всех заинтересованных сторон.

Эта модель опирается на активное участие и диалог между всеми субъектами, которых автор называет «партнерами по реализации» (Pacífico, 2013; 2022). К числу таких партнеров относятся органы местного и национального управления, межправительственные организации и НПО, научное сообщество, СМИ, а также сами мигранты и перемещенные лица. Модель базируется на положениях теории сетевого общества М. Кастельса (Castells, 2009), диалогической модели Б. Чимни (Chimni, 2001), вдохновленной теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса (Habermas, 1989), концепции коммуникативного сообщества К.О. Апеля (Apel, 1980) и идее взаимосвязанности в глобальном управлении А. Беттса[17]. В рамках этой модели УВКБ ООН способно выступать посредником в диалоге в рамках NSCM, поскольку защита прав является ключевым элементом его мандата.

В этой связи А. Пасифико отмечает: согласно теории сетевого общества М. Кастельса, все участники такого общества связаны как узлы сети, подобной гамаку, и если один из узлов развязывается или рвется, весь гамак разрушается, а последствия ощущают на себе все участники. Если применить этот подход к сфере защиты мигрантов и перемещенных лиц, то это свяжет всех партнеров в одну сеть, в рамках которой каждый будет выполнять различные роли, но ради одной цели (Pacífico, 2013, pp. 178–179; 2022). Этой целью является защита мигрантов и перемещенных лиц в рамках различных международных режимов (режимов в области прав человека, защиты беженцев и гуманитарной деятельности).

Реализация хабермасовской теории коммуникативного действия означала бы, что все субъекты, способные выражать свою позицию, должны получить возможность «сесть за стол переговоров», чтобы озвучить и отстоять свои потребности и пожелания. К.О. Апель выступает за создание такого же типа сообщества, как и Ю. Хабермас, делая акцент на коммуникации между различными участниками процесса. «Диалоговая модель» Б. Чимни (Chimni, 2001, p. 152–168), представляющая собой процесс аргументации, подчеркивает ключевую роль НПО в подготовке и распространении докладов, призванных побудить государства к взаимным переговорам — сначала на региональном, а затем и на международном уровне. Этот процесс согласуется с концепцией А. Беттса, касающейся убеждения сторон по смежным вопросам на этапе реализации решений на местах. Для А. Пасифико (Pacífico, 2013; 2022) диалог является ключевым элементом данной коммуникативной модели сетевого общества.

Что касается участников такой модели, то А. Пасифико (Pacífico, 2013; 2022) в первую очередь выделяет УВКБ ООН как главного субъекта в рамках международной системы защиты беженцев. В обязанности УВКБ ООН входит выслушивание всех заинтересованных сторон, убеждение государств в необходимости преобразования их предложений в нормы национального законодательства и, наконец, контроль за исполнением принятых решений.

[17] Betts A. Conceptualising Interconnections in Global Governance: The Case of Refugee Protection. RSC Working Paper No. 38. Oxford : Refugee Studies Centre, University of Oxford, 2006. URL: https://www.rsc.ox.ac.uk/files/files-1/wp38-conceptualising-interconnections-global-governance-2006.pdf/@@download (accessed: 12.03.2025).

Таким образом, УВКБ ООН должно выступать в качестве координирующего органа для данной модели. Также А. Пасифико (Pacífico, 2013; 2022) утверждает, что государства, обладая суверенитетом, одновременно несут обязательства в сфере прав человека, вытекающие из международных договоров, положения которых имплементированы в национальное законодательство.

А. Пасифико (Pacífico, 2013, p. 179; 2022) отмечает, что государствам следует налаживать тесные финансовые и политические партнерские отношения с местными НПО, позволяя последним действовать независимо от правительства при одновременном соблюдении государственных норм и правил, поскольку, по мнению М. Кастельса, НПО являются наиболее мощным проактивным, мобилизующим фактором в информационной политике (Castells, 2009).

Наконец, неотъемлемой частью модели NSCM выступают сами мигранты и перемещенные лица, которые должны быть полноправными партнерами в этом процессе. Они также должны активно участвовать в повседневной жизни на местном уровне, — особенно те, кто в наибольшей степени пострадал от вынужденного переселения и утраты привычного уклада жизни.

Всем участникам модели NSCM должна быть обеспечена возможность эффективно вести переговоры друг с другом с учетом их ролей и значимости в системе защиты, которую следует организовать таким образом, чтобы она «наводила мосты, а не возводила стены».

Модель NSCM, предложенная А. Пасифико, — наряду с концепциями А. Беттса о «межсферном убеждении» (*cross-issue persuasion*) и «расширении режима» (*regime stretching*), — может быть адаптирована к местным условиям для оказания помощи мигрантам и перемещенным лицам в различных регионах мира. Примером успешной практики служит опыт Бразилии, где позитивные результаты были достигнуты благодаря региональному межгосударственному диалогу, обмену опытом и передовыми практиками, а также обсуждению проблем и выработке рекомендаций по имплементации норм регионального и международного права. Внедрение модели NSCM способствовало бы формированию чувства глубокой взаимозависимости между участниками («узлами» системы) и устранению дисбаланса сил (например, между государствами и перемещенными лицами), поскольку даже наименее влиятельные участники получили бы возможность вести переговоры и убеждать наиболее сильных игроков действовать с учетом их потребностей и интересов.

А. Беттс (Betts, 2009) показал, что УВКБ ООН порой удавалось преодолеть тупик в сотрудничестве и достичь взаимоприемлемых договоренностей за столом переговоров благодаря использованию стратегии увязки вопросов (*issue-linkage*), позволяющей связать защиту беженцев с более широкими интересами государств. Примером тому служит Комплексный план действий в отношении беженцев из Индокитая (1989 г.), в рамках которого для «людей в лодках» были обеспечены сдерживание нелегальных выездов, признание первой страны убежища безопасным местом, создание системы проверки и обработки ходатайств о предоставлении убежища, содействие переселению или репатриации, а также проведена соответствующая информационная кампания.

Иными словами, в рамках модели NSCM все участники процесса — беженцы, лица, ищущие убежища, перемещенные лица, УВКБ ООН, государство (государственный сектор), международные организации, гражданское общество (НПО), частные компании и научное (эпистемическое) сообщество — должны быть взаимосвязаны и собраны за одним столом в рамках диалога для поиска решений проблем, с которыми сталкиваются перемещенные лица. Реализация модели NSCM возможна лишь при условии сотрудничества, направленного на обмен знаниями и опытом между различными регионами и участниками. Примером такого подхода служат стратегии защиты мигрантов и перемещенных лиц, применяемые в Бразилии, в частности, в контексте реализации Цели в области устойчивого развития (ЦУР) № 17 (табл. 1).

Таблица 1. **Стратегии реализации ЦУР 17 в отношении мигрантов и перемещенных лиц в Бразилии в 2023–2025 гг.**

Организация	Цель	ЦУР	Партнеры по внедрению	Вовлеченные партнеры	Штаты Бразилии	Период
УВКБ ООН	Повышение уровня самоуправления и потенциала сообществ для поддержки интеграции и жизнестойкости	17.3 17.9	Местные, национальные и международные НПО, например местные отделения «Каритас» и организация «Братство без границ» (*Fraternity without Borders*)	Европейская комиссия ЕС, правительство Японии	AM, DF, MG, PR, PA, RS, RJ, RR, SC, SP	2023–2025
УВКБ ООН	Укрепление потенциала государственных органов в разработке межсекторальных мер и политики с участием перемещенных лиц	17.9	Местные, национальные и международные НПО, например местные отделения «Каритас» и организация «Братство без границ» (*Fraternity without Borders*)	–	AM, DF, MG, PR, PA, RS, RJ, RR, SC, SP	2023–2025
МОМ и Панамериканская организация здравоохранения (*Pan American Health Organization*, РАНО)	Укрепление потенциала приграничных муниципалитетов в бразильской части Амазонии для решения проблем, связанных с миграцией, изменением климата и здравоохранением	17.4	Министерство здравоохранения и Министерство окружающей среды и изменения климата Бразилии	Многосторонний целевой фонд по миграции	AC, AP, AM, PA, RO, RR	2023–2025
МОМ	Предоставление новых данных и укрепление потенциала муниципальных и федеральных органов власти Бразилии для реагирования на вызовы, связанные с внутренней миграцией, состоянием окружающей среды и изменением климата	17.14	Министерство окружающей среды и изменения климата Бразилии	Фонд развития МОМ	AM, PA, RR	2023–2024

Примечание. Сокращения названий штатов: AM — Амазонас, DF — Федеральный округ со столицей г. Бразилиа, MG — Минас-Жерайс, PR — Парана, PA — Пара, RS — Риу-Гранди-ду-Сул, RJ — Рио-де-Жанейро, RR — Рорайма, SC — Санта-Катарина, SP — Сан-Паулу, AC — Акри, AP — Амапа, RO — Рондония.

Источник: составлено А. Пасифико и Дж. да Коста Сантосом на основе данных: Q1 2024 Migration Trends in the Americas // IOM. URL: https://lac.iom.int/sites/g/files/tmzbdl2601/files/documents/2024-07/q1-2024-migration-trends-in-the-americas.pdf (accessed: 03.03.2025).

В 2015 г. ООН приняла Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (резолюция A/RES/70/1), включающую 17 целей и призывающую все страны действовать в рамках глобального партнерства для их достижения. ЦУР № 17 непосредственно направлена на «укрепление средств осуществления и активизацию работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития»[18].

В отношении мигрантов и перемещенных лиц Бразилия разработала и внедрила ряд стратегий, охватывающих такие аспекты, как финансовые вопросы (ЦУР 17.3, 17.4 и 17.6), наращивание потенциала (17.9), политическая и институциональная согласованность (17.14), многосекторальное партнерство (17.16), а также сбор данных, мониторинг и подотчетность (17.18). Эти стратегии реализуются как на на-

[18] Resolution Adopted by the General Assembly on 25 September 2015 “Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development” // United Nations. URL: https://docs.un.org/en/A/RES/70/1 (accessed: 01.03.2025).

циональном уровне, так и на уровне отдельных штатов по всей стране. На национальном уровне осуществляется 28 программных мероприятий, а также действуют следующие региональные инициативы: семь — в Южном регионе, 10 — в Юго-Восточном, две — в Северо-Восточном, четыре — в Центрально-Западном и 14 — в Северном (в том числе шесть в штате Амазонас и пять — в штате Пара). В рамках этих 28 стратегий УВКБ ООН и/или МОМ осуществляют четыре мероприятия, ориентированные на мигрантов и перемещенных лиц — преимущественно в Северном, Южном и Юго-Восточном регионах страны. Подробная информация представлена в табл. 1.

Описанные выше стратегии реализуются преимущественно в северных штатах Бразилии, непосредственно сталкивающихся с наплывом венесуэльских мигрантов и перемещенных лиц, прибывающих через северную границу страны. Начиная с 2018 г. этот приток венесуэльцев привел к запуску операции «Добро пожаловать», которая координируется бразильской армией, но осуществляется при участии широкого круга субъектов. В их число входят учреждения ООН (прежде всего УВКБ ООН и МОМ), профильные министерства Бразилии, представители научных и академических кругов, СМИ, местные и международные НПО, а также сами венесуэльские мигранты и перемещенные лица.

Данная инициатива служит примером передовой практики, демонстрируя применение коммуникативной модели «сетевого общества», призванной обеспечить защиту мигрантов и перемещенных лиц. Как отмечают Ф. Кампомори, М. Казула и Ю. Казепов, «в сфере политики предоставления убежища социальные инновации могут способствовать удовлетворению потребностей беженцев и проявлению доброжелательности со стороны принимающих сообществ, что в конечном итоге укрепляет социальную сплоченность в регионах расселения» (Campomori, Casula & Kazepov, 2023, p. 158). Такой подход подчеркивает значимость инновационных методов решения миграционных проблем, а также содействия экстренному приему и последующей интеграции мигрантов.

Пример передовой практики: операция «Добро пожаловать»

В апреле 2018 г. правительство Бразилии запустило операцию «Добро пожаловать» (федеральный закон № 13.684/2018) для реагирования на растущий приток уязвимых граждан Венесуэлы на северной границе страны[19]. Эта инициатива сыграла ключевую роль в урегулировании ситуации, связанной с резким ростом потока венесуэльцев в Бразилию: ежедневно в штат Рорайма прибывало около 600 граждан Венесуэлы. Согласно официальным данным, только в Боа-Висте, столице штата, проживало около 40 тыс. мигрантов и лиц, ищущих убежища, однако, по неофициальным оценкам, реальная численность была значительно выше: к августу 2018 г. в штате Рорайма находилось около 100 тыс. венесуэльцев[20]. Этот показатель составлял примерно одну пятую часть всего населения страны, причем многие из этих людей жили в крайне неблагоприятных условиях.

Хотя операция «Добро пожаловать» демонстрирует реакцию Бразилии на ситуацию, важно рассматривать ее в более широком контексте перемещения венесуэльских беженцев и мигрантов по региону. Как уже отмечалось, по состоянию на май 2024 г. общая численность венесуэльских беженцев и мигрантов в мире оценивалась в 7,77 млн человек, из которых 6,59 млн проживали в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Бразилия принимает значительную часть этой группы населения: согласно последним имеющимся данным, на март 2024 г. в стране находилось 568 058 венесуэльцев[21]. Эти данные, подробно представленные в табл. 2, подчеркивают масштаб кризиса, связанного с переме-

[19] Presidência da República Secretaria-Geral Subchefia para Assuntos Jurídicos. Lei No. 13.684, de 21 de Junho de 2018 // Presidência da República. URL: https://legislacao.presidencia.gov.br/atos/?tipo=LEI&numero=13684&ano=2018&ato=6f4oXW61UeZpWTdf2 (accessed: 04.03.2025).

[20] Venezuela Situation: Brazil. August 2018 // UNHCR. URL: https://data.unhcr.org/ar/documents/download/66667 (accessed: 18.09.2025).

[21] Refugees and Migrants from Venezuela [Infographic] // R4V. URL: https://www.r4v.info/en/refugeeandmigrants (accessed: 02.03.2025).

щением населения Венесуэлы, и сохраняющуюся потребность в гуманитарной помощи.

К числу субъектов, участвующих в защите венесуэльских мигрантов и беженцев в Бразилии в рамках операции «Добро пожаловать», организованной в соответствии с коммуникативной моделью сетевого общества, относятся:

– федеральное правительство: Администрация президента и Министерство социального развития (координаторы); профильные министерства: Министерство обороны, Министерство гражданства, Министерство юстиции, Министерство здравоохранения, Министерство образования, Министерство иностранных дел, Министерство по делам семьи и правам человека, Министерство экономики, Министерство труда, Министерство регионального развития;

– штаты (прием венесуэльцев, обеспечение доступа к правам и интеграция);

– муниципалитеты (прием венесуэльцев, обеспечение доступа к правам и интеграция);

– армия (контроль границы);

– судебные органы и федеральная прокуратура (контроль за соблюдением и применением законодательства);

– международные организации (преимущественно система ООН): УВКБ ООН, МОМ, ООН-Хабитат, Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Программа развития ООН (ПРООН), Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА) и «ООН-Женщины»;

– более 100 НПО (международных и национальных): «Врачи без границ», *World Vision*, AVSI, «Братство без границ» (*Fraternidade sem Fronteiras*), *Rotary International*, Международный Комитет Красного Креста (МККК), *Caritas International*, различные религиозные организации и др.

Цели операции «Добро пожаловать» разделены на три основных направления: управление границей, размещение и внутренняя интеграция (переселение).

1. В рамках управления границей мигранты прибывают в пункт первичного приема, где им помогают урегулировать правовой статус (оформить документы). Этот этап включает

Таблица 2. **Динамика численности венесуэльских беженцев и мигрантов в странах Латинской Америки и Карибского бассейна в 2021–2024 гг.**

Страна	Численность в 2023 г.	Численность в 2024 г.	Разница
Колумбия	2 875 743 (по состоянию на август 2023 г.)	2 857 528 (по состоянию на январь 2024 г.)	– 18 215
Перу	1 542 004 (по состоянию на июнь 2023 г.)	Нет данных	–
Бразилия	510 499 (по состоянию на сентябрь 2023 г.)	568 058 (по состоянию на март 2024 г.)	+ 57 559
Чили	444 423 (по состоянию на декабрь 2021 г.)	532 715 (по состоянию на декабрь 2022 г.)	+ 88 292
Эквадор	474 945 (по состоянию на июнь 2023 г.)	444 778 (по состоянию на март 2024 г.)	– 30 167
Доминиканская Республика	124 141 (по состоянию на июнь 2023 г.)	Нет данных	–
Тринидад и Тобаго	36 218 (по состоянию на июнь 2023 г.)	Нет данных	–
Гайана	21 676 (по состоянию на июнь 2023 г.)	Нет данных	–
Аруба	17 085 (по состоянию на июнь 2023 г.)	Нет данных	–
Кюрасао	14 000 по состоянию на июнь 2022 г.)	Нет данных	–
Аргентина	217 742 (по состоянию на январь 2023 г.)	164,024 (по состоянию на март 2024 г.)	– 53 718
Боливия	16 350 (по состоянию на сентябрь 2023 г.)	18,006 (по состоянию на март 2024 г.)	+ 1 656
Парагвай	5 234 (по состоянию на сентябрь 2023 г.)	5 349 (по состоянию на декабрь 2023 г.)	+ 115
Уругвай	32 939 (по состоянию на июнь 2023 г.)	39 689 (по состоянию на декабрь 2023 г.)	+ 6,750
Мексика	113 108 (по состоянию на июнь 2023 г.)	Нет данных	–
Панама	58 158 (по состоянию на июль 2023 г.)	Нет данных	–
Коста-Рика	29 405 (по состоянию на июль 2023 г.)	29 048 (по состоянию на декабрь 2023 г.)	– 357
Другие страны	1 188 909 (по состоянию на май 2023 г.)	Нет данных	–
Всего	**7 722 579**	**7 774 494**	**+ 51 915**

Источник: составлено А. Пасифико и Дж. да Коста Сантосом на основе данных: Refugees and Migrants from Venezuela [Infographic] // R4V. URL: https://www.r4v.info/en/refugeeandmigrants (accessed: 02.03.2025).

такие услуги, как вакцинация, получение разрешения на работу, подача заявления на визу или предоставление убежища, заполнение необходимых анкет и ожидание свободных мест в центрах временного размещения.

2. Что касается размещения, то мигранты могут обратиться за предоставлением места в центрах временного пребывания (действует 14 таких центров для семей, представителей коренных народов и одиноких мужчин и женщин), где они получают доступ к питанию, одежде, медикаментам и курсам португальского языка.

3. Внутренняя интеграция (переселение) осуществляется с использованием самолетов ВВС: после вакцинации и получения удостоверения личности и разрешения на работу мигранты могут выбрать муниципалитет для постоянного проживания. Существуют такие виды внутренней интеграции, как институциональное размещение, воссоединение семьи, социальное воссоединение и переезд по предложению о работе.

С одной стороны, об успехе операции «Добро пожаловать» свидетельствует тот факт, что возможностью осуществления добровольного, безопасного и организованного перемещения, открывшего новые возможности для социально-экономической и культурной интеграции благодаря содействию в переезде, воспользовались более 125 тыс. венесуэльцев, принятых в 1026 муниципалитетах всех штатов Бразилии (табл. 3).

С другой стороны, реализация этих мер, несмотря на достигнутый правовой прогресс, сопряжена с рядом практических трудностей, особенно в том, что касается обеспечения долгосрочного благополучия венесуэльских граждан, нуждающихся в защите. Одной из сохраняющихся серьезных проблем остается обеспечение устойчивых источников средств к существованию для венесуэльских мигрантов и беженцев. Как отмечает М. Секеа (Cequea et al., 2024), многим мигрантам сложно эффективно применять свои навыки и знания в принимающих странах из-за нестабильной занятости, отсутствия необходимого правового статуса, неудовлетворительных жилищных условий и уязвимости перед различными рисками.

Хотя операция «Добро пожаловать» способствовала процессу переселения венесуэльцев, их интеграция в бразильский рынок труда остается серьезной проблемой, особенно для тех, кто до сих пор не имеет официального миграционного статуса. Этот вопрос напрямую связан с более широкой проблемой отсутствия возможностей для обеспечения средств к существованию, которая может рассматриваться как ключевой пробел в системе реагирования на потребности беженцев. Устранение этого пробела требует не только правовых реформ, но и реализации комплексных стратегий социально-экономической интеграции, выходящих за рамки неотложных мер по перемещению людей.

Таблица 3. **Результаты реализации программы содействия переселению венесуэльских мигрантов в Бразилии в 2018–2024 гг.**

Категория	Численность
Общее число переселенных мигрантов	125 507
Способы транспортировки	120 653 — воздушным транспортом, 4 854 — наземным транспортом
Общее количество муниципалитетов, принимающих мигрантов	1 026
Основные города, принимающие мигрантов	Куритиба (7 816), Манаус (5 519), Сан-Паулу (5 465), Шапеко (5 220), Дурадос (4 248)
Штаты — лидеры по числу принятых мигрантов	Санта-Катарина (27 212), Риу-Гранди-ду-Сул (20 170), Парана (13 073), Сан-Паулу (13 073)
Центры поддержки мигрантов	12 локаций, включая Боа-Виста (штат Рорайма), Сан-Паулу (штат Сан-Паулу), Бразилиа (Федеральный округ), Порту-Велью (штат Рондония) и Куритибу (штат Парана)

Источник: составлено А. Пасифико и Дж. да Коста Сантосом на основе данных: Subcomitê Federal para Acolhimento e Interiorização de Imigrantes em Situação de Vulnerabilidade, OIM Migração // Governo Federal do Brasil. 2024. URL: https://reliefweb.int/report/brazil/subcomite-federal-para-acolhimento-e-interiorizacao-de-imigrantes-em-situacao-de-vulnerabilidade-deslocamentos-assistidos-de-venezuelanos-abril-2018-janeiro-2024-pt (accessed: 03.03.2025).

Также очевидна нагрузка на ресурсы Бразилии. Огромный поток прибывающих оказал значительное давление на государственные службы и инфраструктуру, особенно в приграничных штатах, таких как Рорайма и Амазонас[22].

Кроме того, особого внимания требует уязвимое положение коренных народов Венесуэлы. Как отмечает УВКБ ООН, эти общины сталкиваются с уникальными проблемами, включая нехватку продовольствия, ограниченный доступ к образованию и усиление дискриминации вследствие утраты традиционных источников средств к существованию[23].

Необходимо также активизировать усилия по сбору и интеграции данных. Достоверная информация имеет решающее значение для эффективной реализации политики и распределения ресурсов. Совершенствование механизмов обмена информацией между государственными ведомствами, неправительственными организациями и международными структурами необходимо для всестороннего понимания ситуации и потребностей венесуэльского населения, находящегося в Бразилии.

Наконец, для долгосрочного успеха операции «Добро пожаловать» критически важно обеспечить стабильное финансирование. В Плане реагирования на потребности беженцев и мигрантов (RMRP) для Бразилии, требующем 110 млн долл. США в 2024 г., обозначены финансовые потребности для поддержки этой программы[24]. Следовательно, для решения проблемы, связанной с широким контекстом венесуэльских мигрантов и беженцев в Бразилии, необходим многогранный подход в рамках коммуникативной модели сетевого общества, включающий следующие меры:

– расширение возможностей мигрантов для обеспечения средств к существованию посредством профессионального обучения, услуг по содействию в трудоустройстве и поддержки предпринимательства;

– укрепление системы социальных услуг, в частности в сферах здравоохранения, образования и психосоциальной поддержки, для уязвимых групп населения, включая коренные народы;

– совершенствование сбора и анализа данных для обоснования политических решений и распределения ресурсов;

– поощрение межведомственного взаимодействия с целью повышения координации и эффективности предоставления услуг;

– обеспечение устойчивого финансирования для гарантии долгосрочной жизнеспособности Регионального плана реагирования для беженцев и мигрантов из Венесуэлы.

Решение этих задач позволит Бразилии повысить эффективность операции «Добро пожаловать», обеспечить более устойчивый и инклюзивный процесс интеграции венесуэльских беженцев и мигрантов, а также тиражировать эту модель в качестве передовой практики для применения в других странах.

Заключение

Реализация Бразилией операции «Добро пожаловать» в ответ на приток венесуэльских беженцев и мигрантов служит важным примером регионального сотрудничества и защиты перемещенных лиц. Эта инициатива, запущенная в соответствии с федеральным законом № 13.684/2018, стала непосредственной реакцией на обострение кризиса в Венесуэле, приведшее к массовому наплыву мигрантов и беженцев в Бразилию, особенно в штат Рорайма, куда ежедневно прибывало до 600 человек. Масштабы перемещения населения были поразительны. В этих условиях Латинская Америка стала пионером в поиске инновационных решений проблемы перемещения людей, приняв в 1997 г. новаторский закон о беженцах и активно развивая широкое региональное сотрудничество с участием различных заинтересованных сторон. Бразильская операция «Добро пожаловать» служит образцом такой совместной деятельности: она не только обес-

[22] Brazil Assistance Overview, October 2024 // ReliefWeb. URL: https://reliefweb.int/report/brazil/brazil-assistance-overview-october-2024 (accessed: 03.03.2025).

[23] Venezuela Situation Overview — Global Report 2024 // UNHCR. URL: https://www.unhcr.org/media/venezuela-situation-overview-global-report-2024 (accessed: 20.03.2025).

[24] Brazil: Fact Sheet, April 2024 // ACNUR Brazil. URL: https://www.acnur.org/br/sites/br/files/2025-01/202404-factsheet-brazil.pdf (accessed: 02.03.2025).

печивает неотложную гуманитарную помощь, но и содействует долгосрочной интеграции венесуэльских мигрантов и беженцев в бразильское общество. Такой подход демонстрирует приверженность Бразилии удовлетворению потребностей перемещенных лиц посредством комплексных и скоординированных мер с участием как государственных, так и негосударственных субъектов.

Успех операции «Добро пожаловать», несмотря на отдельные критические замечания и сохраняющиеся недочеты, подчеркивает ключевую роль регионального взаимодействия в смягчении последствий масштабных кризисов, связанных с перемещением населения. Создав правовую базу для защиты прав перемещенных лиц и обеспечив условия для их интеграции, Бразилия утвердилась в качестве регионального лидера в сфере защиты прав человека. Кроме того, данная инициатива согласуется с более широкими целями устойчивого развития, в частности с ЦУР 17, подчеркивающей важность глобального партнерства для достижения устойчивого развития. Хотя трудности сохраняются — особенно с учетом продолжающегося кризиса в Венесуэле, опыт Бразилии в рамках операции «Добро пожаловать» дает ценные уроки другим странам региона. Применяемые стратегии, охватывающие все аспекты — от правовой защиты до социально-экономической интеграции, служат моделью для реагирования на будущие кризисы, связанные с перемещением населения. Невозможно переоценить важность дальнейшего сотрудничества, надежной правовой базы и успешной интеграции перемещенных лиц в принимающие сообщества.

Поступила в редакцию / Received: 06.03.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 02.06.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Apel K. O. Towards a Transformation of Philosophy. London : Routledge, 1980. https://doi.org/10.4324/9781003448921

Betts A. Survival Migration: A New Protection Framework // Global Governance. 2010. Vol. 16, iss. 3. P. 361–382. https://doi.org/10.1163/19426720-01603006

Betts A. Protection by Persuasion : International Cooperation in the Refugee Regime. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2009.

Brock G. Justice for People on the Move : Migration in Challenging Times. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. https://doi.org/10.1017/9781108774581

Campomori F., Casula M., Kazepov Y. Understanding Social Innovation in Refugee Integration: Actors, Practices, and Politics in Europe // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2023. Vol. 36, iss. 2. P. 158–170. https://doi.org/10.1080/13511610.2023.2211893; EDN: TXDERP

Castells M. The Rise of the Network Society : 2nd edition. Oxford : Blackwell, 2009. https://doi.org/10.1002/9781444319514

Cequea M. M., Schmitt V. G. H., Olter-Castillo A. E., Melo-Vega-Angeles O. Migration, Human Capital, and Decent Work: Venezuelans in Peru // Heliyon. 2024. Vol. 10, iss. 21. Art. e39870. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e39870; EDN: ONZPEO

Chimni B. S. Reforming the International Refugee Regime: A Dialogic Model // Journal of Refugee Studies. 2001. Vol. 14, iss. 2. P. 151–168. https://doi.org/10.1093/jrs/14.2.151; EDN: IWDELB

Dunda F. Boas Práticas no Processo de Integração de Migrantes e Refugiados Venezuelanos em João Pessoa, Paraíba (2018–2020). Ananindeua : Editora Itacaiúnas, 2022. https://doi.org/10.36599/ITAC-BPPIIMR

Gilbert G. The Mexico Declaration and Plan of Action: Reaffirming Latin America's Generous Tradition of Asylum and Innovative Solutions // International Journal of Refugee Law. 2006. Vol. 18, iss. 2. P. 450–451. https://doi.org/10.1093/ijrl/eel004; EDN: IYBDJJ

Gilgun J. F. Deductive Qualitative Analysis and Grounded Theory: Sensitizing Concepts and Hypothesis-Testing // The Sage Handbook of Current Developments in Grounded Theory / ed. by A. Bryant, K. Charmaz. London : Sage, 2019. P. 107–122. https://doi.org/10.4135/9781526485656.n7

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere : An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge : Polity Press, 1989.

Krasner S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organization. 1982. Vol. 36, iss. 2. P. 185–205. https://doi.org/10.1017/S0020818300018920

McBrien J. L. Refugees, Asylum Seekers, and Other Immigrants: Help for Teachers with Problematic Definitions // Social Studies Research and Practice. 2017. Vol. 12, iss. 2. P. 113–124. https://doi.org/10.1108/SSRP-03-2017-0001

Owen D. What Do We Owe Refugees? Cambridge, UK ; Medford, MA : Polity, 2020.

Pacífico A. M. C. P. A Necessidade de Criação de um Regime Ambiental Internacional: O Caso dos Deslocados Ambientais // Revista De Direito Cosmopolita. 2013. Vol. 11, no. 1. P. 165–182. https://doi.org/10.12957/cosmopolitan.2013.8544

Pacífico A. M. C. P. A Network Society Communicative Model for Optimising the Refugee Status Determination System. Campina Grande : EDUEPB, 2022. https://doi.org/10.5281/zenodo.6472511

Pacífico A. M. C. P., de Araújo Neto R. A. L. A Proteção Nacional e Internacional aos Deslocados Ambientais: Os Deslocados do Sertão Nordestino Brasileiro. Rio de Janeiro : Editora Lumen Juris, 2017.

Pinheiro de Castro Simão H. The Cartagena 'Spirit' as a Third-World Human Rights Alternative to Refugee Protection: Lessons to Learn from Brazil's Approach to Venezuelan Socio-Economic Refugees // The International Journal of Human Rights. 2024. Vol. 28, iss. 4. P. 529–554. https://doi.org/10.1080/13642987.2023.2277743

Santos J. Review of Serious International Crimes, Human Rights, and Forced Migration, ed. by James C. Simeon // Global Responsibility to Protect. 2025. Vol. 17, iss. 1. P. 104–106. https://doi.org/10.1163/1875984X-20240023

The Sage Handbook of Mixed Methods Research Design / ed. by C. N. Poth. London : SAGE Publications, 2023. https://doi.org/10.4135/9781529614572

Zetter R. A Fragmented Landscape of Protection // Forced Migration Review. 2015. No. 50. P. 62–65.

Сведения об авторах:

Пасифико Андреа Мария Калазанс Пачеко — PhD (международные отношения), профессор кафедры международных отношений; координатор Центра исследований и изучения экологической миграции, Университет штата Параиба; Бразилия, 58429-500, штат Параиба, г. Кампмина-Гранде, Р. Бараунас, 351 — Университет; ORCID: 0000-0002-2744-7166; e-mail: apacifico@servidor.uepb.edu.br

Да Коста Сантос Джонатан — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследований и изучения экологической миграции, Университет штата Параиба; Бразилия, 58429-500, штат Параиба, г. Кампмина-Гранде, Р. Бараунас, 351 — Университет; eLibrary SPIN-код: 5093-8130; ORCID: 0000-0002-7031-5361; e-mail: johnsantos@inbox.ru

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 559–577
http://journals.rudn.ru/international-relations

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ
BILATERAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-559-577
EDN: GPJMHA

Научная статья / Research article

Условная ось сопротивления: стратегическое сближение Ирана и Венесуэлы в контексте оксидентализма

Д. Коджатепе[1], Н. Ализада[2]

[1]Университет Кафкаса, Карс, Турция
[2]Хатайский университет имени Мустафы Кемаля, Хатай,Турция
dml.sahinn@gmail.com

Аннотация. Проанализированы стратегические и идеологические измерения партнерства между Ираном и Венесуэлой как форма контргегемонистского сближения в условиях длительного международного санкционного давления. Утверждается, что недавние геополитические маневры под руководством США в венесуэльском контексте, а также новые санкции, направленные против иранско-венесуэльского взаимодействия, свидетельствуют о том, что данное сотрудничество не может быть сведено лишь к конъюнктурному или реактивному союзу. Напротив, оно отражает более глубокую модель стратегической конвергенции, сформированную под воздействием общего опыта принудительного давления, политической изоляции и оспариваемого суверенитета. Рассматриваемое в рамках международного порядка, характеризующегося ростом многополярности и ослаблением нормативного консенсуса, исследование опирается на качественный и сравнительный методологический подход, сочетающий дискурсивный анализ официальных заявлений с эмпирическими данными о сотрудничестве в энергетической сфере, взаимодействии в области обороны и дипломатической координации. Теоретическую основу анализа составляют концепции оксидентализма и «оси сопротивления», что позволяет выявить, каким образом материальные интересы и идеологические контрдискурсы взаимосвязаны и способствуют поддержанию двустороннего сближения за пределами краткосрочных и сугубо инструментальных стимулов. Результаты исследования позволяют выделить три взаимосвязанные динамики: трансформацию общей экономической уязвимости в структурированное энергетическое сотрудничество, формирование ограниченного асимметричного взаимодействия в сфере безопасности в качестве средства сдерживания внешнего вмешательства, а также координированную дипломатическую активность на многосторонних площадках. Несмотря на то, что институциональная хрупкость и внешние ограничения препятствуют полной формализации данного партнерства, его идеологическая глубина способствует повышению устойчивости в периоды относительной автономии внешней политики. Таким образом, иранско-венесуэльская ось представляет собой условную и адаптивную форму контргегемонистского сближения в рамках формирующейся постоднополярной международной системы.

Ключевые слова: иранско-венесуэльские отношения, контрсанкционная гегемония, политическая автономия, двухуровневое партнерство, идеологическая согласованность

© Коджатепе Д., Ализада Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Вклад авторов. Коджатепе Д.: разработка концепции исследования; написание — введение, «Методология исследования», «Исторические и дипломатические основы ирано-венесуэльского партнерства», «Военные аспекты и вопросы безопасности в рамках ирано-венесуэльского партнерства»; интерпретация результатов, критический анализ рукописи, уточнение аргументов, касающихся дипломатических, политических и аспектов безопасности исследования; окончательная доработка рукописи. Ализада Н.: написание — «Обзор литературы», «Теоретическая рамка исследования», «Экономические отношения: экономики, основанные на нефти, и стратегическое сотрудничество», «Вместо заключения: двустороннее сотрудничество в условиях стратегической неопределенности»; анализ и интерпретация экономических и теоретических аспектов исследования, критический анализ, уточнение рукописи; окончательная доработка рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией рукописи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Коджатепе Д., Ализада Н.* Условная ось сопротивления: стратегическое сближение Ирана и Венесуэлы в контексте оксидентализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 559–577. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-559-577; EDN: GPJMHA

A Conditional Axis of Resistance: Strategic Convergence Between Iran and Venezuela in the Context of Occidentalism

Damla Kocatepe[1], Nazrin Alizada[2]

[1]Kafkas University, Kars, Türkiye
[2]Hatay Mustafa Kemal University, Hatay, Türkiye
✉dml.sahinn@gmail.com

Abstract. This article analyzes the strategic and ideological dimensions of the Iran—Venezuela partnership under conditions of sustained international sanctions as a form of counter-hegemonic alignment. It argues that the recent U.S.-led geopolitical maneuvers in the Venezuelan context, together with the newly imposed sanctions targeting the Iran—Venezuela nexus, indicate that this relationship cannot be explained as a merely conjunctural or reactive alignment. Rather, it reflects a deeper pattern of strategic convergence shaped by shared experiences of coercive pressure, political isolation, and contested sovereignty. Situated within an international order marked by increasing multipolarity and weakening normative consensus, the study employs a qualitative and comparative methodology, combining discourse analysis of official statements with empirical evidence on energy cooperation, defense-related collaboration, and diplomatic coordination. The analysis is theoretically informed by Occidentalism and the Resistance Axis framework, allowing for an examination of how material interests and ideological counter-discourses interact to maintain bilateral alignment beyond short-term instrumental incentives. The findings identify three interrelated dynamics: the conversion of shared economic vulnerability into structured energy cooperation; the development of limited asymmetric security collaboration as a deterrent to external intervention; and coordinated diplomatic engagement in multilateral forums. While institutional fragilities and external constraints limit the formalization of the partnership, its ideological depth enhances resilience during periods of relative foreign policy autonomy. Thus, the Iran—Venezuela axis thus represents a conditional and adaptive form of counter-hegemonic alignment within the evolving post-unipolar international system.

Key words: Iranian-Venezuelan relations, counter-sanction hegemony, political autonomy, dual partnership, ideological alignment

Authors' contributions. D. Kocatepe: conceptualization of the study; writing — Introduction, Methodology, Historical and Diplomatic Foundations of the Iran—Venezuela Partnership, Military and Security Dimensions of the Iran—Venezuela Partnership; interpretation of the findings, critical revision of the manuscript, refinement of the arguments related to the diplomatic, political, and security dimensions of the study; final revision of the manuscript. N. Alizada: writing — Literature Review, Theoretical Framework, Economic Relations: Oil-Based Economies and Strategic Cooperation, In Lieu of Conclusion: Bilateral Cooperation Amid Strategic Uncertainty; analysis and interpretation of the economic and theoretical dimensions of the study, critical revision, refinement of the manuscript; final revision of the manuscript. Both authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Kocatepe, D., & Alizada, N. (2026). A conditional axis of resistance: Strategic convergence between Iran and Venezuela in the context of Occidentalism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 559–577. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-559-577; EDN: GPJMHA

Введение

В эпоху после холодной войны укрепился однополярный международный порядок, в котором доминировал Запад, особенно Соединенные Штаты, чье политическое, экономическое и культурное влияние стало всеобъемлющим. Однако эта односторонняя и западноцентричная форма глобализации одновременно создала новые политические и стратегические пространства для альтернативных игроков, оспаривающих нормативные основы либеральной международной системы. В этом контексте Иран и Венесуэла стали двумя государствами, которые, несмотря на отсутствие географической и культурной близости, постепенно выработали сходящиеся идеологические, стратегические и экономические траектории в противовес гегемонии США. Их общий опыт противодействия масштабным санкциям, политической изоляции и внешнему интервенционизму способствовал формированию многомерного партнерства, которое с начала 2000-х гг. превратилось в отдельную «ось сопротивления».

Хотя Иран и Венесуэла различаются по типу режима, цивилизационному фону и исторической ориентации, обе страны обладают структурно схожими экономиками, ориентированными на энергетику. Это сходство одновременно позиционирует их как влиятельных игроков на мировом энергетическом рынке и делает их крайне уязвимыми для принудительного внешнего давления. Следовательно, их двустороннее сотрудничество расширилось от прагматичного, материального взаимодействия до символического политического проекта, воплощающего критику западной современности, интервенционизма и эпистемического доминирования. В этом смысле оксидентализм, понимаемый как идеологическая концепция, бросающая вызов претензиям Запада на универсальность, рациональность и авторитет, предоставляет значимую аналитическую призму для интерпретации более глубокой логики ирано-венесуэльских отношений.

Отходя от традиционных видов анализа, которые акцентируют внимание исключительно на политическом прагматизме, экономической взаимозависимости или антиимпериалистической риторике, данное исследование помещает ирано-венесуэльское партнерство в более широкий идейный и дискурсивный контекст. В статье рассматриваются материальные аспекты сотрудничества, а также способы, которыми оба государства конструируют, распространяют и используют антизападные нарративы для легитимизации своих внешнеполитических решений и позиционирования себя в качестве нормативных оппонентов в рамках развивающегося многополярного порядка.

Исходя из этой предпосылки, исследование выдвигает следующую центральную гипотезу. Ирано-венесуэльское партнерство поддерживается не только за счет общих интересов на мировой арене или необходимости, вызванной санкциями; оно основано на общем идеологическом проекте по распространению дискурсов, противостоящих оксидентализму, и формировании «оси сопротивления» до тех пор, пока оба государства сохраняют способность проводить относительно автономную внешнюю политику. Это идеологическое совпадение действует как исторически обусловленный механизм, обретая целостность и устойчивость в периоды усиления стратегической автономии, тогда как его объяснительная сила ослабевает, когда внешнее вмешательство существенно ограничивает субъектность государства.

Для анализа этой гипотезы исследование рассматривает следующие ключевые вопросы:

– Каким образом «ось сопротивления» функционировала как оперативная и дискурсивная структура, укрепляющая совпадение интересов Ирана и Венесуэлы в периоды, когда оба государства сохраняли относительную внешнеполитическую автономию?

– В какой степени санкционное давление, оказываемое на обе страны, и геополитические цели укрепляли преемственность ирано-венесуэльских связей, и при каких условиях это давление трансформировалось в идеологически обоснованное сотрудничество, а не в чисто инструментальное взаимодействие?

– Как различные иранские администрации (М. Хатами, М. Ахмадинежада, Х. Рухани, Э. Раиси) использовали дискурсивные и материальные стратегии для поддержания и институционализации партнерства с Венесуэлой и как эти стратегии менялись в ответ на изменяющиеся региональные и международные ограничения?

– Как взаимодействие между нарративами оксидентализма и «осью сопротивления» создает контргегемонистский механизм, который остается устойчивым только в определенных исторических и политических условиях, не выливаясь в постоянный вызов западному влиянию?

Для обеспечения аналитической достоверности в исследовании используется триангуляция данных, основанная на широком спектре первичных источников, включая официальные заявления, речи лидеров, двусторонние соглашения и институциональные документы, а также вторичные источники, такие как научная литература, материалы аналитических центров, сообщения СМИ и экономические базы данных. Кроме того, в отличие от существующих работ, которые в основном рассматривают ирано-венесуэльские отношения либо как тактический альянс, обусловленный санкциями, либо как риторическое проявление антиимпериализма, данное исследование предлагает:

– систематическое применение оксидентализма в качестве теоретической основы;

– дискурсивный анализ официальных заявлений, энергетического и оборонного сотрудничества и дипломатических обменов.

В то же время данное исследование имеет ряд ограничений. Доступ к первичным данным, особенно касающимся конфиденциального военного или разведывательного сотрудничества, остается ограниченным. Кроме того, официальные заявления и публичный дискурс не всегда в полной мере отражают внутренние процессы принятия решений, а идеологические ориентации обоих государств могут меняться в зависимости от периодов руководства, что усложняет долгосрочные сравнения. Анализ также ограничен событиями до 2025 г. Следовательно, события, происходящие после этого периода времени, включая возможные изменения в стратегиях внешнего вмешательства, режимах санкций или внутриполитической динамике, выходят за рамки данного исследования.

Тем не менее события января 2026 г.[1] позволяют в первом приближении утверждать, что выявленные в данном исследовании закономерности остаются актуальными. Эти события свидетельствуют о том, что ирано-венесуэльское партнерство, основанное на дискурсах противостояния оксидентализму и связанное с более широкой структурой «оси сопротивления», продолжает демонстрировать устойчивость в условиях относительной стратегической автономии. Несмотря на эти ограничения, исследование предлагает всесторонний и теоретически обоснованный анализ партнерства, которое остается центральным элементом про-

[1] Нападение США на Венесуэлу 3 января 2026 г. следует рассматривать не просто как незаконное применение силы, но и как часть более широкой нигилистической геополитической траектории, в которой международное право все больше подчиняется практике управления безопасностью крупных держав. Помимо нарушения суверенитета Венесуэлы это вмешательство значительно подорвало доверие к системе ООН, особенно к способности постоянных членов Совета Безопасности сдерживать агрессию, предотвращать массовое насилие и отстаивать те самые правовые нормы, которые они якобы защищают. В этом отношении Венесуэла представляет собой не случай внутреннего провала международного права, а скорее конкретную иллюстрацию его преднамеренной маргинализации со стороны субъектов, претендующих на власть над глобальной безопасностью, тем самым служа предостережением для современного международного порядка. См.: Falk R. The US Attack on Venezuela and the Collapse of International Law // Aljazeera. January 21, 2026. URL: https://www.aljazeera.com/opinions/2026/1/21/the-us-attack-on-venezuela-and-the- collapse-of-international-law (accessed: 21.01.2026).

должающихся дискуссий о сопротивлении, многополярности и альтернативных видениях глобального порядка.

Методология исследования

В методологическом плане данное исследование использует качественный подход, интегрирующий описательный, аналитический и дискурсивно-ориентированный методы. Описательная составляющая реконструирует историческую эволюцию ирано-венесуэльских отношений, отображая ключевые политические поворотные моменты — от избрания Уго Чавеса в 1999 г. и формирования идеологической «оси сопротивления» до усиления антизападного сотрудничества Ирана и Венесуэлы при М. Ахмадинежаде, относительного охлаждения во время умеренной дипломатии Х. Рухани и последующей реинституционализации связей при Э. Раиси и М. Пезешкиане. Эта историческая реконструкция показывает, как такие эпизоды, как включение Ирана в «ось зла» со стороны США, введение последовательных санкционных режимов и укрепление антиимпериалистической политики в Каракасе, формировали темп, форму и символику двустороннего взаимодействия.

Аналитический компонент интерпретирует эти события через призму концептуального оксидентализма и антизападного дискурса. Встраивая двустороннюю траекторию в структурную динамику гегемонии США, санкционной политики и глобального дрейфа к многополярности, в исследовании подчеркивается, как Иран и Венесуэла формулируют суверенитет, сопротивление и цивилизационную подлинность как принципы, противостоящие гегемонии. Это отражается в ряде символических практик и нарративов — например, вручении У. Чавесом М. Хатами ордена Симона Боливара в 2005 г., провозглашении «оси единства» при М. Ахмадинежаде и У. Чавесе в 2007 г. или постоянном упоминании таких фигур, как Симон Боливар и Касем Сулеймани, для укрепления идеологической солидарности. Эти дискурсивные акты рассматриваются не просто как дипломатические ритуалы, а как значимые данные, показывающие, как создаются, распространяются и институционализируются антизападные нарративы.

Для выявления этой динамики в исследовании используется дискурсивный анализ, позволяющий изучить, как лидеры конструируют, мобилизуют и легитимизируют антизападные нарративы в своих речах, совместных декларациях, церемониальной символике и государственных СМИ. Этот метод показывает, каким образом такие термины, как «сопротивление», «суверенитет», «цивилизационная независимость» и «многополярность», выступают в качестве повторяющихся риторических «якорей» для различных иранских администраций — от символической дипломатии М. Хатами до идеологической напористости М. Ахмадинежада, прагматических перестроек Х. Рухани в условиях возобновленных санкций и усилий Э. Раиси по институционализации долгосрочного антизападного альянса. Недавнее подтверждение М. Пезешкианом «углубляющихся и стратегических» связей с Каракасом, особенно после региональных кризисов, еще раз иллюстрирует преемственность этих дискурсивных моделей.

Кроме того, контекстуальный анализ помещает развивающееся ирано-венесуэльское партнерство в более широкий международно-политический и идеологический контекст, в частности — глобальное противостояние западным международным нормам. В исследовании прослеживается, как каждая иранская администрация использует различные инструменты — символические жесты, экономические соглашения, многостороннюю координацию, чтобы позиционировать Венесуэлу как практического партнера и идеологическое зеркало в построении антизападного блока.

Обзор литературы

В академической литературе по ирано-венесуэльским отношениям это партнерство рассматривается с использованием целого ряда аналитических подходов, начиная от геополитической ориентации и заканчивая стратегиями обхода санкций. В этом контексте обзор иссле-

дований, проведенных западными, иранскими и венесуэльскими учеными, позволяет сделать следующие выводы.

Ш. Гофорт (Goforth, 2012) утверждает, что Венесуэла, Иран и Россия сформировали антиамериканский геополитический альянс, поддерживаемый высокими доходами от энергоносителей и взаимными стратегическими интересами. Центральное место в этой «оси единства» занимает взаимная поддержка региональных амбиций и неформальных сетей, включая Революционные вооруженные силы Колумбии (*Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia*, ФАРК), «Хизбаллу» и Корпус стражей исламской революции (КСИР). Россия укрепляет ось, предоставляя дипломатическую защиту и передовое вооружение. Исследлватель утверждает, что этот трехсторонний альянс угрожает региональной безопасности в Латинской Америке и на Ближнем Востоке и отражает более широкие усилия авторитарных нефтедобывающих государств по противодействию влиянию США. Он рекомендует США проводить гибкую политику, сочетающую решительные действия в отношении России с мерами по ограничению влияния Ирана и Венесуэлы.

Дж. Чанг подчеркивает, что ирано-венесуэльское партнерство сохраняется и после идеологического противостояния, о чем свидетельствуют многочисленные встречи на высоком уровне. Он утверждает, что Иран использует Венесуэлу в качестве стратегического партнера для обеспечения политической, экономической и дипломатической поддержки в своей конкуренции с США. Учитывая региональные военные недостатки Ирана и наличие американских баз поблизости, Тегеран все больше полагается на таких отдаленных союзников, как Венесуэла. Чанг предлагает продолжать мониторинг со стороны США, чтобы понять долгосрочные амбиции Ирана в Латинской Америке и разработать стратегии противодействия санкциям[2].

Э. Лоб (Lob, 2025) отмечает преемственность двусторонних отношений при президенте Э. Раиси с устойчивой координацией и расширенным взаимодействием в сферах энергетики, обороны (в частности, в области беспилотников), транспорта и сельского хозяйства. Партнерство было институционализировано в рамках 20-летней дорожной карты сотрудничества. Однако Э. Лоб подчеркивает структурные ограничения: экономическая нестабильность, санкции и ограниченность ресурсов ограничивают крупномасштабную торговлю и инвестиции между странами. Стремление Венесуэлы к смягчению санкций США может снизить интенсивность сближения с Тегераном, и обе страны остаются державами среднего уровня, ограниченными крупными геополитическими игроками.

Дж. Босуорт (Bosworth, 2021) анализирует, как Иран, опираясь на собственный опыт в условиях жестких санкций, предоставил Венесуэле две основные формы помощи: убеждение в том, что выживание в условиях санкций требует поддержки со стороны международных партнеров, и техническое руководство по тактике морского уклонения, такой как отключение транспондеров, перекраска судов, использование идентификаторов списанных судов и осуществление переброски грузов с судна на судно. Он также утверждает, что ужесточение санкций администрацией Д. Трампа нанесло стратегический ущерб Соединенным Штатам и обострило отношения с партнерами в Латинской Америке, Канаде и Европе, которые выступали против широких секторальных санкций, направленных против экономики Венесуэлы. По словам ученого, это расхождение во взглядах ослабило региональный авторитет США. Наконец, признавая, что обвинения в захвате власти Николасом Мадуро помогают оправдать секторальные санкции, Босуорт предупреждает, что такие меры рискуют укрепить коррупционные сети и ухудшить гуманитарную ситуацию в стране.

С точки зрения иранского ученого А. Акбара (Akbar, 2023), участие Ирана в делах Венесуэлы демонстрирует целенаправленную и расширяющуюся стратегию «мягкой силы»,

[2] Chang J. Rogue Relations under Max-Pressure: Iran—Venezuela Bilateral Engagement 2013–2020 // E-International Relations. March 8, 2021. URL: https://www.e-ir.info/2021/03/08/rogue-relations-under-max-pressure-iran-venezuela-bilateral-engagement-2013-2020/ (accessed: 04.09.2025).

направленную на обеспечение долгосрочного влияния и включающую образовательные, культурные, идеологические и гуманитарные инициативы. Хотя образовательные обмены ограничены, а религиозная деятельность маргинальна, культурная дипломатия и антиамериканские нарративы оказались эффективными. Социальные услуги, особенно во время нехватки топлива и пандемии, повысили привлекательность Ирана. В целом эти меры направлены на обеспечение и усиление влияния Ирана, несмотря на структурные и географические ограничения.

К. Хакимзаде характеризует ирано-венесуэльское партнерство как «ось раздражения», утверждая, что оно в значительной степени символично и идеологически непоследовательно, движимо скорее общим антиамериканизмом М. Ахмадинежада и У. Чавеса, чем подлинным стратегическим сближением. Он утверждает, что глубокая политическая, идеологическая и экономическая несовместимость ограничивает содержательное сотрудничество двух стран, делая большинство двусторонних инициатив лишь формальными и имеющими ограниченное стратегическое или экономическое значение[3].

С.А. Разави и Ш. Пирани (Razavi & Pirani, 2021) сравнивают стратегии, разработанные Венесуэлой и Ираном для противодействия введенным санкциям, выделяя такие меры, как стратегическое накопление запасов нефти, соглашения о свопах и приватизация государственных нефтяных компаний. В исследовании также подчеркивается, что долгосрочные контракты и многостороннее сотрудничество могут сыграть значительную роль в частичном смягчении негативных последствий санкций для обеих стран.

Кардозо и Ниньо (Cardozo & Niño, 2023) утверждают, что Иран и Венесуэла как нефтедобывающие государства, сформированные схожими историческими разрывами, открытием нефти, доминированием западных корпораций, националистической нефтяной политикой и революционными преобразованиями, разработали схожие внешнеполитические стратегии. Это способствовало формированию общей антиимпериалистической позиции по отношению к возглавляемому США либеральному международному порядку, особенно после 1999 г. Авторы рассматривают это сотрудничество как переход от «мятежной» к «устойчивой дипломатии», институционализированной посредством энергетических, военных, технологических и дипломатических связей, которые вместе составляют отдельную «ось сопротивления».

М. Файелла и профессор Х. Лучетти[4] анализируют отношения между Венесуэлой и Ираном в экономическом, политическом и международно-политическом измерениях. Авторы подчеркивают, что, будучи членами ОПЕК, странами-производителями нефти со структурными сходствами и растущей политической конвергенцией после 1999 г., обе страны выработали общую антигегемонистскую позицию против глобальной гегемонии, возглавляемой США. Иран стремится преодолеть свою международную изоляцию, вызванную его ядерной программой, в то время как Венесуэла позиционирует Иран как стратегического партнера для уравновешивания влияния США в Латинской Америке. Это сотрудничество получило институциональное оформление в рамках проектов в области энергетики, промышленности и социального развития, формируя геополитическую ось сопротивления, выходящую за рамки сотрудничества Юг — Юг.

Э. Брюн (Brun, 2008) утверждает, что партнерство между Ираном и Венесуэлой формируется не столько идеологией, сколько международным контекстом. Антиимпериалистическая риторика У. Чавеса и М. Ахмадинежада менялась в зависимости от политической ситуации в США, и дипломатия обоих государств по-прежнему в значительной степени

[3] Hakimzadeh K. Iran and Venezuela: The Axis of Annoyance // Army.mil. May 28, 2009. URL: https://www.army.mil/article/21750/iran_and_venezuela_the_axis_of_annoyance (accessed: 03.09.2025).

[4] Faiellai M., Luchettiii J. Los Crecientes Lazos de Irán y Sudamérica: el Caso Venezolano. Instituto de Relaciones Internacionales, 2007. P. 1–12. URL: https://sedici.unlp.edu.ar/bitstream/handle/10915/41094/Documento_completo.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 12.01.2026).

обусловлена их отношениями с Вашингтоном. Он подчеркивает, что ирано-венесуэльское партнерство формируется скорее международным контекстом, чем идеологией, при этом отношения с США являются одним из главных определяющих факторов. Зависимость от нефти как экономического и политического инструмента представляет собой структурную уязвимость. Партнерство по сути формирует стратегические отношения, отчасти конъюнктурные, но встроенные в более широкую динамику отношений Юг — Юг.

Э.Л. Молина (Molina, 2024) утверждает, что отношения между Венесуэлой и Ираном в 1999–2013) переросли в стратегическое партнерство, движимое общими антигегемонистскими целями и приверженностью многополярному порядку. Углубляясь при У. Чавесе и М. Ахмадинежаде, сотрудничество расширилось в ключевых секторах и было институционализировано посредством обширных соглашений, основанных на антиимпериалистических и «тьермондистских» нарративах. Однако санкции США и смерть У. Чавеса ограничили реализацию соглашений, сделав устойчивость альянса зависимой от способности обоих государств адаптироваться, сохраняя при этом стратегическое сопротивление.

В целом академическая литература представляет различные точки зрения на ирано-венесуэльское партнерство. Западные ученые, как правило, не прибегая к оксиденталистским концепциям, подчеркивают геополитические и стратегические аспекты этого партнерства, указывая на уклонение от ответственности и структурные уязвимости. С этой точки зрения западные авторы занимают «холодную и критическую» позицию, рассматривая отношения Ирана и Венесуэлы как в значительной степени стратегические, прагматичные и ограниченные по масштабу. Иранские исследователи, однако, демонстрируют более тесную связь с оксиденталимом, фокусируясь на «мягкой силе» и идеологической проекции, изображая участие Ирана как долгосрочную, идеологически мотивированную попытку бросить вызов западной гегемонии и обеспечить свое влияние. Венесуэльские ученые подчеркивают исторические, экономические и антигегемонистские факторы, рассматривая партнерство в контексте общего революционного наследия и прагматичных многополярных стратегий. Хотя они прямо не используют оксиденталистский дискурс, их действия и политические практики отражают неявную оксиденталистскую ориентацию. В совокупности эти точки зрения указывают на то, что ирано-венесуэльские отношения одновременно носят идеологический, стратегический и прагматический характер, а их значимость определяется применяемым аналитическим подходом. Оригинальность данного исследования заключается в систематическом применении концепции оксиденталимза для анализа идеологических механизмов и контргегемонистских аспектов партнерства, что выходит за рамки простого подтверждения стратегического альянса и раскрывает нормативное влияние ирано-венесуэльской оси и ее видение альтернативного глобального порядка.

Теоретическая рамка исследования

Для понимания стратегического сближения Ирана и Венесуэлы крайне важно проанализировать теоретические перспективы, сформировавшие эти отношения. В этом контексте ключевыми ориентирами являются парадигма оксиденталимза и «ось сопротивления». Оксиденталимз — это термин, возникший в ответ на работы Эдварда Саида об ориенталимзе и предлагающий альтернативную перспективу эпистемологическому, культурному и политическому доминированию Запада. В то время как ориенталимз фокусируется на западных представлениях о Востоке, оксиденталимз исследует, как незападные общества воспринимают и осмысливают Запад. Этот подход стремится понять, как Запад воспринимается в контексте колониализма, империализма и глобализации и какие ответные меры были разработаны с учетом этих представлений (The Edward Said Reader, 2000, p. 59). Этот подход также можно применить в политической сфере, интерпретируя его через понятие Ж. Лакана о Я и Другом. Согласно оксидента-

лизму, в рамках этой концепции «Я» (Запад) конструирует себя в отношении «Другого» (не-Запада), позиционируя себя как превосходящее и отделяясь от других. Это приводит к отчуждению «Другого» (Lacan, 1949).

В данном контексте наиболее важным аспектом оксидентализма является уравновешивание тенденций вестернизации в странах «третьего мира». В Африке, Азии и Латинской Америке Запад рассматривался как модель модернизации, а западный образ жизни получил широкое распространение, особенно среди правящих классов. Это создало почву для развития антизападных настроений, таких как религиозный консерватизм и фундаментализм (Al-Azm, 2019, p. 77). Таким образом, оксидентализм служит для защиты национальной идентичности и культуры от отчуждения и предлагает альтернативу ориентированному на элиты ориентализму (Ahmad, 1984). В этом контексте Ян Бурума и Авишай Маргалит подчеркивают, что укоренившиеся и карикатурные представления о Западе в сочетании с опытом империализма и колониализма в незападных обществах формируют идеологическую основу оксидентализма (Buruma & Margalit, 2004). Это, в свою очередь, подтверждает теорию о том, что стратегическое сближение Ирана и Венесуэлы является частью более широкой программы оксидентализма. Обе страны изображают Запад, особенно США, как символ военного, экономического и культурного угнетения и используют это восприятие для оправдания своих собственных политических режимов и идеологической идентичности. В этом контексте оксидентализм является как стратегическим инструментом, так и дискурсом. Более того, взаимная враждебность со стороны Запада укрепляет солидарность между двумя странами, создавая альтернативную ось глобальному балансу сил. Эти два государства, нашедшие общий язык в оксидентализме, также стремятся к сотрудничеству в рамках «оси сопротивления».

Победа Исламской революции в Иране в 1979 г. не только трансформировала государственную структуру, но и коренным образом переопределила идеологические основы внешней политики Ирана. Революционные принципы, такие как «поддержка угнетенных» и «сопротивление империализму», стали центральными столпами стратегического мировоззрения Тегерана. На протяжении постреволюционного периода, особенно во время Ирано-иракской войны (1980–1988) и последующей эпохи региональной изоляции, Иран разработал многоуровневую доктрину безопасности, сочетающую идеологические убеждения с асимметричными военными и политическими инструментами[5]. Эта историческая траектория сформировала доктринальную основу того, что позже будет концептуализировано как «ось сопротивления» (*мехвар-е мокавемат*). Этот термин постепенно вошел в официальный лексикон Ирана в начале 2000-х гг. благодаря заявлениям Верховного лидера Али Хаменеи, глав КСИР и Министерства иностранных дел, а после ливано-израильской войны 2006 г. еще больше укрепился в региональном дискурсе благодаря выступлениям генерального секретаря «Хизбаллы» Хасана Насраллы. В академических исследованиях такие ученые, как Дж.М. Гударзи (Goodarzi, 2013), интерпретируют «ось сопротивления» как институционализированное выражение иранской доктрины безопасности после революции, включающей в себя стратегию обороны, сдерживание с использованием посредников и контргегемонистскую геополитическую позицию.

Одновременно с этим «ось сопротивления» сформировалась как объединяющий политический, военный и идеологический блок, противостоящий западной, в частности американо-израильской, гегемонии (Tabatabai, 2020). Она продолжает функционировать как стратегическая основа для иранской политики сдерживания и как инструмент идеологической солидарности, позиционируя себя как антизападный полюс в международной политике (Soage, 2020, p. 97). Ее сдерживающий потенциал основан на трех взаимосвязанных компонентах.

[5] Steinberg G. The “Axis of Resistance”: Iran’s Expansion in the Middle East Is Hitting a Wall. Berlin: SWP Research Paper, 2021. No. 6. P. 7. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2021RP06_Axis_of_Resistance.pdf (accessed: 01.02.2026).

Во-первых, военные и технологические возможности Ирана, включая его опору на многочисленный военный персонал и экономически эффективные беспилотники и ракеты, лежат в основе его способности проецировать силу и искать сотрудничество как внутри, так и за пределами «оси сопротивления» (Грачева, Маргоев, 2025, с. 203–205).

Во-вторых, парадигма «экономики сопротивления», сформулированная аятоллой Али Хаменеи, подчеркивает экономическую устойчивость в условиях санкций и мобилизацию внутренних ресурсов для национального развития (Shabani, 2014, p. 55). Этот подход побуждает Тегеран развивать стратегические партнерства, особенно с государствами Глобального Юга, для укрепления своей переговорной позиции по отношению к Западу.

В-третьих, внешнеторговые сети и стратегические партнерства Ирана соответствуют более широким тенденциям сотрудничества по линии Юг — Юг, в рамках которых страны Глобального Юга ищут альтернативные модели солидарности вне рамок ориентированного на Запад международного порядка[6]. В этом контексте Иран поддерживает отношения не только с участниками «оси сопротивления», но и с внерегиональными идеологическими партнерами, среди которых Венесуэла выделяется как главный стратегический союзник Тегерана в Латинской Америке в рамках сотрудничества Юг — Юг.

В рамках рассмотренной теоретической модели ирано-венесуэльские отношения приобретают два измерения: определение Запада и США как источника господства и зависимости и формирование общего антизападного фронта, подобного «оси сопротивления». В этом контексте можно сказать, что Венесуэла и Иран, расположенные соответственно в Латинской Америке и на Ближнем Востоке, склонны к созданию глобальной «линии сопротивления Юг — Юг». Конкретные элементы этой линии включают сотрудничество в энергетической политике, общие позиции в международных организациях и солидарность против санкций США. Вместе эти подходы концептуализируют ирано-венесуэльское сближение как многомерное стратегическое партнерство, формируемое не только прагматическими интересами, но и идеологической солидарностью и нормативным сопротивлением. В этом контексте оксидентализм обеспечивает идеологическую основу для стратегического сближения между Ираном и Венесуэлой, «ось сопротивления» предоставляет инструменты для стратегической реализации этого сближения, а линия сопротивления Юг — Юг обеспечивает основу для формирования альтернативного блока на международном уровне.

Исторические и дипломатические основы ирано-венесуэльского партнерства

Дипломатические основы отношений между Ираном и Венесуэлой, которые являются членами — учредителями Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК, создана в 1960), восходят к 1950-м гг., когда между двумя странами начали развиваться политические и экономические связи. Венесуэла открыла посольство в Тегеране в 1967 г., а Иран в Каракасе — в 1972 г., тем самым страны установили полноценные дипломатические отношения на уровне послов[7]. Тем не менее до иранской революции 1978–1979 гг. прозападная ориентация Ирана значительно ограничивала содержательное взаимодействие с Латинской Америкой, включая Венесуэлу (Lob, 2025, p. 685). Революция стала поворотным моментом: ее антиимпериалистический характер и разрыв с Вашингтоном

[6] Концепция сотрудничества Юг — Юг вызывает в воображении образ солидарности между развивающимися странами, достигаемой посредством обмена ресурсами, технологиями и знаниями. В соответствии с этим нарративом сотрудничество Юг — Юг стремится использовать принцип «взаимодополняемости» в производстве, потреблении, торговле, инвестициях, технологиях и сотрудничестве в области развития. Эти процессы потенциально могут создавать позитивную синергию между экономиками стран Юга путем установления связей на последующих этапах. См.: (Stuenkel, 2013, p. 4).

[7] Ball C. P. The Legacy of Chavismo's Ties to Iran // Caracas Chronicles. June 27, 2025. URL: https://www.caracaschronicles.com/2025/06/27/the-legacy-of-chavismos-ties-to-iran/ (accessed: 21.03.2026).

привели к перестройке внешней политики Тегерана в отношении стран Глобального Юга, в приоритете которой стали союзы с государствами, сопротивляющимися западной гегемонии[8]. Венесуэла постепенно стала естественным партнером в этих условиях. Избрание Уго Чавеса в 1999 г. на пост президента Венесуэлы обеспечило прочную идеологическую и стратегическую основу для сближения, укрепив двусторонние отношения в рамках «оси сопротивления» западноцентричному международному порядку. Хотя относительно умеренный и ориентированный на Запад подход Мохаммеда Хатами временно замедлил этот процесс (Perletta, 2025, p. 32), включение Вашингтоном Ирана в «ось зла» в 2002 г. (Shay, 2017) активизировало усилия Тегерана по налаживанию связей с Латинской Америкой. Эта переориентация отражала не только геополитический прагматизм, но и оксиденталистскую концепцию, подчеркивающую суверенитет, независимость и исконные ценности в противовес западным определениям «цивилизации» и «демократии». Символические жесты, в частности награждение У. Чавесом М. Хатами орденом Освободителя Симона Боливара в 2005 г. (Lob, 2025, p. 684) или параллельное упоминание таких фигур, как С. Боливар и К. Сулеймани, укрепили идеологическую глубину этого партнерства, представив его как нечто большее, чем просто традиционная дипломатия.

Ирано-венесуэльские отношения достигли своего апогея с избранием на пост президента Ирана Махмуда Ахмадинежада в 2005 г. Руководствуясь стратегией «Взгляд на Восток» (*Негах бех Шарк*) (Fathollah-Nejad, 2021, p. 272), Иран стремился расширить торговые, технологические и политические связи за пределы Запада, внедряя в свою внешнюю политику риторику тьермондизма и антиимпериализма (Perletta, 2025, pp. 33–34). В этих рамках значительно укрепились отношения с Латинской Америкой, и Венесуэла, в частности, стала видным партнером Тегерана. Заявление М. Ахмадинежада о том, что «в каждом регионе, где народы и нации оттесняют Соединенные Штаты и Великобританию от их позиций, модель Исламской революции будет успешно продвигаться — от Ливана и Палестины до самых отдаленных уголков Латинской Америки» (Moreno, 2010, p. 62), ясно отражает идеологическую ориентацию этого периода.

Семь визитов М. Ахмадинежада в Венесуэлу за время его пребывания на посту, а также многочисленные встречи Уго Чавеса как с президентом, так и с верховным лидером Ирана аятоллой Али Хаменеи, свидетельствуют о том, что двусторонние отношения приобрели стратегическое измерение. Во время своего визита в 2006 г. У. Чавес подчеркнул эту близость, заявив: «Здесь две братские страны, объединенные, как один кулак», и в тот же день ему был вручен Орден Исламской Республики, высшая государственная награда Ирана (Lob, 2025, p. 685). В ответ М. Ахмадинежад заявил: «Мы две могущественные страны. Иран — это держава, и Венесуэла тоже становится ею. Мы стремимся создать биполярный мир. Мы не принимаем доминирование одной державы (США. — *Прим. авт.*)… Несмотря на высокомерие мира, мы будем стоять на стороне угнетенных и обездоленных народов мира»[9], — этим он укрепил общую идеологическую и геополитическую позицию двух стран.

В 2007 г. два лидера во время встречи в иранском портовом городе Асалуйе провозгласили «ось единства» и публично заявили о своем намерении «совместно преодолеть североамериканский империализм»[10]. Плакаты с изображением обнимающихся лидеров были развешаны по всему портовому городу, подчеркивая их солидарность в этот период (Lob, 2025, p. 685) и пообещав открытое сопротивление американскому империализму (Goforth,

[8] Posch W. The Third World, Global Islam and Pragmatism: The Making of Iranian Foreign Policy. Berlin : SWP Research Paper, 2013. P. 14. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2013_RP03_poc.pdf (accessed: 12.02.2026). См. также: (Fathollah-Nejad, 2021, pp. 8, 69).

[9] Karmon E. Iran and Its Proxy Hezbollah: Strategic Penetration in Latin America // Real Instituto Elcano. April 8, 2009. URL: https://www.realinstitutoelcano.org/en/work-document/iran-and-its-proxy-hezbollah-strategic-penetration-in-latin-america-wp/ (accessed: 12.10.2025).

[10] Ibid.

2012, p. 31; Colmenares, 2025, p. 257). Эти события отражали углубление политической координации и создание более широкого оксиденталистского альянса, оспаривающего легитимность глобального доминирования Запада.

При Хасане Рухани (2013–2021) произошел сдвиг. Умеренная и примирительная внешняя политика его администрации в отношении Запада, особенно в первые годы (Perletta, 2025, p. 34), привела к относительному охлаждению ирано-венесуэльских отношений. В отличие от М. Ахмадинежада, Х. Рухани никогда не посещал Каракас и избегал прямой конфронтации с Соединенными Штатами, предпочитая поддерживать ограниченные политические и экономические связи с Венесуэлой. Идеологические разногласия с Николасом Мадуро, который последовательно осуждал капиталистический порядок, также способствовали этому отчуждению. Тем не менее структурное влияние политики США было решающим. Избрание в США Дональда Трампа в 2016 г., после чего последовало введение масштабных санкций против Ирана и Венесуэлы в 2018 г., создало новые стимулы для сотрудничества. Ко второму сроку правления Х. Рухани его риторика вновь приобрела более явный антиимпериалистический тон, возродив взаимопонимание с Каракасом (Akbar, 2023, p. 252).

При Эбрахиме Раиси (2021–2024) ирано-венесуэльские отношения вступили в новую фазу институционализации. Раиси уделял приоритетное внимание укреплению связей с Глобальным Югом, тесно согласуясь с антиимпериалистической программой Н. Мадуро. В июне 2022 г. визит последнего в Тегеран подтвердил два десятилетия «прекрасных политических, дипломатических, моральных и этических отношений» со времени первой поездки У. Чавеса в 2001 г. (Akbar, 2023, p. 252). Подписанное во время этого визита всеобъемлющее 20-летнее соглашение о сотрудничестве стало важной вехой, закрепившей двусторонние отношения в стратегической логике, специально разработанной для противостояния глобальным структурам, ориентированным на Запад (Lob, 2025, pp. 693–694). Раиси и Мадуро еще больше укрепили свое партнерство благодаря частым встречам на Генеральной Ассамблее ООН, в ОПЕК и на других многосторонних платформах. Государственный визит Э. Раиси в Каракас в июне 2023 г., где он был награжден Национальным орденом Венесуэлы «За заслуги», стал символом укрепления оксиденталистского альянса, объединившего прагматичное экономическое сотрудничество с идеологической солидарностью (Lob, 2025, pp. 693–694).

Президентство Масуда Пезешкиана (с 2024 г.) до сих пор подчеркивает преемственность этой устоявшейся траектории. После атак Израиля на Иран в 2025 г. М. Пезешкиан провел телефонный разговор с Н. Мадуро, который безоговорочно осудил действия Израиля. В ходе этого разговора глава Ирана подчеркнул, что двусторонние отношения «будут продолжаться во всех областях и станут глубже, стратегически более масштабными и всесторонними»[11]. Это заявление подчеркнуло неизменную приверженность Тегерана партнерству с Латинской Америкой и роль Каракаса как дискурсивного союзника, усиливающего оксиденталистскую риторику Ирана против Израиля и его западных сторонников.

В долгосрочной перспективе Венесуэла занимает постоянное место во внешней политике Ирана на латиноамериканском направлении. Каждая администрация использовала разные инструменты: М. Хатами делал акцент на символической дипломатии, М. Ахмадинежад расширял идеологическую проекцию и экономические инициативы, Х. Рухани колебался между прагматизмом и возобновлением сопротивления, Э. Раиси институционализировал партнерство посредством долгосрочных соглашений, и М. Пезешкиан продолжает эту траекторию в нестабильном геополитическом контексте. Однако основная логика остается неизменной: Венесуэла выступает одновременно символическим и практическим партнером в построении антизападного блока.

[11] Pezeshkian Hails Venezuela's Courageous Stance on Israeli Aggression against Iran // IRNA. July 30, 2025. URL: https://en.irna.ir/news/85901550/Pezeshkian-hails-Venezuela-s-courageous-stance-on-Israeli-aggression (accessed: 13.09.2025).

Подчеркивая суверенитет, цивилизационную самобытность и сопротивление внешнему господству, иранские лидеры последовательно представляют Венесуэлу не просто как союзника, но и как идеологическое зеркало. В этом смысле заявления М. Пезешкиана представляют собой нечто большее, чем просто дипломатическую риторику, — они воплощают преемственность более широкой оксиденталистской стратегии, которая позиционирует Венесуэлу как незаменимого партнера в стремлении Ирана к стратегической автономии в постзападном международном порядке.

Экономические отношения: экономики, основанные на нефти, и стратегическое сотрудничество

Экономики Ирана и Венесуэлы, сильно зависящие от добычи нефти, позиционируют энергетический сектор как стратегический инструмент в рамках альтернативных моделей солидарности, бросающих вызов западноцентричной глобальной экономической системе. Экспорт нефти составляет приблизительно 15 % ВВП Венесуэлы, что делает страну крайне уязвимой даже к небольшим колебаниям в этом секторе (Arslanian, 2025, p. 713). Аналогичным образом нефть остается одним из основных источников дохода Ирана, несмотря на длительные санкции. Членство обеих стран в ОПЕК и взаимная зависимость от добычи энергоресурсов создали платформу для совместной разработки политики, особенно в условиях санкций США. Это сотрудничество выходит за рамки экономического прагматизма, оно представляет собой антигегемонистскую стратегию, направленную на противодействие западному доминированию. Таким образом, энергетические отношения между Ираном и Венесуэлой представляют собой экономическое измерение их оксидентализма. С 2005 г. Иран расширил свое экономическое и промышленное присутствие в Латинской Америке, объем инвестиций оценивается примерно в 20 млрд долл. США, что отражает как стремление к материальной выгоде, так и попытку проецировать идеологическое влияние в тех регионах, которые традиционно воспринимались как стратегическая сфера влияния США[12].

Во время президентства Махмуда Ахмадинежада и Уго Чавеса альянс Ирана и Венесуэлы достиг своего пика (Calderon & Holman, 2014). Оба лидера политически объединились в своей антиамериканской риторике и еще больше углубили экономическое сотрудничество, подписав более 200 соглашений в области энергетики, финансов, сельского хозяйства, технологий и инфраструктуры. Хотя санкции США ограничили реализацию многих проектов, некоторые важные инициативы все же были реализованы. Иран выделил 200 млн долл. США на строительство 10 000 доступных домов в Венесуэле, создал мощности по производству тракторов в Каракасе и содействовал производству автомобилей SAIPA (Moradi & Hamzeh, 2021, p. 146). По состоянию на 2007 г. объем двусторонних экономических отношений между Венесуэлой и Ираном достиг 17 млрд долл. США, в Венесуэле работало около 5000 иранских экспертов и рабочих[13]. К 2008 г. общая стоимость промышленных проектов Ирана в Венесуэле достигла почти 4 млрд долл. США (Lob, 2025, pp. 684–685).

Для институционализации этих усилий в 2009 г. был основан Двусторонний банк, призванный укрепить финансовое сотрудничество и установить независимость от доминирующей в мире финансовой системы США, особенно в отношениях со странами Боливарианского альянса для народов Америки (АЛБА)[14]. Однако из-за ограничений, введенных США, банк постоянно сталкивался с операционными препятствиями. Венесуэла также оказывала материальную поддержку Ирану, направив в 2011 г. нефтяные танкеры для смягчения по-

[12] Bailey N. Iran's Venezuelan Gateway // The American Foreign Policy Council. 2012. Vol. 5. P. 1.

[13] Ottolenghi E. Iran and Venezuela Deepen Their Strategic Alliance // Foundation for Defense of Democracies. June 16, 2023. URL: https://www.fdd.org/analysis/2023/06/16/iran-and-venezuela-deepen-their-strategic-alliance/ (accessed: 14.10.2025).

[14] Pearson T. Venezuela and Iran to Form Joint Companies and Bank // Venezuelanalysis. April 3, 2009. URL: https://venezuelanalysis.com/news/4348/ (accessed: 31.08.2025).

следствий санкций в отношении поставок топлива в Иран (Lob, 2025, p. 686). В ответ на это США в 2012 г. приняли закон «О противодействии Ирану в Западном полушарии», значительно сокративший экспорт Тегерана в Каракас, который в следующем году упал почти на 70 %[15].

Смерть У. Чавеса и уход М. Ахмадинежада с поста президента в 2013 г. не нарушили двусторонние связи. Их преемники сохранили альянс, продемонстрировав его устойчивость, выходящую за рамки личных отношений между лидерами. К 2014 г. государства подписали 265 соглашений в различных секторах — от торговли и экологии до культуры и промышленности[16]. Эта тенденция сохранилась и в 2020-х гг.: в апреле 2020 г. Иран заключил контракт на 500 млн долл. США на ремонт нефтеперерабатывающих заводов Венесуэлы[17], а открытие иранского супермаркета «Мегасис» в Каракасе символизировало углубление торговой интеграции[18]. Кроме того, в соответствии с целью Венесуэлы по укреплению своей военной и технологической независимости к 2021 г. при участии экспертов из Китая, России, Кубы и Ирана в стране был создан новый орган, Совет по военной науке и технике[19].

При Э. Раиси отношения еще больше укрепились. В 2022–2023 гг. Венесуэла стала крупнейшим экспортным рынком Ирана в Латинской Америке: иранский экспорт достиг 118 млн долл. США по сравнению с импортом всего в 816 тыс. долл. США, это на 200 % больше, чем в предыдущем году (Mokhtar, 2024, p. 69). В 2022 г. Э. Раиси подписал Соглашение о стратегическом сотрудничестве, устанавливающее 20-летние рамки сотрудничества между двумя странами и содержащее различные обязательства в нефтяной, оборонной, сельскохозяйственной, туристической и сервисной отраслях. В этом контексте он направил нефтяной танкер в Венесуэлу, которая переживала трудный период из-за санкций США, тем самым выразив солидарность своему партнеру[20]. Также было отмечено, что во время визита Э. Раиси в Венесуэлу объем двусторонней торговли достиг 600 млн долл. США в 2021 г. и 3 млрд долл. США в 2023 г. Была озвучена цель увеличить этот показатель до 10–20 млрд долл. США в среднесрочной и долгосрочной перспективе (Lob, 2025, p. 694).

Ахмад Фирузи, генеральный директор Европейского и Американского отделений Организации по содействию торговле Ирана, добавил, что в 2024–2025 гг. Иран активно добивался подписания торговых соглашений и что большая часть подготовительной работы для соглашения о свободной торговле с Венесуэлой уже завершена. Он отметил, что остался лишь один шаг до вступления в силу соглашения о свободной торговле между Ираном и Венесуэлой в 2025–2026 гг., которое станет первым подобным соглашением между двумя странами за 20 лет[21].

В целом ирано-венесуэльские экономические отношения демонстрируют двойственную логику прагматизма и идеологии. Соглашения по нефти и торговле удовлетворяют насущные финансовые потребности, но также

[15] Countering Iran in the Western Hemisphere Act of 2012. Public Law 112–220 // U.S. Government. December 28, 2012. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-112publ220/pdf/PLAW-112publ220.pdf (accessed: 02.09.2025).

[16] Šerić M. The Tehran—Caracas Axis: An Important Factor in Geopolitical Balance // Eurosiareview. July 26, 2024. URL: https://www.eurasiareview.com/26072024-the-tehran-caracas-axis-an-important-factor-in-geopolitical-balance-analysis/ (accessed: 28.08.2025).

[17] Laya P., Bartenstein B. Iran Is Hauling Gold Bars Out of Venezuela's Almost-Empty Vaults // Bloomberg. April 30, 2020. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-30/iran-is-hauling-gold-bars-out-of-venezuela-s-almost-empty-vaults (accessed: 11.09.2025).

[18] Iran and Venezuela: Axis of Anti-Americanism // UANI. March 2024. URL: https://www.unitedagainstnuclearіran.com/sites/default/files/UANI_Resource_Venezuela_3.14.24_JC.pdf (accessed: 02.09.2025).

[19] Ottolenghi E. Iran and Venezuela Deepen Their Strategic Alliance // Foundation for Defense of Democracies. June 16, 2023. URL: https://www.fdd.org/analysis/2023/06/16/iran-and-venezuela-deepen-their-strategic-alliance/ (accessed: 14.10.2025).

[20] Zegarra G. Irán y Venezuela: hasta dónde llega la sociedad militar de dos países acorralados // CNN Venezuela. October 13, 2025. URL: https://cnnespanol.cnn.com/2025/10/13/venezuela/iran-aliado-militar-venezuela-eeuu-maduro-orix (accessed: 11.11.2025).

[21] Iran's Exports to the Americas Quadruple in a Year // Tehran Times. April 8, 2025. URL: https://www.tehrantimes.com/news/511554/Iran-s-exports-to-the-Americas-quadruple-in-a-year? (accessed: 19.11.2025).

представляют собой стратегический вызов гегемонии США в Латинской Америке. Сочетая материальное сотрудничество с идеологической согласованностью, оба государства рассматривают свое партнерство не просто как выживание в условиях санкций, но как модель альтернативной глобализации, основанной на оксиденталистском сопротивлении.

Военные аспекты и вопросы безопасности в рамках ирано-венесуэльского партнерства

Военное сотрудничество и сотрудничество в сфере безопасности между Ираном и Венесуэлой отражают их общую решимость противостоять «империалистической» политике США и односторонним санкциям. Помимо двусторонних отношений в области обороны это партнерство строится по линии сотрудничества Юг — Юг, направленного на создание альтернативного баланса сил. Оба государства стремятся сформировать общий фронт сопротивления, оказывая стратегическую поддержку в передаче военных технологий, наращивании оборонного потенциала и повышении устойчивости к санкциям[22]. В этом смысле отношения выходят за рамки традиционных оборонных связей и представляют собой многоуровневую архитектуру безопасности, сформированную идеологической близостью, геополитическими расчетами и стремлением к формированию альтернативного миропорядка.

В 2008 г. две страны подписали пакт, обязуясь оказывать друг другу полную военную поддержку в случае нападения США. Однако отсутствие совместных военных учений заставило многих аналитиков утверждать, что сотрудничество осуществляется косвенными и асимметричными путями. Ключевую роль играет опыт Ирана в разведке и ведении нерегулярной войны: с 2006 г. сотрудники КСИР обучают венесуэльские силы, а иранские офицеры интегрированы в структуры безопасности Венесуэлы. Эта деятельность иллюстрирует оксиденталистскую модель безопасности, отвергающую западноцентричную систему, что США в свою очередь воспринимают как вызов безопасности и идеологический вызов (de Azevedo, 2018, pp. 50–51; Goforth, 2012, pp. 35–36). Обеспокоенность США стала очевидной, когда Роберт Гейтс в 2009 г. обвинил Корпус стражей исламской революции в дестабилизации Латинской Америки, а доклады Пентагона за 2010 г. подчеркнули расширение присутствия Ирана. Кроме того, роль Ирана в киберзащите, особенно поддержка К. Сулеймани против кибератак США в 2019 г., подчеркнула сопротивление технологическому доминированию Запада. Восхваление Николасом Мадуро А. Хаменеи и К. Сулеймани как символов сопротивления в 2022 г. отражает этот идеологический дискурс[23].

Партнерство также включало передачу технологий и продажу оружия. После введения США эмбарго в отношении Венесуэлы У. Чавес даже предложил продать Ирану истребители F-16. В период с 2001 по 2012 г. Иран передал технологии создания беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в рамках соглашения 2006 г. (Lob, 2025, p. 685). Иранская компания *Qods Aviation Industries* поставляла комплекты для БПЛА, венесуэльские инженеры проходили обучение в Иране, а иранские эксперты работали на авиабазе Эль-Либертадор в Маракае[24]. Этот завод стал центром сборки беспилотников *Mohajer-6* и *Shahed-131*, созданным в 2020 г. компанией *Empresa Aeronáutica Nacional S.A.*[25] Сотрудничество

[22] Iran ba Vanzoela, Koba Nikaragoeh peyvand menafe dard/moghableh ba amrika vahmayat az nezam chandghatbi [Иран связан общностью интересов с Венесуэлой, Кубой и Никарагуа: противодействие США и поддержка многополярного миропорядка] // IRNA. June 2023. (На фарси). URL: https://www.irna.ir/news/85139631 (accessed: 02.09.2025).

[23] Iran and Venezuela: Axis of Anti-Americanism // UANI. March 2024. P. 15. URL: https://www.unitedagainstnuclearіran.com/sites/default/files/UANI_Resource_Venezuela_3.14.24_JC.pdf (accessed: 02.09.2025).

[24] Iranians Control Venezuelan Drone Facilities as US Warships Deploy // Iran International. September 4, 2025. URL: https://www.iranintl.com/en/202509044107 (accessed: 05.09.2025).

[25] Morales H.R. Iran Played Key Role in the Development of Venezuela's Armed Drone Program, Report Dinds // The Latin Times. August 31, 2025. URL: https://www.latintimes.com/iran-played-key-role-development-venezuelas-armed-drone-program-report-finds-589024 (accessed: 18.09.2025).

распространилось и на военно-морские силы: в июле 2023 г. в Венесуэле были продемонстрированы иранские ракетные катера класса *Zolfikar*, оснащенные ракетами *Nasr-1*[26].

Связи в сфере безопасности также вызывают глобальную озабоченность. В период с 2010 по 2019 г. появились сообщения о том, что Венесуэла выдала более 10 000 паспортов лицам из Сирии и Ливана, что вызвало опасения по поводу их проникновения в США (Goforth, 2012, pp. 43–44). Обвинения в передаче урана еще больше связали Венесуэлу с ядерными амбициями Ирана. В годы президентства У. Чавеса и Н. Мадуро Венесуэла неоднократно защищала ядерную программу Ирана с трибун Совета ООН по правам человека и Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) (Lob, 2025, p. 683; Goforth, 2012, p. 31). Эта политическая поддержка была наиболее заметна во время президентства М. Ахмадинеджада, когда западное противодействие иранской ядерной программе было наиболее сильным.

Санкции США 2020 г. в отношении обеих стран подчеркнули международные последствия их сотрудничества[27]. В 2024 г. высокопоставленная иранская делегация во главе с бригадным генералом, министром обороны Азизом Насирзаде сделала важный шаг к дальнейшему укреплению связей между двумя странами на состоявшемся в Каракасе 10-м заседании Ирано-венесуэльской комиссии по совместному экономическому сотрудничеству. В этом контексте в ходе переговоров были подписаны два важных меморандума о взаимопонимании: один устанавливает безвизовый режим между двумя странами, а другой посвящен передаче технологий и обучению в области искусственного интеллекта (ИИ)[28]. Более того, призыв Н. Мадуро после израильских атак на Иран в 2025 г. к странам Глобального Юга защитить «законное стремление Ирана к миру» еще раз подтвердил преемственность этого альянса[29].

В целом ирано-венесуэльские отношения представляют собой не только тактическое сотрудничество в сфере обороны, но и более широкую, идеологически мотивированную стратегию противостояния структурам безопасности, возглавляемым Западом. Сочетая асимметричную войну, передачу технологий, политическую солидарность и сотрудничество по линии Юг — Юг, оба государства стремятся создать контргегемонистскую модель, которая будет иметь значение не только в рамках двусторонних отношений.

[26] Egozi A. Iran Delivers Weapon Systems to Venezuela // Defence Industry Europe. July 27, 2023. URL: https://defence-industry.eu/iran-delivers-weapon-systems-to-venezuela/ (accessed: 15.09.2025).

[27] Amrika Vezarat-e Defa‘ Iran, Maduro va mortabetan ba barnameh-haye haste’i va moshaki-ye Iran ra tahrim kard [США ввели санкции против Министерства обороны Ирана, Мадуро и лиц/структур, связанных с ядерной и ракетной программами Ирана] // Iran International. September 21, 2020. (На фарси). URL: https://old.iranintl.com/%D8%A7%D9%8A%D8%B1%D8%A7%D9%86/%D8%A2%D9%85%D8%B1%DB%8C%DA%A9%D8%A7-%D9%88%D8%B2%D8%A7%D8%B1%D8%AA-%D8%AF%D9%81%D8%A7%D8%B9-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86%D8%8C-%D9%85%D8%A7%D8%AF%D9%88%D8%B1%D9%88-%D9%88-%D9%85%D8%B1%D8%AA%D8%A8%D8%B7%D8%A7%D9%86-%D8%A8%D8%A7-%D8%A8%D8%B1%D9%86%D8%A7%D9%85-%D9%87%E2%80%8C%D9%87%D8%A7%DB%8C-%D9%87%D8%B3%D8%AA%D9%87%E2%80%8C%D8%A7%DB%8C-%D9%88-%D9%85%D9%88%D8%B4%DA%A9%DB%8C-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%B1%D8%A7-%D8%AA%D8%AD%D8%B1%DB%8C%D9%85-%DA%A9%D8%B1%D8%AF (accessed: 03.09.2025).

[28] Tehran, Caracas Deepen Strategic Ties with New Cooperation Agreements // Tehran Times. November 22, 2024. URL: https://www.tehrantimes.com/news/506610/Tehran-Caracas-deepen-strategic-ties-with-new-cooperation-agreements (accessed: 19.11.2025).

[29] Maduro khastar-e hemayat-e keshvarhaye jahan az Iran shod; “Netanyahu, Hitler-e qarn-e 21” [Мадуро призвал страны мира поддержать Иран: «Нетаньяху — Гитлер XXI века»] // Mehr News. June 18, 2025. (На фарси). URL: https://www.mehrnews.com/news/6503648/%D9%85%D8%A7%D8%AF%D9%88%D8%B1%D9%88-%D8%AE%D9%88%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D8%B1-%D8%AD%D9%85%D8%A7%DB%8C%D8%AA-%DA%A9%D8%B4%D9%88%D8%B1%D9%87%D8%A7%DB%8C-%D8%AC%D9%87%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D8%B2-%D8%A7%D8%B8%C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%B4%D8%AF-%D9%86%D8%AA%D8%A7%D9%86%D8%B8%C%D8%A7%D9%87%D9%88-%D9%87%D8%B8%C%D8%AA%D9%84%D8%B1 (accessed: 12.09.2025).

Вместо заключения: двустороннее сотрудничество в условиях стратегической неопределенности

Недавние геополитические маневры, проводимые Соединенными Штатами в контексте Венесуэлы, наряду с вновь введенными санкциями, направленными против ирано-венесуэльских отношений, подтверждают предположение, что эти отношения нельзя свести к простому конъюнктурному союзу. Скорее, они отражают более глубокий и устойчивый контргегемонистский импульс. Последние санкции США против организаций и частных лиц, базирующихся в Иране и Венесуэле, особенно тех, кто связан с коммерциализацией разработанных в Иране боевых БПЛА через Венесуэлу и с сетями закупок, поддерживающими иранские программы баллистических ракет, демонстрируют, что эта ось больше не воспринимается как чисто символическое или дискурсивное партнерство. Вместо этого она все чаще понимается как реальное военное и технологическое сотрудничество. Этот сдвиг указывает на то, что ирано-венесуэльские отношения были переклассифицированы в рамках американской и западной системы безопасности как новая категория угроз.

Эти события, происходящие на фоне усиления внешнего вмешательства, направленного на переопределение суверенных сфер, подтверждают, что стратегическое и идеологическое партнерство Каракаса с Тегераном вышло за рамки рационального или прагматичного политического выбора. Со временем оно трансформировалось в коллективную практику сопротивления навязыванию власти со стороны США и Запада. Таким образом, за последние 25 лет ось «Иран — Венесуэла» возникла не только как оборонительный ответ на санкции и дипломатическое давление, но и как конкретное политическое проявление оксиденталистского контрдискурса, бросающего вызов претензиям Запада на управление безопасностью, легитимность и нормативный авторитет.

С точки зрения центральной гипотезы данного исследования устойчивость ирано-венесуэльского партнерства зависит от сохранения политической и стратегической автономии обеих сторон. Это предположение становится все более очевидным в свете последних геополитических событий. Ссылки США на резолюции Совета Безопасности ООН и Меморандум президента по национальной безопасности № 2 (NSPM-2) в отношении иранской программы баллистических ракет, асимметричных военных возможностей и глобальной деятельности КСИР объясняют, почему это сотрудничество[30], распространяющееся на Венесуэлу, рассматривается в Вашингтоне как стратегический риск. Парадоксально, но такие внешние усилия по формированию внутренних политических процессов и процессов безопасности способствовали сближению Ирана и Венесуэлы, укрепляя их взаимную сплоченность.

В то же время сохраняющаяся политическая и экономическая неопределенность внутри Венесуэлы показывает, что это партнерство не основано на автоматической или безусловной форме солидарности. Определяя поставки обычного оружия и распространение технологий Ирана как региональные угрозы безопасности, Соединенные Штаты сделали ирано-венесуэльскую ось все более дорогостоящей и структурно уязвимой. Следовательно, будущая жизнеспособность этого стратегического и идеологического сближения зависит от одновременного выполнения нескольких условий: сохранения внешнеполитической автономии обоих государств, избегания прямого внешнего определения безопасности режима, продолжения функционирования альтернативных экономических, военных и логистических сетей в условиях санкций и способности оксиденталистских нарративов поддерживать внутриполитическую легитимность.

В заключение отметим, что ирано-венесуэльское партнерство до 2025 г. представляло собой гибридную форму сотрудничества, отли-

[30] Disrupting Iran's UAV Proliferation to Venezuela and Iran's Weapons Programs // U.S. Department of State. December 30, 2025. URL: https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2025/12/disrupting-irans-uav-proliferation-to-venezuela-and-irans-weapons-programs (accessed: 22.01.2026).

чающуюся от классических моделей альянсов. Основанные на политической независимости, идеологически обоснованные и ориентированные на выживание в условиях санкций и внешнего вмешательства, эти отношения иллюстрируют адаптивный режим стратегического сближения. Недавние санкции США, дискуссии о безопасности и прямое вмешательство в Венесуэлу еще раз подтверждают, что ось «Иран — Венесуэла» следует анализировать не только в региональном контексте, но и как часть более широкой глобальной контргегемонистской конфигурации. Соответственно, эта ось представляет собой особый и аналитически значимый пример в литературе по международным отношениям, демонстрирующий основанный на солидарности альянс, который остается жизнеспособным до тех пор, пока сохраняется автономия государства и усиливается внешнее давление.

Поступила в редакцию / Received: 03.11.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 17.03.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Грачева А. М., Маргоев А. Р. Не Запад, но Восток: ориентиры внешней политики Ирана в условиях «новой холодной войны» // «Новая холодная война» в Азии: глобальное и региональное измерение / под ред. Д.В. Стрельцова. Москва : Аспект Пресс, 2025. С. 197–214. EDN: ZGYBAG

Ahmad J. A. Occidentosis : A Plague from the West / trans. by R. Campbell. Berkeley : Mizan Press, 1984.

Akbar A. Iran's Soft Power in Venezuela // Third World Quarterly. 2023. Vol. 44, iss. 2. P. 246–265. https://doi.org/10.1080/01436597.2022.2142553; EDN: DAVLWR

Al-Azm S. J. Occidentalism, Conspiracy and Taboo : Collected Essays on Islam and Politics : Vol. 4. Berlin : Gerlach Press, 2019. https://doi.org/10.2307/j.ctvq4bzhx

Arslanian F. US Sanctions and Cooperation Among Targets: The Case of Cooperation Between Iran and Venezuela // Middle East Critique. 2025. Vol. 34, iss. 4. P. 703–724. https://doi.org/10.1080/19436149.2025.2520645

Bosworth J. Venezuela's Relations with Iran // Venezuela's Authoritarian Allies: The Ties That Bind? / ed. by C. J. Arnson. Washington, DC : Woodrow Wilson International Center for Scholars*, 2021. P. 192–213. (*Деятельность Международного научного центра им. Вудро Вильсона (*Woodrow Wilson International Center for Scholars*) признана нежелательной не территории Российской Федерации (*Прим. ред.*)).

Brun E. Irán—Venezuela: Hacia un Acercamiento Completo // Politeia. 2008. Vol. 31, no. 40. P. 19–40. URL: https://www.redalyc.org/pdf/1700/170018396002.pdf (accessed: 15.12.2025).

Buruma I., Margalit A. Occidentalism: The West in the Eyes of Its Enemies. New York : The Penguin Books, 2004.

Calderon S., Holman M. Sharing the Same Demons: The Venezuelan-Iranian Alliance and Their Anti-U.S. Ideology // Florida Atlantic University Undergraduate Research Journal. 2014. Vol. 3, no. 1. P. 47–56.

Cardozo A., Niño C. Irán y Venezuela: del Realismo Periférico a la Diplomacia Resiliente (1999–2023) // Revista Relaciones Internacionales. 2023. Vol. 96, no. 1. P. 165–190.

Colmenares A. Political Disputes, Economic Sanctions, and Use of Cryptocurrencies in Iran and Venezuela // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12, № 2. С. 255–280. https://doi.org/10.22363/2312-8313-2025-12-2-255-280; EDN: QDQOWJ

De Azevedo C. V. Venezuela's Toxic Relations with Iran and Hezbollah: An Avenue of Violence, Crime, Corruption and Terrorism // Revista Brasileira de Ciências Policiais. 2018. Vol. 9, no. 1. P. 43–90.

Fathollah-Nejad A. Iran in an Emerging New World Order : From Ahmadinejad to Rouhani. Singapore : Palgrave Macmillan, 2021. https://doi.org/10.1007/978-981-15-6074-3

Goforth S. Axis of Unity : Venezuela, Iran and the Threat to America. Lincoln : Potomac Books, 2012. EDN: VQKCUX

Goodarzi J. M. Syria and Iran: Alliance Cooperation in a Changing Regional Environment // Ortadoğu Etütleri. 2013. Vol. 4, no. 2. P. 31–54. URL: https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/209654 (accessed: 12.02.2026).

Lacan J. The Mirror Stage as Formative of the Function of the I as Revealed in Psychoanalytic Experience // Écrits : The First Complete Edition in English / ed. by B. Fink. New York ; London : W. W. Norton & Company, 1949. P. 75–81.

Lob E. Khomeini Meets Bolivar: Iran's Expanding Relations with Venezuela and Bolivia Through Their Presidents, Postures, and Pressures // Middle East Critique. Vol. 34, iss. 4. 2025. P. 679–701. https://doi.org/10.1080/19436149.2025.2520644; EDN: QRODCL

Mokhtar A. Latin America: A New Market for Iranian Drones // Journal for Iranian Studies. 2024. Vol. 8, iss. 19. P. 63–79. URL: https://rasanah-iiis.org/english/wp-content/uploads/sites/2/2024/06/Latin-America-A-New-Market-for-Iranian-Drones.pdf (accessed: 12.01.2026).

Molina E. L. Las Relaciones Diplomáticas Venezuela—Irán (1999–2013) // Humania del Sur: Revista de Estudios Latinoamericanos, Africanos y Asiáticos. 2024. Vol. 19, no. 37. P. 61–81.

Moradi A., Hamzeh F. Charchub-e manafe va rahbord-e zheopolitiki-amniyati-ye Iran dar keshvarha-ye mantaqe-ye Amrika-ye Latin [Концептуальные рамки интересов и геополитико-секьюритарной стратегии Ирана в странах Латиноамериканского региона] // Faslname-ye Mohit-e Rahbordi [Ежеквартальный журнал стратегической экологии]. 2021. Vol. 4, no. 13. P. 135–162. (На фарси). URL: https://journals.sndu.ac.ir/article_2152_7553b424d76d0f7a347b6b17b146269a.pdf (accessed: 12.01.2026).

Moreno M. Irán en el Actual Escenario Internacional: el Ascenso de las Relaciones con América Latina // V Congreso de Relaciones Internacionales (La Plata, 2010). 2010. P. 61–97. URL: https://revistas.unc.edu.ar/index.php/contra-relatos/article/view/20155/19815 (accessed: 15.12.20250.

Perletta G. Iran's Foreign Policy from Non-Alignment to 'Look to the East': Between Ideology and Pragmatism // Middle East Critique. 2025. Vol. 34, iss. 1. P. 21–41. https://doi.org/10.1080/19436149.2024.2384805

Razavi S. A., Pirani S. Barresi-ye rahbordha va siyasat-haye zed-tahrimi-ye tejarat-e naft-e Venezuela va moqayese-ye an ba rahbordha-ye Iran [Анализ стратегий и антисанкционной политики в сфере торговли нефтью Венесуэлы и их сравнение со стратегиями Ирана] // A Quarterly Journal of Economic Strategy. 2021. Vol. 10, iss. 37. P. 351–386. (На фарси). URL: https://econrahbord.csr.ir/article_139478_572ebd1aee905782e772d67911de286f.pdf?lang=en (accessed: 01.02.2026).

Shabani A., Nakhli S. R. Molfeh cpehei Egtesad Moghavomti dar Adbiat Raij ve dar Bian Mogham Moazam Rayabri [Компоненты экономики сопротивления в популярной литературе и в заявлениях Рахбара] // Quarterly Scientific-Research Journal of Security Horizons. 2014. Vol. 7, iss. 25. P. 55–88. (На фарси). URL: https://ps.ihu.ac.ir/article_200476_b4a140fe656559494e73539f0bf2318d.pdf (accessed:01.02.2026).

Shay S. The Axis of Evil : Iran, Hizballah, and the Palestinian Terror. New York : Routledge, 2017. https://doi.org/10.4324/9781351322485

Soage A. B. The Conservative-Resistance Camp: The Axis of Resistance // The Regional Order in the Gulf Region and the Middle East / ed. by P. Amour. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2020. P. 95–129. https://doi.org/10.1007/978-3-030-45465-4_4

Stuenkel O. Institutionalizing South-South Cooperation: Towards a New Paradigm? United Nations High-Level Panel on the Post-2015 Development Agenda, 2013. P. 1–25. URL: https://www.researchgate.net/publication/299994175_Institutionalizing_South-South_Cooperation_Towards_a_New_Paradigm (accessed:01.02.2026).

Tabatabai A. M. No Conquest, No Defeat : Iran's National Security Strategy. Oxford : Oxford University Press, 2020. https://doi.org/10.1093/oso/9780197534601.001.0001

The Edward Said Reader / ed. by M. Bayoumi, A. Rubin. New York : Vintage Books, 2000.

Сведения об авторах:

Коджатепе Дамла — PhD (международные отношения), преподаватель кафедры политологии и международных отношений, Университет Кафкаса; Турция, 36000, г. Карс, ул. Шехитлера, Центральный кампус, здание факультета экономики и административных наук, кафедра информационных систем управления; ORCID: 0000-0002-1564-3995; e-mail: dml.sahinn@gmail.com

Alizada Nazrin — PhD (международные отношения), доцент кафедры международных отношений, Хатайский университет имени Мустафы Кемаля; Турция, г. Хатай, 31060, кампус Тайфур Сёкмен, факультет экономики и административных наук; ORCID: 0000-0002-6874-7712; e-mail: nazrin.alizada@mku.edu.tr

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 578–592
http://journals.rudn.ru/international-relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-578-592
EDN: GQJTBC

Научная статья / Research article

Черноморский регион и Восточное Средиземноморье на пересечении интересов России и Турции: политико-исторический анализ

А.А. Ирхин[1], А.Р. Никифоров[1], О.А. Москаленко[2], Н.Э. Демешко[2]

[1]Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
[2]Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация
✉alex.irhin@mail.ru

Аннотация. Черноморский регион (ЧР) и примыкающее к нему Восточное Средиземноморье (ВС) неоднократно становились центрами развития глобальных политических событий. В последние несколько лет проблемы вокруг сирийского конфликта, которые можно обозначить через метафору «сирийский узел», разворачивающийся в 2025 г. ирано-американо-израильский конфликт, специальная военная операция (СВО) России на Украине и комплекс производных вопросов вернули эти районы в центр мировой и региональной конкуренции формирующегося мира. Цель и задачи исследования подчинены поискам авторами ответа на несколько вопросов. Образуют ли эти два региона одну геополитическую целостность? Какая география, а следовательно, и геополитика и исторический опыт обусловливают ответ на первый вопрос? Какова степень совместимости и столкновения интересов России и Турции в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье как ведущих региональных держав? С учетом этого в исследовании изучены фундаментальные мотивы политики двух государств в логике соперничества и конкуренции и дан прогноз развития двусторонних отношений на ближайшую перспективу в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье (ЧРиВС). С учетом геополитической игры глобальных игроков в ЧРиВС выявлена двойная система сдерживания, выстроенная коллективным Западом в отношении России и Турции, где Анкара является элементом ограничения политики России в Черном море, но при этом в Восточном Средиземноморье вокруг Турецкой Республики создан схожий по методологии реализации санитарный пояс в духе «британского баланса» в Европе. Исходя из поставленных вопросов, авторы опирались на геополитический, исторический и цивилизационный подходы. Авторы ориентируются на проблему сохранения военно-политических позиций России в Восточном Средиземноморья после «быстрого падения» режима Башара Асада в Сирии. Таким образом, выстроенная Западом система двойного сдерживания позволяет рассчитывать, что логика одновременного соперничества и сотрудничества (но не союза) Турции и России в полузакрытом за счет Конвенции Монтрё 1936 г. Черноморском регионе с большой вероятностью может быть перенесена на Восточное Средиземноморье.

Ключевые слова: российско-турецкие отношения, сотрудничество, конфликт, турецкий баланс, хронополитические циклы, двойное сдерживание

Вклад авторов. Ирхин А.А.: научное руководство исследованием, концептуализация, разработка методологии исследования. Никифоров А.Р.: концептуализация, разработка методологии исследования. Москаленко О.А.: сбор и аналитическая обработка материалов, подготовка текста и графических материалов. Демешко Н.Э.: сбор и аналитическая обработка материалов, подготовка текста и графических материалов. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

© Ирхин А.А., Никифоров А.Р., Москаленко О.А., Демешко Н.Э., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Ирхин А. А., Никифоров А. Р., Москаленко О. А., Демешко Н. Э.* Черноморский регион и Восточное Средиземноморье на пересечении интересов России и Турции: политико-исторический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 578–592. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-578-592; EDN: GQJTBC

The Black Sea Region and the Eastern Mediterranean at the Crossroads of Russia and Türkiye's Interests: A Political and Historical Analysis

Aleksandr A. Irkhin[1]✉, Andrey R. Nikiforov[1], Olga A. Moskalenko[2], Natalia E. Demeshko[2]

[1]Crimea Federal University, Simferopol, Russian Federation
[2]Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
✉alex.irhin@mail.ru

Abstract. The Black Sea region (BSR) and the adjacent Eastern Mediterranean (EMR) have repeatedly become focal points of global political developments. In recent years, issues surrounding the Syrian conflict, which can be described through the metaphor of the 'Syrian knot,' the Israel — U.S. — Iran conflict unfolding in 2025, Russia's special military operation (SMO) in Ukraine, and a host of related issues have returned these regions to the center of global and regional competition in the emerging world. The aim and objectives of this study are guided by the authors' search for answers to several questions: Do these two regions form a single geopolitical entity? What geography, and therefore geopolitics and historical experience, determine the answer to the first question? What is the degree of compatibility and conflict between the interests of Russia and Türkiye in the Black Sea region and the Eastern Mediterranean as leading regional powers? With this in mind, this study examines the fundamental motives of the two states' policies within a logic of rivalry and competition and provides a forecast for the near-term development of bilateral relations in the Black Sea and Eastern Mediterranean (BSEM). Taking into account the geopolitical interplay of global players in the BSEM, a dual system of containment has been established by the collective West against Russia and Türkiye. Ankara serves as a constraint on Russia's Black Sea policy, while a similar sanitary belt, similar in its implementation methodology to the "British balance in Europe," has been created in the Eastern Mediterranean around the Republic of Türkiye. Based on these questions, the authors drew on geopolitical, historical, and civilizational approaches. They focus on the problem of maintaining Russia's military and political position in the Eastern Mediterranean after the 'rapid collapse' of Bashar al-Assad's regime in Syria. It has been established that the system of double containment built by the West allows us to expect that the logic of simultaneous rivalry and cooperation (but not alliance) between Türkiye and Russia in the Black Sea region, which was semi-closed due to the Montreux Convention of 1936, can be transferred with a high probability to the Eastern Mediterranean.

Key words: Russian-Turkish relations, cooperation, conflict, Turkish balance, chronopolitical cycles, dual containment

Authors' contributions. A.A. Irkhin: study supervision, conceptualization, development of research methodology. A.R. Nikiforov: conceptualization, development of research methodology. O.A. Moskalenko: collection and analytical processing of materials, preparation of text and graphic materials. N.E. Demeshko: collection and analytical processing of materials, preparation of text and graphic materials.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Irkhin, A. A., Nikiforov, A. R., Moskalenko, O. A. & Demeshko, N.E. (2026). The Black Sea Region and the Eastern Mediterranean at the crossroads of Russia and Türkiye's interests: A political and historical analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 578–592. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-578-592; EDN: GQJTBC

Введение

События в Сирийской Арабской Республике в декабре 2024 г. поставили перед Россией фундаментальную проблему сохранения военно-политического и иного рода присутствия в Восточном Средиземноморье (ВС). Роль Сирии как союзника РФ трудно было переоценить: это и транспортный узел дозаправки наших воздушных и морских судов, и ключевое пространство влияния на Ближневосточный регион, и русское «окно в Африку», и возможность влияния на мировую (морскую) торговлю и попросту участие в ней, и т. д. В геополитическом контексте ситуация связана с логикой вытеснения Ирана и России за счет коалиционных усилий США, Израиля и Турции, хотя Астанинский формат предполагал другую расстановку сил: Россия, Иран и Турция противостоят Израилю, США, Франции и их прокси.

Возвращение Крыма в состав России в 2014 г. остановило вытеснение РФ из Черноморского региона, но для продвижения ее национальных интересов в Мировом океане это был промежуточный результат. Здесь необходимо учитывать, что в XXI в. безопасность морских путей продолжает играть одну из центральных ролей во внешней политике государств, так как во многом их способность к международной конкуренции зависит от способности извлекать выгоду из международной системы морских перевозок. На сегодняшний день глобальные центры силы реализуют экономическую, военно-политическую и культурную экспансию во многом за счет морей, из-за чего и моря, и морские пути стали важными элементами геополитической конкуренции (Большое Средиземноморье…, 2023, с. 7).

Главными региональными державами (по принадлежности к Черноморскому региону и Восточному Средиземноморью (ЧРиВС)) являются Турецкая Республика (ТР) и Российская Федерация, которые с середины первого десятилетия XXI в. переживают схожие процессы имперского возрождения, пересматривая итоги мировых войн, проигранных коллективному Западу: Россия — холодной войны, а Турция — Первой мировой войны. На современном этапе российско-турецкие отношения характеризуются сложным комплексом политико-экономических противоречий и одновременного сотрудничества. В условиях имперского возрождения это еще и во многом пересечение двух макрорегионов на одном пространстве Евразии, что предполагает рост межгосударственной конкуренции, переходящей в конфликтность уже в ближайшем будущем. Эта сложная подсистема международных отношений, как правило, всегда выходила за рамки двусторонних отношений и имела более масштабное двух-, трех- и четырехстороннее измерение. Невидимыми нитями в этой подсистеме являются Черноморские (Турецкие) проливы, которые становятся то предметом военно-политического союза, то сложного компромисса, то столкновений. Именно эти проливы связывают Черное море с ВС.

В меняющемся мире внешняя политика Турции многовекторна. В этой геополитической игре Турция пытается ставить на две стороны одновременно. Анкара стремится стать частью коллективного Незапада, оставаясь в авангарде коллективного Запада: хочет войти в БРИКС, не ставя под сомнение свое членство в евроатлантических структурах (Ирхин, Москаленко, Демешко, 2025, с. 33). РФ пользуется схожими стратегиями: имея экзистенциальный конфликт с Западом на Украине, Москва пытается восстановить отношения с его ключевыми столицами.

Цель исследования — определение современной роли Черноморского региона и Восточного Средиземноморья в политике Турции и России с учетом системы сотрудничества и противоречий, в рамках которой они взаимодействуют.

Методология исследования основана на применении геополитического, исторического и цивилизационного подходов.

Геополитический подход определяет Турцию как полуостров между бассейнами Средиземного и Черного морей, что создает объективные предпосылки для геостратегии турецкой элиты, воспринимающей ЧРиВС как единое геополитическое пространство, и побуждает Анкару к формированию благожела-

тельной и контролируемой ситуации на этом пространстве. В турецком языке эта картина выглядит иначе: на турецких политических картах Турция — это полуостров между Белым (Средиземным) (*Akdeniz*) и Черным (*Karadeniz*) морями. Лексемы, называющие Средиземное и Черное море, не просто обозначают цвета, а несут более глубокую смысловую и метафорическую нагрузку. «Белое» (Средиземное) море в турецкой семантике — это море перспективы, надежды, богатства и благосостояния, а Черное — представляется опасным и враждебным. При этом в турецком языке существуют синонимы, обозначающие именно цвета: *ak — beyaz, kara — siyah.* Современное движение турецкой политики на Восток через проекцию Турецкого мира (*Türk dünyası*) к водам Каспийского моря, которое обозначается на турецком языке как Хазарское море (*Hazar denizi*), дает историческое измерение турецкой политической географии Евразии и оживляет историческую память о более ранних периодах движения турецких племен с Востока на Запад и их последующих военных и экономических связях.

Рассматривать ЧРиВС как целостное геополитическое пространство Анкаре позволяет тот факт, что фланги Турции сейчас простираются от Балкан до Кавказа.

Более двух с половиной веков назад Кючук-Кайнарджийский мир между Российской и Османской империями обеспечил первой выход к Черному морю и обозначил начало борьбы за постоянное присутствие в этом регионе. Черноморские проливы предоставили России возможность влияния на соотношение экономических интересов и военно-политических сил в Средиземноморье и Мировом океане. Экономика южного вектора экспансии Российской империи укреплялась геополитическим синтезом степи и береговой линии с выходом в Средиземноморье (Новороссия): экспорт выращенных зерновых через черноморские порты в Средиземноморье обеспечивал экономическую экспансию, реализуя геополитическую и геоэкономическую логики русских царей.

Новороссия как часть Русского мира — это стремление континентальной России выйти через «беспокойное» Черное (*Karadeniz*) море в Средиземное (*Akdeniz*) — «море перспективы и благосостояния». Проект Турецкого мира (*Türk dünyası*) — стремление имеющей более благоприятные природные условия развития полуостровной современной Турции получить стратегическую глубину в сухопутной части Евразии через достижение уверенных позиций в районе Каспийского моря (Демешко и др., 2023). Новороссия и Турецкий мир — это встречные геополитические проекции, реализуемые Москвой и Анкарой в ЧРиВС.

Проблематикой развития ЧР, региона ВС и российско-турецкими отношениями занимаются ряд российских академических институтов (ИНИОН РАН, Институт Европы РАН, Институт востоковедения РАН), ряд университетов юга России, сосредоточившихся по естественным причинам на региональной тематике (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Севастопольский государственный университет, Кубанский государственный университет), зарубежных аналитических центров, прежде всего — западных и турецких.

Обращает на себя внимание ряд качественных российских монографий по данной тематике, изданных за последние несколько лет: коллективные монографии под редакцией Д.А. Дегтерева и М.М. Агазаде (Большое Средиземноморье…, 2023), под редакцией А.А. Ирхина (Ключи от Евразии…, 2024) и А.Г. Гаджиева (Внешняя политика Турции…, 2023). В последние годы турецкие коллеги из Университета Кент (Стамбул) под научным руководством профессора Хасрета Чомака также выпустили ряд монографий по черноморской и средиземноморской геополитике Турции (Karadeniz Jeopolitiği, 2017). В 2025 г. увидела свет монография «Черноморский фактор в турецко-российских отношениях после холодной войны» турецкого исследователя, проходившего подготовку в РУДН (Tatlıoğlu, 2025).

Как представляется, ЧР и ВС как предмет научного политологического исследования могут быть объединены в один регион (Ильин, 2019) с учетом фактора морских коммуникаций и интересов главных региональных

и геополитических субъектов ЧР — Турции и России. Историческая часть исследования позволит продемонстрировать, что в отдельные периоды эти регионы объединялись в одно имперское пространство и сосуществовали в режиме взаимовлияния как оспариваемое между талассократией и теллурократией пространство: между государствами Римленда и Хартленда в логике теорий Х. Маккиндера и Н. Спикмэна.

В периоды силы державы Хартленда продвигаются за Дарданеллы и формируют в Средиземноморье позиции для своего присутствия в южном океаническом пространстве, и, напротив, усиление западных держав Римленда, ведомых, как правило, Великобританией, провоцировало их наступление на Хартленд через Босфорский пролив. При этом Британия по итогам Первой мировой войны начала, а США по итогам Второй мировой войны завершили создание системы окружения и сдерживания Турции через передачу спорных островов (Додеканесские о-ва) Эгейского моря сначала Италии, а затем Греции, поставив своего союзника в контролируемые главными державами Запада рамки пространственного и политического развития. Турция и Россия, таким образом, оказались в «тисках» двойного и непосредственного окружения американо-британской логикой «анаконды», где Россия сдерживается Турцией в Черноморском регионе, а Турция — Грецией и другими западными партнерами Афин в Восточном Средиземноморье. Этот факт на методологическом уровне формирует пространство совместных интересов для Анкары и Москвы как в Черном море, так и в Восточном Средиземноморье.

В этой цепочке политических событий еще прошлого века, инерция которых, безусловно, работает и в настоящее время, просматривается одна методологическая ошибка Запада, допущенная еще Великобританией, — и это Конвенция Монтрё, которая была заключена если не под эгидой, то при значительном содействии Лондона. Италия заканчивала Первую мировую войну как союзник Антанты, весьма неудовлетворенный союзник, и следствием этого недовольства стал приход к власти Б. Муссолини, который начал пересмотр итогов Первой мировой, хотя к тому моменту ключевые острова Восточного Средиземноморья были уже в руках Рима, а действовавшая Лозаннская конвенция (1923), регулировавшая проход военно-морских сил через Дарданеллы и Босфор, не чинила препятствий для итальянского военно-морского флота. Однако самым сильным вызовом для Лондона стал итальянский образ будущего для Средиземноморья, который воплотился в тезисе «Средиземноморье для средиземноморских держав» и концепции Большого Средиземноморья. В переводе на язык геополитики это означало, что Британии нет места в Средиземноморье. Это был интеллектуальный прецедент, ломавший логику глобальной Британии, которая стремилась к контролю над Мировым океаном. В 1936 г. была заключена Конвенция Монтрё, где среди подписантов не оказалось таких великих держав (каждой — по своим причинам), как Италия, Германия и США. Сейчас эта Конвенция, существующая 90 лет, препятствует Великобритании в процессе ее имперской «реанимации».

На основе наиболее очевидного прибрежного принципа к территориям и государствам, входящим в Черноморско-Восточно-Средиземноморский регион, следует отнести Россию, Турцию, Украину, Румынию, Болгарию, Грузию, Молдову (Черноморский регион), Грецию, Египет, Сирию, Ливан, Ливию, Израиль, Турецкую Республику Северного Кипра (ТРСК), Республику Кипр и критические водные коммуникации: Черноморские проливы и Суэцкий канал (Восточное Средиземноморье).

Однако здесь проходят главные разделительные линии между Россией и Западом, описанные Х. Маккиндером: «Естественным выходом из Хартленда был морской путь через константинопольские проливы. Мы уже видели, как Рим отодвигал свою границу через Черное море и превращал Константинополь в локальную базу своего средиземноморского морского могущества, воюя со степняками-скифами. Россия при царе Николае стремилась использовать эту тактику „от обратного“:

владея Черным морем с выходом на юг, она желала распространить свою сухопутную силу на Дарданеллы. В результате, чего следовало ожидать, Западная Европа объединилась против России» (Маккиндер, 2023, с. 238). Таким образом, по Х. Маккиндеру, Россия — это держатель земель Хартленда, а Турция находится на границе Хартленда и Римленда.

Русский геополитик А.Е. Вандам (Едрихин) писал примерно в то же время, что и Х. Маккиндер, что «полная удаленность его (русского народа. — *Прим. авт.*) от мировых торговых трактов, т.е. моря, и суровый климат страны обрекают его на бедность и невозможность развить свою деловую энергию. Вследствие чего, повинуясь законам природы и расовому инстинкту, он неудержимо стремится к югу, ведя наступление обеими оконечностями своей длинной фронтальной линии. На путях его наступления лежат Китай, Персия и Малая Азия» (Вандам, 2022, с. 169). Логику британцев русский геополитик просчитывает и предполагает, что те будут действовать против русских, решая две задачи: во-первых, уничтожить торговый и военный флоты России и, предельно ослабив ее, оттеснить от Тихого океана вглубь Сибири; во-вторых, приступить к овладению всей полосой Южной Азии между 30 и 40 градусами северной широты и с этой базы постепенно оттеснить русский народ к северу. «Так как, по обязательным для всего живущего законам природы, с прекращением роста начинается упадок и медленное умирание, то и наглухо запертый в своих северных широтах русский народ не избегнет своей участи» (Вандам, 2022, с. 169–170).

Западная логика запирания России в северных широтах и отрезания ее от морских путей прослеживается на протяжении нескольких последних столетий.

Британский геополитик Ф.Х. Коломб в отношении англо-французских войн — в том числе будущих — за Мировой океан отмечал, что в истории известен единственный пример абсолютного обладания морем — и это положение Великобритании и Франции в Крымской войне. Отчасти он связывает его, во-первых, с «особенным положением неприятельских морских портов на берегах морей, которые суживаются в так легко охраняемые проливы Босфор, Дарданеллы, Зунд и Бельты» (Коломб, 2003, с. 262), а во-вторых, но не в-последних, с силой пара: «Можно прямо сказать, что если бы в русском флоте пар имел такое же применение, какое он имел у союзников, то очень возможно, что даже в Балтийском и Черном морях влияние враждебных России флотов могло бы быть до некоторой степени оспариваемо» (Коломб, 2003, с. 262). Фактически английский адмирал пишет о необходимости технического превосходства британского флота для проведения военно-морских операций подобного рода, выделяя, однако, Балтийское и Черное моря.

Ретроспективный анализ развития ЧРиВС позволяет выявить взаимосвязь этих регионов в рамках противостояния разных имперских систем и фазы их развития, которые обусловливают как единство регионов в одном пространстве, так и их разделение и противостояние.

Любые имперские пространства — от Римской до Османской и Российской империй — в ЧР стремились к контролю над Черноморскими проливами и Крымом как двумя ключевыми точками (Никифоров, 2008). Однако если разрушается формула имперского контроля региональных держав над Крымским п-овом и Босфором и Дарданеллами одновременно, а нерегиональная мировая держава начинает контролировать одну из ключевых точек или сразу обе (Проливы и/или Крым), то уже в краткосрочной перспективе государственность Турции и России оказываются под угрозой исчезновения. Внутри этой логики стремление России контролировать Черноморские проливы находит историческое подтверждение в политике русских государей по Восточному вопросу, а притязания Турции на возвращение крымских земель отсылают к российско-турецким отношениям второй половины XVIII в., но в реалисткой парадигме современные элиты Турции и России будут стремиться к сохранению этой имперской формулы при условии существования неизменной переменной в виде Конвенции Монтрё 1936 г. Благодаря этому ТР сохраняет значительную

автономию от западных партнеров по Организации Североатлантического договора (НАТО) в ЧР, так как при гипотетическом сценарии, в котором Крым переходит под контроль одной или нескольких нерегиональных держав, Турция впоследствии утратит контроль над Проливами, о чем говорит формула, выведенная одним из соавторов этих строк: кто владеет Черноморским (Турецкими) проливами, тот владеет Южным и Центральным Черноморьем, кто контролирует Крым, тот контролирует Северную и центральную часть Черного моря и Причерноморья. Таким образом, между Россией и Турцией сложился негласный кондоминимум (совместное управление) регионом. Сценарии, когда ТР начинает контролировать Крымский полуостров, или же Россия — Босфор и Дарданеллы, противоречат двум с половиной векам исторического опыта сосуществования России и Турции в Черном море, сформировавшим современный баланс интересов и противоречий (Ирхин, Москаленко, Демешко, 2024).

Исследовательский вопрос, который ставят перед собой авторы, состоит в следующем: могут ли Россия и Турция в процессе имперского возрождения перенести формулу сосуществования с Черноморского региона в Восточное Средиземноморье? Ведь имперское возрождение предполагает создание двух макрорегионов, которые во многом накладываются друг на друга, создавая чрезвычайно конкурентную среду. ВС с учетом пестроты вызовов, формируемых Западом (частью которого является и сама Турция) и его союзниками для Турции и России, также имеет возможность нахождения компромисса и перенесения логики сотрудничества, сложившейся в ЧР, где Анкара за счет механизма «турецкого баланса» успешно реализует свои интересы, а Россия может формировать для себя благоприятный баланс сил, опираясь на российскую имперскую и советскую традиции и геополитические позиции.

Решение поставленных в исследовании задач требует выявления и сравнения исторических и геополитических циклов развития Причерноморья и ВС. ВС и географически, и культурно-исторически является органической частью Большого Средиземноморского региона, формируя с остальными его отсеками единую политико-географическую целостность (Окунев, Захарова, 2022). Тем не менее оно представляет собой географически замкнутое пространство, отгороженное от более западных отсеков Средиземного моря Балканами, ливийской Киренаикой, расположившимся между ними Критом — с одной стороны, и сообщающееся с Черным морем через систему проливов Босфор и Дарданеллы (если смотреть на них со стороны ВС — в обратном порядке) — с другой. При этом ВС четко делится на две неравные части, одну из которых формирует европейское побережье Эгейского моря (в дальнейшем она будет обозначена как «Малая северо-западная дуга»), а вторая состоит из прилегающих к средиземноморскому побережью Малой Азии, Ближнего Востока и Египта (далее — «Большая восточная дуга»).

Можно ли рассматривать ВС как специфический регион (субрегион) Средиземноморья? В физико-географическом контексте — однозначно да. Чтобы утвердительно ответить на этот вопрос в политико-географическом контексте, необходимо установить характерную именно для ВС геополитическую ритмику, позволяющую говорить о существовании закономерностей его политического развития, что дает возможность делать обоснованные геополитические прогнозы. Поиск региональной ритмики политического развития ЧР, соседнего с ВС, позволил установить цикличность его геополитической эволюции, выделить соответствующие циклы, в целом совпадающие с цивилизационными эпохами истории региона и рассмотреть последовательно сменяющие друг друга фазы этих циклов (Никифоров, 2008, с. 61–62).

ВС — не просто соседняя с ЧР территория. Проливы, которые в равной степени можно рассматривать в качестве составной части как Черноморья, так и ВС, объединяют две акватории в своего рода «систему сообщающихся сосудов». На протяжении тысячелетий ВС выполняло роль плацдарма для освоения ЧР носителями талассократического начала. Закрепление на черноморских берегах теллурократий всегда предполагало дальнейшую экс-

пансию, что требовало создания плацдармов в ВС. Так было, начиная с полулегендарных походов на Царьград Олега «Вещего» вплоть до нынешних российских попыток обосноваться на базах, расположенных на сирийском побережье.

Геополитическая динамика ВС последних двух с половиной тысячелетий укладывается в два полных цикла, продолжительность каждого из которых составляет примерно 1100–1200 лет. Остаток рассматриваемого временного отрезка пришелся на начало (завершенную первую и незавершенную вторую фазы) третьего цикла. Оба завершенных цикла включают в себя по три последовательно сменяющих друг друга фазы:

1) противостояние двух геополитических субъектов, один из которых занимает европейскую часть региона (Малую северо-западную дугу), второй — азиатскую часть вместе с Египтом (Большую восточную дугу). В первом случае эта фаза продлилась не более 200 лет, во втором — около 450, а в ныне протекающем цикле она уложилась в отрезок не более 100 лет;

2) погружение региона в состояние политической фрагментации. В первом случае эта фаза длилась около 300 лет, во втором — около 350. Сейчас регион находится как раз в этой фазе третьего цикла, и длится она примерно 100 лет;

3) объединение региона под властью одной политической силы. В ходе первого цикла эта фаза длилась около 700 лет, второго — около 300.

Если описанная периодичность реально существует, то в будущем регион ждет очередной период политической консолидации, сроки наступления и продолжительность которого будут зависеть от длительности нынешней фазы. Однако это прогноз на стратегическую перспективу, очевидно, не нескольких ближайших десятилетий, возможно даже — не текущего столетия.

Тем не менее дальнейшее развитие и конкретизация предложенной модели вполне могут сблизить временные масштабы основанного на нем прогнозирования со сроками (гео) политического планирования и уточнить геополитический портрет региона.

Так, например, легко заметить, что характер противостояния в ВС во все эпохи носит цивилизационный характер. Именно столкновение цивилизаций, расположенных на полюсах региона, определяет не только содержание стартовой фазы каждого геополитического цикла, но и фактически формирует параметры всех последующих фаз цикла. Об этой особенности региона, издревле являвшегося местом встречи носителей различных цивилизационных начал, упоминает еще А. Тойнби, утверждающий, что зарождение двух мировых религий — христианства и ислама — произошло в результате синтеза греко-римского и сирийского начал, точнее — ответа сирийской цивилизации на греко-римское вторжение (вызов): христианство — как ответ ненасильственный, а ислам, напротив, — как насильственный (Тойнби, 2011, с. 207). Любопытно, что уже на новом геополитическом витке регион становится эпицентром борьбы носителей им же порожденных религий, а на следующем — религиозный характер этой борьбы сохраняется, но «разбавляется» секуляризованным понятием цивилизации и может трактоваться как столкновение Востока и Запада.

В современном политическом раскладе в регионе наблюдается пересечение интересов западной (западно-христианской), православной (российской) и исламской цивилизаций, причем последняя представлена в ВС входящими в ее состав цивилизациями второго порядка: «светской» (условно тюркской) и «фундаменталистской» (условно арабской) версиями. Несколько особняком в этом раскладе стоит Государство Израиль, которое не может быть без ряда оговорок отнесено к западной цивилизации, хотя, несомненно, на сегодняшний день примыкает именно к этому культурно-историческому блоку.

Множественность носителей различных цивилизационных начал, интересы которых пересекаются в регионе, обусловили краткосрочность первой фазы современного геополитического цикла ВС и погрузили регион в состояние политической фрагментации.

Любопытным выглядит сравнение геополитических ритмов ВС с геополитическими цик-

лами смежного ЧР. Длительность выделенных черноморских циклов составляет 700–800 лет, и они определяются не столько цивилизационным противостоянием (хотя цивилизационный характер в ходе своего развития, несомненно, приобретают), сколько задаются столкновением и взаимодействием морского и сухопутного геополитических начал. Это обусловлено тем, что Черноморье расположено на стыке большого Средиземноморского региона и внутренней Евразии (маккиндеровского Хартленда)[1]. ВС же не просто целиком погружено в пределы Средиземноморья, но и является узлом в рамках территориального пояса, который можно определить как «колыбель человеческих цивилизаций», обозначенного Н. Спикмэном как Римленд (Спикмэн, 2022).

Однако для морского вторжения в Черноморье ВС выполняет роль базы, обеспечивая стратегическую глубину этому вторжению. Мало того, на уровне фаз геополитических циклов смежных регионов наблюдаются явные пересечения. Так, например, фаза греко-персидского противостояния в ВС довольно точно совпадает с первой фазой первого черноморского цикла, в рамках которого в Причерноморье разворачивается столкновение/взаимодействие морского и сухопутного начал. Вскоре после установления римской гегемонии в ВС она была распространена и на берега Черного моря.

Во время противостояния с арабами, а позднее с турками в ВС Византия предпринимала попытки — нередко успешные — замкнуть на себя Причерноморье. Однако, утратив монопольный контроль за Проливами, допустила прорыв в Черное море итальянских торговых республик Генуи и Венеции. На следующей фазе Черноморье стало своего рода буфером, прикрывавшим владения Османской империи с северо-востока. Черное море несколько раньше, чем ВС, перестало быть «турецким озером», но случилось это в хронологически близкие сроки и в ходе одних и тех же политических процессов.

Прочные позиции геополитического субъекта в ВС (прежде всего, уверенный контроль над Проливами) становятся не просто условием экспансии в черноморском направлении, но делают такую экспансию неизбежной. Сравнивая геополитическую динамику в ВС и Причерноморье, можно констатировать автономность регионов друг от друга, но при этом очевидное взаимовлияние. ВС чаще и определеннее воздействует на ЧР, обратное влияние чаще всего носит пассивный характер. Остается определить отношение обоих регионов к вмещающему их Большому Средиземноморью.

Примечательно, что для политических ритмов Средиземноморского региона цикличность не характерна. Здесь, скорее, можно говорить о линейных процессах, протекавших первоначально в субширотном направлении и приведших к объединению региона в пределах Римской державы. С момента арабских завоеваний Средиземное море становится своего рода линией фронта между противостоящими цивилизациями, то есть политические процессы приобретают преимущественно субмеридиональную направленность.

Впрочем, тенденция к единству Средиземноморского региона никогда полностью не исчезала, а само Средиземное море едва ли можно считать надежной естественной границей. Еще Х. Маккиндер отмечал, что «фактически южной границей Европы была и остается Сахара, а не Средиземноморье, поскольку это пустыня, которая отделяет черного человека от белого» (Маккиндер, 2023, с. 64). Геополитическая динамика Средиземноморья в целом не является суммой процессов в его отдельно взятых секторах. Теоретическая синхронизация циклов развития Причерноморья и ВС позволяет увидеть разницу их наполнения в двух регионах, а также периоды, когда они становились единым пространством, взаимное влияние друг на друга в рамках конкуренции морских и сухопутных экспансий, когда контроль теллурократии над Черным морем неизменно двигал ее в ВС, а оттуда далее по водам Мирового океана. В то же время талассократическая сила, завладев контролем над ВС, стремилась проникнуть в Черное море и далее на Восток, лишая Хартленд его устойчивости и стратегической глубины.

[1] Подробнее см.: (Маккиндер, 2023, с. 103–324).

На момент формирования тезисов данной публикации во внешнеполитических линиях разделения держав в Балто-Черноморско-Каспийском пространстве произошел полный ренессанс геополитических идей XX столетия.

Здесь необходимо учитывать, что любая геополитическая схема, объясняющая настоящее и ближайшее будущее, работает в определенных исторических временных рамках и соответствующем балансе сил в регионе и мире. Однако динамика военно-политических событий в 2022–2026 гг. сильно ускорилась, в том числе в критических регионах для российско-турецких отношений, которые в свою очередь интегрированы в коалиционные комбинации коллективного Запада и Незапада. С декабря 2024 г. наблюдается коалиционное вытеснение и ослабление российских позиций во фланговых позициях Турции в ВС и в Закавказье в цепочке событий: Сирия и падение режима Башара Асада, ирано-израильский конфликт, который привел к одновременному ослаблению Ирана и России на Южном Кавказе и последующему усилению Турции и США как союзника Турции, что, скорее всего, будет иметь продолжение как в географическом, так и сущностном измерении. Однако динамика американо-израильско-иранского конфликта, начавшегося в феврале 2026 г., напротив, показала ограниченность возможностей коллективного Запада, которая привела в свою очередь к дополнительному расколу его позиций. Эта тенденция, как представляется, тоже продолжит развиваться.

До декабря 2024 г. Анкара и Москва формировали договоренности, вокруг которых выстраивался военно-политический климат ЧРиВС. Однако сейчас эта формула сузилась до вод Черного моря, и стержневым фактором этих весьма динамичных договоренностей является Конвенция Монтрё.

Турция использовала занятость России в специальной военной операции (СВО), чтобы обрушить балансы в двусторонних отношениях путем вытеснения российских военно-политических позиций как с баз в Сирии, так на Южном Кавказе. С реализацией идеи Зангезурского коридора Анкара решила бы сразу несколько геополитических проблем: отсутствие связанности геополитического пространства Тюркского/Турецкого мира и продвижение и реализацию своего транспортного «Срединного коридора» вглубь Евразии. Естественно, что это все происходит за счет российских интересов — идеологических позиций Русского мира и российского проекта выхода к южным морям «Север — Юг». Однако в эту логику вмешалась геостратегия США, которые, получив контроль над Зангезурским коридором, выстроят контролируемый процесс имперского возрождения Турции и развития геополитического проекта Турецкого мира. Державность Турции оказывается в клещах Запада между Додеканесскими о-вами в ВС и Зангезурским коридором — на Южном Кавказе.

Для России ЧРиВС — часть системы геополитических проблем, связанная с безопасностью российского Черноморского побережья. В периоды относительной слабости оно открывает для враждебных военно-морских сил доступ вглубь страны, а когда Россия находится в устойчивом положении — обеспечивает ей выход и экспансию в Средиземноморский бассейн и дальше в Мировой океан. За последние два века каждый раз ослабление или фрагментация территории исторической России были связаны с потерей позиций в ЧР (Крымская война) или большей части Черноморского побережья (Первая, Вторая мировые войны и итоги холодной войны) и последующей борьбой за их возвращение[2]. В случае вытеснения Черноморского флота РФ из Крыма в 2014 г., очевидно, включился бы «эффект домино» по полному вытеснению РФ из ЧР, что поясняет логику принятия политических решений В.В. Путиным (Ключи от Евразии…, 2024, с. 250).

Формирующаяся новая мировая логистика в ЧРиВС: интересы России и Турции

История России и Турции показывает устойчивое стремление двух держав получить влияние на региональную и мировую логистику

[2] Подробно об изменении протяженности российского Черноморско-Азовского побережья см.: (Ключи от Евразии…, 2024, с. 95).

и торговлю. Само возникновение двух государств связано с двумя важнейшими торговыми путями — «Из варяг в греки» и «Великий шелковый путь». Причем если Киевская Русь довольно успешно использовала свое географическое положение в региональной торговле между Северной и Южной Европой на протяжении длительного исторического периода (с момента возникновения до монгольского завоевания), то, по утверждению американского исследователя Дж. Фридмана, после завоевания турками-османами Константинополя они получили контроль в ВС за ключевыми пунктами «Великого Шелкового пути», после чего подняли пошлины на провоз в Европу пряностей и других товаров, что заставило европейцев искать альтернативные торговые пути с Востоком и привело к эпохе Великих географических открытий (Фридман, 2016, с. 60).

В пост-Ялтинском мире каждая из держав пытается возродить свое ключевое логистическое значение в мировой торговле с учетом глобальных изменений. Россия выстраивает логистику Северного морского пути, возрождает Новороссию и прорывается к южным морям через транспортный коридор «Север — Юг», где ключевым пространством являются Южный Кавказ и Иран. В Априне, пригороде Тегерана, соединяются железнодорожные пути российского проекта «Север — Юг» и китайского «Один пояс, один путь», что свидетельствует о синхронизации борьбы Москвы, Пекина и Тегерана за новую геоэкономическую логистику, независимую от Запада.

ТР выстраивает свою логистику вглубь Евразии через «Срединный коридор», который соединяет Восток и Запад. Борьба за новую мировую логистику обусловливается политическими и геополитическими аргументами. Так, синхронизация морской концепции «Голубая Родина» и сухопутной Турецкий/Тюркский мир (претензии Турции на лидерство в тюркском мире) в целом обеспечивает идеологическую составляющую этой экспансии и значимость Республики в новой мировой логистике, предлагая элитам Южного Кавказа и Центральной Азии портовые возможности Турции в ВС для дальнейшей доставки грузов через Мировой океан.

История будущего компромисса

Общая проблема, с которой сейчас столкнутся Россия и Турция, — это их имперское возрождение, при том что макрорегионы, представляющие интерес для обеих держав, во многом совпадают. В этих условиях их военное столкновение выглядит практически неизбежным. По итогам этого конфликта сформируется новый баланс сил и региональное равновесие.

Однако Турция и Россия не конкурируют в вакууме. Решение «сирийского вопроса» в декабре 2024 г. делает также неизбежным столкновение Турции и Израиля в ВС, а в расширенном ЧР параллельно реализуются пять-шесть геополитических проектов: Большой Черноморский регион (США), Триморье (Великобритания), «Один пояс, один путь» (КНР), Новороссия (рис. 1), Турецкий мир (рис. 2) и Голубая Родина (Турция) и Персидский мир. К последнему проекту будет вынужден обратиться Тегеран (при сохранении национального государственного курса) после новых попыток ликвидации его государственности в июне 2025 г. и феврале 2026 г. Получение США контроля над Зангезурским коридором необходимо рассматривать как один из итогов (возможно, промежуточных) в процессе реализации проекта Большого ЧР, выдвинутого Вашингтоном еще в 2004 г.

Черноморская геополитическая формула для России строится на учете двух условий. Согласно первому, при потере контроля над Крымским п-овом будет потерян и Кавказ, а значит, Россия должна удерживать Северное Причерноморье. Согласно второму условию, утрата Крыма и Кавказа запустит процессы, которые приведут к распаду России по линии территорий, присоединенных еще Иваном IV и сформировавших для Московского царства возможность получения статуса империи.

Турции, выводя свою черноморскую геополитическую формулу, следует помнить о возможности реализации двух крайностей: либо Черное море может стать «русским озером», либо может быть подписан новый Севрский договор. Пока Р.Т. Эрдоган лавирует между этими вариантами благодаря Конвенции Монтрё 1936 г.

Рис. 1. Проект Новороссии

Источник: составлено А.А. Ирхиным, А.Р. Никифоровым, О.А. Москаленко и Н.Э. Демешко с наложением карты Новороссийской губернии из 12 уездов: Вильбрехт А.М. Российский атлас, из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию Империю разделяющий (1800) // Геопортал Русского географического общества. URL: https://geoportal.rgo.ru/record/5976?ysclid=ml3movct4e527238652 (дата обращения: 12.06.2026).

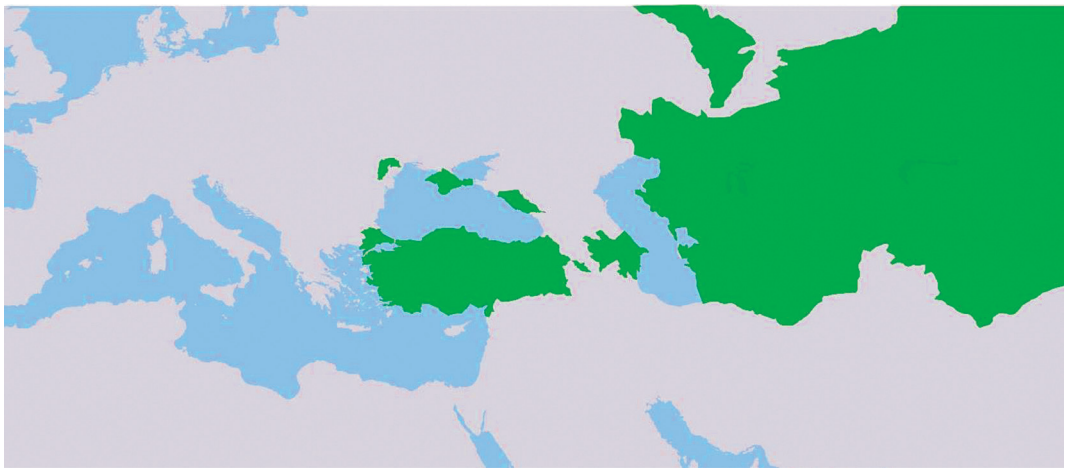

Рис. 2. Проект Тюркского/Турецкого мира

Источник: составлено А.А. Ирхиным, А.Р. Никифоровым, О.А. Москаленко и Н.Э. Демешко.

Продолжая логику метафоры В.М. Молотова о том, что Советский Союз «хотят держать за горло руками турок в Черноморских проливах», прозвучавшей в 1945 г., когда СССР пытался получить базу в Триполитании[3], чтобы хоть как-то присутствовать в Средиземном море, можно сказать, что всего пару лет спустя «руки сомкнулись и на горле турок», когда в 1947 г. Кастеллоридзо и другие спорные острова в Эгейском море получила Греция. Таким образом США и Великобритания реализовали систему двойного сдерживания как противников-русских, так и союзников-турок.

В настоящее время лидеры западной цивилизации Великобритания и Соединенные Штаты Америки планомерно обозначают тенденцию по пересмотру Конвенции Монтрё 1936 г. (Москаленко и др., 2023), хотя последние даже не являются подписантами документа. Раз-

[3] Алексеев А. Африканская игра Сталина // Коммерсант. 03.10.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4518596 (дата обращения: 08.12.2024).

мышления о том, почему вообще в 1936 г. Великобритания и Франция вынуждены были отказаться от безусловно выгодного им открытого режима Черноморских проливов, принятого на Лозаннской конференции, в пользу доныне актуального и предоставляющего преимущества державам Черного моря перед нерегиональными державами режима, побуждают вспомнить внешнеполитическую линию, которую реализовывала Италия в первой половине XX в., пока не потерпела поражение во Второй мировой войне.

В 1923 г. Додеканесские о-ва перешли к Италии, а самый крупный из них — Кастеллоридзо — стал «форпостом Европы на Востоке». Однако так и не освоенные Италией острова в 1947 г. перешли под суверенитет Греции (Нестерова, 2018, с. 271–272). Сценарий, которого Турция сумела избежать по итогам Лозаннского мира, был все же реализован, причем руками союзнических для турок США и Великобритании. Именно в 1920–1940-х гг. итальянская геополитика озвучила идею «Средиземноморье для средиземноморских держав»: в основу возрождения Большого Средиземноморского пространства под эгидой Италии была положена идея экономического единства с включением в него государств Европы, Средиземноморья, Северной Африки и Ближнего Востока. Как отмечает М.А. Шепелев, прозвучавший в борьбе с британцами лозунг «Средиземное море для средиземноморских народов» обозначил геополитические процессы, работавшие на интересы Советского Союза. Одной из уязвимых региональных позиций являлся режим Черноморских проливов, установленный на Лозаннской мирной конференции в 1923 г. (Шепелев, 2017). Таким образом, Конвенция Монтрё, 20 июля 1936 г. закрепившая новый режим Черноморских проливов[4], стала инструментом ответного геополитического проектирования Великобритании, целью которого было отсечение Италии от Черноморского региона. Однако на текущем этапе именно Конвенция Монтрё 1936 г. сдерживает англо-американскую экспансию вглубь континента через Проливы, Крым и Закавказье в Центральную Азию.

Заключение

Геополитические проблемы развития ЧРиВС являются первостепенными для двух держав региона — России и Турции — и определяют широкий интерес многих других региональных и нерегиональных акторов. Насыщенность военно-политическими противоречиями, помноженными на ресурсы и высокий потенциал транзитности регионов, формирует чрезвычайно конфликтное ключевое пространство мира. 12-дневный ирано-израильский конфликт июня 2025 г. и ирано-американо-израильский конфликт 2026 г. показали глубину противоречий и опасность перерастания региональной войны в мировую. ЧРиВС является перекрестком старых и формирующихся новых путей мировой торговли. Конкуренция за их проектирование и реализацию, а также наличие значительных исторических и геополитических противоречий обусловлены также сложившимися противоборствующими парами: арабов и евреев, турок и арабов, персов и евреев, персов и арабов, русских и турок, азербайджанцев и армян и т. д. Продолжительное время район конструировался британской колониальной политикой баланса и противопоставления вышеперечисленных конкурентных пар, однако интервенция США в Ирак в начале XXI в. сломала эту логику внешнего управления, проявив коалиционные противоречия между Турцией и США. Последствием американского слома британского баланса в регионе было усиление Ирана.

Двухконтурный уровень управления регионом со стороны глобальных и региональных держав сформирован западными технологиями «сдерживания» в отношении России и двойного «сдерживания» в отношении союзников США и Великобритании. Для последней этот район мира является сферой традиционных геополитических интересов.

[4] Подробнее см.: (Москаленко и др., 2023).

Внутренний уровень управления ЧРиВС принадлежит региональным державам, которые через механизмы конфликта и сотрудничества на протяжении нескольких столетий формировали подвижный и весьма динамичный российско-турецкий баланс. Для Турции и России Черное море и ВС — это источник системы угроз, исходящих последние несколько столетий от ведущих западных держав, и одновременно перспектив, заключающихся в выходе и влиянии на глобальную морскую торговлю.

Для современной РФ этот регион важен и в контексте реализации африканского вектора ее внешней политики. ТР также активно проводит свою экспансию на Африканском континенте. Во многих сферах российско-турецкие отношения развиваются в рамках острой конкуренции, однако стремление внешних субъектов активно присутствовать в этих же регионах заставляют Москву и Анкару искать различные формы компромиссов и сосуществования.

Новороссия как геоэкономический проект — это возвращение России в Средиземноморье и далее в Мировой океан. Для Турции Турецкий мир и «Голубая Родина» — это попытка получить стратегическую евразийскую глубину и доступ к ресурсам, преодолев рамки системы западного «сдерживания» своих союзников в ВС. В этой скорее экономической логике Россия и Турция заперты геополитическим проектированием главных западных морских держав в ЧРиВС за счет использования исторических противоречий и географии между русскими и турками («держать русских за горло в Турецких проливах руками турок») и между греками и турками в районе Додеканесских о-вов, блокирующих свободный выход Турции в Средиземное море и Мировой океан. Именно логика двойного сдерживания Турции и России архитекторами западной геополитики при условии понимания этих механизмов в Анкаре и Москве и национальной ориентированности элит позволяет объединять эти регионы для двух держав в одно геополитическое пространство с целью прорыва в Мировой океан и получения достойной доли в распределении мировых ресурсов. Противоположный сценарий предполагает столкновение двух главных региональных держав — России и Турции — на фоне повышающейся многосторонней конкуренции в ЧРиВС, отчего выиграют в первую очередь западные союзники Турции. Однако впоследствии, в зависимости от результатов этого столкновения, перед Западом встанет вопрос ослабления самой Турецкой Республики, а для Анкары возникнет угроза нового Севрского договора.

Поступила в редакцию / Received: 09.07.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 13.10.2025
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. Москва : Аспект Пресс, 2023. EDN: RXUDCZ

Вандам А. Е. Наше положение // Фурсов А. Русские о главном противнике : сборник. Москва : Наше завтра, 2022. С. 109–235.

Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.). К 100-летию республики / отв. ред. А. Г. Гаджиева. Москва : Институт востоковедения РАН, 2023. EDN: WVSGTH

Демешко Н. Э., Мурадов Г. Л., Ирхин А. А., Москаленко О. А. Русский и Тюркский миры на пространстве Евразии // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16, № 6. С. 153–182. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182; EDN: FQXELY

Ильин М. В. Морфология геополитических пространств // Вопросы географии. 2019. № 149. С. 322–353. EDN: KRBVWU

Ирхин А. А., Москаленко О. А., Демешко Н. Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник Российского университета

дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 7–22. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22; EDN: DHSPMY

Ирхин А. А., Москаленко О. А., Демешко Н. Э. Турция и Россия в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье: диалектика сотрудничества и конкуренции держав в меняющемся мире // Ближний и Постсоветский Восток. 2025. № 1. С. 30–49. EDN: ILHYOB

Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе / под общ. ред. А. А. Ирхина. Москва : Аспект Пресс, 2024. EDN: ISLTYK

Коломб Ф. Х. Морская война. Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Terra fantastica, 2003.

Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории. Москва : АСТ, 2023.

Москаленко О. А., Мурадов Г. Л., Ирхин А. А., Демешко Н. Э., Нагорняк К. И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 643–661. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661; EDN: OFPEIF

Нестерова Т. П. «Форпост Европы на Востоке»: архипелаг Кастеллоридзо в контексте итальянской политики в Восточном Средиземноморье 1912–1932 годов // Научный диалог. 2018. № 9. С. 262–274. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-9-262-274; EDN: VADSUM

Никифоров А. Р. Ритмы Большого Черноморского пространства: сверим часы // Международный круглый стол «Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины» : сборник материалов / под ред. А. Мальгина. Симферополь : СОНАТ, 2008. С. 60–67.

Окунев И. Ю., Захарова Е. А. Большое Средиземноморье как макрорегион: опыт пространственного анализа // Полис. Политические исследования. 2022. № 3. С. 24–37. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.03; EDN: JBWIYA

Спикмэн Н. Политическая карта Евразии // «Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море / Н. Спикмэн, К. Шмитт. Москва : Родина, 2022. С. 85–86.

Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. Москва : АСТ, 2011.

Фридман Дж. Горячие точки. Геополитика, кризис и будущее мира. Москва : Питер, 2016.

Шепелев М. А. Журнал «Geopolitica» и становление итальянской геополитической школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 325–338. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338; EDN: YMRWGD

Karadeniz Jeopolitiği / ed. by H. Çomak, C. Sancaktar, V. Tatar, B. Ş. Şeker. İstanbul : Beta, 2017.

Tatlıoğlu E. Soğuk Savaş Sonrasında Türkiye—Rusya İlişkilerinde Karadeniz Faktörü. Ankara : Nobel Akademik Yayıncılık, 2025.

Сведения об авторах:

Ирхин Александр Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, д. 4; eLibrary SPIN-код: 7399-0942; ORCID: 0000-0001-7895-550X; e-mail: alex.irhin@mail.ru

Никифоров Андрей Ростиславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, д. 4; eLibrary SPIN-код: 4855-1662; ORCID: 0009-0009-5106-5457; e -mail: nandrey@bk.ru

Москаленко Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Севастопольский государственный университет; Российская Федерация, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33; eLibrary SPIN-код: 2703-2615; ORCID: 0000-0002-4162-3162; e-mail: kerulen@bk.ru

Демешко Наталья Эдуардовна — кандидат политических наук, доцент кафедры «Основы российской государственности и цивилизационные исследования», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; Российская Федерация, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33; eLibrary SPIN-код: 5312-9118; ORCID: 0000-0002-9620-2410; e-mail: natalidem93@mail.ru

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 593–606
http://journals.rudn.ru/international-relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-593-606
EDN: GUDUCR

Научная статья / Research article

«Талибан» — Запад: взаимное восприятие в условиях формирующегося нового миропорядка

Г.Г. Мачитидзе

Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Российская Федерация
✉mggkabul@gmail.com

Аннотация. В контексте формирующегося нового мирового порядка такие государства, как Исламский Эмират Афганистан (ИЭА), стремятся действовать в русле международного права, соблюдая баланс интересов на основе суверенного равенства государств и неделимости безопасности. Позитивное отношение правящего режима талибов к многополярности и борьба против стремления Запада осложнить, сдержать развитие Афганистана являются важными моментами и с точки зрения сохранения афганской культурно-цивилизационной идентичности. В этой связи поставлена задача определить, как афганский теократический режим и Запад воспринимают друг друга, что представляется важным с точки зрения международного признания ИЭА и его дальнейшего становления в качестве суверенного государства. Исследование опирается на исторические описательные и аналитические методы, такие как сравнительный анализ данных и качественный контент-анализ. Полученные результаты позволили выявить целый ряд противоречивых моментов в позиции Запада по отношению к ИЭА, в частности нарушение Соединенными Штатами ранее взятых на себя обязательств в соответствии с Дохийским соглашением 2020 г. Однако, несмотря на сохраняющееся недоверие к политике Запада и острую чувствительность к западной критике, талибы не отказываются от взаимодействия с Западом. В исследовании утверждается, что официальные круги западных стран в целом придерживаются жесткой позиции по отношению к талибам и расширяют свои требования к ним (среди которых — эффективная борьба с террористическими угрозами, изменение социальной политики, создание инклюзивного правительства и финансовая прозрачность расходуемых средств), ставя начало процесса международного признания кабульского режима в зависимость от выполнения этих требований. В то же время обращается внимание на появление среди представителей некоторых западных элит признаков, свидетельствующих о желании налаживать взаимодействие с Кабулом. Факторами, способствующими формированию подобного подхода, стали обеспечение талибами относительной безопасности и отсутствие эффективной вооруженной оппозиции в стране, борьба руководства ИЭА с коррупцией и наркобизнесом, а также признание того факта, что метод изоляции афганского режима себя не оправдал. Автор приходит к выводу, что не следует ожидать коренных политических преобразований в государстве, где режим укрепился и имеет поддержку большинства населения. Наиболее оптимальным путем взаимодействия мог бы стать адекватный подход для развития экономики и удовлетворения насущных потребностей афганских граждан.

Ключевые слова: Исламский Эмират Афганистан, западные государства, взаимное недоверие, налаживание взаимодействия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Мачитидзе Г. Г.* «Талибан» — Запад: взаимное восприятие в условиях формирующегося нового миропорядка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 593–606. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-593-606; EDN: GUDUCR

© Мачитидзе Г.Г., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

The Taliban and the West: Mutual Perceptions in the Emerging New World Order

Georgy G. Machitidze

MGIMO University, Moscow, Russian Federation
mggkabul@gmail.com

Abstract. In the context of the emerging new world order, states such as the Islamic Emirate of Afghanistan (IEA) strive to act within the framework of international law, maintaining a balance of interests based on the sovereign equality of states and the indivisibility of security. The Taliban regime's positive attitude toward multipolarity and its struggle against Western efforts to complicate and hinder the development of Afghanistan are also important for preserving Afghanistan's cultural and civilizational identity. In this regard, the objective was to determine how the Afghan theocratic regime and the West perceive each other, which is important for the IEA's international recognition and its further development as a sovereign state. The study draws on historical descriptive and analytical methods such as comparative data analysis and qualitative content analysis. The results revealed several contradictory aspects of the West's position on the IEA, particularly the United States' violation of its previously assumed commitments under the 2020 Doha agreement. However, despite its continued distrust of Western policy and acute sensitivity to Western criticism, the Taliban has not abandoned its engagement with the West. The study argues that Western officials are generally taking a hardline stance toward the Taliban and expanding their demands (including effectively combating terrorist threats, changing social policies, forming an inclusive government, and ensuring financial transparency), making the beginning of the process of international recognition for the Kabul regime contingent on the fulfillment of these demands. At the same time, it notes the emergence of signs among some Western elites indicating a desire to establish interaction with Kabul. This is due to factors such as the Taliban's provision of relative security and the absence of an effective armed opposition in the country, the IEA leadership's efforts to combat corruption and drug trafficking, and the recognition that isolating the Afghan regime has failed. The author concludes that fundamental political transformation should not be expected in a country where the regime has become entrenched and enjoys the support of the majority of the population. Instead, the most optimal approach could be to focus on economic development and addressing the urgent needs of Afghan citizens.

Key words: Islamic Emirate of Afghanistan, Western states, mutual distrust, establishing cooperation

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Machitidze, G. G. (2026). The Taliban and the West: Mutual perceptions in the emerging new world order. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 593–606. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-593-606; EDN: GUDUCR

Введение

Основу современного мирового порядка формируют определенные принципы международного права[1], а не выдуманный Западом[2] «порядок, основанный на международных правилах» (*rules-based international order*), который предполагает легализацию выгодных Западу практик взаимодействия в мировой политике и используется как инструмент политического давления. Поэтому государства Глобального Юга стремятся действовать именно в русле международного права, соблюдая «баланс интересов на основе суверенного равенства государств и неделимости безопасности» (Лавров, 2023). В этой связи очевидно, что переход от либерального к более справедливому новому миропорядку может способствовать и укреплению суверенитета Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА), тем более что формирование стабилизационных механизмов в Евразии, самом большом по площади и населению

[1] Содержание принципов международного права: неприменение силы и угрозы силой; разрешение международных споров мирными средствами; невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств; обязанности государств сотрудничать друг с другом; равноправие и самоопределение народов; суверенное равенство государств; добросовестное выполнение обязательств по международному праву; нерушимость государственных границ; территориальная целостность государств; уважение прав человека и основных свобод.

[2] Под понятием Запад автор имеет в виду страны Западной Европы, США и Канаду.

материке планеты, о чем пишут авторы доклада международного дискуссионного клуба «Валдай»[3], несомненно, затронет и Афганистан, который должен быть включен в процесс создания евразийской системы сотрудничества в сфере безопасности.

Талибы, находящиеся у власти в Афганистане с 2021 г., отчетливо понимают, что в современном мире нет места для монополии отдельных держав, которые пытаются установить свои правила игры для всех остальных. Как заявил министр иностранных дел ИЭА Амир Хан Муттаки, «мировой порядок движется от однополярной системы к новой структуре, в которой глобализация сталкивается с противодействием, а региональная и культурная идентичность обретает все большую значимость»[4].

Афганистан, в отличие от некоторых государств Ближнего Востока (Иран, Саудовская Аравия), которые стремятся к лидерству в регионе (Чикризова, Ивкина, 2023, с. 88), не в состоянии преследовать подобные цели. Кабул выступает за суверенное равенство государств, старается максимально повысить степень своей самостоятельности в выработке и принятии внутри- и внешнеполитических решений. Тезис о невмешательстве во внутренние дела Афганистана положен и в основу соглашения между США и движением «Талибан» от 2020 г., подписанного в Дохе (Катар)[5]. Твердо отстаивая свои национальные интересы, де-факто правительство талибов повышает уровень своей требовательности к партнерам как на Западе, так и на Востоке. Кабул предпочитает гибкий характер балансирования, не предполагающий формирования устойчивых союзов. Талибов вполне устраивает многополярный мировой порядок, в рамках которого таким слаборазвитым государствам, как Афганистан, можно опираться на разные внешние силы. Талибы, имея статус наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), готовы присоединить Афганистан в качестве наблюдателя и к БРИКС, который является символом становления демократической многополярности[6]. Позитивное отношение талибов к многополярности и борьба против стремления Запада затормозить развитие Афганистана важны и в контексте сохранения афганской культурно-цивилизационной идентичности. Присутствие в Кабуле сильного центрального правительства может способствовать ограничению угроз, возникающих в Евразии в связи с подрывной деятельностью Запада[7].

Данное исследование посвящено анализу проблемы взаимного восприятия[8] де-факто правительства талибов в ИЭА и Запада. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью формирования стабилизационных механизмов в регионе Евразии, в центре которого находится Афганистан. Цель исследования — выявление факторов, влияющих на формирование образа Запада у талибов и образа талибов на Западе, а также определение совпадения и расхождения в их представлениях,

[3] Барабанов О.Н., Бордачев Т.В., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. Мир снизу вверх, или Шедевры евразийской архитектуры // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Ноябрь 2024. URL: https://ru.valdaiclub.com/files/49489/ (дата обращения: 27.11.2024).

[4] Speech by IEA—Foreign Minister of the at the 51st OIC Ministerial Meeting // Islamic Emirate of Afghanistan. Ministry of Foreign Affairs. June 22, 2022. URL: https://mfa.gov.af/en/44454 (accessed: 15.09.2025).

[5] Agreement for Bringing Peace to Afghanistan Between the Islamic Emirate of Afghanistan Which is Not Recognized by the United States as a State and is Known as the Taliban and the United States of America // United Nations Peacemaker. February 29, 2020. URL: https://peacemaker.un.org/sites/default/files/document/files/2024/05/agreement-bringing-peace-afghanistan-0229202028229.pdf (accessed: 28.11.2024).

[6] Кондратьева В. Талибы заявили о готовности присоединения Афганистана к БРИКС // Lenta.ru. 22.10.2024. URL: https://lenta.ru/news/2024/10/22/taliby-zayavili-o-gotovnosti-prisoedineniya-afganistana-k-briks/ (дата обращения: 29.11.2024).

[7] Бордачев Т.В. Афганистан показал тупиковый путь Запада // Российский совет по международным делам. 15.08.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/afganistan-pokazal-tupikovyy-put-zapada/ (дата обращения: 30.11.2024).

[8] Взаимное восприятие — это многогранный и динамичный процесс, включающий в себя познавательный и эмоциональный аспекты, в котором люди получают информацию друг о друге и в том числе могут влиять на представления друг о друге, формируя основу для дальнейшего взаимодействия. См.: Руденок К. Закон неадекватности взаимного восприятия в психологии управлении // Psycho Search. 01.03.2020. URL: https://psychosearch.ru/napravleniya/psikhologiya-upravleniya/751-the-law-of-inadequacy-of-mutual-perception (дата обращения: 28.08.2024).

влияющих на формирование политической линии обеих сторон в отношении друг друга. Осмысляется стереотипизация (Lippmann, 1922) упомянутых образов в свете появления признаков необходимости укрепления взаимодействия мирового сообщества с Афганистаном, а также в контексте формирующегося нового миропорядка. На стереотипность взглядов в отношении талибов обращают внимание такие российские исследователи, как А.А. Князев (2023), О.Н. Новикова (2022) и М.А. Конаровский (2025). При оценке недопонимания Западом пуштунской этнорелигиозной идентичности использовались также научные работы В.Я. Белокреницкого (Белокреницкий, 2022), Ю.П. Лалетина (Лалетин, 2024), М.О. Нессара, У.В. Окимбекова и С. Пойи (Нессар, Окимбеков, Пойя, 2025).

Хронологические рамки исследования ограничены 2020–2024 гг.

Исследование опирается на исторические описательные и аналитические методы, в том числе сравнительный анализ данных, что способствовало выявлению противоречивых моментов в позиции западных стран.

Применяемая методика позволяет обосновать гипотезу, что не следует ожидать коренных политических преобразований в государстве, где режим укрепился и имеет поддержку большинства населения. В качестве наиболее оптимального пути развития Афганистана предложен подход, основанный на адекватном восприятии сторонами друг друга, с целью укрепления афганской экономики и удовлетворения насущных потребностей граждан этой страны.

Особенности восприятия талибами Запада

Несмотря на то, что в настоящее время внимание международной общественности сконцентрировано на конфликтах на Украине и Ближнем Востоке, вопрос о взаимном восприятии талибов и Запада на фоне дискуссий о дальнейшем взаимодействии международного сообщества с правительством Афганистана сохраняет свою актуальность, так как, находясь в центре Евразии, эта страна остается одним из важных факторов региональной безопасности. За прошедшие четыре года с момента прихода талибов к власти в Афганистане после многочисленных встреч и переговоров с представителями западных государств в Кабуле появилось определенное чувство разочарования и скептицизма в связи с отсутствием прогресса в вопросе международного признания режима[9]. Как справедливо отмечают российские академики В.Г. Барановский и В.В. Наумкин, в исламизированных странах «Большого Ближнего Востока» население может по-разному относиться к демократии, однако «едино в своем негативном отношении к Западу» (Барановский, Наумкин, 2018а). Действительно, среди населения сельской местности и частично в городах Афганистана традиционно «сохранялась настороженность относительно культурно-религиозных издержек, которые могут привести к утрате самобытности общества» (Мачитидзе, 2024а).

Изначально недоверие талибов к США и их партнерам связано с невыполнением Вашингтоном, как они считают, условий Дохийского соглашения, которое рассматривается Кабулом в качестве основного документа, регулирующего отношения с США и их западными союзниками. В соответствии с секретными приложениями к соглашению талибы, в отличие от США, четко придерживались договоренностей не атаковать американские войска при их передислокации с передовых оперативных баз в Баграм[10]. В то же время в течение 14 месяцев после подписания соглашения, по данным талибов, США 1700 раз нарушали договоренности, включая осуществление воздушных налетов на позиции повстанцев[11].

[9] International Crisis Group. Toward a Self-sufficient Afghanistan // Watch List 2024 for the EU. January 30, 2024. URL: https://www.crisisgroup.org/cmt/asia-pacific/afghanistan/toward-self-sufficient-afghanistan (accessed: 21.01.2026).

[10] MacArthur Bosack M. Breaking Down the “Agreement for Bringing Peace to Afghanistan” // Parley Policy Initiative. February 20, 2023. URL: https://www.parleypolicy.com/post/breaking-down-the-agreement-for-bringing-peace-to-afghanistan (accessed: 16.09.2025).

[11] Samadi N. Muttaqi: US Violated Doha Deal 1700 Times After Signing // TOLO News. March 1, 2024. URL: https://tolonews.com/index.php/afghanistan-187630 (accessed: 30.11.2024).

Внутриафганские переговоры были, по мнению талибов, безрезультативными из-за обструкционистской позиции поддерживаемого Западом афганского правительства, прежде всего президента Ашрафа Гани. Это обстоятельство подтверждается и бывшим министром обороны США М.Т. Эспером[12]. Многочисленные нарушения американцами Дохийского соглашения засвидетельствованы и в интервью бывшего официального представителя движения «Талибан» Забиуллы Муджахида[13].

Целый ряд официальных представителей Исламского Эмирата Афганистан до сих пор продолжают находиться под санкциями, несмотря на обещания американцев инициировать во взаимодействии с другими членами Совета Безопасности ООН снятие этих санкций к 27 августа 2020 г.[14] Кроме того, иностранные войска были позже выведены с территории Афганистана: вместо 1 мая они покинули страну 31 августа 2021 г. Согласно Дохийскому документу, США также обязались воздерживаться от угрозы или применения силы против территориальной целостности Афганистана, но нарушили это условие в 2022 г. в результате ликвидации в Кабуле с помощью дрона лидера «Аль-Каиды»[15] Аймана аз-Завахири, хотя никаких терактов с территории Афганистана против США и их союзников совершено не было. Причем полеты американских беспилотников в воздушном пространстве Афганистана продолжаются, что воспринимается талибами как признак недобросовестности Вашингтона и способ давления на Кабул. Замораживание средств Национального банка Афганистана также рассматривается талибами как нарушение духа Дохийского соглашения. В интервью немецкому журналу «Шпигель» Анас Хаккани[16] осудил санкции США против ИЭА, приравняв их к коллективному наказанию афганского народа[17].

Талибы весьма болезненно воспринимают шаги Запада, не учитывающие интересы Кабула. В частности, введение должности координатора Специальной оценочной миссии ООН по Афганистану Кабулом было воспринято как унижение. Недоверие проявилось и при попытке организовать так называемую встречу «Доха II» 18 февраля 2024 г., когда специальные посланники по Афганистану собрались для обсуждения доклада, подготовленного специальным координатором ООН Феридуном Синирлиоглу. Талибы также были против участия во встрече представителей афганского гражданского общества наравне с делегацией ИЭА[18].

Чувствительность к публичной критике всегда была характерна для талибов. Давление Запада на них по поводу гендерной политики вызывает особое раздражение в среде афганских ультраконсерваторов во главе с верховным лидером Хайбатуллой Ахундзадой, которые не собираются обсуждать с иностранными правительствами свои внутриполитические шаги, регулируемые шариатом в рамках

[12] Esper M. T. A Sacred Oath : Memoirs of a Secretary of Defense During Extraordinary Times. New York : Harper Collins Publishers, 2022. P. 230.

[13] Interview with Taliban's Zabihullah Mujahid: Full Transcript // TOLO News. July 12, 2021. URL: https://tolonews.com/afghanistan-173452 (accessed: 30.08.2025).

[14] Agreement for Bringing Peace to Afghanistan Between the Islamic Emirate of Afghanistan Which is Not Recognized by the United States as a State and is Known as the Taliban and the United States of America // United Nations Peacemaker. February 29, 2020. URL: https://peacemaker.un.org/sites/default/files/document/files/2024/05/agreement-bringing-peace-afghanistan-0229202028229.pdf (accessed: 28.11.2024).

[15] Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

[16] Анас Хаккани — сводный брат министра внутренних дел ИЭА Сираджуддина Хаккани, он был арестован в 2014 г. и освобожден в 2019 г. в обмен на двух американских профессоров, после чего был включен в переговорную группу в Дохе. Является ключевым пропагандистом сети Хаккани и ее послом, главным образом — в арабском мире.

[17] Koelbl S. "You Ask Questions Like an Investigator": Interview with Taliban Leader Anas Haqqani // Der Spiegel. July 8, 2022. URL: https://www.spiegel.de/international/world/der-spiegel-interview-with-taliban-leader-anas-haqqani-you-ask-questions-like-an-investigator-a-da3d8658-fcce-4865-a4f2-91eb3e1aff93 (accessed:29.08.2025).

[18] Shapour R. From Doha to Doha: The Contest over a UN Special Envoy Lingers as Discussions and Disagreements Drag on // Afghanistan Analysts Network. March 1, 2024. URL: https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/international-engagement/from-doha-to-doha-the-contest-over-a-un-special-envoy-lingers-as-discussions-and-disagreemenets-drag-on/ (accessed:17.12.2024).

институционализированной версии талибского понимания ислама. Реагируя на решение Международного уголовного суда в январе 2025 г. о выдаче ордера на арест высокопоставленных руководителей ИЭА «за преследование женщин и девочек», верховный лидер Х. Ахундзода заявил, что «мусульманам не следует поддаваться на предостережения Запада и обещал приложить все усилия для сохранения исламской системы»[19].

Даже некоторые зарубежные эксперты мусульманского происхождения, признавая неправомерность гендерной политики талибов, критикуют представления Запада об афганской женщине как о порабощенной, лишенной самостоятельности, ошибочно полагая, что афганские женщины должны быть похожи на западных феминисток. Подчеркивается, что в афганской культуре, особенно в сельской местности, доминирует общинная и групповая идентичность. Зачастую преодолевая трудности, созданные талибским режимом, и повсеместную бедность, афганские женщины пытаются оказать друг другу взаимную поддержку. Например, в тайных домашних школах женщины изучают не только Коран, но и иностранные языки, биологию и химию в определенном объеме, получают знания в области швейного и парикмахерского дела, кулинарии (Azimi, 2024). Несмотря на то, что в апреле 2023 г. в ИЭА женщинам запретили работать в местных структурах ООН, ни одна женщина не была уволена и даже были приняты на работу новые сотрудницы по закулисной договоренности с талибскими властями[20]. В этой связи нельзя не заметить, что талибы в принципе не против советов, однако по-разному воспринимают советы друзей из Китая, Катара и Объединенных Арабских Эмиратов, к некоторым из которых талибы готовы прислушаться, и советы врагов, в частности, по вопросам прав и свобод человека, особенно когда эти права часто нарушаются на Ближнем Востоке.

В несколько иной степени это касается проблемы формирования правительства на основе принципа инклюзивности. Талибы утверждают, что у международного сообщества нет четкого определения инклюзивного правительства. Так, до сих пор никто не определил, на что оно должно быть похоже в афганских реалиях — на «фасадную демократию» при бывших президентах Хамиде Карзае и Ашрафе Гани или на что-то еще[21]. Талибы также напоминают западным представителям о том, как всех сторонников движения, ныне возглавляющего ИАЭ, уволили из госаппарата Афганистана в начале 2000-х гг. В то же время правительство талибов сохранило большинство чиновников предыдущего режима, заменены были только руководители высшего звена. Обеспечивается и своевременная выплата зарплаты чиновникам[22].

Вместе с тем продолжающееся давление мирового сообщества на Кабул по вопросу об инклюзивности способствует появлению разных точек зрения в среде талибов — от неприятия вмешательства во внутренние дела страны до отрицания намерения дискриминировать какую-либо этническую группу и полного непризнания существования этой проблемы[23]. Критику Запада относительно авторитарного характера режима в Афганистане талибы парируют тем, что большая часть государств региона находится под властью авторитарных правительств, которые зачастую также не являются инклюзивными. Вместе с тем ультраконсерваторы, в отличие от прагматиков в руководстве

[19] Islamic Emirate of Afghanistan's Supreme Leader 'Unfazed' by the West's Threats // Ariana News. January 28, 2025. URL: https://www.ariananews.af/islamic-emirate-of-afghanistans-supreme-leader-unfazed-by-the-wests-threats/ (accessed:28.08.2025).

[20] Is It Time to Recognise the Taliban Government in Afghanistan? // SciencesPo. January 6, 2025. URL: https://www.sciencespo.fr/en/news/is-it-time-to-recognise-the-taliban-government-in-afghanistan/ (accessed: 30.08.2025).

[21] Islamic Emirate to Iran FM: Govt Is Inclusive // Tolo News. December 10, 2023. URL: https://tolonews.com/afghanistan-186432 (accessed: 01.12.2024).

[22] Afghanistan Economic Monitor // World Bank. October 31, 2023. URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/2ab75317f6e86c9bb6fcf342f72e0b64-0310012023/original/Afghanistan-Economic-Monitor-31-October-2023.pdf (accessed: 02.12.2024).

[23] Islamic Emirate to Iran FM: Govt Is Inclusive // Tolo News. December 10, 2023. URL: https://tolonews.com/afghanistan-186432 (accessed: 01.12.2024).

страны, упорно полагают, что добиться международного признания в непростом диалоге с Западом талибам можно, только если демонстрировать твердость, и это позволит навязать свою линию поведения. В данном контексте глава комиссии по исполнению наказаний Нуреддин Тораби безапелляционно заявил, что новые власти в Афганистане будут «следовать исламу и устанавливать свои законы на основе Корана» (Кича, 2024). В целом же талибы полагают, что внешние советы должны носить конфиденциальный характер и не выглядеть как публичные нравоучения, оскорбляющие тех, в чей адрес они направлены.

Талибы также раздражены тем, что Запад не ценит их главные достижения — обеспечение базовой безопасности в стране после окончания 20-тилетней войны и предотвращение развала афганского государства[24]. Новым властям удалось взять под контроль территорию за пределами городских центров, установив прочную связь с сельскими общинами[25]. Кроме того, талибы не сомневаются, что их режим обладает внутренней легитимностью, одним из важных источников которой стали их способность на протяжении последних почти 20 лет быть посредником в спорах между сельскими общинами на тех территориях, которые они контролировали (Weigand, 2017). Острая чувствительность талибов к западной критике связана еще и с конкурентной борьбой между прагматиками и ультраконсерваторами внутри афганского теократического государства за определение направлений внутренней и внешней политики. Несколько видных членов афганского правительства периодически ставят под сомнение политику верховного лидера, однако не хотят порывать с ним, чтобы не подрывать единство своих рядов (Weinbaum, 2025). Министр экономики ИЭА Дин Мохаммад Ханиф, хотя и приветствовал гуманитарную помощь со стороны Европейского союза, все же полагает, что лучше в этом вопросе действовать в координации с афганской стороной[26]. Выступая в марте 2025 г. во время проповеди по случаю праздника Ид аль-Фитр, Х. Ахундзада отверг западную демократию и предложил опираться на собственные исламские законы[27]. Как справедливо отмечает А.А. Князев, конфессиональный фактор в политике ИЭА выведен на передний план (Князев, 2024).

Однако все это не означает, что талибы отказываются от взаимодействия с Западом. Более того, талибам импонирует признание с его стороны некоторых позитивных тенденций в экономике Афганистана[28]. Несмотря на отрицание ультраконсерваторами необходимости внешней поддержки, полное освобождение от западной, особенно от американской, зависимости пока представляется талибам невозможным.

Как Запад воспринимает талибов?

В течение 20 лет (2002–2021) Запад безуспешно прилагал усилия для достижения в Афганистане прочного мира и организации государственного строительства, основанного на либерально-демократических идеях (Новикова, 2023, с. 227). В настоящее время после неудавшегося эксперимента на Западе воспринимают новое государственное образование в Афганистане как теократическое государство во главе с пуштунским ультраконсервативным духовенством, которое использует авторитарные методы управления страной. Опираясь на точку зрения В.Г. Барановского и В.В. Наумкина,

[24] Speech by IEA Foreign Minister Mawlawi Amir Khan Muttaqi at the 6th Moscow Consultations Format // Islamic Emirate of Afghanistan. Ministry of Foreign Affairs. October 4, 2024. URL: https://mfa.gov.af/en/28693 (accessed: 16.09.2025).

[25] Jalil H. The Taliban and the Rural-Urban Divide // Afghanistan Research Network. June 2023. URL: https://peacerep.org/wp-content/uploads/2023/06/ARN-Reflection-11-The-Taliban-and-the-Rural-Urban-Divide.pdf (accessed: 12.06.2025).

[26] Hakimi B. A. EU to Provide €75 Million in Aid to Afghanistan // TOLO News. November 15, 2022. URL: https://tolonews.com/afghanistan-180759 (accessed: 29.08.2025).

[27] Taliban Leader Says There Is No Need for Western Laws in Afghanistan // AP. March 30, 2025. URL: https://apnews.com/article/afghanistan-taliban-western-laws-sharia-c11444b20fbb6c77d2632fae84435af2 (accessed: 31.08.2025).

[28] Afghanistan Economic Monitor // World Bank. October 31, 2024. URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/6f829bbf7186481f7eb31fbae459de5e-0310012024/original/Afghanistan-Economic-Monitor-October-2024-Final.pdf (accessed: 02.12.2024).

можно утверждать, что афганские власти пытаются достичь гармонии в стране, используя шариат в качестве общеафганской идеологии, «правовой системы и поведенческого императива» (Барановский, Наумкин, 2018b, с. 11). Движение «Талибан» характеризуется представителями Запада как националистическое афганское движение, которое полностью абстрагируется от идей «панисламского халифата»[29]. Правда, в некоторых западноевропейских странах подумывают о смене режима в стране и даже призывают к активной поддержке антиталибской оппозиции[30]. В других же, наоборот, хотели бы вообще не вспоминать об Афганистане. Запад твердо настаивает на выполнении Кабулом требований, касающихся более эффективной борьбы с террористическими угрозами, изменения социальной политики режима и создания инклюзивного правительства, к которым — особенно в последние месяцы — добавилось требование финансовой прозрачности расходуемых средств внешних доноров и фискальной политики в целом[31]. Выполнение упомянутых требований прочно увязывается с началом процесса по международному признанию ИЭА, правда, неизвестно, как долго он будет продолжаться и не появятся ли на этом пути новые препятствия.

Вместе с тем следует иметь в виду, что на Западе всегда считали, что движение «Талибан» привержено радикальной исламистской идеологии и не прерывало отношений с воинствующими группировками (Jones, 2020). Несмотря на это, Запад рассчитывает, что талибы прервут все контакты с транснациональными террористическими организациями и не позволят им использовать территорию Афганистана против других государств. Опасения Запада вызывает также возможный доступ террористических группировок, базирующихся на афганской земле, к большому количеству американского оружия, которое находится в руках афганских властей[32].

В ответ талибы выработали определенный *modus operandi* для реагирования на обеспокоенность Запада по поводу присутствия в Афганистане вооруженных экстремистских группировок. Кабул не занимается физическим устранением боевиков этих организаций, а строго контролирует их деятельность и следит, чтобы они не переходили на сторону ИГИЛ[33]-Хорасан, перемещает их из одной провинции в другую, способствует их устройству на новом месте и разрушает их командные структуры. Единственным исключением являются пакистанские талибы, базирующиеся в восточных провинциях Афганистана в составе «Техрик-е Талибан Пакистан». Кабул считает себя вправе поступать таким образом в отместку за якобы предоставление Исламабадом убежища террористам из запрещенной в РФ группировки ИГИЛ-Хорасан[34].

Другой раздражающей Запад проблемой является нарушение прав человека в Афганистане, которое затрагивает среднее образование для девочек, трудоустройство женщин и отношение к этническим меньшинствам. Талибы утверждают, что США постоянно оказывают на них давление по этим вопросам[35].

[29] Gopal A., Van Linschoten A. S. Ideology in the Afghan Taliban // Afghanistan Analysts Network. June 2017. URL: https://www.afghanistan-analysts.org/wp-content/uploads/2017/06/201705-AGopal-ASvLinschoten-TB-Ideology.pdf (accessed: 14.06.2025).

[30] US Congressional Leader Interested in Dialogue with Taliban's Opposition // Afghanistan International. January 12, 2024. URL: https://www.afintl.com/en/202401127119 (accessed: 04.12.2024).

[31] Immenkamp B. The Situation in Afghanistan: Essential Benchmarks for EU Engagement // European Parliamentary Research Service. September 17, 2021. URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2021)698019 (accessed: 16.09.2025).

[32] Mehra T., Demuynck M., Wentworth M. Weapons in Afghanistan: The Taliban's Spoils of War // International Centre for Counter-Terrorism. February 2022. URL: https://icct.nl/sites/default/files/2022-12/The-Spoils-of-War-final-1.pdf (accessed: 13.06.2025).

[33] Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

[34] Azami D. China, Russia, and Great Power Politics in Afghanistan and Central Asia // Caspian Policy Center. December 1, 2024. URL: https://www.caspianpolicy.org/research/guest-contributions/china-russia-and-great-power-politics-in-afghanistan-and-central-asia (accessed: 06.12.2024).

[35] Kabul, Washington Blame Each Other for Doha Deal Violations // Tolo News. March 1, 2023. URL: https://tolonews.com/afghanistan-182290 (accessed: 05.12.2024).

Однако исламистское руководство Афганистана ссылается на Коран и шариат, которые они всегда воспринимали в качестве своеобразной конституции (Сикоев, 2002). Упомянутые решения в области гендерной политики принимаются в узком кругу ультраконсервативных членов религиозного совета (шура) через набор программных документов, известных под названием «Достур»[36]. Следует отметить, что у прагматично-настроенной части правящих кругов Исламского Эмирата подобная гендерная политика весьма непопулярна. Однако выступить против верховного лидера по политико-идеологическим соображениям и ради сохранения единства своих рядов они не могут. Кроме того, нарушение прав женщин и проявившееся за последний год более суровое отношение к шиитской общине хазарейцев объясняется стремлением Кабула противостоять ключевым элементам антиталибской пропаганды запрещенного в РФ ИГИЛ-Хорасан[37].

Третий фактор обеспокоенности западных стран — состав правительства Исламского Эмирата, который пока не носит инклюзивного характера. Иными словами, речь идет о формировании правительства на широкой основе, в том числе за счет различных этнических, религиозных и политических групп. Однако требования Запада вернуться к этому вопросу расцениваются в Кабуле как вмешательство во внутренние дела Исламского Эмирата. Талибы выступают против включения в состав временного правительства представителей партий и движений, но готовы привлекать независимых представителей из разных этнических общин. В качестве доказательства талибы приводят пример с назначением пяти заместителей министров, связи которых с талибами не подтверждены, а также двух министров, которые ранее в какой-то степени были связаны с движением «Талибан»[38].

Относительно новой проблемой в отношениях между Западом и Кабулом становится отсутствие информации о финансовой прозрачности расходуемых режимом средств. Это касается как возможных «утечек» денежных средств от внешних доноров, так и превращения бюджета Исламского Эмирата в «черный ящик». С сентября 2021 г. и до мая 2023 г. приток в Афганистан внешних донорских средств через Миссию ООН по содействию Афганистану (МООНСА) и международные неправительственные организации (НПО) составил почти 3 млрд долл. США[39]. В США и Европе полагают, что талибы вмешиваются в гуманитарные операции, получая доступ к бюджетам неправительственных организаций, взимают налоги и сборы с сотрудников НПО за обеспечение безопасности, а также облагают налогами самих афганцев, которые получают гуманитарную помощь, в том числе путем преследований и угроз. Режим публично не отчитывается относительно расходов на здравоохранение, образование и продовольствие. Отсутствуют также критерии оформления государственных контрактов и выдачи лицензий[40]. Интерес Запада к расходам талибов на содержание спецслужб и правоохранительных органов объясняется его стремлением обвинить талибов в частичном использовании на упомянутые цели гуманитарной помощи, поступающей от внешних доноров.

В целом Запад называет кабульский режим теократической авторитарной «клептократией»

[36] Ahmad J. The Taliban's Religious Roadmap for Afghanistan // Middle East Institute. January 26, 2022. URL: https://mei.edu/publications/talibans-religious-roadmap-afghanistan (accessed: 05.12.2024).

[37] Van der Kroft L. Merkova S., Mosadiq H. The Role of Gender in Taliban and IS-K Recruitment: Evolving Trends // RUSI Whitehall Report. October 31, 2023. URL: https://static.rusi.org/role-of-gender-in-taliban-and-is-k-recruitment-rusi-whitehall-report-oct-23.pdf (accessed: 19.12.2025).

[38] Khan S. K. Taliban Bring New Faces to Fill Cabinet Positions in Afghanistan // Anadolu Agency. September 21, 2021. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/taliban-bring-new-faces-to-fill-cabinet-positions-inafghanistan/2370524 (accessed: 05.12.2024).

[39] Byrd W. Afghanistan's Crisis Requires a Coherent, Coordinated International Response // ReliefWeb. May 16, 2023. URL: https://www.usip.org/publications/2023/05/afghanistans-crisis-requires-coherent-coordinated-international-response (accessed: 06.12.2024).

[40] After the Aid Axe: Charting a Path to Self-reliance in Afghanistan // International Crisis Group. Asia Report No. 350. October 2, 2025. URL: https://www.crisisgroup.org/sites/default/files/2025-10/350-afghanistan-self-reliance.pdf (accessed: 06.12.2025).

из-за «нецелевого использования государственных средств и гуманитарной помощи, неформальных и незаконных прибылей, а также обширной налоговой сети для консолидации контроля над ресурсами страны» в интересах правящей верхушки[41]. В том числе и поэтому на фоне других мировых конфликтов ощущается растущая усталость крупных доноров от афганских проблем. США, Великобритания, Германия и Европейский союз значительно сократили выделение средств на гуманитарную помощь Афганистану[42], тем более что в отличие от прагматиков ультраконсервативные правящие круги режима убеждены, что добиться международного признания можно, только проявляя стойкость и не разрешая иностранным государствам вмешиваться во внутренние дела Афганистана. Складывается впечатление, что на данный момент отношения главных игроков на Западе с Афганистаном зашли из-за вышеупомянутых причин в тупик, однако не все так однозначно.

Осторожные попытки Запада наладить взаимодействие с талибами

Отношение западных стран к вопросу о характере взаимодействия с Кабулом нельзя назвать идентичным. Как представляется, не в последнюю очередь благодаря позиции России, Китая и других региональных государств в истеблишменте некоторых западных стран появились признаки понимания необходимости повысить уровень взаимодействия с талибами, правда, воздерживаясь от официального признания режима. В частности, на Западе стало доминировать мнение относительно важности «дозированного взаимодействия с талибами для оказания гуманитарной помощи и ограниченной экономической поддержки без каких-либо условий» (Мачитидзе, 2024b). Такого мнения придерживаются некоторые конгрессмены США, члены парламента Великобритании, известные военные и представители американских и британских спецслужб[43].

Доводами в пользу подобного подхода стали обеспечение талибами относительной безопасности и отсутствие эффективной вооруженной оппозиции в стране, борьба руководства ИЭА с коррупцией и наркобизнесом. Правда, антинаркотические меры режима создали серьезные социально-экономические проблемы для миллионов крестьян, которые, не имея другой альтернативы, за счет продажи опиумного мака зарабатывали себе на жизнь. Позитивно оценивается и небывалый всплеск посещаемости начальной школы девочками. Так, в 2023 г. в начальную школу было зачислено на 36 % больше девочек в возрасте от семи до двенадцати лет, чем до прихода талибов к власти[44]. Как представляется, попытки полностью изолировать режим талибов могут только ухудшить социально-экономическую и гуманитарную ситуацию для афганского народа. Кроме того, коллапс афганской экономики вынудит сотни тысяч афганцев мигрировать на Запад.

В связи с этим возникают вопросы, насколько разумно, особенно европейским странам, откладывать взаимодействие с Кабулом, а также каким образом укрепить позиции тех прагматиков в руководстве страны, которые настроены на поддержание полезных отношений с Западом ради экономического развития ИЭА, тем более что на Западе не сомневаются, что многие государственные решения принимаются не только по идеологическим соображениям, но и по причине внутренней конкуренции в афганских правящих кругах. В этом отношении разного рода позитивные сигналы

[41] Ludwig J., Torres A. Captured State: Corruption and Kleptocracy in Afghanistan Under the Taliban // George W. Bush Institute. February 2024. https://gwbushcenter.imgix.net/wp-content/uploads/GWBI_2024_Corruption-and-Kleptocracy-in-Afghanistan-Under-the-Taliban.pdf (accessed:18.12.2024).

[42] Kent L. The UK, Germany and Canada Have Slashed Foreign Aid This Year, Deepening Damage Done by US Cuts, Analysis Shows // CNN. June 12, 2025. URL: https://edition.cnn.com/2025/06/12/europe/foreign-aid-cuts-uk-germany-canada-intl (accessed: 10.05.2026).

[43] Afghanistan: UK Government Policy // UK Parliament. House of Commons. January 10, 2024. URL. https://hansard.parliament.uk/Commons/2024-01-10/debates/19F84C7C-9CD8-4297-9F31-903E6B485644/AfghanistanUKGovernmentPolicy (accessed: 07.12.2024).

[44] Afghanistan Welfare Monitoring Survey // World Bank. October 3, 2023. URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/975d25c52634db31c504a2c6bee44d22-0310012023/original/Afghanistan-Welfare-Monitoring-Survey-3.pdf (accessed: 07.12.2024).

могут оказывать положительное воздействие на Кабул. В частности, содействие в вопросе разрешения международным банкам обрабатывать платежи из Афганистана могло бы способствовать привлечению иностранных инвестиций в страну[45]. В той же плоскости можно рассматривать позитивную оценку Белым домом деятельности силового блока ИЭА по сдерживанию ИГИЛ (запрещено в РФ) и других иностранных джихадистов[46]. Важным также является решение Всемирного банка о разблокировке средств на развитие Афганистана[47], которое талибы рассматривают в качестве потенциальной меры по укреплению доверия.

На росте числа сторонников идеи укрепления взаимодействия Запада с Кабулом сказывается и обеспокоенность в связи с кажущимся усилением влияния Китая и России на руководство ИЭА. При этом внутренние и внешние вызовы заодно со сдержанным подходом Пекина и Москвы к углубленному развитию отношений с Афганистаном привели к расширению связей талибов с Западом. Попытки де-факто правительства ИЭА проявлять дипломатическую гибкость, балансируя между различными мировыми центрами силы, также объясняются международной неопределенностью в контексте формирующегося нового миропорядка, но с учетом собственных национальных интересов. На Западе также учитывают, что по некоторым вопросам с талибскими властями в провинциях легче договориться, принимая во внимание лоббирование со стороны НПО, вождей племен и местных старейшин. Как представляется, доведение до местных властей информации в ненавязчивой форме действует эффективнее, чем угрозы и ультиматумы[48].

Поиск на Западе приемлемой «золотой» середины между сотрудничеством с Исламским Эмиратом для развития и оказания гуманитарной помощи афганскому народу или изоляцией страны на международной арене продолжается. Очевидно, что метод изоляции афганского режима себя не оправдал. Кроме того, Западу приходится считаться с тем, что за 20 лет до прихода талибов к власти все судьбоносные государственные решения в Афганистане принимались иностранцами. За последние 3–4 года режим талибов укрепился, и в условиях значительного уменьшения внешнего влияния на Кабул Западу приходится искать баланс между поддержкой населения и давлением на режим, прибегать к избирательному взаимодействию, нащупывать пути хотя бы относительной нормализации отношений с Исламским Эмиратом. Однако правящие элиты западных стран обеспокоены тем, что активное включение Афганистана в рамки регионального сотрудничества может ослабить международное давление на Кабул. Официальные круги США и их ближайших союзников в Европе убеждены, что талибы должны придерживаться международных норм, если рассчитывают получить международное признание и финансовую помощь для развития страны[49]. Более того, они призывают всячески

[45] Afghanistan: UK Government Policy // UK Parliament. House of Commons. January 10, 2024. URL. https://hansard.parliament.uk/Commons/2024-01-10/debates/19F84C7C-9CD8-4297-9F31-903E6B485644/AfghanistanUKGovernmentPolicy (accessed: 07.12.2024).

[46] Dawi A. US Firm on Taliban Sanctions as Experts Call for Easing, Normalization // Voice of America. November 14, 2023. URL: https://www.voanews.com/a/us-firm-on-taliban-sanctions-as-experts-call-for-easing-normalization/7354731.html (accessed: 08.12.2024).

[47] Исполнительный совет Всемирного банка одобрил новый подход к оказанию помощи Афганистану, который предусматривает выделение около 300 млн долл. США из фонда Международной ассоциации развития банка для бедных стран через агентства ООН и другие международные организации. Эти средства останутся вне контроля руководства движения «Талибан» в Афганистане и дополнят донорское финансирование Целевого фонда устойчивости Афганистана (ARTF) в поддержку важнейших базовых услуг, таких как продовольствие, вода, здравоохранение, образование и рабочие места. См.: Lawder D. World Bank Approves Shift to Channel IDA Funds to Afghanistan Humanitarian Aid // Reuters. February 15, 2024. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/world-bank-approves-shift-channel-ida-funds-afghanistan-humanitarian-aid-2024-02-15/ (accessed: 08.12.2024).

[48] Mills P. Taliban Governance in Afghanistan // Institute for the Study of War. March 29, 2024. URL: https://understandingwar.org/wp-content/uploads/2025/05/24-210-0220ISW20Afghanistan20Taliban20Paper_v4.pdf (accessed: 21.08.2026).

[49] Afghanistan: Vote on Two Draft Resolutions // Security Council Report. March 15, 2023. URL: https://www.securitycouncilreport.org/whatsinblue/2023/03/afghanistan-vote-on-two-draft-resolutions.php (accessed: 09.12.2024).

демонстрировать ошибочный характер представлений талибов о Западе и бороться с решимостью афганского режима сохранить теократическую модель правления, подталкивая Кабул к переходу на более уступчивые позиции политического прагматизма. Однако талибы дают понять своим оппонентам, что их вполне устраивает авторитарный режим. Поэтому даже если произойдут какие-либо подвижки в решении гендерного вопроса, то помощь Афганистану на цели развития в любом случае будет ограниченной и не достигнет тех размеров, которые были характерны для периода до 2021 г.[50]

Нельзя отрицать, что в международном сообществе существует консенсус относительно необходимости тщательного рассмотрения нарушения прав человека в Афганистане. Однако в то же время нельзя игнорировать социально-экономические проблемы, из-за которых прежде всего страдает именно женская половина афганского общества, которая в большей степени зависит от постоянной адресной гуманитарной помощи и небольших проектов для развития частного сектора. Сторонники повышения уровня взаимодействия с кабульским режимом уверены, что благосостояние населения не должно зависеть от политики талибов в области прав человека. Определенные надежды возлагаются и на возрождение частного сектора в целях достижения экономической стабильности в условиях отсутствия регулярных денежных потоков и гуманитарной помощи. В 2024 г. финансирование гуманитарных поставок сократилось на 80 %, поэтому звучат призывы перейти от краткосрочной гуманитарной к долгосрочной помощи в целях развития, чтобы в итоге сделать Афганистан экономически самодостаточным[51].

Заключение

Проведенный в исследовании сравнительный анализ позволяет утверждать, что каждой стороной используются собственные, не совпадающие нарративы для объяснения и интерпретации тех или иных событий, на базе которых формируются определенные политические установки. Более того, в настоящее время пока продолжает сохраняться неадекватность взаимного восприятия Запада и талибов, причинами которой являются политические и культурно-религиозные различия.

В контексте формирующегося мирового порядка восприятие Западом Исламского Эмирата Афганистан, относящегося к государствам Глобального Юга, фактически искажено. Сопротивляясь наступлению нового миропорядка, Запад не оставляет попыток навязать Афганистану свое представление о «правильной» политической системе, игнорируя культурные и религиозные традиции страны. Поэтому восприятие Западом Афганистана как государства, которое должно соответствовать западным «универсальным» ценностям, нереалистично.

Что касается восприятия талибами Запада, то оно, по мнению автора, более адекватно. Страны Глобального Юга стремятся противостоять попыткам сохранения однополярного мира, в котором доминирует Запад, что угрожает их суверенному развитию. Стремление Запада создать глобальную транснациональную общность входит в противоречие с идеологией и политикой Афганистана, направленной на сохранение идентичности на основе своего понимания исламских ценностей.

Вместе с тем складывается впечатление, что исламистское руководство ИЭА жонглирует своим политическим капиталом, сочетая жесткий подход по религиозно-идеологическим вопросам, связанным с эндогенными факторами, с детерминированным прагматизмом по проблемам национального экономического развития. Контакты талибов с Западом носят в основном тактический характер, чтобы разрешить финансовые и социально-экономические трудности. К тому же талибы опасаются, что даже в случае налаживания взаимодей-

[50] What We Need to Learn: Lessons from Twenty Years of Afghanistan Reconstruction // Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction. August 1, 2021. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/GOVPUB-S-PURL-gpo159506/pdf/GOVPUB-S-PURL-gpo159506.pdf (accessed: 23.12.2024).

[51] Smith G. Afghanistan: Three Years after the Taliban Takeover // International Crisis Group. August 14, 2024. URL: https://www.crisisgroup.org/qna/asia-pacific/afghanistan/afghanistan-three-years-after-taliban-takeover (accessed:19.12.2024).

ствия с США и их союзниками процесс международного признания может затянуться надолго, Запад будет пытаться выжать из талибов максимальное количество уступок, и с каждой уступкой его требования могут возрастать.

Для достижения более адекватного взаимного восприятия официальные круги западных государств должны решить для себя, представляет ли афганский режим угрозу, которую необходимо нейтрализовать, или талибы являются неизбежными партнерами по вопросам региональной стабильности. В условиях международной турбулентности из-за конфликтов на Украине и в Газе, а также нарастающей напряженности в Сирии мировое сообщество не может позволить себе иметь еще одно несостоявшееся государство на Большом Ближнем Востоке, а изоляция Афганистана только сделает талибов более непримиримыми.

Совершенно очевидно, что не следует ожидать коренных политических преобразований в государстве, где режим укрепился и имеет поддержку большинства населения. Любое давление Запада в данном направлении будет восприниматься как вмешательство во внутренние дела ИЭА. Наиболее оптимальным путем взаимодействия мог бы стать подход, основанный на адекватном взаимном восприятии, позволяющий несколько расширить сотрудничество с Кабулом для достижения конкретных целей. Более плотное взаимодействие Запада с талибами должно, вероятно, предполагать удовлетворение насущных потребностей афганских граждан, обеспечение внутриафганской безопасности и региональной стабильности.

Поступила в редакцию / Received: 17.01.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 17.11.2025
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Барановский В. Г., Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018a. Т. 62, № 3. С. 5–19. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19; EDN: YTHIDG

Барановский В. Г., Наумкин В. В. «Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности // Полис. Политические исследования. 2018b. № 6. С. 8–31. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.02; EDN: YNKEST

Белокреницкий В. Я. Пуштуны и пуштунские племена Афганистана и Пакистана — численность и расселение // Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 1. С. 12–24. https://doi.org/10.31696/2618-7302-2022-1-12-24; EDN: AKADKT

Кича М. В. Афганистан : подлинная история страны-легенды. Москва : Эксмо, 2024.

Князев А. А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. 2024. Т. 15, № 1. С. 210–218. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218; EDN: SMYMSM

Князев А. А. К вопросу об эволюции движения талибов в Афганистане // Сравнительная политика. 2023. Т. 14, № 1–2. С. 79–96. https://doi.org/10.46272/2221-3279-2023-1-2-14-79-96; EDN: WIWQBE

Конаровский М. А. Дорога в семь тысяч дней : очерки истории и культуры Афганистана : 2-е изд., испр. и доп. Москва : МГИМО, 2025. https://doi.org/10.63861/2952-6; EDN: XHBVKL

Лавров С. В. Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах» // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 4. С. 72–81. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-4-72-81; EDN: ENZPHO

Лалетин Ю. П. Становление политсистемы Исламского Эмирата Афганистан: вызовы и ограничения // Азия и Африка сегодня. 2024. № 1. С. 24–32. https://doi.org/10.31857/S032150750026360-8; EDN: SLDBUM

Мачитидзе Г. Г. Специфика афганской идентичности в условиях глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024a. Т. 24, № 4. С. 508–519. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-508-519; EDN: LSYOBP

Мачитидзе Г. Г. Уроки британского присутствия в Афганистане (2001–2023) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2024b. № 3. С. 81–92. https://doi.org/10.31696/S086919080030924-3; EDN: UTCVHX

Нессар М. О., Окимбеков У. В., Пойя С. Афганистан: Талибан у власти (2021–2025 гг.). Москва : ИВ РАН, 2025.

Новикова О. Н. Афганистан: от «демократического авторитаризма» к авторитаризму per se // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 1. С. 223–243. https://doi.org/10.31249/ape/2023.01.10; EDN: OOXJTZ

Новикова О.Н. Четвертая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 213–233. https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.09; EDN: WERRGM

Сикоев Р. Р. Талибы (религиозно-политический портрет). Москва : ИВ РАН, 2002.

Чикризова О. С., Ивкина Н. В. Проблема существования «шиитского полумесяца» на Ближнем и Среднем Востоке: опыт количественного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 88–104. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-88-104; EDN: VCNXUU

Azimi P. Decolonizing the Western Perception of Afghan Women: A Feminist Critique [thesis]. Lincoln University of Nebraska, 2024. URL: https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1716&context=honorstheses (accessed: 13.06.2025).

Jones S. G. Afghanistan's Future Emirate? The Taliban and the Struggle for Afghanistan // CTC Sentinel. 2020. Vol. 13, iss. 11. P. 1–10. URL: https://ctc.westpoint.edu/afghanistans-future-emirate-the-taliban-and-the-struggle-for-afghanistan/ (accessed: 14.06.2025).

Lippmann W. Public Opinion. New York : Harcourt, Brace & Co, 1922.

Weigand F. Afghanistan's Taliban—Legitimate Jihadists or Coercive Extremists? // Journal of Intervention and Statebuilding. 2017. Vol. 11, iss. 3. P. 359–381. https://doi.org/10.1080/17502977.2017.1353755

Weinbaum M. G. Our Knowledge of the Taliban as Guide for US Policy // Journal of Strategic Security. 2025. Vol. 18, no. 2. P. 115–123. https://doi.org/10.5038/1944-0472.18.2.2467; EDN: LEMWCL

Сведения об авторе:

Мачитидзе Георгий Григорьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 5094-7995; ORCID: 0000-0003-2402-1909; e-mail: mggkabul@gmail.com

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 607–620
http://journals.rudn.ru/international-relations

БРИКС
BRICS

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-607-620
EDN: GUWUTH

Научная статья / Research article

Дедолларизация в странах АСЕАН и БРИКС как фактор формирования нового международного порядка

П.П. Калугина ✉, Н.С. Куклин

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация
✉kalugina_p_p@my.mgimo.ru

Аннотация. В условиях трансформации мировой экономики и смещения центра тяжести в азиатский макрорегион актуальность приобретает выявление синергетического потенциала сотрудничества между странами Глобального Юга. В условиях, когда уже сложился существенный фундамент экономических и политических связей между странами БРИКС и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), а также присутствует взаимная заинтересованность в сближении у участников этих группировок, формируется научная проблема анализа перспектив и ограничений дальнейшего углубления и развития этого сотрудничества. Цель исследования — выявление синергетического потенциала сотрудничества стран БРИКС и АСЕАН в контексте формирования новой финансовой архитектуры в странах Глобального Юга. Исследована дедолларизация как экономический тренд в странах Глобального Юга, рассмотрены основные инструменты и механизмы финансирования в условиях дедолларизации в странах АСЕАН и в странах БРИКС, проанализирована дедолларизация как нарратив с опорой на широкую эмпирическую базу, включающую различные уровни дискурса — от национальных документов стратегического планирования до экспертных материалов и заявлений лидеров. Сделан вывод об отсутствии конвергенции национальных стратегических приоритетов стран БРИКС и АСЕАН, за исключением приверженности национальному суверенитету. Ключевым препятствием на уровне нарративов служит то обстоятельство, что страны АСЕАН и БРИКС по-разному трактуют многополярность. В то время как страны АСЕАН выступают за инклюзивную многополярность с сохранением большинства элементов действующей международной системы, страны БРИКС демонстрируют большую ориентированность на полную реконфигурацию текущей архитектуры международных экономических отношений. Сценарное моделирование будущего углубления сотрудничества между АСЕАН и БРИКС предлагает три наиболее вероятных варианта развития событий: 1) создание сбалансированной системы многосторонних расчетов в национальных валютах; 2) юань как основа финансовой архитектуры БРИКС — АСЕАН; 3) переход к расчетам в цифровых валютах центральных банков (CBDC). Каждый из сценариев несет в себе свои выгоды и издержки. На фоне ограничений, с которыми сталкивается реализация первых двух сценариев, а также в контексте тренда на цифровизацию и виртуализацию финансовых отношений наибольший исследовательский интерес представляет сценарий перехода к расчетам в CBDC. Вместе с тем на сегодняшний день нет поводов для излишнего оптимизма относительно скорого и глубокого сближения финансовых стратегий БРИКС и АСЕАН. Дедолларизация нуждается в унификации представлений об этом процессе как на уровне понятийного аппарата, так и на уровне конкретных механизмов.

© Калугина П.П., Куклин Н.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: Глобальный Юг, финансовая архитектура, расчеты в национальных валютах, цифровые валюты центральных банков, CBDC, анализ нарративов

Вклад авторов. Калугина П.П.: разработка концепции исследования, подбор методологии, написание — разделы «Инструменты и механизмы финансирования в условиях дедолларизации в странах АСЕАН/БРИКС», «Возможности, ограничения и сценарии формирования альтернативной финансовой архитектуры». Куклин Н.С.: написание — разделы «Дедолларизация как экономический тренд стран Глобального Юга», «Внешняя политика vs. политические нарративы». Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения о финансировании. Статья подготовлена в рамках гранта ИМИ МГИМО № КМУ-15/02.

Для цитирования: *Калугина П. П., Куклин Н. С.* Дедолларизация в странах АСЕАН и БРИКС как фактор формирования нового международного порядка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 607–620. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-607-620; EDN: GUWUTH

De-Dollarization in ASEAN and BRICS Countries amid the Emerging World Order

Polina P. Kalugina ✉, Nikita S. Kuklin

MGIMO University, Moscow, Russian Federation
✉kalugina_p_p@my.mgimo.ru

Abstract. Amid the ongoing transformation of the world economy and the eastward shift of its gravity center towards the Asian macro-region, identifying the synergistic potential of cooperation among Global South countries has become increasingly relevant. A substantial economic and political foundation already links BRICS and the Association of Southeast Asian Nations' (ASEAN) members, and mutual interest in strengthening ties is evident. This raises the question of assessing the prospects and constraints for further deepening and expanding such cooperation. The article aims to explore the synergistic potential of BRICS—ASEAN collaboration within the emerging financial architecture of the Global South. It examines de-dollarization as an economic trend, evaluates the main financing tools and mechanisms employed under de-dollarization in ASEAN and BRICS, and analyses de-dollarization as a narrative, drawing on an extensive empirical base that spans multiple discursive levels, from national strategic-planning documents to expert reports and leaders' statements. The study concludes that there is no real convergence in the national strategic priorities of BRICS and ASEAN members, aside from a shared commitment to national sovereignty. A key narrative obstacle lies in their divergent interpretations of multipolarity: whereas ASEAN advocates an inclusive multipolarity that retains most elements of the existing international system, BRICS favours a wholesale reconstruction of the current architecture of international economic relations. Scenario modelling of future BRICS—ASEAN cooperation outlines three likely development paths: 1) a balanced system of multilateral settlements in national currencies, 2) a yuan-centered financial architecture for BRICS—ASEAN, and 3) a transition to settlements in central-bank digital currencies (CBDCs). Each scenario entails its own benefits and drawbacks. Given the constraints on the first and second scenarios and the broader trend towards the digitalisation and virtualisation of financial relations, the CBDC-based scenario currently attracts the greatest scholarly interest. Nevertheless, there is little reason for excessive optimism regarding a rapid and profound convergence of BRICS and ASEAN financial strategies. De-dollarization still requires a unified conceptual framework and a shared understanding of concrete mechanisms, both terminological and operational.

Key words: Global South, financial architecture, settlements in national currencies, central bank digital currencies, CBDC, narrative analysis

Authors' contributions. P.P. Kalugina: development of the research concept, selection of methodology, writing — sections "Financing Instruments and Mechanisms under De-dollarization in ASEAN/BRICS Countries" and "Opportunities, Constraints, and Scenarios for Building an Alternative Financial Architecture." N.S. Kuklin: writing — sections "De-dollarization as an Economic Trend in the Global South" and "Foreign Policy vs. Political Narratives." Both authors have read the final version of the article and approved it.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Funding sources. The article was prepared under a grant by the International Studies Institute, MGIMO University No. KMU-15/02.

For citation: Kalugina, P. P., & Kuklin, N. S. (2026). De-dollarization in ASEAN and BRICS countries amid the emerging world order. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 607–620. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-607-620; EDN: GUWUTH

Введение

Растущая геополитическая напряженность и усиление вепонизации доллара способствуют повышению заинтересованности стран Глобального Юга в разработке альтернативных финансовых механизмов (Маркос, 2024, с. 38). В качестве гипотезы авторы исследуют утверждение о том, что дедолларизация в этих государствах обусловлена двумя императивами:

1) она отражает нацеленность на выработку более устойчивых и независимых механизмов экономического взаимодействия с целью минимизации уязвимости перед дестабилизирующими действиями более крупных игроков;

2) как нарратив она отражает переосмысление государствами Глобального Юга своей роли в существующих механизмах глобального управления.

В методологическом плане авторы опираются на конструктивистское понимание международных отношений, согласно которому реальность не дана, а постоянно конструируется совместным опытом и идеями, так как «объекты нашего познания зависят от нашей интерпретации и языка» (Onuf, 1989; Wendt, 1999; Adler, 2002). В исследовании задействован широкий корпус источников, в числе которых официальные документы АСЕАН и БРИКС, национальные стратегии и публичные выступления лидеров стран-членов. Среди методов исследования — сравнительный анализ, SWOT-анализ и сценарное моделирование, позволяющие сопоставить опыт дедолларизации стран АСЕАН и БРИКС и определить потенциальные траектории дальнейшего развития этого процесса.

Дедолларизация как экономический тренд

Для стран АСЕАН идея об использовании национальных валют не является принципиально новой. Катализатором дебатов о дедолларизации в регионе послужил Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. Тогда в АСЕАН начали активно обсуждать развитие региональной валютной интеграции и создания альтернативных валютных систем (Currency Cooperation in East Asia, 2014, p. 2). В 2010-х гг. страны АСЕАН вернулись к идее дедолларизации как способу повышения финансовой устойчивости и диверсификации валютных резервов (Dollarization and De-Dollarization…, 2017, p. 172).

Параллельно БРИКС начал претендовать на роль центра формирования альтернативного западному финансово-экономического миропорядка (Кондратов, 2015, с. 149–150; Морозкина, 2024, с. 153; Шелепов, 2025, с. 159). На 5-м саммите БРИКС в Дурбане в 2013 г. было принято решение о создании Нового банка развития (НБР), что стало ответом на критику недостаточного представительства стран объединения во Всемирном банке (ВБ) и Международном валютном фонде (МВФ).

С эскалацией международных противоречий в начале 2020-х гг. дедолларизация стала рассматриваться как важный элемент концепции построения многополярного мира (Кузнецов, 2024, с. 165; Ногейра Батиста, 2024, с. 161; Ажогина, Китаева, 2024, с. 90).

Инструменты и механизмы финансирования в странах АСЕАН

АСЕАН имеет давний опыт валютно-финансовой кооперации. Ее институциональная основа была заложена еще в 1977 г., когда было подписано Соглашение АСЕАН о валютных свопах (*ASEAN Swap Arrangement*, ASA). Особую актуальность механизм получил после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., который в конечном итоге подтолкнул к созданию более крупного и институциализированного механизма — Чиангмайской инициативы (*Chiang Mai*

Initiative, CMI). Запущенная в 2000 г., CMI представляет собой сеть двусторонних своп-соглашений между странами АСЕАН+3 (АСЕАН плюс Китайская Народная Республика (КНР), Япония и Республика Корея).

В 2010 г. на базе CMI была развернута Чиангмайская многосторонняя инициатива (*Chiang Mai Initiative Multilateralization*, CMIM), которая объединила ресурсы стран АСЕАН+3 в рамках многостороннего механизма валютных свопов (в 2012 г. — 240 млрд долл. США[1]) для предоставления ликвидности странам, столкнувшимся с кризисом. Распределение взносов неравномерно — примерно по 32 % приходится на Китай и Японию[2], что формирует асимметрию влияния. Главная проблема состоит в том, что страна-участница без обязательства обращаться в МВФ может запросить только до 30 % своей квоты[3], то есть доступ к большей части средств жестко привязан к одобрению программы МВФ, что резко снижает статус CMIM как самостоятельного источника ликвидности.

Центральную роль в продвижении альтернативных финансовых механизмов в АСЕАН играет Индонезия, которая в 2016 г. выступила инициатором создания механизма двусторонних расчетов в национальных валютах (*Local Currency Settlement Framework*, LCSF). Ключевым механизмом, обеспечивающим функционирование системы региональных расчетов в национальных валютах, служат двусторонние своп-соглашения (*Local Currency Bilateral Swap Arrangement*, LCBSA), которые заключаются между центральными банками (ЦБ) двух стран и позволяют обменивать национальные валюты друг друга без использования доллара США.

По данным отчета Управления макроэкономических исследований АСЕАН+3 (*ASEAN+3 Macroeconomic Research Office*, AMRO) за 2023 г., использование местных валют в расчетах между странами АСЕАН и их партнерами увеличилось приблизительно с 5 % в 2016 г. до 15–18 % в 2022–2023 г., однако позитивная динамика не отменяет того факта, что более 80 % транзакций осуществляется в долларах США[4]. Именно поэтому в развитие системы двусторонних расчетов в 2023 г. странами АСЕАН была принята рамочная стратегия операций в национальных валютах (*Local Currency Transaction Framework*, LCTF), которая подразумевает запуск механизма многосторонних расчетов и клиринга, а также создание фундамента для цифровой валютной интеграции[5].

В настоящее время LCSF/LCTF интегрируется с системой моментальных QR-платежей на базе региональной платформы RPC (*Regional Payment Connectivity*), запущенной в 2022 г. К июню 2025 г. инициатива ASEAN Regional Payment Connectivity, предусматривающая развитие трансграничных платежей с использованием QR-кодов и систем быстрых платежей, объединяла девять из десяти государств АСЕАН. В ней не участвовала только Мьянма. Механизм LCSF/LCTF способствовал переходу Индонезии, Малайзии, Таиланда и Сингапура на расчеты в национальных валютах с КНР. Механизм также обеспечивает наращивание расчетов в национальных валютах между странами АСЕАН и Индией: в 2023 г. такая договоренность была достигнута между Индией и Малайзией[6], в 2024 г. — между Индией

[1] ASEAN Plus Three Finance Cooperation (ASEAN+3) // Association of Southeast Asian Nations. URL: https://asean.org/our-communities/economic-community/finance-integration/asean-plus-three-finance-cooperation-asean-3/ (accessed: 15.09.2025).

[2] The Amended Chiang Mai Initiative Multilateralisation (CMIM) Agreement // Bank of Japan. July 17, 2014. P. 4. URL: https://www.boj.or.jp/en/intl_finance/cooperate/rel140717a.pdf (accessed: 15.09.2025).

[3] Ibid.

[4] Expanding Local Currencies Transactions in ASEAN +3 Cross Border Payments // AMRO Policy Position Paper. December 2023. URL: https://amro-asia.org/wp-content/uploads/2024/06/AMRO-Policy-Position-Paper_Expanding-LCT-in-ASEAN3-Cross-Border-Payments-v2_Dec-2023.pdf?clckid=618f076d (accessed: 25.06.2025).

[5] Medina A. F. ASEAN to Increase Local Currency Trade, Reducing Reliance on the US Dollar // ASEAN Briefing. May 12, 2023. URL: https://www.aseanbriefing.com/news/asean-to-increase-local-currency-transactions-reducing-reliance-on-the-us-dollar/ (accessed: 15.09.2025).

[6] Question No. 271: Trading in Local Currencies // Ministry of External Affairs, Government of India. July 21,

и Индонезией[7]. Со своей стороны Индия в целях стимулирования международных расчетов в рупиях внедрила специальные рупиевые счета (*Special Rupee Vostro Account*, SRVA)[8].

Процессы формирования альтернативной финансовой инфраструктуры одновременно стимулируют развитие транспортных коридоров, инфраструктурных узлов и логистических хабов, связывающих экономики стран Глобального Юга. Наибольшую активность на этом поле проявляет Китай, который за последнее десятилетие стремительно нарастил инвестиции в инфраструктуру в Юго-Восточной Азии в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь». В 2019 г. на саммите АСЕАН — Китай в Бангкоке (Таиланд) было подписано совместное заявление «О сопряжении Генерального плана АСЕАН по взаимосвязанности до 2025 г. и инициативы „Один пояс, один путь“»[9]. По данным *China Global Investment Tracker* Американского института предпринимательства (AEI), в январе 2020 г. — декабре 2024 г. объем инвестиций Китая в объекты инфраструктуры в странах АСЕАН составил около 41 млрд долл. США. Наибольшая доля капиталовложений пришлась на транспортный и энергетический секторы. Наименьший объем инвестиций пришелся на недвижимость, коммунальные предприятия, сектор финансов, технологическую сферу, сельское хозяйство, где совокупный объем составил 15 % (рис. 1). Среди стран-реципиентов наибольший приток инвестиций пришелся на Индонезию, Сингапур и Малайзию, капиталовложения в которые в совокупности превысили 60 % (рис. 2).

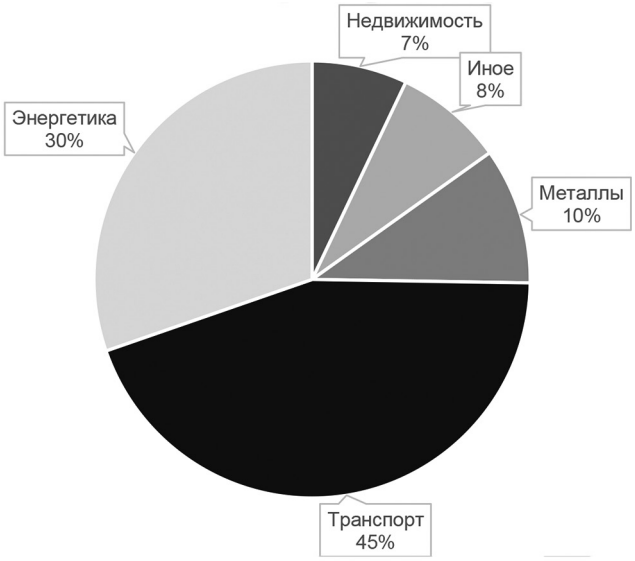

Рис. 1. Распределение инвестиций КНР в инфраструктуру стран АСЕАН по секторам, 2020–2024 гг.

Источник: составлено П.П. Калугиной и Н.С. Куклиным по данным: China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute. URL: https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/ (accessed: 25.06.2025).

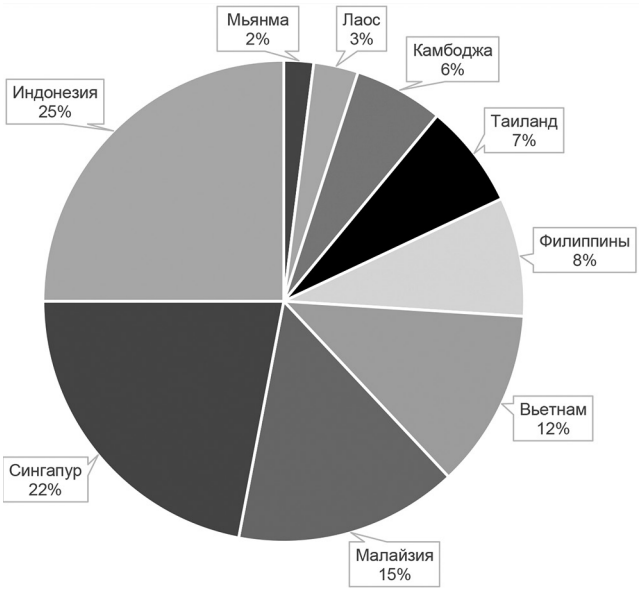

Рис. 2. Распределение инвестиций КНР в инфраструктуру стран АСЕАН по странам, 2020–2024 гг.

Источник: составлено П.П. Калугиной и Н.С. Куклиным по данным: China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute. URL: https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/ (accessed: 25.06.2025).

2023. URL: https://www.mea.gov.in/lok-sabha?dtl/36851/QUESTION+NO271+TRADING+IN+LOCAL+CURRENCIES (accessed: 15.09.2025).

[7] Reserve Bank of India and Bank Indonesia Sign Memorandum of Understanding to Promote the Use of Local Currencies for Bilateral Transactions // Bank Indonesia. March 7, 2024. URL: https://www.bi.go.id/en/publikasi/ruang-media/news-release/Pages/sp_264424.aspx (accessed: 15.09.2025).

[8] RBI Allows Invoicing and Payments for International Trade in Indian Rupee // Press Information Bureau, Government of India. July 11, 2022. URL: https://www.pib.gov.in/Pressreleaseshare.aspx?PRID=1847554&reg=48&lang=2 (accessed: 15.09.2025).

[9] ASEAN—China Joint Statement on Synergising the Master Plan on ASEAN Connectivity (MPAC) 2025 and the Belt and Road Initiative (BRI) // ASEAN Secretariat. November 3, 2019. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2019/11/Final-ASEAN-China-Joint-Statement-Synergising-the-MPAC-2025-and-the-BRI.pdf?clckid=7df9c7c2 (accessed: 25.06.2025).

За прошедшие пять лет одним из наиболее знаковых совместных проектов для Китая и АСЕАН стала китайско-лаосская железная дорога протяженностью 1035 км. 70 % акций контролирует Китай, 30 % — Лаос. В контексте процессов дедолларизации примечательно, что 60 % стоимости профинансировал Эксимбанк Китая кредитом, номинированным в юанях[10]. Китайско-лаосская железная дорога стала составной частью крупного железнодорожного проекта *ASEAN Express*, который был запущен в 2024 г.

КНР также участвует в строительстве высокоскоростной железной дороги Бангкок — Нонгкхай в Таиланде, железной дороги Восточного побережья в Малайзии и высокоскоростной железной дороги Джакарта — Бандунг в Индонезии. Кредитование в юанях снимает с правительств валютный риск, лежащий на долларовых заимствованиях. Малый бизнес в областях пролегания железных дорог также переходит на расчеты в национальных валютах, формируя «зону спроса» на недолларовые финансовые механизмы в бытовой сфере. Таким образом, инфраструктурные проекты становятся драйверами трансформации финансовой архитектуры в Юго-Восточной Азии.

Несмотря на активную позицию Китая в интернационализации юаня, важно отметить, что другие страны БРИКС также проявляют инициативу в этом вопросе, который уже стоит на повестке российско-тайских переговоров[11]. Интерес к интенсификации сотрудничества, в том числе в области инфраструктурных проектов, проявляет Бразилия, для которой АСЕАН является третьим по объемам торговым партнером[12].

Однако экспансия юаня и растущее присутствие Китая в регионе порождают и обратную реакцию. В ряде стран АСЕАН можно наблюдать сознательную долларизацию, которая рассматривается как инструмент хеджирования от возможной зависимости от юаня. Так, например, в Камбодже в повседневных расчетах американский доллар используется фактически наравне с национальной валютой. Во Вьетнаме и Лаосе доллар США также сохраняет некоторые позиции в теневом секторе экономики вследствие волатильности национальной валюты. Из этого следует, что нестабильность валюты может препятствовать дедолларизации.

Финансовые инструменты и механизмы БРИКС в условиях дедолларизации

В практическом плане ключевыми достижениями группы БРИКС на пути к построению альтернативной финансовой архитектуры служат создание НБР и Пула условных валютных резервов БРИКС (ПУВР).

Оплаченный капитал НБР составляет 50 млрд долл. США в равных долях от каждой страны-участницы. Помимо пяти стран-основательниц, членами банка являются Бангладеш (2021), Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) (2021) и Египет (2023), то есть две страны из расширенного состава БРИКС и один внешний участник. Главным препятствием к тому, чтобы НБР стал локомотивом дедолларизации, служит то обстоятельство, что 55 % стоимости проектов БРИКС финансируется в долларах США[13]. После начала специальной военной операции Российской Федерации на Украине в 2022 г. и последующего расширения антироссийских санкций НБР приостановил новые проекты в России, что дискредитирует банк как инструмент противодействия «санкционным войнам».

ПУВР по своей сути задумывался как альтернатива МВФ, поскольку в рамках этого

[10] AidData — A Research Lab at William&Marry. URL: https://china.aiddata.org/projects/33726/?utm_source&clckid=a8616fa3 (accessed: 25.06.2025).

[11] Settlement Pass: Thailand Ready to Trade with Russia in National Currencies // Известия. December 17, 2024. URL: https://iz.ru/en/node/1807996?clckid=11947b2a (accessed: 25.06.2025).

[12] Malheiros G. Brazil Highlights Economic Opportunities for ASEAN Countries amid Surge in Infrastructural Investments // DatamarNews. March 14, 2025. URL: https://datamarnews.com/noticias/brazil-highlights-economic-opportunities-for-asean-countries-amid-surge-in-infrastructure-investments/?clckid=83b390bf (accessed: 25.06.2025).

[13] Financing for Sustainable Development : Annual Report 2023 // New Development Bank. URL: https://www.ndb.int/annual-report/2023/pdf/SmartPDF/ (accessed: 26.01.2025).

механизма страны могут получить средства в долларах США на основе использования валютных свопов для стабилизации курсов своих валют на более мягких условиях, чем при обращении в МВФ. Общий объем ПУВР составляет 100 млрд долл. США и формируется в следующих долях: Китай — 41 %, Бразилия, Индия и Россия — по 18 %, ЮАР — 5 %[14]. Однако сценарий, в котором страны — участницы ПУВР в действительности прибегнут к его ресурсу, выглядит достаточно маловероятным ввиду того, что они обладают значительными международными резервами. ПУВР мог бы выступать в качестве внешнего кредитора, однако и в этом сценарии присутствует существенное ограничение: согласно актуальному регламенту ПУВР, государство-участник может получить до 30 % максимального объема доступа без программы МВФ при соблюдении иных условий соглашения и наличии согласия предоставляющих средства сторон. Доступ к оставшимся 70 % возможен при наличии выполняемой программы МВФ, предусматривающей выделение финансирования и выполнение ее условий[15], но окончательное решение принимает Совет ПУВР. Таким образом, сохраняется некоторая зависимость участников этого финансового механизма от требований институтов глобального финансового управления.

Внутри БРИКС расчеты в национальных валютах также существуют между Египтом и ОАЭ, Ираном и Россией, Ираном и Индией, Индией и ОАЭ, Индонезией и ОАЭ, ОАЭ и Эфиопией. По некоторым оценкам, доля национальных валют в торговых операциях между странами БРИКС в 2025 г. составила 65 %[16].

Последовательно продвигает интернационализацию своей валюты Китай (Гусев, Цибулина, 2024, с. 87–99; Мамаева, 2024, с. 62–63), который, являясь среди стран — участниц БРИКС наиболее сильным игроком в мировой финансовой системе, нацелен на дальнейшее укрепление своих международных позиций. Внутри БРИКС к настоящему моменту Китай перешел на расчеты в национальных валютах с Россией (по нашим оценкам, около 95 % операций обслуживаются парой юань — рубль), а также с Бразилией, Южно-Африканской Республикой (ЮАР), ОАЭ, Эфиопией, Египтом и Индонезией. Оператором расчетов в национальных валютах и своп-соглашений выступает CIPS — китайская независимая от SWIFT платформа. Все платежи проходят в юанях, минуя западные клиринговые центры.

Индия также демонстрирует значительный прогресс во внедрении рупиевых SVRA-счетов для инвесторов: согласно данным Резервного банка Индии, в период 2025 — первое полугодие 2026 г. объем импортных и экспортных операций в рупиях вырос более чем на 41 % в годовом исчислении[17].

Россия в свою очередь реализует стратегию дедолларизации через расширение использования Системы передачи финансовых сообщений (СПФС) как альтернативы SWIFT. Россия развивает использование СПФС для международных расчетов. В операциях между Россией и КНР существенно возросла роль рубля и юаня: для трансграничных операций в юанях значимую роль играет китайская система CIPS, тогда как СПФС обеспечивает обмен финансовыми сообщениями между подключенными к ней российскими и иностранными участниками.

[14] The BRICS // Banco Central do Brasil. URL: https://www.bcb.gov.br/en/about/brics-en (accessed: 15.09.2025).

[15] Collaboration Between Regional Financing Arrangements and the IMF—Background Paper // International Monetary Fund. IMF Policy Paper. July 14, 2017. P. 9. URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/pp/2017/pp073117-background-paper-collaboration-between-regional-financing-arrangements-and-the-imf.pdf (accessed: 15.09.2025).

[16] Dollar's Share in Trade Payments among BRICS Countries Down to One Third — Lavrov // TASS. April 29, 2025. URL: https://tass.com/politics/1951361 (accessed: 25.06.2025).

[17] RBI Reports Strong Growth in Rupee-Based Global Trade Transactions // The Hindu BusinessLine. May 29, 2026. URL: https://www.thehindubusinessline.com/markets/forex/inr-use-for-imports-and-exports-gains-momentum-says-rbi/article71036883.ece (accessed: 15.08.2026).

Внешняя политика vs. политические нарративы

Формирование альтернативных торгово-финансовых механизмов странами АСЕАН и БРИКС обусловлено не только экономическим прагматизмом, но и идеологическими императивами их политики ввиду высококонтекстного характера незападных культур (Conflict Resolution in Asia…, 2018, p. 24). Заявления о дедолларизации выражают позицию этих цивилизаций в мировом сообществе, где вестернизация оценивается преимущественно негативно (Kuklin, 2023, p. 128), поскольку, несмотря на то, что интеграция в глобальные системы стимулировала экономический рост стран Глобального Юга (Asian Security in the Age of Globalization, 2024, pp. 51–52), она привела к усилению неравенства, размыванию культурных практик и давлению на национальную идентичность (Ефремова, 2018, с. 41–43). В этих условиях формировался политический нарратив дедолларизации как путь к большей автономии. Правительства стран Глобального Юга принимают стратегию адаптации, создавая гибридные модели управления для сохранения своей культурной идентичности (Globalization and Democratization in Asia…, 2003, p. 33). Особое внимание здесь заслуживает опыт Индонезии, которая и сегодня возглавляет процесс дедолларизации в Юго-Восточной Азии.

Накануне азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. экономика Индонезии демонстрировала стремительное развитие. Эта положительная экономическая динамика выступала одной из основ легитимности «нового порядка» Сухарто.

Во время азиатского финансового кризиса Индонезия обратилась к МВФ. При отсутствии страхования вкладов и закрытии убыточных банков под контролем МВФ начался массовый отток капитала. Президент Сухарто объявил международный капитал причиной кризиса и разрушения самобытной индонезийской экономики[18]. Кризис завершился протестами и отставкой Сухарто после 30 лет правления. До начала 2000-х гг. постреформационная Индонезия находилась в сильной зависимости от МВФ, что сформировало коллективную травму общества и элит, включая военных.

После кризиса в Индонезии начал формироваться и укрепляться нарратив, критикующий доллар, МВФ и глобализацию. Дедолларизация стала частью антиглобалистского тренда. Однако «антидолларовый нарратив» никогда не носил постоянного характера. При президенте Сусило Бамбанге Юдойоно (2004–2014 гг.) страна демонстрировала высокие темпы роста (до 6,1 %) и активно привлекала иностранные инвестиции. Особой критики международных финансовых механизмов не наблюдалось, а страны АСЕАН поддерживали идеи стабилизации через возобновление инвестиций в регион (Routledge Handbook of Southeast Asian Democratization, 2015, p. 374).

Ситуация изменилась в контексте обострения отношений России и Запада в 2014 г. и введения антироссийских санкций. В 2016 г. после избрания Дональда Трампа президентом США Джоко Видодо на форуме с участием 100 индонезийских экономистов заявил: «Если мы будем измерять экономику Индонезии только долларом США, результаты будут плохими», добавив, что результаты окажутся иными — и, вероятно, более благоприятными, — если измерять состояние индонезийской экономики в евро, юанях или вонах[19].

Кульминацией развития нарратива о дедолларизации стал 2022 г., обозначивший новый виток обострения глобальных противоречий на фоне украинского конфликта. Возможность односторонней блокировки межбанковской системы SWIFT и заморозки активов России была воспринята руковод-

[18] Mydans S. Crisis Aside, What Pains Indonesia Is the Humiliation // The New York Times. May 10, 1998. URL: https://www.nytimes.com/1998/03/10/world/crisis-aside-what-pains-indonesia-is-the-humiliation.html?clckid=5ded0861 (accessed: 14.06.2025).

[19] USD Rate is not Indicator of Indonesia's Economy, President Jokowi Says // Cabinet Secretariat of the Republic of Indonesia. December 6, 2016. URL: https://setkab.go.id/en/usd-rate-is-not-indicator-of-indonesias-economy-president-jokowi-says/ (accessed: 14.06.2025).

ством Индонезии страны как вепонизация западноцентричной системы экономических и финансовых механизмов[20]. Уже в марте 2023 г. Джоко Видодо призвал граждан отказаться от иностранных платежных систем, таких как *MasterCard* и *Visa*, и перейти на местные системы. В мае 2023 г. в рамках саммита АСЕАН в Лабуан-Баджо (Индонезия) Джоко Видодо вынес вопрос о расчетах в местных валютах на обсуждение стран Ассоциации. По итогам обсуждений была принята декларация лидеров АСЕАН о расширении региональных платежных возможностей и поощрении транзакций в местной валюте, а также было принято обязательство поддерживать использование местных валют для экономических и финансовых операций между государствами — членами АСЕАН[21].

БРИКС также активно прилагает усилия по формированию новой парадигмы в мировых финансах (Arnold, 2025). Россия проводит курс на отказ от доллара США в ответ на санкционную политику Запада. Однако эта стратегия, о чем неоднократно заявлял президент России В.В. Путин, обусловлена скорее экономическими потребностями, чем идеологическими соображениями[22]. Как представляется, российское восприятие дедолларизации основывается на идее, что многополярная финансовая система была бы более справедливой, будь она более защищенной от политизации и вепонизации.

Президент Бразилии Л.И. Лула да Силва играет ключевую роль в процессе дедолларизации на национальном и международном уровнях, выступая за укрепление связей между государствами БРИКС и диверсификацию валютных резервов для снижения зависимости от доллара США, а также активно продвигая создание новых финансовых механизмов для реализации совместных проектов на двустороннем и многостороннем уровнях[23].

Китайский подход к дедолларизации более прагматичен. Дедолларизация, как и в случае российского нарратива, встроена в общую логику развития мирового порядка. Несмотря на то, что из-за особенностей отношений с США дедолларизация не упоминается напрямую в программных документах КНР, она является неотъемлемой частью реализации стратегии интернационализации юаня[24].

Вместе с тем страны БРИКС не демонстрируют единой позиции по вопросу дедолларизации. В частности, Индия никогда не выражала поддержку идее ослабления доллара, придерживаясь прагматичного подхода, который отражает сложные экономические связи отдельных членов БРИКС с Западом. Позиция ЮАР также основывается на осторожном отношении к дедолларизации.

Анализ стратегических документов стран АСЕАН и БРИКС позволяет увидеть, что, несмотря на имплицитную идею создания многополярной финансовой системы, дедолларизация эксплицитно не упоминается. В национальных планах развития стран БРИКС идея развития этого формата не указывается в качестве первостепенной задачи, а стратегические документы АСЕАН не содержат положений о приоритетном сотрудничестве с БРИКС. Точками соприкосновения

[20] Nwosu C. Three Countries Urge EU to Resist US and UK Pressure, Avoid Russian Asset Confiscation // Sputnik International. April 4, 2024. URL: https://sputnikglobe.com/20240404/three-countries-urge-eu-to-resist-us-and-uk-pressure-avoid-russian-asset-confiscation-1117730397.html?clckid=16d2f114 (accessed: 14.06.2025).

[21] ASEAN Leaders' Declaration on Advancing Regional Payment Connectivity and Promoting Local Currency Transaction // ASEAN. May 10, 2023.URL: https://asean.org/asean-leaders-declaration-on-advancing-regional-payment-connectivity-and-promoting-local-currency-transaction/ (accessed: 15.06.2025).

[22] Грудцинов Р. Путин: Мы не отказывались от доллара, нам отказали // Парламентская газета. 07.11.2024. URL: https://www.pnp.ru/economics/putin-my-ne-otkazyvalis-ot-dollara-nam-otkazali.html (дата обращения: 15.06. 2025).

[23] Пьетробон Э. После доллара // Международный дискуссионный клуб Валдай. 23.05.2023. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/posle-dollara/ (дата обращения: 17.06.2025).

[24] Алиев М., Сяо Ю., Рязанова С. Механизмы дедолларизации КНР в рамках стратегии интернационализации юаня // Российский совет по международным делам. 06.02.2025. URL: https://russiancouncil.ru/activity/publications/mekhanizmy-dedollarizatsii-knr-v-ramkakh-strategii-internatsionalizatsii-yuanya/ (дата обращения: 17.06.2025).

для АСЕАН и БРИКС выступают цели цифровой трансформации, технологического лидерства, инновационного развития, а также принцип уважения национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела — центральный для обоих объединений.

Несколько различается и восприятие угроз в различных внешнеполитических и внешнеэкономических программных документах двух объединений. Здесь опять же заметен асеаноцентричный подход стран Юго-Восточной Азии. Так, в частности, в рамках условного геополитического кластера эти страны беспокоит соперничество между США и КНР и принуждение к выбору одной из сторон в этом противостоянии, территориальные споры в Южно-Китайском море, ядерные риски (ситуация вокруг северокорейского ядерного оружия, трехстороннее партнерство в области безопасности между Австралией, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами (AUKUS) и потенциальный конфликт вокруг Тайваня) и медленная реформа глобальных институтов управления. В свою очередь страны БРИКС более ориентированы на угрозы глобального характера, среди них — гибридные войны нового типа и цивилизационные угрозы, гегемонистские устремления отдельных стран, унилатерализм, протекционизм и ослабление механизмов многостороннего взаимодействия.

В рамках экономического кластера страны АСЕАН более ориентированы на такие проблемы, как ловушка среднего дохода, неравномерность развития, сырьевая зависимость и волатильность цен на энергоресурсы, недостаточная интеграция в глобальные цепочки создания стоимости, а также долговые проблемы и бюджетные дефициты. Со своей стороны страны БРИКС определяют геоэкономическую ситуацию как «конфронтационную», опасаясь многоуровневого санкционного давления, вторичных санкций, ограничения доступа к технологиям и финансам, включая потенциальный декаплинг, нарушение производственных цепочек и поставок, а также односторонние санкции и их влияние на отток капитала и валютные резервы стран объединения. С точки зрения нарративов и концептуальной совместимости программные документы стран АСЕАН и БРИКС объединяет общее понимание мультипликативности угроз и их системной взаимосвязанности, опасности технологического разрыва, изменения климата и восприятие угроз продовольственно-энергетической безопасности.

Заметно различие в подходах объединений к многополярности. АСЕАН выступает за инклюзивную многополярность с сохранением элементов действующей международной системы в рамках «региональной инклюзивной архитектуры»[25]. В период председательства Малайзии в АСЕАН положение о необходимости формирования стабильной, защищенной от внешних воздействий финансовой системы было закреплено в Куала-Лумпурской декларации «АСЕАН 2045: наше общее будущее» и «Стратегическом видении Сообщества АСЕАН до 2045 года»[26]. БРИКС же демонстрирует ориентированность на реконфигурацию архитектуры международных экономических отношений и мировой политики для исключения эффектов западноцентричного «порядка, основанного на правилах».

Страны, участвующие в процессе дедолларизации в рамках АСЕАН и БРИКС, можно классифицировать по трем типам мотивации:

1) *«идеологическая» мотивация* (Индонезия, Малайзия, Бразилия) основана на убежденности в необходимости трансформации мирового порядка, обусловленной историческим опытом и ценностями политической культуры;

2) *«прагматическая» мотивация* (Индия, ЮАР) предполагает избирательную под-

[25] Сумский В.В. «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлет американо-китайских противоречий // Международная жизнь. 12.04.2021. URL: https://interaffairs.ru/news/show/29766 (дата обращения: 16.06.2025).

26 Kuala Lumpur Declaration on ASEAN 2045: Our Shared Future // ASEAN. May 26, 2025. URL: https://asean.org/kuala-lumpur-declaration-on-asean-2045-our-shared-future/?clckid=3b054183 (accessed: 17.06.2025).

держку локальных политически нейтральных инициатив без стремления к системной дедолларизации;

3) *«гибридная» мотивация* (Россия, Китай) сочетает идеологическую составляющую с прагматичной реализацией национальных интересов, при этом идеология не является определяющим фактором при принятии решений.

Возможности, ограничения и сценарии формирования альтернативной финансовой архитектуры

Набирающий дискурсивную силу тренд на дедолларизацию предопределяет существенную вероятность перспективы, в которой разрозненные двусторонние схемы расчетов в национальных валютах сольются в единую финансовую архитектуру. Наиболее вероятным представляются три сценария:

1) сбалансированная система многосторонних расчетов в национальных валютах;

2) юань как основа финансовой архитектуры БРИКС — АСЕАН;

3) переход к расчетам в цифровых валютах центральных банков (CBDC).

В первом сценарии среди преимуществ выделяется низкий порог входа — страны могут использовать уже существующие платежные системы. Отсутствие доминирующей валюты делает такой сценарий привлекательным, снимая опасения по поводу того, что в отношениях с Китаем может повториться модель развития событий, приведшая к долларизации мировой экономики (Волынский и др., 2024, с. 8–16). Среди существенных ограничений такого сценария — фрагментация ликвидности и узость рынка, провоцирующие существенную волатильность: при резком росте спроса на одну из валют банки не смогут найти контрагентов без значительного движения курса.

Во втором сценарии преимуществами являются готовая инфраструктура китайской системы CIPS и возможность оперативного подключения участников благодаря усилиям КНР по интернационализации юаня. Ключевым вызовом становятся риски геополитической асимметрии: зависимость от денежно-кредитной политики Народного банка Китая может восприниматься как угроза монетарному суверенитету. Банки-участники CIPS остаются уязвимы к вторичным санкциям США и Европейского союза: поскольку они параллельно обслуживают клиентов в долларах и евро, риск потери доступа к западным валютным каналам вынуждает их усиливать комплаенс-фильтры или отказываться от высокорисковых операций.

На фоне ограничений первых двух сценариев и тренда на цифровизацию финансовых отношений (Воскресенский, 2024) наибольший интерес представляет третий сценарий — переход к расчетам в цифровых валютах. В отличие от юаневого сценария CBDC-коридор не делает ни одну валюту «якорем» ликвидности, позволяя центральным банкам отдельных государств контролировать свой токен и сохранять монетарный суверенитет. В отличие от сети многосторонних расчетов в национальных валютах мультивалютные CBDC-коридоры могут котировать любую валютную пару внутри платформы, создавая единый пул ликвидности и обеспечивая мгновенные PvP-расчеты — более надежные, дешевые и быстрые, чем традиционные переводы через корреспондентские банки. CBDC-расчеты также более устойчивы к санкционным рискам: операции проводятся в обязательствах пула центральных банков, что технически и юридически сложнее отключить, чем одну платформу или отдельный банк.

Среди предпосылок формирования единой платформы для расчетов в цифровых валютах — уже запущенная по инициативе Китая платформа *mBridge* (2021) и анонсированная *BRICS Cross-Border Payment Initiative* (2024). Основные издержки перехода к мультивалютным расчетам на базе CBDC концентрируются в трех сферах:

1) нормативная фрагментация: различия в валютном законодательстве порождают повышенные комплаенс-расходы и риски юридических коллизий;

SWOT-анализ сценария перехода к мультивалютной платформе CBDC-расчетов

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
Снижение издержек Доказанная эффективность пилотных проектов	Нормативная разнородность государств Низкая зрелость CBDC за пределами КНР Потенциальная конкуренция со стороны криптовалюты
Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
Расчеты в собственных активах Роль трендсеттера: страны БРИКС и АСЕАН получат возможность задавать стандарты в глобальном регулировании использования цифровых валют Рост финтех-инноваций	Фрагментация: потенциальная конкуренция между *mBridge* и *BRICS Bridge* Уязвимость к киберугрозам Концентрация дата-центров Юго-Восточной Азии у китайских провайдеров увеличивает риск одновременного поражения множественных узлов

Источник: составлено П.П. Калугиной и Н.С. Куклиным.

2) технологическая незрелость большинства проектов CBDC за пределами КНР;

3) кибербезопасность: компрометация криптографических ключей может привести к неавторизованной эмиссии токенов или блокировке расчетов, что требует многофакторной схемы подписей и непрерывного аудита кода, существенно повышая операционные затраты. Дополнительные киберриски связаны с высокой концентрацией серверной инфраструктуры Юго-Восточной Азии в юрисдикции китайских облачных провайдеров: в Таиланде и на Филиппинах китайские облачные провайдеры активно расширяют присутствие и практически полностью контролируют рынок, что создает риски концентрации инфраструктуры, а в семи из двенадцати крупных азиатских экономик китайские компании управляют большинством вычислительных узлов[27]. Эти обстоятельства создают для ЦБ Китая квазимонопольное положение.

В обобщенном виде SWOT-анализ сценария перехода к мультивалютной платформе CBDC-расчетов представлен в таблице.

Для того чтобы мультивалютная платформа расчетов в CBDC реализовала свои сильные стороны и возможности, одновременно сводя к минимуму уязвимости и внешние угрозы, необходим последовательный пакет мер. Прежде всего, критически важно предотвратить фрагментацию технологий и ликвидности. Вторая приоритетная задача — инвестиции в системную киберустойчивость. Третье направление — регуляторная гармонизация в блоке БРИКС — АСЕАН. Центральные банки и финансовые ведомства будут формировать общий нормативный пакет, что, с одной стороны, снизит комплаенс-издержки, а с другой — будет способствовать тому, что блок БРИКС — АСЕАН станет «локомотивом прогресса» в области регулирования CBDC-расчетов.

Заключение

Номинальная близость стратегических установок БРИКС и АСЕАН не гарантирует их фактической конвергенции. Концептуальная рамка, через которую страны и их политические лидеры подходят к осмыслению дедолларизации, довольно расплывчата и включает в себя очень разные и иногда противоречащие друг другу смыслы. Несмотря на ряд конкретных институциональных достижений стран БРИКС и АСЕАН в создании механизмов по преодолению доминирования доллара США, поводов для излишнего оптимизма относительно скорого и глубокого сближения финансовых стратегий БРИКС и АСЕАН пока нет. С 2016 г. действует Меморандум о взаимопонимании между АСЕАН и БРИКС, в рамках которого созданы совместные рабочие группы по финансам

[27] America v China: Who Controls Asia's Internet? // The Economist. October 8, 2024. URL: https://www.economist.com/asia/2024/10/08/america-v-china-who-controls-asias-internet?clckid=61a45dbf (accessed: 25.06.2025).

и цифровизации, призванные координировать усилия объединений по развитию альтернативных платежных механизмов. Определенный прогресс был достигнут в 2023 г. на саммите АСЕАН — БРИКС в Джакарте, где стороны договорились о запуске пилотных проектов расчетов в национальных валютах между субъектами малого бизнеса. Тем не менее данные инициативы пока носят экспериментальный характер и охватывают ограниченный сегмент торговых операций.

Сложно говорить о том, что концепция дедолларизации — до тех пор, пока не унифицированы представления о ней, — способна стать фактором формирования некой коллективной трансрегиональной «антизападной идентичности» для стран Глобального Юга.

Хотя дедолларизация в АСЕАН и БРИКС — необратимый тренд, его успех зависит от преодоления трех барьеров: технологического (CBDC), регуляторного (гармонизация законодательства) и политического (готовность к утрате «долларового щита»), при этом без координации между АСЕАН и БРИКС процесс останется фрагментированным.

Поступила в редакцию / Received: 29.07.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 27.01.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Ажогина Н. Н., Китаева Л. В. Многополярность в сфере валютных отношений как основа справедливого обмена в мировой экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 90–96. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-90-96; EDN: DEFOPC

Волынский А. И., Круглова М. С., Никитина С. А., Плущевская Ю. Л., Славинская О. А. Юанизация в России: политический конструкт или экономическая реальность? Москва : Институт экономики РАН, 2024. EDN: BTXCXT

Воскресенский В. Ю. О цифровой трансформации мировой экономики // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 3. С. 67–75. https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-3-67-75; EDN: GJDGDF

Гусев К. Н., Цибулина А. Н. Механизмы валютного сотрудничества в БРИКС: первые результаты и новые вызовы // Современная Европа. 2024. № 4. С. 87–99. https://doi.org/10.31857/S0201708324040077; EDN: FFWOJN

Ефремова К. А. Государства Юго-Восточной Азии в поисках региональной идентичности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 2, № 4. С. 39–53. EDN: VSOKXS

Кондратов Д. И. Актуальные подходы к реформированию мировой валютной системы // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 19, № 1. С. 128–157. EDN: RQGUPB

Кузнецов А. В. Доллар США как предпосылка кризисогенности мировой валютно-финансовой системы // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28, № 6. С. 164–174. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-6-164-174; EDN: RKXAKY

Мамаева Ю. А. Цифровой юань e-CNY: перспективы развития государственной цифровой валюты Китая // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 57–64. https://doi.org/10.48647/ICCA.2024.16.87.006; EDN: HROPQR

Маркос Й. Дедолларизация мировой экономики: современные тенденции, вызовы и перспективы // Международный бизнес. 2024. № 2. С. 33–43. EDN: THQTJX

Морозкина А. К. Без доллара? // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 5. С. 153–160. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-5-153-160; EDN: PUKQPI

Ногейра Батиста П. Шаг за шагом прочь от доллара // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 3. С. 160–164. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-160-164; EDN: CDTQUM

Шелепов А. В. Сотрудничество БРИКС по реформированию международной валютно-финансовой системы и ее институтов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20, № 1. С. 157–175. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-01-09; EDN: XWQXJN

Adler E. Constructivism and International Relations // Handbook of International Relations / ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B. Simmons. London : SAGE Publications Ltd, 2002. P. 95–118. https://doi.org/10.4135/9781848608290.n5

Arnold T. D. De-Dollarization and Global Sovereignty: BRICS' Quest for a New Financial Paradigm // Human Geography. 2025. Vol. 18, iss. 1. P. 78–83. https://doi.org/10.1177/19427786241266896; EDN: UAPZCI

Asian Security in the Age of Globalization / ed. by L. Hebron. New York : Routledge, 2024. https://doi.org/10.4324/9781003473206

Conflict Resolution in Asia: Mediation and Other Cultural Models / ed. by S. P. Stobbe. Lanham, MD : Lexington Books, 2018.

Currency Cooperation in East Asia / ed. by F. Rövekamp, H. G. Hilpert. Cham, Switzerland : Springer, 2014. https://doi.org/10.1007/978-3-319-03062-3

Dollarization and De-Dollarization in Transitional Economies of Southeast Asia / ed. by K. Kubo. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2017. https://doi.org/10.1007/978-3-319-57768-5

Globalization and Democratization in Asia : The Construction of Identity / ed. by C. Kinnvall, K. Jonsson. London : Routledge, 2003. https://doi.org/10.4324/9780203361665

Kuklin N. S. Rethinking the Globalization Through the Lens of Indonesian Traditional Political Culture // RUDN Journal of World History. 2023. Vol. 15, no. 2. P. 126–136. https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-2-126-136; EDN: ZYVJUI

Onuf N. G. World of Our Making : Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia, S.C. : University of South Carolina Press, 1989.

Routledge Handbook of Southeast Asian Democratization / ed. by W. Case. London : Routledge, 2015. https://doi.org/10.4324/9781315674735

Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183

Сведения об авторах:

Калугина Полина Павловна — помощник декана факультета международных отношений; эксперт Центра анализа и продвижения результатов научной деятельности, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 199454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76; e-Library SPIN-код: 7946-6628; ORCID: 0000-0003-4044-4856; e-mail: kalugina_p_p@my.mgimo.ru

Куклин Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, эксперт Центра АСЕАН при МГИМО МИД России; доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 199454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76; e-Library SPIN-код: 3900-3617; ORCID: 0000-0002-5715-847X; e-mail: ns.kuklin@inno.mgimo.ru

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 621–637
http://journals.rudn.ru/international-relations

КИТАЙ В МИРЕ
CHINA IN THE WORLD

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-621-637
EDN: HEAMVP

Научная статья / Research article

Энергетический фактор в отношениях Китая с арабскими странами Персидского залива

Е.М. Савичева✉, А.М. Бребдани, А.К. Малаховский, А.А. Васин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉savicheva-em@rudn.ru

Аннотация. Проанализирован энергетический фактор в отношениях Китайской Народной Республики (КНР) с арабскими странами Персидского залива в контексте внешней политики Пекина за последние десятилетия. Опираясь на комплексный подход к изучению политики Китая в отношении арабских стран Персидского залива и неореалистическую парадигму, авторы ставят целью рассмотреть динамику отношений в энергетической сфере. С началом «политики реформ и открытости» Дэн Сяопина задачи экономического развития стали доминирующим фактором во внешней политике Пекина, что предопределило его долгосрочный интерес к установлению прочных связей с нефтегазодобывающими арабскими государствами Залива. Несмотря на волатильность и непредсказуемость обстановки в Ближневосточном регионе, Китай с конца 1990-х гг. последовательно расширяет сотрудничество в сфере энергетики с «аравийской шестеркой» — Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), Катаром, Бахрейном, Кувейтом и Оманом. Растущий спрос китайской экономики на энергоносители побудил Пекин к активному поиску внешних источников энергоресурсов. В первом десятилетии XXI в. Китай заложил в аравийском регионе фундамент долгосрочных связей, которые гарантируют ему обеспечение стабильных углеводородных поставок, что важно для поддержания энергетической безопасности. Во втором десятилетии взаимодействие Китая с арабскими странами Персидского залива вышло за рамки энергетического сотрудничества, будучи усиленным реализацией инициативы «Один пояс, один путь». В результате Китай выработал модель сотрудничества, в которой энергетика стала системообразующим фактором. Со временем китайское руководство пришло к выводу о необходимости усиления своего влияния на политические процессы в регионе, обеспечения стабильности, а следовательно, и своей энергетической безопасности, поскольку в краткосрочной и среднесрочной перспективе без поставок нефти с Ближнего Востока обойтись не удастся. Установлено, что в настоящее время Китай является одним из влиятельных торговых партнеров арабских стран Персидского залива, он также существенно нарастил и свое политическое присутствие в регионе, способствовав стабилизации отношений между Эр-Риядом и Тегераном. Тесное многоотраслевое сотрудничество между Китаем и арабскими государствами Залива во многом определит экономические перспективы и геополитическую значимость обеих сторон как международных акторов в формировании многополярного мира.

Ключевые слова: неореализм, Ближний Восток, ССАГПЗ, энергетическая безопасность, Один пояс, один путь, стратегическое партнерство

© Савичева Е.М., Бребдани А.М., Малаховский А.К., Васин А.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Сведения о финансировании. Публикация выполнена в рамках Проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных Проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

Вклад авторов. Савичева Е.М.: концептуализация, разработка методологии, научное руководство исследованием. Бребдани А. М.: проведение исследования, написание — подготовка черновика рукописи. Малаховский А.К.: визуализация, рецензирование, редактирование рукописи. Васин А.А.: работа с программным обеспечением, валидация данных. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Савичева Е. М., Бребдани А. М., Малаховский А. К., Васин А.А.* Энергетический фактор в отношениях Китая с арабскими странами Персидского залива // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 621–637. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-621-637; EDN: HEAMVP

Energy Factor in China's Relations with the Gulf Arab States

Elena M. Savicheva ✉, Ammar M. Brebdane, Alexey K. Malakhovsky, Andrei A. Vasin

RUDN University, Moscow, Russian Federation
✉savicheva-em@rudn.ru

Abstract. This article analyzes the energy factor in the People's Republic of China's (PRC) relations with the Arab states of the Persian Gulf in the context of Beijing's foreign policy in recent decades. Based on an integrated approach to studying China's foreign policy towards the Arab states of the Persian Gulf and the neorealist paradigm, the authors aim to examine the dynamics of these relations. Deng Xiaoping's "reform and opening-up" emphasized economic development objectives as the dominant factor in Beijing's foreign policy, leading to a long-term focus on establishing strong ties with the oil and gas-producing Arab states of the Persian Gulf. Despite the volatility and unpredictability of the situation in the Middle East, since the late 1990s, China has consistently expanded energy cooperation with the "Arabian six"— Saudi Arabia, the United Arab Emirates (UAE), Qatar, Bahrain, Kuwait, and Oman. The growing demand for energy in the Chinese economy has prompted Beijing to actively seek external energy sources. In the first decade of the 21st century, China has laid the foundation for long-term ties in the Arabian region, guaranteeing stable hydrocarbon supplies, which is essential for maintaining energy security. In the second decade, China's interaction with the Arab Gulf states expanded beyond energy cooperation, strengthened by the implementation of the Belt and Road Initiative. As a result, China developed a model of cooperation in which energy became a system-forming factor. Over time, China realized that it needed to strengthen its influence on the political processes in the region, ensuring stability and, consequently, its energy security, as oil supplies from the Middle East are indispensable in the short and medium terms. The authors conclude that China has currently become one of the most influential trading partners of the Arab Gulf states and has significantly increased its political presence in the region, contributing to the stabilization of relations between Riyadh and Tehran. Close multi-sectoral cooperation between China and the Gulf Arab states will largely determine the economic prospects and geopolitical significance of both sides as international actors in the formation of a multipolar world.

Key words: neorealist paradigm, Middle East, GCC, energy security, Belt and Road Initiative, strategic partnership

Funding sources. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 102502-2-000.

Authors' contributions. E. M. Savicheva: conceptualization, methodology development, scientific supervision of the study. A. M. Brebdane: research implementation, writing — preparation of the draft manuscript. A. K. Malakhovsky: visualization, review, editing. A. A. Vasin: software development, data validation. All authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Savicheva, E. M., Brebdane, A. M., Malakhovsky, A. K. & Vasin, A. A. (2026). Energy factor in China's relations with the Gulf Arab states. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 621–637. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-621-637; EDN: HEAMVP

Введение

На раннем этапе истории Китайской Народной Республики (КНР) ее политика на Ближнем Востоке и в других регионах во многом определялась реалиями холодной войны и ролью великих держав в мировой политике. Позднее, с началом «политики реформ и открытости» Дэн Сяопина (1979 г.), Пекин скорректировал свою внешнеполитическую стратегию, и вместо жестких идеологических установок в приоритете оказались задачи экономического развития. В Китае стали ориентироваться на расширение связей с ближневосточными государствами, в особенности нефтедобывающими. В 1990-е гг., после распада Советского Союза, усилившаяся озабоченность Пекина американской гегемонией на Ближнем Востоке побудила его вступить в весьма прагматичный диалог с арабскими странами Персидского залива, при том что потребности КНР в углеводородах неуклонно росли (рис. 1).

Указанные обстоятельства предопределили серьезный поворот в ближневосточной политике Пекина. Так, на Китай пришлось более двух третей роста мирового спроса на нефть в 2013–2023 гг. и одна треть роста мирового спроса на природный газ[1], а в 2024 г., согласно статистике Главного таможенного управления КНР и данным китайского издания *Caijing*, около 74 % потребляемой КНР нефти приходилось на импорт[2]. Таким образом, Китай кровно заинтересован в поиске дополнительных источников энергоресурсов для бесперебойного подпитывания своего экономического роста.

Именно из региона Залива Китай получает около половины объема импортируемой нефти[3]. В настоящее время доказанные запасы нефтяных месторождений в арабских монархиях Персидского залива составляют около 30 % от общемировых[4], а четыре страны региона: Королевство Саудовская Аравия (КСА), Ирак, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Кувейт — входят в десятку крупнейших мировых производителей нефти. Кроме того, Катар обладает одними из крупнейших в мире доказанных запасов природного газа: в 2024 г. он занимал шестое место по объему добычи природного газа, а также был третьим крупнейшим экспортером природного газа и вторым крупнейшим экспортером сжиженного природного газа (СПГ)[5].

В российской историографии наблюдается рост интереса к внешней политике Китая, в том числе на Ближнем Востоке. В этой связи обратим внимание на работы И.Р. Томберга (Томберг, 2012), Е.Н. Грачикова (Грачиков, 2015; 2019), Т.Л. Дейч (2018), Ж.В. Петруниной (Петрунина, 2016), Е.М. Савичевой, А.М. Бребдани, И.В. Рыжова (Савичева, Бребдани, Рыжов, 2022), Е.С. Мелкумян (2020).

Данное исследование основывается на неореалистической парадигме, которая рассматривает национальные интересы государства в качестве главной предпосылки его внешнеполитических действий. Ее применение, как полагают авторы, методологически обосновано для анализа внешней энергетической политики КНР, детерминированной национальными интересами и соображениями безопасности. Пекин, участвуя в глобальной геополитической конкуренции, вынужден просчитывать риски и выгоды, а также наращивать военную

[1] World Energy Outlook 2024 // International Energy Agency. 2024. P. 273. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/c036b390-ba9c-4132-870b-ffb455148b63/WorldEnergyOutlook2024.pdf (accessed: 02.02.2025).

[2] Downs E. China's Oil Demand, Imports and Supply Security: Testimony Before the U.S.-China Economic and Security Review Commission, Hearing on "China's Domestic Energy Challenges and Growing Influence over International Energy Markets". Washington, DC : U.S.-China Economic and Security Review Commission, April 24, 2025. P. 2. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2025-04/Erica_Downs_Testimony.pdf (accessed: 12.09.2025).

[3] China Country Analysis Brief // U.S. Energy Information Administration. November 2023. P. 13. URL: https://web.archive.org/web/20250427090913/https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/pdf/china-2023.pdf (accessed: 12.09.2025).

[4] Renewable Energy Markets: GCC 2023 // International Renewable Energy Agency (IRENA). 2023. P. 27. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2023/Dec/IRENA_Rnewable_energy_markets_GCC_2023.pdf (accessed: 12.09.2025).

[5] Country Analysis Brief: Qatar // U.S. Energy Information Administration. October 20, 2025. P. 1. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Qatar/Qatar2025.pdf (accessed: 12.12.2025).

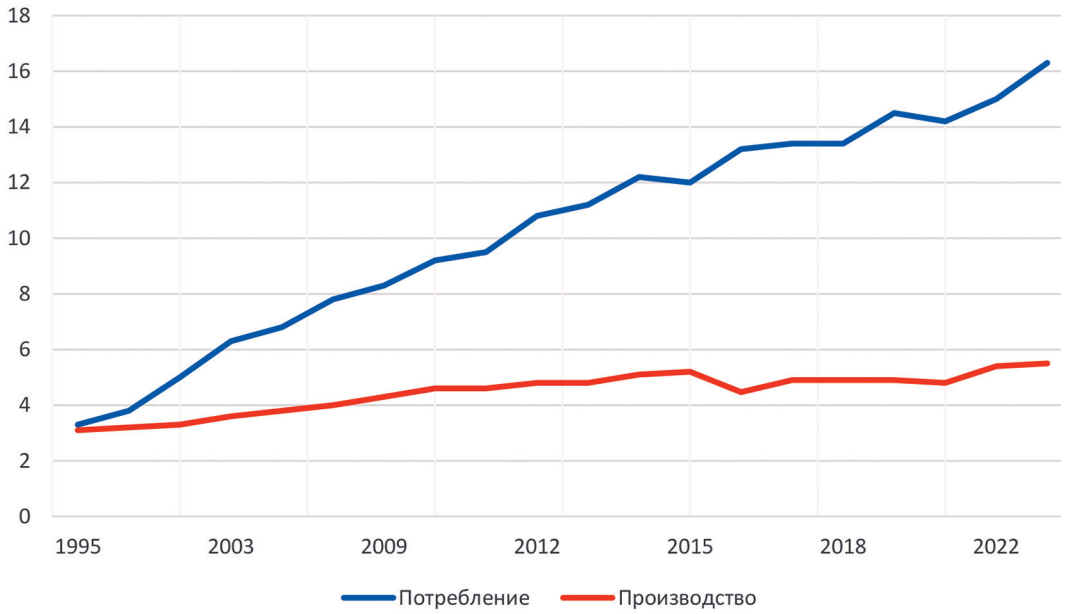

Рис. 1. Производство и потребление нефти и нефтепродуктов в Китае в 1993–2024 гг., млн барр. в день

Источник: China Overview // U.S. Energy Information Administration. May 19, 2025. URL: https://www.eia.gov/international/analysis/country/CHN (accessed: 02.08.2025).

и экономическую мощь для обеспечения своей энергетической безопасности. Применение междисциплинарного подхода обеспечило комплексный анализ отношений Китая с арабскими государствами Персидского залива, охватив ключевые направления их сотрудничества в энергетической сфере.

На пути долгосрочного энергетического сотрудничества со странами Залива

В вопросе освоения и использования нефтегазовых ресурсов Ближнего Востока китайские эксперты не всегда сходятся во мнениях. Обстановка в этом регионе отличается волатильностью и слабой предсказуемостью, вследствие чего некоторые из них ратуют за скорейшую диверсификацию источников энергии с тем, чтобы избежать чрезмерной зависимости от ближневосточных месторождений, полагая, что степень зависимости Китая от привозной нефти должна удерживаться в пределах 1/3, а кроме того, источники следует диверсифицировать, импортируя нефть из России, государств Центральной Азии и Ближнего Востока (Qian, 2010).

Рассуждения подобного рода представляются несколько упрощенными, поскольку добыча углеводородов наращивается повсеместно, однако ближневосточная нефть по-прежнему доминирует на глобальном энергетическом рынке. Так, в 2023 г. объем международной торговли сырой нефтью составил 2,1 млрд т, что соответствует уровню 2022 г. В экспорте лидирующую позицию занимает Ближний Восток, которому принадлежит 41 % от общего объема[6]. В то же время ресурсные возможности, например, стран Центральной Азии никак не смогут покрыть даже трети внешнего спроса Китая на углеводороды. Таким образом, с учетом современных реалий Китаю никак не обойтись без аравийской нефти. Очевидно, что дипломатическая активность КНР на Ближнем Востоке нацелена на создание для своих профильных корпораций режима благоприятствования в обеспечении стабильных поставок энергоносителей из региона, особенно учитывая бурный рост экономики страны и активное развитие науко-

[6] 2024 Statistical Review of World Energy // Energy Institute. P. 34. URL: https://www.energyinst.org/__data/assets/pdf_file/0006/1542714/684_EI_Stat_Review_V16_DIGITAL.pdf (accessed: 02.02.2025).

емких производств, требующих существенных затрат энергоресурсов.

До 1990 г. единственными странами Персидского залива, поставлявшими в Китай сырую нефть, были *Оман* и Иран (Leung, Li & Low, 2011). С первым Китай в 1979 г. подписал торговое соглашение сроком на 10 лет, которое затем неоднократно продлевалось. Султанат оставался одним из основных арабских партнеров Китая (Мелкумян, 2020). Так, в 1995 г. было подписано соглашение о пятикратном увеличении поставок нефти из Омана в Китай — с 20 до 100 тыс. барр./сут, а в 1996 г. из Омана в Китай было поставлено нефти и нефтепродуктов (главным образом горюче-смазочных материалов (ГСМ)) на 140 млн долл. США. Соответственно увеличивался и китайский экспорт в султанат (Han & Chen, 2018, p. 5). В 2005 г. стороны подписали соглашения об активизации сотрудничества в сфере экономики, нефти и газа[7], и с тех пор страны поддерживают регулярный диалог на высоком уровне.

В 1996 г. китайцы договорились о сотрудничестве в нефтяной отрасли с *Йеменом*, заключив контракт на закупки 30 тыс. барр./сут для нефтеперерабатывающего завода *Zhenhai*[8]. К 1999 г. Йемен стал вторым по величине поставщиком сырой нефти в Китай, экспортируя 4,1 млн т в год, уступая Оману (5 млн т), но опережая Иран (3,9 млн т) и Саудовскую Аравию (2,5 млн т) (Leung, Li & Low, 2011).

С начала XXI в. уже Саудовская Аравия и некоторые другие участники Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ или, как его называют, «аравийская шестерка»: Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Бахрейн, Кувейт и Оман) удовлетворяли растущий спрос Китая на сырую нефть, тогда как Йемен с его ограниченными ресурсными возможностями был отодвинут на задний план[9]. Начало такому сближению положила поездка в регион вице-премьера КНР Ли Ланьцина в 1993 г. (Ahmed, 2016, p. 193). Затем в 1999 г. тогдашний председатель КНР Цзян Цзэминь посетил Эр-Рияд, в результате чего было подписано двустороннее соглашение о расширении энергетического сотрудничества[10]. Китайские корпорации появились на саудовском внутреннем рынке, а аравийские спонсоры занялись нефтепереработкой в самом Китае (Fulton, 2020, p. 518).

Вектор дальнейшего развития задала серия двусторонних визитов на высшем уровне в 2006–2009 гг. Из них следует выделить первый зарубежный вояж короля Абдаллы II в Пекин (январь 2006 г.), когда было подписано пять отраслевых соглашений и обсужден ряд перспективных проектов. Ранее, в 2004 г., во время визита в регион главы КНР Ху Цзиньтао, стороны объявили о создании Китайско-арабского форума сотрудничества, под эгидой которого стал работать Энергетический форум (Yao, 2014). 11 февраля 2009 г. в Эр-Рияде встретились генеральный секретарь ССАГПЗ Абдул Рахман бин Хамад Аль Аттия и председатель КНР Ху Цзиньтао, который озвучил ряд предложений, в том числе запуск механизма стратегического диалога Китай — ССАГПЗ и создание ими зоны свободной торговли[11].

Китай стремился расширить сотрудничество и с *Ираком.* В июле 2004 г. Пекин открыл в Багдаде посольство и стал оказывать поддержку восстановлению системы госуправления после свержения режима С. Хусейна.

[7] Oman, China Sign Oil Supply Agreement // Kuwait News Agency. June 12, 2005. URL: https://www.kuna.net.kw/ArticleDetails.aspx?id=1568404&language=en (accessed: 02.02.2025).

[8] Yemen 3Q Price Formulas; China's Zhenhai Refinery Joins List of Crude Customers // Middle East Economic Survey. July 8, 1996. URL: http://archives.mees.com/issues/813/articles/31365 (accessed: 12.08.2025).

[9] Al-Khawlani H. China Prioritizes Gulf Economic, Oil Relationships; Yemen Can Wait // Sana'a Center for Strategic Studies. January 25, 2020. URL: https://sanaacenter.org/publications/perspectives-and-analyses/13002 (accessed: 02.02.2025).

[10] Memorandum of Understanding on Petroleum Cooperation between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Kingdom of Saudi Arabia // Embassy of the People's Republic of China in the Kingdom of Saudi Arabia. October 31, 1999. URL: https://sa.china-embassy.gov.cn/eng/zsgx/zzwl/201005/t20100528_2040548.htm (accessed: 12.09.2025).

[11] President Hu Jintao Meets with GCC Secretary General Al-Attiya // Consulate General of the People's Republic of China in San Francisco. February 12, 2009. URL: https://sanfrancisco.china-consulate.gov.cn/eng/xw/200902/t20090213_4390148.htm (accessed: 02.02.2025).

Курдский и иракский политический деятель Джаляль Талабани посещал Пекин до и после своего вступления в должность президента страны в 2005 г. В итоге были достигнуты соглашения, одно из которых касалось реализации нефтяных контрактов, заключенных еще при прежнем режиме в Багдаде. Было списано 80 % долга Ирака (8,5 млрд долл. США)[12], а китайские компании *China National Petroleum Corporation* (CNPC), CNOOC и *Sinopec* приступили к работе в местных нефтеносных районах (Al-Shafiy, 2015). В 2008 г. был перезаключен контракт от 1997 г. с CNPC, и эта госкорпорация получила права на освоение нефтяного месторождения Аль-Хадаб. Она же в 2009 г. приобрела 29-летний субподрядный контракт на разработку крупнейшего месторождения Румайла (где ей принадлежат 37 %, а другие доли отошли британской BP и иракской национальной *Basra Oil Company* (BOC)). В декабре 2009 г. вновь CNPC выиграла второй раунд лицензирования на предмет долевого участия (37,5 %) по месторождению Халфавия в партнерстве с французской *Total* (18,75 %), малайзийской *Petronas* (18,75 %) и иракской *BOC* (25 %). В мае 2010 г. Китайская национальная оффшорная нефтяная компания *CNOOC* в партнерстве с турецкой *TPAO* выиграла тендер на разработку месторождения Майсан. Доля китайской компании достигла 63,75 %, и она стала основным оператором (для иракских буровиков составила 25 %, турецких — 11,25 %) (Al-Shafiy, 2015).

В ходе визита в Пекин в июле 2004 г. шейха С. ас-Сабаха (в статусе премьер-министра *Кувейта*) стороны подписали рамочное соглашение о сотрудничестве в нефтегазовой сфере[13]. В 2005 г. *Kuwait Petroleum Corporation* (KPC) открыла офис в столице КНР[14]. К концу того же года *Kuwait Petroleum International* (KPI, дочерняя компания KPC) подписала Меморандум о взаимопонимании с китайской *Sinopec* на предмет строительства нефтеперерабатывающего комплекса в г. Чжаньцзян[15]. В проект были включены нефтеперерабатывающий завод мощностью 15 млн т в год (300 тыс. барр./сут)[16] и установка крекинга этилена с годовой производительностью 1 млн т. Кроме того, в 2009 г. *Sinopec* получила 400-миллионный контракт на возведение пяти нефтегазовых установок, позволявших (согласно ожиданиям того времени) к 2020 г. увеличить добычу нефти в Кувейте более чем на 4 млн барр./сут[17]. Проект был реализован, но добыча нефти в Кувейте в 2020 г. составила лишь 2,439 млн барр./сут[18].

Что касается *Катара*, то Китай закупал у него СПГ[19]. В 2009 г. был открыт офис CNOOC в Дохе, и в тот же период реализовывались долгосрочные соглашения *Qatargas* с CNOOC и *PetroChina*: CNOOC должна была получать 2 млн т СПГ в год в течение 25 лет, а *PetroChina* — 3 млн т СПГ в год в течение 25 лет. Совокупный объем контрактных поставок достигал 5 млн т СПГ ежегодно[20]. Эмират превратился в крупнейшего экспортера СПГ в Китай. Если в 1999 г. объем поставок оценивался в 100 млн долл. США, то к 2010 г. — уже в 1 млрд долл. США (Davidson, 2010, p. 30). В 2023 г. Катар экспортировал в Китай 16,7 млн тонн сжижен-

[12] China Cancels 80% of Iraq's Debt // The Sydney Morning Herald. February 3, 2010. URL: https://www.smh.com.au/business/china-cancels-80-of-iraqs-debt-20100203-nbc9.html (accessed: 02.02.2025).

[13] Niazi K. Kuwait Looks Towards the East: Relations with China // Middle East Institute Policy Brief. 2009 (September). No. 26. P. 4. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/106361/No_26_Kuwait_looks_towards_the_east.pdf (accessed: 12.09.2025).

[14] Ibid. P. 6.

[15] Niazi K. Kuwait Looks Towards the East: Relations with China // Middle East Institute Policy Brief. 2009 (September). No. 26. P. 4. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/106361/No_26_Kuwait_looks_towards_the_east.pdf (accessed: 12.09.2025).

[16] Ibid.

[17] Kuwait Oil Company Awards Deal to Sinopec // Middle East Business Intelligence. April 7, 2009. URL: https://www.meed.com/kuwait-oil-company-awards-deal-to-sinopec/ (accessed: 02.02.2025).

[18] Kuwait's Oil Revenues Drop Last Year by About 42.5 Percent // Times Kuwait. May 21, 2021. URL: https://timeskuwait.com/news/kuwaits-oil-revenues-drop-last-year-by-about-42-5-percent (accessed: 12.09.2025).

[19] U.S. Energy Information Administration Country: Analysis Executive Summary: China. Full report, September 30, 2020. URL: https://www.eia.gov/international/analysis/country/CHN (accessed: 15.08.2025).

[20] Qatar in LNG Deal with PetroChina, CNOOC // Reuters. July 18, 2008. URL: https://www.reuters.com/article/world/china/qatar-in-lng-deal-with-petrochina-cnooc-idUSPEK184556/ (accessed: 12.09.2025).

ного природного газа на сумму около 13 млрд долл. США, заняв второе место по этому показателю после Австралии[21].

В ноябре 2008 г. китайская *China Petroleum Engineering and Construction Corporation* (CPECC) была выбрана в качестве подрядчика по проекту нефтепровода Абу-Даби (Хабшан-Фуджайра) в Объединенных Арабских Эмиратах[22]. Стоимость заключенного контракта составила 3,29 млрд долл. США. Реализация комплекса работ в рамках контракта осуществлялась CPECC при участии CNPC и Управления нефтегазовых трубопроводов КНР (*China Petroleum Pipeline Bureau*). Только за последние несколько лет импорт сырой нефти из ОАЭ в КНР увеличился на 40 % — с 480 тыс. барр./сут в 2021 г. до 674 тыс. барр./сут в 2022 г.[23]

Таким образом, Китай заложил в субрегионе Залива фундамент долгосрочных связей, которые гарантируют ему поступление энергоносителей в количестве, достаточном для дальнейшего развития его экономики. Такой подход был реализован через множество соглашений, подписанных Китаем с аравийскими монархиями. Активная энергетическая дипломатия Пекина демонстрировала заинтересованность китайских корпораций в инвестировании в арабские энергоресурсы, участии в разработке месторождений и других отраслевых проектах (Грачиков, 2015, с. 213). Китаю необходимы непрерывные «вливания» нефти в экономику. В свою очередь, ближневосточные страны — экспортеры «черного золота» нуждаются в огромном китайском рынке, и эта взаимозависимость вывела стороны на новый уровень партнерства, выходящий далеко за рамки углеводородного взаимодействия и уже охватывающий сферы военно-промышленного комплекса (ВПК), финансово-экономического сотрудничества, а также искусственного интеллекта (ИИ). Очевидно, что отношения Китая и стран ССАГПЗ не исчерпываются и не будут исчерпываться сугубо энергетическим фактором.

Энергетический фактор в рамках стратегий партнерства и инициативы «Один пояс, один путь»

После провозглашения Пекином знаменитой инициативы «Один пояс, один путь» (2013 г.) вектор сотрудничества в области энергетики между дальневосточной великой державой и арабскими странами был дополнен новым содержанием. Помимо прочего, провозглашенная инициатива стала своего рода ответом Китая на «стратегию окружения», применяемую Соединенными Штатами в Восточной Азии (He & Feng, 2018), то есть антитезой стратегии президента Б. Обамы «разворот к Восточной Азии» (2012 г.), которую в Пекине интерпретировали как стремление американцев к сдерживанию Китая (Clarke, 2020).

5 июня 2014 г. на 6-й министерской встрече Форума китайско-арабского сотрудничества председатель КНР Си Цзиньпин в своей речи «Упор на продвижение духа Шелкового пути и углубление китайско-арабского сотрудничества» изложил ключевые принципы политики Пекина в контексте вышеупомянутой инициативы. В частности, он заявил: «Обе стороны должны обладать более широким видением и практическим подходом к развитию модели сотрудничества „1+2+3“. В этой модели энергетическое сотрудничество рассматривалось в качестве ядра, а строительство инфраструктуры и торгово-инвестиционное взаимодействие — в виде еще двух направлений плюс три области высоких технологий — ядерная

[21] Downs E. China's Oil Demand, Imports and Supply Security: Testimony Before the U.S.-China Economic and Security Review Commission, Hearing on "China's Domestic Energy Challenges and Growing Influence over International Energy Markets". Washington, DC : U.S.-China Economic and Security Review Commission, April 24, 2025. P. 4. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2025-04/Erica_Downs_Testimony.pdf (accessed: 12.09.2025).

[22] Abu Dhabi Crude Oil (Habshan-Fujairah) Pipeline Project // Hydrocarbons Technology. URL: https://www.hydrocarbons-technology.com/projects/abu-dhabi-pipeline/ (accessed: 22.06.2025).

[23] China Country Analysis Brief // U.S. Energy Information Administration. November 2023. P. 12. URL: https://web.archive.org/web/20250427090913/https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/pdf/china-2023.pdf (accessed: 12.09.2025).

энергетика, космос и прорывные энергетические технологии[24]. Таким образом, взаимодействие с арабским миром стало неотъемлемым компонентом китайской инициативы «Один пояс, один путь» (Sun, 2015).

В 2015 г. Китай официально вышел на первое место в мире по импорту сырой нефти[25], причем почти половина ее была ближневосточного происхождения. В январе 2016 г. Си Цзиньпин посетил КСА и Арабскую Республику Египет (АРЕ). Выступая в каирской штабквартире Лиги арабских государств (ЛАГ), он очертил актуализированное видение концепции Пекина: «Нам надлежит продвигать новую модель сотрудничества „нефть и газ плюс“, а также стремиться к новым горизонтам китайско-арабского стратегического партнерства в области энергетики, которое характеризуется взаимовыгодным характером, безопасностью, надежностью и дружбой в долгосрочной перспективе»[26]. Многие китайские эксперты считают, что энергетические интересы Китая на Ближнем Востоке должны трактоваться в качестве базовых, поскольку «ближневосточная энергетика существенно влияет на устойчивый рост» КНР (Zeng, Xiao & Breslin, 2015, p. 260).

10 июля 2018 г. в Пекине состоялось 8-е министерское заседание Форума китайско-арабского сотрудничества под председательством члена Госсовета, министра иностранных дел КНР Ван И. В своем выступлении он призвал стороны к установлению стратегического партнерства, укреплению доверия и надежной поддержке взаимных интересов. По оценке министра, результатом проводимой Пекином политики в арабском регионе явилось установление партнерских отношений (разного уровня) со следующими странами: «всестороннее стратегическое партнерство» с Саудовской Аравией (2016 г.), Египтом (2014 г.), ОАЭ (2018 г.) и Алжиром (2014 г.), а также «стратегическое партнерство» с Оманом (2018 г.), Кувейтом (2018 г.), Катаром (2014 г.), Ираком (2015 г.), Иорданией (2015 г.), Джибути (2017 г.), Суданом (2015 г.) и Марокко (2016 г.). Итогом мероприятия стала Декларация действий по китайско-арабскому сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь», в которой отражена важность арабского региона в реализации этой масштабной инициативы[27]. По выражению Ван И, «стремительно вырисовывается общая конфигурация совместного строительства „Одного пояса, одного пути“ на Ближнем Востоке»[28].

Новые подходы к стратегическому партнерству Китая со странами Залива в энергетике

Обеспечение энергетической безопасности стало ключевым фактором во взаимодействии Китая и «аравийской шестерки». Отношения сторон, как уже отмечалось, со временем обрели формат всестороннего партнерства, что во многом было обусловлено быстро растущим торговым обменом, в котором энергоносители составили подавляющую часть. Уже к 2010 г.

[24] Xi Jinping Attends Opening Ceremony of Sixth Ministerial Conference of China-Arab States Cooperation Forum and Delivers Important Speech Stressing to Promote Silk Road Spirit and Deepen China-Arab Cooperation // Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Iraq. June 5, 2014. URL: https://iq.china-embassy.gov.cn/eng/zygx/zxxx/201406/t20140612_2517525.htm (accessed: 02.02.2025).

[25] McSpadden K. China Has Become the World's Biggest Crude Oil Importer for the First Time // Time. May 11, 2015. URL: https://time.com/3853451/china-crude-oil-top-importer/ (accessed: 15.08.2025).

[26] Xi Jinping Delivers Important Speech at Headquarters of the League of Arab States, Stressing to Jointly Create a Bright Future for Development of China-Arab Relations and Promote National Rejuvenation of China and Arab States to Form More Convergence // Embassy of the People's Republic of China in the Kingdom of Saudi Arabia. January 22, 2016. URL: https://sa.china-embassy.gov.cn/eng/zt/2/201601/t20160127_2040707.htm (accessed: 22.06.2025).

[27] Declaration of Action on China—Arab States Cooperation under the Belt and Road Initiative // China—Arab States Cooperation Forum. July 10, 2018. URL: http://www.chinaarabcf.org/chn/lthyjwx/bzjhywj/dbjbzjhy/201807/P020210828263718115188.pdf (accessed: 02.02.2025).

[28] Wang Yi: The Joint Building of the Belt and Road between China and Arab States in the Middle East is Rapidly Taking Shape // Ministry of Foreign Affairs. People's Republic of China. July 10, 2018. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zzjg_663340/xybfs_663590/dqzzywt_663826/202406/t20240606_11384726.html (accessed: 15.08.2025).

Пекин заменил Вашингтон в качестве крупнейшего торгового партнера стран Ближнего Востока[29]. Упомянутый выше тренд продолжил свое стремительное развитие, что нашло подтверждение, в частности, в проведении в декабре 2022 г. саммита КНР — ССАГПЗ, по результатам которого увидело свет совместное заявление сторон и план действий по стратегическому диалогу на 2023–2027 гг.

В докладе о результатах сотрудничества Китая с арабскими странами в энергетической сфере, подготовленном Институтом экономических и технологических исследований компании CNPC (сентябрь 2023 г.), также подтверждалось стремление Пекина и далее продвигать энергетическое и торговое сотрудничество с арабскими странами. К примеру, объем экспорта энергоносителей из Саудовской Аравии в Китай значительно вырос — с 1,5 млрд долл. США в 2000 г.[30] до почти 54 млрд долл. США в 2023 г. (Çevik, 2025, p. 199). В 2019 г. Саудовская Аравия экспортировала в Китай рекордные 1,67 млн барр. нефти в день, увеличив поставки на 47 % и став крупнейшим поставщиком нефти в Китай, впервые за четыре года обогнав Россию, которая ранее занимала первое место[31].

В 2020 г., в условиях распространившейся глобальной пандемии, Саудовская Аравия продолжала возглавлять список мировых поставщиков энергоносителей в Китай — на ее долю приходилось около 16 % от общего объема импорта нефти Китаем на сумму 28,1 млрд долл. США. Саудовская Аравия и Россия были двумя основными поставщиками сырой нефти в Поднебесную в 2022 г., их доля составила по 18 % от общего объема импорта[32] (рис. 2). Однако санкции и потолок цен, введенный на российскую сырую нефть в начале 2023 г., привели к большим скидкам на поставку такого сырья из России. Из-за более низких цен Москва обогнала Эр-Рияд в 2023 г., став основным источником импорта сырой нефти в Китай[33].

Китай является для КСА самым прибыльным рынком, тем более с учетом того, что США резко сократили импорт нефти ввиду обращения к нетрадиционным источникам. В последние годы экономическая составляющая китайско-саудовских связей продолжала нарастать. Так, в конце 2018 г. *Saudi Aramco* получила ряд серьезных контрактов, благодаря которым стала крупнейшим поставщиком нефти в Китай. 2019 г. ознаменовался заключением 35 соглашений на сумму более 28 млрд долл. США, касающихся двустороннего сотрудничества в различных областях, начиная с энергетики[34]. Было подписано несколько меморандумов о взаимопонимании в сфере инвестиций в переработку, в том числе соглашение между *Saudi Aramco* и *Norinco* о строительстве в провинции Ляонин нефтеперерабатывающего завода стоимостью 10 млрд долл. США (строительство началось в марте 2023 г.). *Saudi Aramco* приобрела 9-процентную долю в нефтеперерабатывающем заводе в г. Чжоушань, а также нефтехранилища для других азиатских рынков в Азии[35]. Таким образом, инвестиции Эр-Рияда в нефтеперерабатывающую промышленность КНР положили начало взаимовыгодному двустороннему инвестиционному обмену в сфере энергетики.

[29] Hornschild S. China in the Middle East: Not Just About Oil // Alert / European Union Institute for Security Studies (EUISS). 2016 (July). No. 31. P. 1. URL: https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/EUISS-China%20in%20the%20Middle%20East-not%20just%20about%20oil.pdf (accessed: 12.09.2025).

[30] Alhamawi L. How China Became Saudi Arabia's Top Trading Partner, Revived Ancient Silk Road // Arab News. December 8, 2022. URL: https://backup.arabnews.com/node/2213231/business-economy (accessed: 12.09.2025).

[31] Paraskova T. Saudis Boost Crude Oil Exports to China By 47% In 2019 // Oil Price. January 31, 2020. URL: https://oilprice.com/Energy/Energy-General/Saudis-Boost-Crude-Oil-Exports-To-China-By-47-In-2019.html (accessed: 22.06.2025).

[32] China Country Analysis Brief // U.S. Energy Information Administration. November 2023. P. 12. URL: https://web.archive.org/web/20250427090913/https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/pdf/china-2023.pdf (accessed: 12.09.2025).

[33] Ibid.

[34] Saudi Signs 35 Agreements with China Worth $28bn // Gulf Business. February 22, 2019. URL: https://gulfbusiness.com/saudi-aramco-sign-china-refinery-deals-crown-prince-visit-sources/ (accessed: 22.06.2025).

[35] El Gamal R., Aizhu C., Zhang M. Saudi Aramco Shifts Strategy in China to Boost Oil Sales // Reuters. March 14, 2019. URL: https://www.reuters.com/article/us-saudi-aramco-china-oil-idUSKCN1QV1JC (accessed: 22.06.2025).

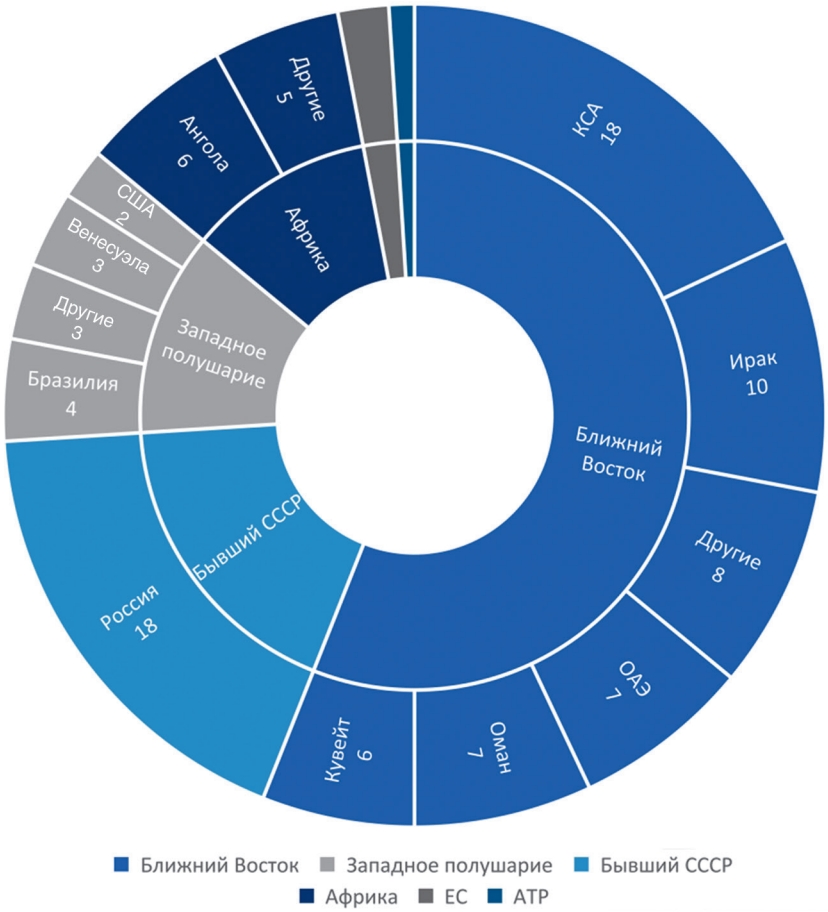

Рис. 2. Доля Ближнего Востока в импорте сырой нефти и конденсата в Китай в 2022 г., %:
сумма может отличаться от 100% из-за округления

Источник: China Country Analysis Brief // U.S. Energy Information Administration. November 2023. P. 13. URL: https://web.archive.org/web/20250427090913/https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/pdf/china-2023.pdf (accessed: 12.09.2025).

Председатель КНР Си Цзиньпин во время государственного визита в Саудовскую Аравию в декабре 2022 г. заявил, что Пекин готов инвестировать в амбициозный саудовский проект «Видение — 2030» (Фролов, 2023), ставивший целью уменьшение зависимости от экспорта нефти, диверсификацию экономики, развитие зеленой энергетики, инфраструктуры, здравоохранения, образования и проч. Кроме того, в саудовской столице рассматривается возможность перевода части расчетов за нефтяной экспорт в китайские юани[36]. В настоящее время энергетический диалог между КСА и КНР оказывает заметное влияние на мировую экономику и геополитику.

Ирак в последние годы вошел в пятерку основных поставщиков сырья для нефтеперерабатывающей промышленности КНР (см. рис. 2). В добывающем секторе республики весьма заметно присутствие китайских нефтяных компаний: CNPC, *Sinopec*, CNOOC, *PetroChina*, *Zhenhua Oil* и др. Вывоз иракской нефти в Китай вырос с 28 тыс. барр./сут в 2007 г. до 573 тыс. барр./сут в 2014 г., а в 2024 г. достиг 1,19 млн барр./сут[37]. Ирак является третьим по величине мировым поставщиком нефти в Китай и вторым среди арабских стран. В сен-

[36] Said S., Kalin S. Saudi Arabia Considers Accepting Yuan Instead of Dollars for Chinese Oil Sales // The Wall Street Journal. 15 March 2022. URL: https://www.wsj.com/articles/saudi-arabia-considers-accepting-yuan-instead-of-dollars-for-chinese-oil-sales-11647351541 (accessed: 12.09.2025).

[37] Salem A. China, India Acquire 60% of Iraq's Oil Exports in 2024 // Iraqi News. January 22, 2025. URL: https://www.iraqinews.com/iraq/china-india-acquire-60-of-iraqs-oil-exports-in-2024/ (accessed: 02.02.2025).

тябре 2019 г. Китай подписал соглашение «Нефть ради восстановления», в рамках которого местная Южная нефтяная компания (*Basra Oil Company*) заключила с *China's Hilong Oil Service & Engineering Co.* (ответвление китайской госкорпорации *China National Machinery Industry Corporation*, SINOMACH) контракт на работы с 80 нефтяными скважинами на гигантском нефтяном поле Меджнун (в провинции Басра на юге страны)[38].

В 2021 г. началась практическая реализация иракско-китайского механизма сотрудничества, связанного с договоренностями 2019 г. о финансировании инфраструктурных проектов за счет поступлений от части экспорта иракской нефти, а в январе 2024 г. китайская CNPC (через *PetroChina*) стала ведущим подрядчиком разработки месторождения Западная Курна-1 после выхода *ExxonMobil* из проекта. В начале 2024 г. стороны планировали довести выпуск до 600 тыс. барр./сут к концу года[39]. По данным *AEI China Global Investment Tracker*, 24 из 41 строительных контракта, заключенных Ираком с китайскими компаниями в период с 2007 по 2022 г., были связаны с энергетическими проектами, 15 из которых реализовала CNPC[40]. В 2021 г. Ирак стал крупнейшим получателем инвестиций в энергетические проекты в рамках инициативы «Один пояс, один путь»[41]. Недавно Китай объявил о своей готовности интегрировать инициативу «Один пояс, один путь» с иракским проектом «Дорога развития», нацеленным на улучшение транспортных и энергетических сетей и способствующим установлению связей Ирака с крупными торговыми центрами в Азии и Европе[42].

Доля Китая в экспорте сырой нефти *Омана* значительно увеличилась за последние годы. В 2023 г. Китай получил 92 % экспорта Омана сырой нефти и конденсата, что составило около 286 млн барр. Стоимость оманского экспорта сырой нефти в КНР оценивается примерно в 25 млрд долл. США[43]. Султанат является третьим по величине арабским поставщиком нефти в КНР и четвертым в мире, что составляет 7 % совокупного импорта нефти в Китай (см. рис. 2). Номенклатура оманского экспорта включает сырую нефть, метанол, параселен и полипропилен. Между тем, по мнению некоторых экспертов, китайцы недостаточно вкладываются в нефтяную отрасль султаната, и такая несбалансированность отношений ослабляет позиции Омана перед лицом нынешних экономических вызовов[44]. Несмотря на многолетние попытки диверсификации национальной экономики, на нефтегазовый сектор Омана приходится более 70 % государственных доходов[45].

На новый уровень вышло сотрудничество Китая с *ОАЭ*. В 2017–2018 гг. профильные компании двух стран подписали ряд соглашений: в частности, CNPC проявила инициативу по приобретению за 3 млрд долл. США доли в концессиях на разработку наземных и морских месторождений[46] и заключила с Нацио-

[38] Iraq Signs Contract with Chinese Oil Company to Complete 80 Wells in Iraq // Xinhua. September 7, 2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/07/c_138371964.htm (accessed: 15.08.2025).

[39] Mohammed A. ExxonMobil Hands Over Operations at West Qurna 1 Oilfield to PetroChina // Reuters. January 1, 2024. URL: https://www.reuters.com/business/energy/exxonmobil-hands-over-operations-west-qurna-1-oilfield-petrochina-2024-01-01/ (accessed: 12.09.2026).

[40] China's Growing Role in Iraq's Energy Sector (Report) // Iran Oil & Gas Network. June 8, 2023. URL: https://www.iranoilgas.com/news/details.aspx?id=25334&title=China%E2%80%99s+growing+role+in+Iraq%E2%80%99s+energy+sector+(Report (accessed: 12.09.2025).

[41] Wang C. N. Brief: China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2021 // Green Finance & Development Center. February 2, 2022. URL: https://greenfdc.org/brief-china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2021/ (accessed: 22.06.2025).

[42] Faraj M. China Willing to Link with Iraq's Development Road: Ministry // Rudaw. February 5, 2025. URL: https://www.rudaw.net/english/world/05022025 (accessed: 22.06.2025).

[43] Crude Petroleum in Oman: Bilateral Trade Profile // The Observatory of Economic Complexity (OEC). 2023. URL: https://oec.world/en/profile/bilateral-product/crude-petroleum/reporter/omn (accessed: 12.09.2025).

[44] Mogielnicki R. Oman's Bittersweet Economic Relations with China // The Arab Gulf States Institute in Washington. July 21, 2020. URL: https://agsiw.org/omans-bittersweet-economic-relations-with-china/ (accessed: 15.01.2025).

[45] 2025 Investment Climate Statements: Oman // U.S. Department of State. URL: https://www.state.gov/reports/2025-investment-climate-statements/oman (accessed: 12.09.2025).

[46] ADNOC Sales to Chinese Companies in 2018 Reach $7.9 Billion // Gulf News. July 23, 2019. URL: https://gulfnews.com/business/energy/adnoc-sales-to-chinese-companies-in-2018-reach-79-billion-1.65389122 (accessed: 12.09.2025).

нальной нефтяной компанией Абу-Даби (ADNOC) крупный пакет контрактов на общую сумму 1,6 млрд долл. США на сейсморазведку на суше и в море в эмирате Абу-Даби[47]. В июле 2019 г. ADNOC и китайская CNOOC договорились об изучении возможностей и обмене опытом в секторах добычи и переработки, а также в отрасли сжиженного природного газа[48]. О значимости сделки говорит и тот факт, что подписание состоялось в присутствии тогдашнего наследного принца Абу-Даби шейха Мухаммеда бен Заида Аль Нахайяна и председателя КНР Си Цзиньпина. В октябре 2021 г. ОАЭ объявили о своей стратегической инициативе «Нулевой уровень выбросов к 2050 г.»[49]. С тех пор Китай и ОАЭ постепенно расширяют кооперацию в области низкоуглеродных и возобновляемых источников энергии (Sim & Griffiths, 2024). В совместном заявлении от 2 июня 2024 г. стороны акцентировали внимание на значимости обеспечения энергетической безопасности и устойчивости[50].

Энергетическое сотрудничество стало основой отношений КНР с *Кувейтом*, что также нашло отражение в ряде соглашений. Так, в августе 2014 г. Кувейт заключил с *Sinopec Corporation* новый 10-летний контракт, предусматривавший удвоение поставок энергоносителей и более выгодные условия стоимости и фрахта. В последние годы Китай выступает здесь одним из главных подрядчиков по бурению нефтяных скважин. Китайские предприятия выиграли контракты на реализацию 64 проектов, охватывающих разные секторы кувейтской экономики (обслуживание и разведка нефтяных месторождений, инфраструктура, телекоммуникации) на общую сумму 13,7 млрд долл. США. Эти проекты стали знаковыми в китайско-кувейтском сотрудничестве. Кроме того, на 2017 г. кувейтской стороной было закуплено промысловое оборудование производства КНР на сумму более 635 млн долл. США, а корпорация *Sinopec* эксплуатировала в стране 53 буровые установки, контролируя более 45 % кувейтского рынка наземного бурения[51]. В июле 2018 г. еще одна китайская компания — *KERUI Petroleum* — заключила с кувейтской Action Real Estate Company (AREC) контракт на поставку двух интеллектуальных буровых установок для сверхглубокого бурения на сумму 100 млн долл. США. Ранее, в мае 2018 г., KERUI выиграла у *Kuwait National Drilling Company* (KDC) контракт приблизительно на 50 млн долл. США на поставку одной аналогичной установки[52].

В октябре 2018 г. Кувейт подписал с *Sinopec* меморандум о партнерстве при сооружении нового нефтеперерабатывающего завода на юге Китая. В том же году *Kuwait Petroleum Corporation* (KPC) и китайская *ShanDong Refining and Chemical Group* договорились о сотрудничестве по вопросам сбыта, транспортировки и хранения кувейтской сырой нефти. Сделка была направлена на расширение совместных инвестиционных платформ в нефтяной и логистической сферах. В 2022 г. китайская компания *Honghua Group* и *Kuwait Drilling Company* подписали новый контракт на поставку высококачественных наземных буровых установок и другого оборудования на

[47] China's CNPC Wins $1.6 Billion Seismic Survey Deals from ADNOC // Reuters. July 19, 2018. URL: https://www.reuters.com/article/markets/currencies/chinas-cnpc-wins-16-billion-seismic-survey-deals-from-adnoc-idUSKBN1K91KT/ (accessed: 12.09.2025).

[48] Godinho V. UAE and China Sign Strategic Oil and Gas Agreement // Gulf Business. July 22, 2019. URL: https://gulfbusiness.com/uae-china-sign-strategic-oil-agreement/ (accessed: 12.02.2025).

[49] The UAE's Net Zero 2050 Strategy. URL: https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/environment-and-energy/the-uae-net-zero-2050-strategy (accessed: 22.06.2025).

[50] United Arab Emirates, People's Republic of China Issue Joint Statement // Emirates News Agency (WAM). June 2, 2024. URL: https://www.wam.ae/en/article/b3goict-united-arab-emirates-peoples-republic-china-issue (accessed: 12.09.2025).

[51] China Becomes One of the Biggest Oil Drilling Contractors in Kuwait: Report // Global Times. July 16, 2017. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201707/1056580.shtml (accessed: 12.09.2026).

[52] KERUI Petroleum Obtained Over USD 100 Million Bid for Kuwait 3000HP Ultra-Deep Drilling Rig Project // Energy Industry Review. August 1, 2018. URL: https://energyindustryreview.com/oil-gas/kerui-petroleum-obtained-over-usd-100-million-bid-for-kuwait-3000hp-ultra-deep-drilling-rig-project/ (accessed: 12.09.2025).

сумму 435 млн юаней (примерно 60,03 млн долл. США)[53]. В 2023 г. Китай импортировал 179,9 млн барр. сырой нефти из Кувейта на сумму более 15 млрд долл. США[54]. Кувейт входит в шестерку крупнейших ближневосточных поставщиков нефти в Китай (см. рис. 2).

Китай к настоящему времени обогнал многие страны по объемам вредных выбросов в атмосферу. В значительной степени это происходит из-за того, что уголь пока еще удовлетворяет порядка 70 % внутренних энергетических потребностей Поднебесной. Природный газ является более приемлемым в экологическом плане, и вполне естественно, что Китай стремится заместить уголь импортом природного газа. И тот факт, что *Катар*, по данным на 2024 г., обладает 11,28 % мировых запасов природного газа[55], служит главным катализатором обоюдной заинтересованности Дохи и Пекина в поддержании и развитии двустороннего сотрудничества.

Сегодня Катар — один из шести крупнейших поставщиков СПГ в Китай. В 2021 г. поставки катарского СПГ составляли 7 % всего сжиженного газа, поставляемого в КНР[56], в 2022 г. — 15 %[57], а в 2023 г. — уже 23 %[58]. 22 марта 2021 г. *Qatar Petroleum* достигла договоренности с корпорацией *Sinopec* о ежегодной (в течение 10 лет) поставке в Китай 2 млн т СПГ[59]. Та же катарская компания в 2021 г. подписала с китайской корпорацией CNOOC 15-летний контракт о поставках 3,5 млн т СПГ начиная с января 2022 г.[60] Эта газовая сделка приобретает особое значение для Китая, рассчитывающего достичь к 2060 г. «углеродной нейтральности». Также китайская национальная нефтяная корпорация CNPC и *QatarEnergy* подписали в 2022 г. 27-летнее соглашение, в соответствии с которым Китай будет закупать 4 млн метрических тонн СПГ в год[61].

Хотя в Китае стремятся к переходу на зеленую и «чистую» энергетику, особенно за счет широкой кампании по развитию электрического автотранспорта (большие налоги на машины на двигателях внутреннего сгорания (ДВС), бесплатная парковка для электрокаров, ограничения для них на въезд в центр крупных городов), зависимость страны от импорта нефти и газа, по имеющимся прогнозам, к 2030 г. может вырасти до 80 % (Wang, Li & Li, 2018). По прогнозным оценкам Международного энергетического агентства и Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), в ближайшие годы энергетическая взаимозависимость Азии и Ближнего Востока сохранится и будет усиливаться: к 2050 г. импортная зависимость развивающихся стран Азии от нефти может приблизиться к 90 %, тогда как Ближний Восток сохранит статус ключевого экспортного региона, направляя

---

[53] China's Honghua Group, Kuwait Drilling Company Pen New Deal Worth 435 Million Yuan // Belt and Road Portal. October 22, 2022. URL: https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/284820.html (accessed: 22.06.2025).

[54] Top Suppliers of Crude Oil to China (2023) // Voronoi. July 21, 2024. URL: https://www.voronoiapp.com/energy/Top-Suppliers-of-Crude-Oil-to-China-2023-1857 (accessed: 20.09.2025).

[55] Annual Statistical Report 2024 // Organization of Arab Petroleum Exporting Countries (OAPEC). 2025. P. 18. URL: https://oapecorg.org/media/2b5842d2-7148-49cb-81ad-54f2b11d6bdb/-465237118/Annual%20Statistical%20Report/2025/Statistical%20Report%202024%20final%20E.pdf (accessed: 12.08.2026).

[56] Country Analysis Executive Summary: China // U.S. Energy Information Administration. August 8, 2022. P. 9. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/archive/pdf/china_2022.pdf (accessed: 20.08.2025).

[57] China Country Analysis Brief // U.S. Energy Information Administration. November 2023. P. 14. URL: https://web.archive.org/web/20250427090913/https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/China/pdf/china-2023.pdf (accessed: 12.09.2025).

[58] China's Natural Gas Consumption, Production, and Imports All Increased in 2023 // U.S. Energy Information Administration. August 14, 2024. URL: https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=62804 (accessed: 22.08.2025).

[59] Cocklin J. Qatar Petroleum Signs LNG Supply Deal with China's Sinopec // Natural Gas Intelligence. March 22, 2021. URL: https://naturalgasintel.com/news/qatar-petroleum-signs-lng-supply-deal-with-chinas-sinopec/ (accessed: 22.08.2025).

[60] Qatar Petroleum Signs 15-year SPA to Supply 3.5 MTPA of LNG to China's CNOOC // EuroPetrole. September 29, 2021. URL: https://www.euro-petrole.com/qatar-petroleum-signs-15-year-spa-to-supply-3-5-mtpa-of-lng-to-china-s-cnooc-n-i-22796 (accessed: 22.03.2025).

[61] Xin Z. CNPC Secures 27-year Agreement with Qatar Energy // China Daily. June 21, 2023. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202306/21/WS6492580ba310bf8a75d6b13a.html (accessed: 22.08.2025).

все большую часть морских поставок в азиатские экономики[62].

КНР прибегает к массированной покупке акций, чтобы в большей степени контролировать энергетические потоки, защитить себя от ценовых колебаний и снизить вероятность перебоев в поставках. Однако конфликтный потенциал Ближнего Востока и Северной Африки периодически грозит нарушить логистические маршруты, и, следовательно, как полагают эксперты, Пекину необходимо уделять больше внимания стабилизации ситуации в регионе, чтобы исключить подобные угрозы (Besada & Salam, 2017). Напомним, что американская стратегия по сдерживанию Китая выстраивается с обязательным учетом того же энергетического фактора.

Если США будут расширительно трактовать взятую на себя миссию охраны водных путей в Персидском заливе, распространяя ее на акватории Тихого и Индийского океанов, это может означать, что весь водный маршрут обеспечения КНР углеводородами попадает под американский контроль. Такая перспектива нежелательна для Пекина, и он может прибегнуть к неким шагам, которые не исключают его прямой вовлеченности в обеспечение безопасности в регионе (Савичева, Бребдани, Рыжов, 2022). Возможно, первым шагом на этом пути является выбор в 2017 г. маленького государства Джибути для строительства своей первой зарубежной военно-морской базы, что обеспечивает китайское силовое присутствие в Красном море и Индийском океане, а также в непосредственной близости от нефтяных торговых путей и Суэцкого канала. Это в полной мере согласуется с военной доктриной Китая от 2015 г., в которой прямо указывается, что «безопасность внешних интересов — источников энергии и ресурсов, стратегических морских коммуникаций, а также учреждений, персонала и активов за рубежом — стала насущной проблемой»[63]. Важность защиты зарубежных интересов и морских прав Китая была подчеркнута и в Белой книге по вопросам национальной обороны в новую эпоху за 2019 г.[64]

Таким образом, состояние нестабильности на Ближнем Востоке самым непосредственным образом влияет на региональную политику Пекина. Китайская сторона ощущает явный дискомфорт от того, что ВМС США контролируют маршруты транспортировки нефти из Персидского залива, в том числе идущие в сторону Южно-Китайского моря. Действительно, в случае, если события примут неблагоприятный оборот (например, вооруженный конфликт с вовлечением США, установление ими жесткой экономической блокады, давление Вашингтона на союзников в регионе и т. п.), Китай может быть отрезан от ближневосточных углеводородов. И такая возможная негативная динамика событий затронет реализацию проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» уже за пределами Ближнего Востока, усилив тем самым глобальную конкуренцию между США и КНР. Очевидно, что одной из причин посредничества Пекина в нормализации ирано-саудовских отношений в 2023 г. как раз стали опасения за безопасность путей транспортировки нефти из Персидского залива в Китай в случае открытого военного противостояния Эр-Рияда и Тегерана, а также возможного перекрытия последним Ормузского пролива — жизненно важной артерии для многих импортирующих нефть стран.

[62] См.: World Oil Outlook 2024: Global Interregional Crude Oil and Condensate Trade // Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). 2024. URL: https://publications.opec.org/woo/archive/chapter/129/2359 (accessed: 10.06.2026); International Energy Agency. World Energy Outlook 2024. Paris : International Energy Agency, 2024. P. 19. URL: https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/20058/1/WorldEnergyOutlook2024.pdf (accessed: 12.09.2025).

[63] China's Military Strategy (Full Text) // The State Council Information Office. The People's Republic of China. May 27, 2015. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2015/05/27/content_281475115610833.htm (accessed: 22.08.2025).

[64] Full Text: China's National Defense Policy in the New Era // The State Council. The People's Republic of China. July 24, 2019. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (accessed: 22.08.2025).

Заключение

В настоящее время Китай стал одним из самых влиятельных торговых партнеров арабских стран Персидского залива. Их тесное многоотраслевое сотрудничество, актуализированное прагматическими соображениями, во многом определит экономические перспективы и международно-политическую значимость обеих сторон в формировании многополярного мира. Потребность в энергоносителях и обеспечение собственной энергетической безопасности стала ключевой мотивацией политики Пекина в регионе. Серия официальных визитов на высоком уровне в нефтедобывающие страны Залива привела к заключению и реализации значительного количества долгосрочных контрактов в энергетической сфере, а также способствовала созданию многостороннего формата — Форума китайско-арабского сотрудничества. Это заложило фундамент для последующего стратегического партнерства, в том числе в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Энергетическое сотрудничество стало основой для углубления и расширения партнерских отношений и в других областях — инфраструктуре, финансах, высоких технологиях, культуре, образовании, медицине, туризме и др. Внешнеполитические инициативы КНР во многом сопряжены с амбициозными программами аравийских монархий по диверсификации своих экономик, что выводит сотрудничество Китая со странами региона на качественно новый уровень. Немаловажно, что это сотрудничество не ограничивается и не будет ограничиваться лишь взаимодействием в сфере углеводородов, а выходит далеко за его рамки и простирается на различные сферы: возобновляемая энергия, зеленая энергия, культурный обмен и разработка новых моделей искусственного интеллекта.

Вхождение ряда стран Залива, стремящихся сбалансировать свои традиционные связи с Западом, прежде всего с США, в БРИКС и Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве полноправных членов или партнеров по диалогу, несомненно, способствует расширению их взаимодействия с Китаем в различных областях. Однако эти объединения являются площадками для диалога по вопросам глобальной и региональной безопасности, энергетики и торговли, инвестиционного сотрудничества не только с Пекином, но и другими ключевыми международными акторами, включая Россию.

Поскольку турбулентность на Ближнем Востоке создает экономические и энергетические риски для Китая, он стремится к стабилизации ситуации в регионе посредством диалога и сотрудничества. В последние годы Пекин существенно нарастил и свое политическое присутствие в регионе, свидетельством чему стал успех китайской дипломатии в нормализации отношений между двумя политическими «тяжеловесами» — Тегераном и Эр-Риядом, при этом одной из причин такого посредничества стало стремление Пекина обезопасить собственный импорт энергоресурсов из зоны Залива, поскольку в случае военной эскалации между Ираном и КСА первый может закрыть Ормузский пролив, тем самым перекрыв любые поставки углеводородов из стран ССАГПЗ.

Как нам представляется, Китай останется зависим от поставок энергоресурсов с Ближнего Востока в ближайшей и среднесрочной перспективе, несмотря на предпринимаемые им попытки диверсифицировать источники энергии, особенно его стремление перейти на зеленую энергетику и активное лоббирование производства и массового использования электротранспорта. На этом фоне взаимовыгодные партнерские отношения Пекина и арабских стран Залива обеспечивают реализацию их национальных интересов, одновременно уравновешивая амбиции конкурирующих с ними государств.

Поступила в редакцию / Received: 23.10.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 23.01.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Грачиков Е. Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. Москва : Русайнс, 2015. EDN: TZSZKR

Грачиков Е. Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993–2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 3. С. 83–93. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93; EDN: RMTWKU

Дейч Т. Л. Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 3. С. 595–611. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-595-611; EDN: YPGZWP

Мелкумян Е. С. Султанат Оман — КНР: стратегическое партнерство // Азия и Африка сегодня. 2020. № 12. С. 46–50. https://doi.org/10.31857/S032150750012798-9; EDN: UNZTCV

Петрунина Ж. В. Китай и страны Ближнего Востока: история развития отношений во второй половине XX — начале XXI вв. // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2016. Т. 2, № 1. С. 16–20. EDN: WBDBHZ

Савичева Е. М., Бребдани А. М., Рыжов И. В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 180–196. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196; EDN: NMVDUL

Томберг И. Р. Энергетика КНР в мирохозяйственном контексте. Москва : Институт востоковедения РАН, 2012. EDN: RUUXLN

Фролов А. В. Арабские ставки Пекина // Обозреватель. 2023. № 2. С. 25–35. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_2_25; EDN: JAGRNY

Ahmed G. K. In Search of a Strategic Partnership: China—Qatar Energy Cooperation, from 1988 to 2015 / ed. by T. Niblock, D. Sun, A. Galindo. The Arab States of the Gulf and BRICS : New Strategic Partnerships in Politics and Economics. Berlin : Gerlach Press, 2016. P. 192–206. https://doi.org/10.2307/j.ctt1hj9wkz.12

Al-Shafiy H. H. R. CNPC, CNOOC and SINOPEC in Iraq: Successful Start and Ambitious Cooperation Plan // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2015. Vol. 9, iss. 1. P. 78–98. https://doi.org/10.1080/19370679.2015.12023256

Besada H., Salam J. China's Energy Strategy in the MENA Region // China Quarterly of International Strategic Studies. 2017. Vol. 3, no. 4. P. 597–619. https://doi.org/10.1142/S2377740017500269

Çevik V.A. China's Energy Trade with the Middle East: A New Phase in China—Middle East Engagement // International Journal of Energy Economics and Policy. 2025. Vol. 15, iss. 1. P. 197–205. https://doi.org/10.32479/ijeep.17613

Clarke M. Beijing's Pivot West: The Convergence of Innenpolitik and Aussenpolitik on China's 'Belt and Road'? // Journal of Contemporary China. 2020. Vol. 29, iss. 123. P. 336–353. https://doi.org/10.1080/10670564.2019.1645485

Davidson C. The Persian Gulf and Pacific Asia : From Indifference to Interdependence. New York : Columbia University Press, 2010.

Fulton J. China—Saudi Arabia Relations Through the '1 + 2 + 3' Cooperation Pattern // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2020. Vol. 14, iss. 4. P. 516–527. https://doi.org/10.1080/25765949.2020.1841991; EDN: IYILJR

Han Z., Chen X. Historical Exchanges and Future Cooperation Between China and Oman under the "Belt & Road" Initiative // International Relations and Diplomacy. 2018. Vol. 6, no. 1. P. 1–15. https://doi.org/10.17265/2328-2134/2018.01.001

He K., Feng H. Beyond Balancing: China's Approach Towards the Belt and Road Initiative // Journal of Contemporary China. 2018. Vol. 27, iss. 112. P. 487–501. https://doi.org/10.1080/10670564.2018.1433476

Leung G. C. K., Li R., Low M. Transitions in China's Oil Economy, 1990–2010 // Eurasian Geography and Economics. 2011. Vol. 52, iss. 4. P. 483–500. https://doi.org/10.2747/1539-7216.52.4.483

Qian X. China's Energy Cooperation with Middle East Oil-Producing Countries // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2010. Vol. 4, iss. 3. P. 65–80. https://doi.org/10.1080/19370679.2010.12023162

Sim L.-C., Griffiths S. Renewable Energy Supply Chains Between China and the Gulf States: Resilient or Vulnerable? // Energy Strategy Reviews. 2024. Vol. 56. Art. 101605. https://doi.org/10.1016/j.esr.2024.101605; EDN: FBIPYV

Sun D. The Dragon Heads West: China—Arab Cooperation in the New Era // Georgetown Security Studies Review Conference Proceedings: China in the Middle East. 2015. P. 11–20. URL: http://en.mideast.shisu.edu.cn/_upload/article/files/d7/7a/1d26874645c095b7eb833c1e0964/36a44049-3e3f-430a-a4e2-a12a7af9f6f6.pdf (accessed: 02.02.2025).

Wang Q., Li S., Li R. China's Dependency on Foreign Oil Will Exceed 80% by 2030: Developing a Novel NMGM-ARIMA to Forecast China's Foreign Oil Dependence from Two Dimensions // Energy. 2018. Vol. 163. P. 151–167. https://doi.org/10.1016/j.energy.2018.08.127

Yao K. China—Arab States Cooperation Forum in the Last Decade // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2014. Vol. 8, iss. 4. P. 26–42. https://doi.org/10.1080/19370679.2014.12023253

Zeng J., Xiao Y., Breslin S. Securing China's Core Interests: The State of the Debate in China // International Affairs. 2015. Vol. 91, iss. 2. P. 245–266. https://doi.org/10.1111/1468-2346.12233

Сведения об авторах:

Савичева Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 6331-0848; ORCID: 0000-0001-8617-3508; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Бребдани Аммар Мухсен — кандидат исторических наук, ассистент кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; ORCID: 0000-0002-0808-7521; e-mail: ammarbre1@gmail.com

Малаховский Алексей Кимович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 5499-4579; ORCID: 0000-0002-6372-3455; e-mail: malakhovskiy-ak@ rudn.ru

Васин Андрей Алексеевич — аспирант кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 5280-7180; ORCID: 0009-0005-1607-8958; e-mail: vasin-aa@rudn.ru

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 638–656
http://journals.rudn.ru/international-relations

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-638-656
EDN: HQJNDU

Научная статья / Research article

Китайско-индийское соперничество в Индийском океане сквозь призму теории перспектив

Т.В. Чу[1], М.Х.Л. Чан[2]✉

[1] Университет языков и международных исследований, Вьетнамский национальный университет, Ханой, Вьетнам
[2] Университет экономики и финансов Хошимина, Хошимин, Вьетнам
✉loctmh@uef.edu.vn

Аннотация. В XXI в. соперничество между Китаем и Индией в Индийском океане усилилось, что обусловлено стратегическими интересами обеих стран и их стремлением утвердить свое влияние в этом важнейшем морском регионе. С опорой на теорию перспектив в исследовании проанализировано, как восприятие потерь, опорные точки и отношение к риску влияют на стратегические решения обеих стран в данном регионе. На основе качественного анализа рассмотрены мотивы наращивания военно-морского присутствия и развития инфраструктуры со стороны Китая, а также ответные меры Индии, такие как укрепление военно-морского потенциала и создание региональных альянсов. Результаты исследования позволяют выделить три ключевых аспекта: во-первых, движущей силой соперничества является стремление обеих стран обеспечить безопасность жизненно важных морских путей и энергетическую безопасность, поскольку геополитика Индийского океана играет решающую роль в их стратегиях; во-вторых, в то время как стратегические инвестиции Китая в региональные порты и военные базы способствовали росту его влияния, Индия стремилась укрепить свои позиции на море посредством партнерства с государствами Индо-Тихоокеанского региона; в-третьих, формирующаяся архитектура безопасности в Индийском океане сталкивается с рядом вызовов, включая участие внешних держав, расхождение национальных приоритетов и сложность поддержания региональной стабильности. Сделан вывод, что характер соперничества между Китаем и Индией в Индийском океане будет определяться их стратегическими решениями, восприятием потерь, а также балансом между конкуренцией и сотрудничеством в условиях меняющейся региональной обстановки.

Ключевые слова: Китай, Индия, Индо-Тихоокеанский регион, Четырехсторонний диалог по безопасности, КВАД, Один пояс, один путь, Малаккский пролив

Сведения о финансировании. Исследование было профинансировано Университетом языков и международных исследований Вьетнамского национального университета (VNU-ULIS) в рамках проекта № N.25.09.

Вклад авторов. Чу Т.В.: концептуализация, разработка методологии исследования, проведение исследования, сбор и обработка данных, написание текста рукописи. Чан М.Х.Л.: концептуализация, разработка методологии исследования, проведение исследования, сбор и обработка данных, написание текста рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Чу Т. В., Чан М. Х. Л.* Китайско-индийское соперничество в Индийском океане сквозь призму теории перспектив // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 638–656. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-638-656; EDN: HQJNDU

© Чу Т.В., Чан М.Х.Л., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Sino-Indian Rivalry in the Indian Ocean Through the Lens of Prospect Theory

Thanh Van Chu[1], My Hai Loc Tran[2] ✉

[1]University of Languages and International Studies, Vietnam National University, Hanoi, Vietnam
[2]Ho Chi Minh City University of Economics and Finance, Ho Chi Minh, Vietnam
✉loctmh@uef.edu.vn

Abstract. The Sino-Indian rivalry in the Indian Ocean has intensified in the 21st century, shaped by both countries' strategic interests and ambitions to assert influence in this crucial maritime region. By applying prospect theory, the research examines how perceived losses, reference points, and risk sensitivities shape the strategic decisions of both countries in the region. Through qualitative research, the paper examines the motivations behind China's growing naval presence and infrastructure development, as well as India's countermeasures, such as bolstering naval capabilities and forging regional alliances. The findings highlight three key aspects: *first*, the competition is driven by both countries' desire to secure vital sea lanes and safeguard energy security, as the geopolitics of the Indian Ocean plays a crucial role in their strategies; *second*, while China's strategic investments in regional ports and military bases have increased its influence, India has sought to enhance its maritime posture through partnerships with Indo-Pacific states; and *third*, the evolving security architecture of the Indian Ocean faces challenges, including the involvement of external powers, divergent national priorities, and the complexity of maintaining regional stability. The study concludes that China-India competition in the Indian Ocean will be shaped by their strategic decisions, perceptions of loss, and the balance between competition and cooperation amid shifting regional dynamics.

Key words: China, India, Indo-Pacific region, Quadrilateral Security Dialogue, QUAD, Belt and Road Initiative, Strait of Malacca

Funding sources. This research was funded by VNU University of Languages and International Studies (VNU-ULIS) in project No. N.25.09.

Authors' contributions. T.V. Chu: conceptualization, development of research methodology, conducting research, data collection and processing, writing the manuscript. M.H.L. Tran: conceptualization, development of research methodology, conducting research, data collection and processing, writing the manuscript. Both authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Chu, T. V., & Tran, M. H. L. (2026). Sino-Indian rivalry in the Indian ocean through the lens of prospect theory. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 638–656. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-638-656; EDN: HQJNDU

Введение

Регион Индийского океана давно служит важнейшей артерией мировой торговли, обеспечивая транспортировку энергоресурсов и товаров первой необходимости, критически важных для экономического роста таких крупных держав, как Китайская Народная Республика (КНР), Индия, Япония и Австралия. Стратегическое значение Индийского океана как ключевого маршрута поставок нефти, природного газа и угля неуклонно возрастает, особенно на фоне растущей зависимости Китая от этого региона в вопросах обеспечения надежного доступа к энергоресурсам. Геополитическая значимость региона также усилилась, превратив его в арену соперничества за влияние между глобальными и региональными игроками, прежде всего между Китаем и Индией.

В западной стратегической литературе для описания китайских инвестиций в инфраструктуру и получения доступа к портам в Индийском океане часто используется термин «Нить жемчуга» (Khurana, 2008; Li, 2017, p. 496). Однако этот термин является предметом споров. Пекин никогда официально не провозглашал доктрину «Нити жемчуга»; в официальных заявлениях руководства КНР акцент делается на экономическом сотрудничестве, инициативе «Один пояс, один путь» (ОПОП) и безопасности на море, а также подчеркивается, что Китай «никогда не угрожает

другим странам и не стремится к созданию сфер влияния»[1]. В данной работе мы рассматриваем «Нить жемчуга» как аналитическую концепцию, используемую экспертами для описания восприятия внешней активности Китая, и одновременно анализируем, как Пекин сам характеризует свою деятельность.

Тем не менее, с точки зрения стран региона Индийского океана, присутствие там Китая вызывает серьезные опасения в сфере безопасности, в том числе у Индии. Индия, традиционно считающая Индийский океан своей стратегической «вотчиной», сталкивается с прямым вызовом в связи с расширением влияния Китая, что вынуждает ее наращивать военно-морское присутствие и участвовать в многосторонних инициативах, таких как Четырехсторонний диалог по безопасности (КВАД, QUAD). Это соперничество между Китаем и Индией отражает более масштабные сдвиги в глобальном балансе сил: обе страны рассматривают данный регион как жизненно важный не только с экономической точки зрения, но и с позиций национальной безопасности.

Помимо этого двустороннего противостояния в регионе Индийского океана сохраняют активность внешние игроки (прежде всего США и их союзники в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР)), стремящиеся обеспечить свободу судоходства и поддержать баланс сил (Berlin, 2006, p. 66). Однако расхождения в подходах Китая и Индии к региональному порядку все больше препятствуют усилиям по налаживанию сотрудничества в сфере управления морским пространством.

Для анализа этого соперничества в исследовании применяется теория перспектив, объясняющая, как стратегический выбор обеих стран определяется неприятием потерь и стремлением сохранить влияние в условиях геополитической обстановки, сопряженной с высокими ставками.

Обзор литературы

Анализу усиливающегося стратегического соперничества между Китаем и Индией в регионе Индийского океана (РИО) посвящены многочисленные научные исследования, что отражает растущую значимость этого региона в более широком геополитическом контексте Индо-Тихоокеанского пространства. Среди этих работ выделяются исследования, содержащие детальный анализ действий государств и последствий этого противостояния для региона. Так, А. Сен (Sen, 2023) в своей работе «Роль Индии в регионе Индийского океана и ее связи с Индо-Тихоокеанским регионом» рассматривает морскую стратегию Индии через призму расширения влияния и обеспечения безопасности морских коммуникаций. Автор делает акцент на использовании Индией инструментов военно-морской дипломатии и многостороннего взаимодействия для укрепления своих стратегических позиций.

И. Кросвал и Н. Кумар (Krothwal & Kumar, 2023) в статье «Театр стратегического соперничества Индии и Китая: Индийский океан» характеризуют Индийский океан как арену борьбы за влияние между двумя державами, анализируя их действия по развертыванию сил, стратегии создания военных баз и дипломатические шаги, направленные на утверждение регионального доминирования.

А. Нгуен и др. (Nguyen et al., 2022) в исследовании «Стратегическое соперничество Индии и Китая в Индийском океане» проводят сравнительный анализ процессов модернизации военно-морских сил и экономической активности обеих стран, уделяя особое внимание конкуренции за доступ к портам и сотрудничеству в сфере обороны с малыми государствами региона. Авторы также рассматривают влияние этого соперничества на стратегическую автономию прибрежных государств и общую стабильность в регионе Индийского океана. Кроме того,

[1] См.: Chair's Statement of the Third Belt and Road Forum for International Cooperation // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. October 18, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zy/gb/202405/t20240531_11367501.html (accessed: 12.06.2026); Full Text: China's National Defense in the New Era // The State Council of The People's Republic of China. July 24, 2019. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (accessed: 12.06.2026).

М.А. Хассан (Hassan, 2019) в работе «Растущее соперничество Китая и Индии в Индийском океане» подробно анализирует китайскую инициативу «Один пояс, один путь» (особенно ее морскую составляющую) и оценивает, как Индия воспринимает реализацию Китаем этой инициативы в качестве посягательства на свою традиционную сферу влияния.

Китайские научные исследования, посвященные региону Индийского океана, прошли путь от стратегического осмысления к институциональному и нормативному проектированию. Чжао Ганьчэн первым обосновал тезис о том, что, хотя у Китая отсутствует формальная стратегия в отношении Индийского океана, его становление как морской державы требует включения этого региона в более широкую концепцию китайской морской стратегии. Он выделил изменение глобальной позиции США и наращивание военно-морского потенциала Индии в качестве структурных факторов, вынуждающих Китай обеспечивать безопасность доступа к морским путям и свободу судоходства[2]. Ли Цзячэн (Li, 2017) развил этот подход, представив «малаккскую дилемму» как ключевой аспект уязвимости Китая на море и призвав к разработке долгосрочной стратегии КНР в Индийском океане, ориентированной на обеспечение безопасности в рамках инициативы «Морской Шелковый путь XXI века».

У Лян, Цинь Ци, Чжан Дань и Чэн Шэнкуй (Wu et al., 2018) расширили дискуссию, указав на необходимость диверсификации маршрутов Китая в Индийском океане для снижения чрезмерной зависимости от путей, проходящих через Южно-Китайское море и Малаккский пролив. Кан Шэн и др. (Kang, Zhang & Yu, 2021) перевели обсуждение в контекст китайской концепции «сообщества единой судьбы человечества», увязав исследования Индийского океана с региональным сотрудничеством и формированием системы научных знаний. Наконец, Чжу Сяньлун сделал акцент на модели сотрудничества с опорой на островные государства, выступив за «голубое партнерство» и культурную дипломатию в целях содействия мирному развитию[3]. В совокупности эти работы отражают эволюцию подхода Китая — от осознания стратегической уязвимости к активному взаимодействию в регионе и утверждению нормативного лидерства.

Хотя существующие исследования углубили понимание соперничества между Индией и Китаем в Индийском океане, значительная их часть по-прежнему опирается на реалистские парадигмы, в центре внимания которых находятся материальная мощь, военно-морской потенциал и стратегии баланса сил. В подобных работах государства зачастую рассматриваются как рациональные субъекты, стремящиеся максимизировать собственную безопасность и относительное могущество в условиях международной анархии. Данное исследование опирается на этот фундамент, однако отходит от традиционных подходов, применяя теорию перспектив для анализа когнитивных и психологических факторов, определяющих процесс принятия решений. Такой подход позволяет показать, что соперничество в регионе Индийского океана не только сводится к физическому контролю над морским пространством, но и затрагивает вопросы восприятия потерь, формирования стратегических нарративов и изменения отношения к рискам в XXI в.

Методология исследования

В данном исследовании применяется качественный подход, основанный преимущественно на вторичных источниках, включая научные публикации, аналитические доклады и стратегические документы, подготовленные в Индии, Китае и авторитетных международ-

[2] Zhao G. Yinduyang: Zhongguo haiyang zhanlüe zai dingyi de dongyin [Индийский океан: движущие силы переопределения морской стратегии Китая] // Shanghai Guoji Wenti Yanjiuyuan [Шанхайский институт международных исследований]. April 8, 2013. (На китайском языке). URL: https://www.siis.org.cn/lw/310.jhtml (accessed: 20.04.2026).

[3] Zhu X. Zhongguo yu Yinduyang daoguo hezuo de xianzhuang yu qianjing [Современное состояние и перспективы сотрудничества Китая с островными государствами Индийского океана] // Hu'nan Ligong Daxue Waiguoyu Xueyuan [Школа иностранных языков Южно-Китайского технологического университета]. January 3, 2025. (На китайском языке). URL: https://www2.scut.edu.cn/sfl/2025/0103/c35370a574202/page.htm (accessed: 20.07.2026).

ных организациях. Всесторонний обзор литературы служит основой для анализа динамики отношений между Китаем и Индией в регионе Индийского океана, обеспечивая разносторонний и взвешенный подход к проблеме. Работа опирается на теоретическую базу, включающую теорию перспектив и геополитическую теорию. Согласно этим подходам, государства, сталкивающиеся с растущей державой, не всегда прибегают к традиционной стратегии баланса сил, что позволяет по-новому взглянуть на соперничество Китая и Индии в регионе Индийского океана.

Теория перспектив (Kahneman & Tversky, 1979, p. 277) объясняет процесс принятия решений в условиях риска, демонстрируя, что потери воспринимаются как более значимые, чем выигрыши. В сфере международных отношений это помогает понять, почему лидеры зачастую идут на больший риск ради защиты своего статуса или преодоления последствий неудач, нежели ради получения новых преимуществ. Государства могут демонстрировать готовность к риску после территориальных или репутационных потерь, однако, добившись успеха, лидеры начинают избегать риска и прилагают чрезмерные усилия для сохранения достигнутого (Levy, 1997, pp. 93–94). В табл. 1 показано, как эта динамика проявляется в стратегиях Китая и Индии в Индийском океане, что согласуется с положениями работ Д. Канемана и А. Тверски (Kahneman & Tversky, 1979) и Дж.С. Леви (Levy, 1997).

Эти четыре фактора тесно взаимосвязаны и влияют друг на друга (рис. 1). Модель демонстрирует, что стратегические решения страны определяются точками отсчета, относительно которых оцениваются возможные выигрыши или потери. При восприятии риска потерь (эффект неприятия потерь) страна реагирует остро и может легко перейти к модели поведения, ориентированной на риск, стремясь восстановить свои позиции. Однако способ подачи ситуации (эффект фрейминга) способен изменить точку отсчета, усиливая или ослабляя страх перед потерями и склонность к риску и тем самым влияя на весь цикл принятия решений.

Хотя геополитика не выступает в качестве центральной теории исследования, китайско-индийское соперничество в регионе Индийского океана рассматривается с геополитической точки зрения, чтобы показать, как стратегическое положение региона подпитывает амбиции как Китая, так и Индии, стремящихся к доминированию на море (Mallick, 2025). В основе этого соперничества лежат ключевые географические факторы, такие как контроль над морскими путями и стратегически важными узкими проходами (например, Малаккским проливом), которые определяют стратегии этих стран по расширению влияния и укреплению позиций в регионе. Теория баланса угроз предполагает, что государства реагируют на воспринимаемые угрозы, а не просто на изменения в расстановке сил.

Таблица 1. **Применение теории перспектив к международным отношениям**

№ п/п	Элемент теории	Исследовательская интерпретация
1	Опорные точки	Государства оценивают выигрыши и потери относительно своего существующего или ожидаемого стратегического положения
2	Неприятие потерь	Воспринимаемые потери вызывают более сильную реакцию, чем равнозначные выигрыши Государства прилагают усилия для предотвращения ухудшения своего стратегического положения
3	Склонность к риску в ситуации потерь	В ситуации потерь государства более склонны к рискованным действиям, чтобы вернуть утраченные позиции
4	Эффекты фрейминга	То, как сформулирована стратегия, влияет на ее принятие как внутри страны, так и на международном уровне

Источник: составлено Т.В. Чу и М.Х.Л. Чан по: (Kahneman & Tversky, 1979; Levy, 1997).

Индия расценивает растущее присутствие Китая в Индийском океане как угрозу, в то время как действия Китая — например, строительство портов в Пакистане и на Шри-Ланке — направлены на создание противовеса Индии. С. Уолт (Walt, 1985) утверждает, что политика балансирования проистекает из чувства страха, поскольку государства склонны уравновешивать силы тех, кого они воспринимают как угрозу, а не просто более могущественных игроков. Кроме того, Р. Швеллер (Schweller, 1994) отмечает, что малые государства, сталкиваясь с великой державой, часто выбирают стратегию присоединения к сильному (*bandwagoning*), чтобы максимально реализовать свои интересы и избежать конфликта.

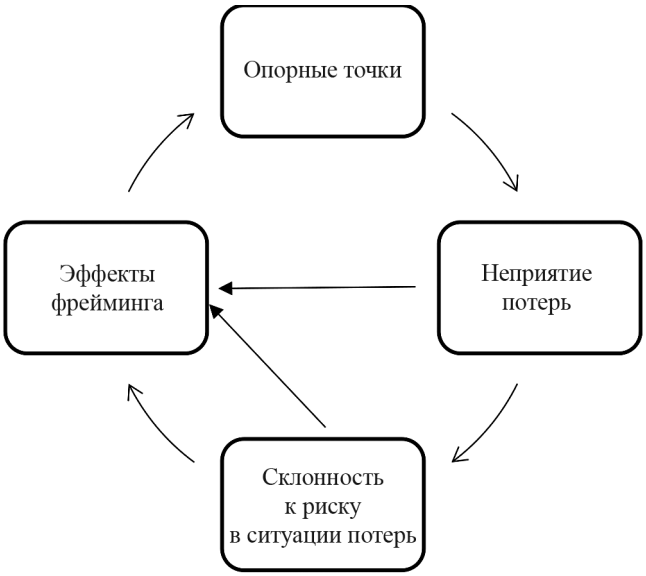

Рис. 1. Модель стратегической конкуренции, основанная на теории перспектив

Источник: составлено Т.В. Чу и М.Х.Л. Чан.

В данном исследовании анализируется развивающееся геополитическое соперничество между Китаем и Индией в регионе Индийского океана (РИО), особое внимание уделяется трем ключевым вопросам:

1. Почему РИО имеет стратегическое значение для обеих стран и стал ареной острой конкуренции?

2. Как теория перспектив помогает объяснить их поведение, чувствительное к риску и обусловленное страхом потерь?

3. Какие вызовы и перспективы определяют ход этого продолжающегося соперничества?

Значение Индийского океана в стратегии Китая и Индии

В геополитике XXI в. Индийский океан стал ключевым центром притяжения, выступая в качестве стратегической арены для мировых держав (Song & Bai, 2009, p. 35), прежде всего Китая и Индии. Простираясь от Малаккского пролива до побережья Африки, этот океан служит важнейшей морской магистралью для мировой торговли, транспортировки энергоресурсов и осуществления военной деятельности. Несмотря на то, что он занимает третье место по площади среди океанов, его значимость многократно возрастает благодаря наличию ряда ключевых узких проходов (Hassan, 2019, p. 78), таких как Ормузский, Баб-эль-Мандебский и Малаккский проливы, через которые проходят значительные объемы жизненно важных для мира нефти, газа и потребительских товаров (Hashmi, Haider & Zahid, 2023, p. 87). Более 80 % мирового морского оборота нефти осуществляется через эти важнейшие проливы, что подчеркивает незаменимую роль Индийского океана в обеспечении глобальной экономической и энергетической безопасности[4].

Геополитика в сфере энергетики в данном регионе определяется как региональными, так и мировыми державами, включая США, которые поддерживают здесь значительное военное присутствие для обеспечения свободы передвижения товаров и защиты своих союзников. По некоторым оценкам, к 2030 г. мировой спрос на энергоносители вырастет на 45 %, причем почти половина этого прироста придется на долю Китая и Индии[5]. Более 85 % нефти, предназначенной для Китая, транспортируется через Индийский океан и Малаккский пролив, что свидетельствует о критически важной роли этого региона в глобальном энергоснабжении (Kaplan, 2009, p. 20).

[4] Weber J. China's Expansion in the Indian Ocean Calls for European Engagement // Mercator Institute for China Studies. October 11, 2019. URL: https://merics.org/en/comment/chinas-expansion-indian-ocean-calls-european-engagement (accessed: 12.03.2025).

[5] World Energy Outlook 2008 // International Energy Agency. 2008. P. 38. URL: https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/8660/1/weo2008.pdf (accessed: 20.02.2026).

Присутствие внешних держав, таких как США, Франция, Великобритания, Россия и Китай, усложняет обстановку в регионе (Khan, 2022, p. 29). Звучавшие в прошлом призывы к созданию «зоны мира» (Pant, 2014, p. 189) контрастируют с нынешними реалиями, характеризующимися модернизацией военно-морских сил и стратегическим соперничеством. Для Китая и Индии доминирование в Индийском океане — это не факультативная задача, а ключевой элемент обеспечения жизненно важных экономических связей и проецирования силы (Ramadhani, 2015, p. 147; Berlin, 2006, p. 60).

Для *Китая* Индийский океан имеет решающее значение с точки зрения стратегических целей, особенно в сферах энергетической безопасности и торговли. Через этот регион проходит более 80 % импортируемой Китаем сырой нефти, что делает Малаккский пролив и связанную с ним так называемую «малаккскую дилемму» критически уязвимым звеном[6]. Хотя исторически основное внимание Китая было сосредоточено на Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, а также на тайваньском вопросе, регион Индийского океана приобрел растущую значимость в силу ряда дополнительных стратегических факторов. Несмотря на то, что территориальные претензии и стремление к региональному доминированию остаются в центре геополитических целей КНР, регион Индийского океана жизненно важен для энергетической безопасности, поскольку ключевые морские пути (в частности, Малаккский пролив) служат «узкими местами» для импорта энергоносителей. Кроме того, инициатива «Один пояс, один путь», направленная на создание инфраструктуры и альтернативных торговых маршрутов, активно задействует регион Индийского океана, делая его неотъемлемой частью долгосрочного торгово-экономического роста Китая.

Таким образом, хотя фокус внимания Пекина по-прежнему направлен на его непосредственное окружение, регион Индийского океана играет ключевую вспомогательную роль в обеспечении потоков энергоносителей, совершенствовании логистических сетей и расширении глобального влияния. Для смягчения последствий «малаккской дилеммы» Пекин продвигает инициативу ОПОП, инвестируя в инфраструктуру в Южной Азии и Восточной Африке, диверсифицируя торговые маршруты и обеспечивая надежность каналов снабжения. Такие порты, как Гвадар, Хамбантота и Дорале, являющиеся частью «Морского Шелкового пути», укрепляют экономическое и стратегическое присутствие Китая, обеспечивая безопасность судоходных путей и возможности для проецирования военно-морской мощи. Создание первой зарубежной базы в Джибути еще больше подчеркивает стремление Китая обеспечить безопасность морских путей под предлогом миротворческих и антипиратских операций, одновременно сигнализируя о его более масштабных амбициях по утверждению глобального влияния на море[7].

Для *Индии* Индийский океан является основной сферой морских интересов, играющей ключевую роль в ее экономике и стратегии. Через регион Индийского океана проходит около 95 % объема и более 70 % стоимости индийской торговли[8], а также осуществляется большая часть импорта энергоносителей с Ближнего Востока. В связи с этим обеспечение стабильности и безопасности морских путей имеет жизненно важное значение для Нью-Дели. Долгосрочные цели Индии включают достижение региональной гегемонии в Южной Азии и бассейне Индийского океана, расширение влияния на Ближнем Востоке,

[6] Wu Q. Qingting lishi de sushu — Hu Jintao fangwen Malacca haixia ceji [Слушая рассказ истории: заметки о визите Ху Цзиньтао в Малаккский пролив] // China News Service. November 12, 2009. (На китайском языке). URL: https://www.chinanews.com.cn/gn/news/2009/11-12/1960299.shtml (accessed: 10.03.2026). См. также: (Li, 2017, p. 482).

[7] China's Maritime Silk Road Initiative: Implications for the Global Maritime Supply Chain // U.S. Government Publishing Office. U.S. House of Representatives. October 17, 2019. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-116hhrg41367/html/CHRG-116hhrg41367.htm (accessed: 10.03.2026).

[8] Indian Shipping Industry: A Catalyst for Growth // Export-Import Bank of India. Occasional Paper. 2010 (October). No. 142. P. 1. URL: https://www.eximbankindia.in/sites/default/files/2025-07/25file%20%281%29.pdf (accessed: 02.03.2026).

Таблица 2. **Сравнение возможностей Индии и Китая в Индийском океане**

Индикатор	Индия	Китай
Рейтинг военной мощи (2025 г.)	4	3
Авианосцы (в строю / на испытаниях)	2 действующих («Викрамадитья», «Викрант»)	2 в строю («Ляонин», «Шаньдун») + «Фуцзянь» (тип 003) — на этапе испытаний / ввода в эксплуатацию
Военные корабли: – в том числе авианосцы; – в том числе подводные лодки	290 2 18	1 025 3 73
Зарубежные базы / официальные объекты военной поддержки	Индия опирается на доступ к объектам и соответствующие договоренности (порт Дукм, меморандумы о взаимопонимании с Сейшелами и Маврикием, объекты на Андаманских и Никобарских о-вах)	Один подтвержденный зарубежный военный объект (Джибути) + многочисленные инвестиции в портовую инфраструктуру и логистические соглашения (Гвадар, участие в проекте Хамбантота, связи с портом Дорале и т. д.)
Инвестиции в коммерческие порты в регионе Индийского океана	Чабахар (Иран) Индия управляет терминалом «Шахид Бехешти» (или участвует в его работе) На стадии реализации находятся проекты в Ситтве (Мьянма) и на о-ве Агалега (Маврикий)	Гвадар (Пакистан) Хамбантота (Шри-Ланка) Дорале (Джибути)
Импорт энергоносителей по маршрутам в Индийском океане	Высокая зависимость от морского импорта (Индия импортирует около 80–90 % нефти; значительная часть поставок осуществляется по маршрутам, проходящим через Индийский океан и Ормузский пролив в Аравийское море)	Около 80 % морского импорта нефти в Китай проходит по маршрутам, включающим Малаккский пролив и другие критически важные узкие места в Индийском океане (то есть наблюдается высокая зависимость от морских коммуникаций в этом регионе)
ВВП (2024 г.)	3,76 трлн долл. США	18,95 трлн долл. США
Военные расходы (2024 г.)	Около 86,1 млрд долл. США	Около 314 млрд долл. США

Источник: составлено Т.В. Чу и М.Х.Л. Чан по данным: Thakkar M. World's Most Powerful Militaries of 2025: Global Firepower Index Top 10 // The Economic Times. January 11, 2026. URL: https://economictimes.indiatimes.com/us/news/worlds-most-powerful-militaries-of-2025-global-firepower-index-top-10/articleshow/126461667.cms?from=mdr (accessed: 13.04.2026); China's Belt and Road Initiative // International Institute for Strategic Studies. 2023. 1st edition. P. 20, 23. URL: https://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/chinas-belt-and-road-initiative/ (accessed: 19.09.2025); Downs E., Becker J., de Gategno P. China's Military Support Facility in Djibouti: The Economic and Security Dimensions of China's First Overseas Base // CNA National Security Analysis. July 2017. P. 2. URL: https://www.cna.org/reports/2017/07/DIM-2017-U-015308-Final3.pdf (accessed: 12.03.2026); GDP, Current Prices (2024) // International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/ARE?year=2024 (accessed: 13.04.2026); Liang X., Tian N., Lopes da Silva D., Scarazzato L., Karim Z., Guiberteau Ricard J. Trends in World Military Expenditure, 2024 // SIPRI Fact Sheet. April 2025. P. 2. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2025-04/2504_fs_milex_2024.pdf (accessed: 19.09.2025).

в Центральной и Юго-Восточной Азии, а также стремление к статусу великой державы[9]. Для достижения этих целей Нью-Дели наращивает военно-морской потенциал, переходит к активной морской стратегии и реализует политику *Look East* («Взгляд на Восток») и *Act East* («Действуй на Востоке») с целью углубления связей со странами Юго-Восточной Азии[10]. Индия также противодействует растущему влиянию Китая, укрепляя партнерские отношения с США, Японией и Австралией в рамках формата QUAD и одновременно развивая связи в сфере безопасности с островными государствами, такими как Мальдивы, Сейшель-

[9] Pardesi M. S. Deducing India's Grand Strategy of Regional Hegemony from Historical and Conceptual Perspectives. Institute of Defence and Strategic Studies Working Paper No. 76. Singapore : Institute of Defence and Strategic Studies, 2005. P. 55. См. также: (Berlin, 2006, p. 61).

[10] Rajendram D. India's New Asia-Pacific Strategy: Modi Acts East // Lowy Institute for International Policy. December 2024. P. 12, 14. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/186677/indias-new-asia-pacific-strategy-modi-acts-east.pdf (accessed: 02.03.2026). См. также: (Sen, 2023, p. 112).

ские Острова и Маврикий. В то же время усиление военного присутствия на Андаманских и Никобарских о-вах обеспечивает Индии стратегически выгодную позицию для защиты важнейших торговых путей и мониторинга активности ВМС Китая[11].

Как показывают данные табл. 2, стратегии Китая и Индии в Индийском океане характеризуются явной асимметрией. В экономической сфере значительно более высокий ВВП Китая и масштабные инвестиции в портовую инфраструктуру обеспечивают ему широкий доступ к объектам в регионе — зачастую двойного назначения, тогда как Индия реализует более адресные проекты, опирающиеся на двусторонние связи. В политическом плане Пекин использует государственное финансирование и меморандумы о взаимопонимании для формирования своего влияния, в то время как Нью-Дели делает ставку на исторические связи, оборонную дипломатию и наращивание потенциала для укрепления отношений с соседними государствами. В военной сфере более крупный оборонный бюджет и растущий экспедиционный флот позволяют Китаю действовать на больших расстояниях, тогда как географические преимущества Индии (включая архипелаг Андаманских и Никобарских о-вов) и наличие региональных баз способствуют обеспечению доминирования в регионе и контролю над ключевыми морскими проходами. Эти различия указывают скорее на соперничество за доступ и влияние, чем на симметричное высокоинтенсивное противостояние.

Текущее состояние китайско-индийского соперничества в Индийском океане сквозь призму теории перспектив

С точки зрения теории перспектив китайско-индийское соперничество в Индийском океане отражает неприятие потерь, обусловленное опасениями утраты контроля и влияния, склонность к риску при возникновении угрозы ключевым интересам, а также стратегическое использование «фрейминга» посредством нарративов о сотрудничестве, развитии или стабильности. Эти факторы определяют выбор политического курса и подчеркивают глубину стратегического соперничества между двумя державами.

Опорные точки

Соперничество Китая и Индии (рис. 2, 3) в Индийском океане определяется их особыми подходами, обусловленными стратегическими интересами и представлениями о безопасности. Для Китая приоритетом является обеспечение поставок энергоносителей и расширение глобального влияния. Зависимость от Малаккского пролива стимулировала такие инициативы, как ОПОП и «Морской Шелковый путь», направленные на строительство портов, инфраструктуры и создание альтернативных торговых маршрутов в регионе[12]. В акватории Индийского океана ВМС Народно-освободительной армии Китая (НОАК) регулярно развертывают эсминцы с управляемым ракетным оружием (типа 052D/052C), фрегаты (типа 054A), десантные корабли, суда снабжения и обеспечения, а также время от времени госпитальные и гидрографические суда. С 2008 г. Китай направил десятки сменяемых оперативных групп сопровождения (более 46 по состоянию на 2024 г.), каждая из которых обычно состояла из двух боевых кораблей и судна снабжения, однако начиная с 33-й группы (2019 г.) в их состав чаще всего входят эсминец типа 052D, фрегат типа 054A и судно снабжения[13].

[11] Pant H.V., Bose S. Andaman and Nicobar Can Lift India's Maritime Capacity // Observer Research Foundation. January 14, 2023. URL: https://www.orfonline.org/research/andaman-and-nicobar-can-lift-indias-maritime-capacity (accessed: 12.07.2025).

[12] China's Belt and Road Initiative // International Institute for Strategic Studies. 2023. 1st edition. P. 20, 23. URL: https://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/chinas-belt-and-road-initiative/ (accessed: 19.09.2025).

[13] См.: Blasko D. J. Recent Changes in the PLA Navy's Gulf of Aden Deployment Pattern // China Maritime Studies Institute Note #8. August 13, 2024. URL: https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1007&context=cmsi-notes (accessed: 13.04.2026); Liu Z. Chinese Navy Vessels on Goodwill Mission to Hong Kong // South China Morning Post. April 26, 2019. URL: https://www.scmp.com/news/china/military/article/3007778/chinese-navy-vessels-goodwill-mission-hong-kong (accessed: 12.06.2026).

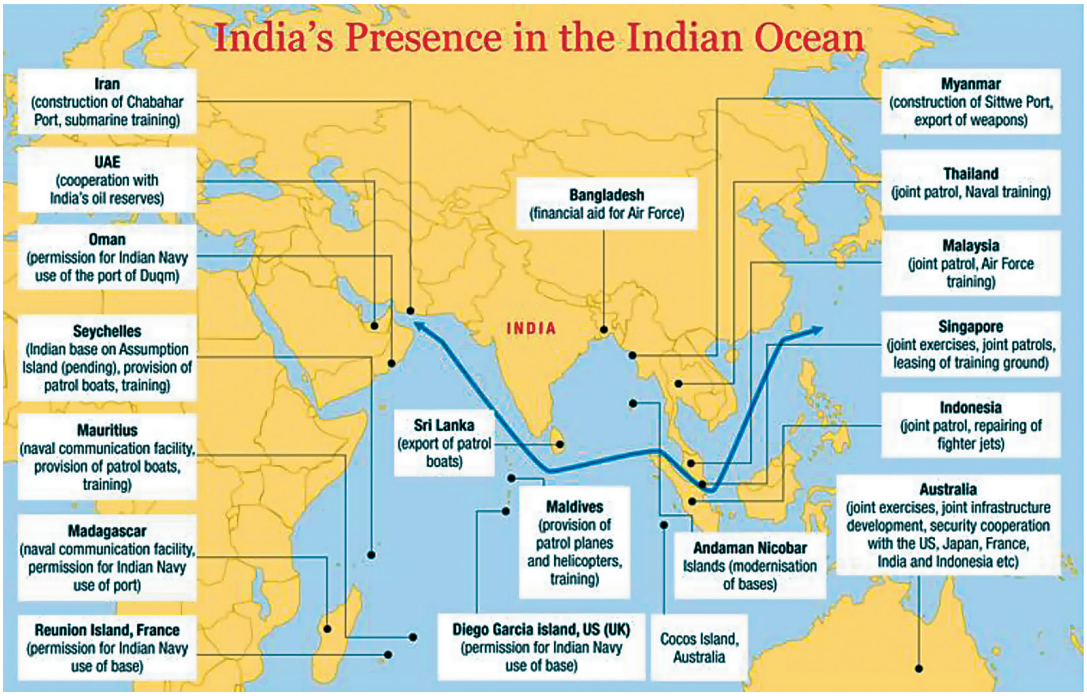

Рис. 2. Присутствие Индии в Индийском океане

Источник: Saloni S. Indian Navy: A Formidable Blue Water Force in the Making // SP's naval Forces. February-March 2020. Vol. 15, no. 1. P. 3. URL: https://www.researchgate.net/publication/340443158_Indian_Navy_A_Formidable_Blue_Water_Force_in_the_Making (accessed: 19.09.2026).

В Джибути расположена первая зарубежная военная база материально-технического обеспечения Китая, открытая в 2017 г. рядом с портовыми сооружениями Дорале, связанными с интересами КНР. Там дислоцируется личный состав НОАК. Этот объект служит логистическим узлом ВМС НОАК для пополнения запасов и дозаправки групп сопровождения, поддержки операций по борьбе с пиратством, сопровождению и поддержанию мира, а также для выполнения гуманитарных миссий в Аденском заливе и у побережья Сомали, одновременно обслуживая коммерческую морскую инфраструктуру[14].

Гвадар (Пакистан) — это стратегический гражданский порт, созданный в рамках Китайско-пакистанского экономического коридора и призванный обеспечить КНР выход к Индийскому океану и предоставить логистические возможности в случае необходимости. В свою очередь, Хамбантота (Шри-Ланка) — коммерческий порт, переданный в долгосрочную аренду китайским компаниям и обладающий потенциалом для обеспечения тыловых нужд ВМС[15].

С Мальдивами и Сейшельскими о-вами у КНР подписаны меморандумы о взаимопонимании в сфере безопасности, предусматривающие право захода китайских кораблей в порты для пополнения запасов и расширения морского присутствия[16]. Стратегические опорные пункты в Пакистане,

[14] Wang X. China's First Overseas Military Base Opens in Djibouti // CGTN. August 1, 2017. URL: https://news.cgtn.com/news/3d6b7a4e3241544e/share_p.html (accessed: 11.03.2026).

[15] Sri Lanka Says Southern Port Agreement with China Purely Commercial // Xinhua. June 29, 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/29/c_137290595.htm (accessed: 12.06.2026).

[16] См.: Seychelles Strengthens Security Ties at the 1st China-East Africa Ministerial Dialogue on Law Enforcement and Security Cooperation // Ministry of Homeland Security and Civil Affairs, Republic of Seychelles. May 8, 2025. URL: https://mia.gov.sc/news-and-press/press-releases/seychelles-strengthens-security-ties-at-the-1st-china-east-africa-ministerial-dialogue-on-law-enforcement-and-security-cooperation (accessed: 17.09.2025); Maldives Ready to Deepen Cooperation with China for Prosperous Future: President // Xinhua. October 1, 2025. URL: https://english.news.cn/asiapacific/20251001/b337a00f440743fd812ff4b393ec29a6/c.html (accessed: 12.06.2026).

на Шри-Ланке и в Джибути отражают стремление Пекина обезопасить морские коммуникации и каналы поставок энергоносителей, а также распространить свое влияние на регионы Азии, Африки и Ближнего Востока[17].

Индия, напротив, рассматривает Индийский океан как свой «стратегический тыл» и естественную сферу влияния[18]. Усиление присутствия Китая воспринимается ею как прямой вызов собственному доминированию. Стратегия Индии строится на модернизации военно-морских сил, укреплении военной инфраструктуры и обеспечении контроля над ключевыми узлами морских путей. Контроль над Андаманскими и Никобарскими о-вами, расположенными вблизи Малаккского пролива, обеспечивает Индии стратегически выгодную позицию для отслеживания перемещений китайских сил и защиты торговых маршрутов[19] (см. рис. 2).

Инвестиции обеих держав в инфраструктуру РИО, наращивание военно-морского потенциала и развитие региональных партнерств отражают стремление защитить или максимально укрепить свои ключевые приоритеты. Для Китая это означает обеспечение энергетической безопасности и расширение геополитического влияния, для Индии — отстаивание регионального лидерства и предотвращение внешнего вмешательства. Таким образом, их соперничество в Индийском океане представляет собой столкновение интересов, где каждая из сторон стремится обезопасить свои жизненно важные экономические артерии, стратегическое пространство и позиции на мировой арене.

Неприятие потерь

И Китай, и Индия демонстрируют выраженную склонность избегать потерь при реализации своих стратегий в Индийском океане: опасения утратить влияние или подорвать безопасность перевешивают для них стремление к получению выгод.

Для Индии этот регион исторически является естественной сферой влияния, поэтому китайская экспансия воспринимается ею как прямая угроза. Контролируемые Китаем порты и военно-морские объекты на Мальдивах[20], в Джибути[21] и на Шри-Ланке (включая передачу порта Хамбантота в аренду на 99 лет[22] усилили опасения Индии по поводу стратегического окружения. В ответ Индия занялась модернизацией военно-морского флота, укреплением партнерства в рамках QUAD и развитием более тесных связей с Сейшельскими о-вами и Маврикием, стремясь взять под контроль ключевые морские проходы и сохранить доминирующее положение в регионе[23].

Стремление Китая избежать потерь обусловлено его зависимостью от маршрутов в Индийском океане — и в первую очередь от Малаккского пролива — в вопросах поставок энергоносителей. Нарушение судоходства на этих путях поставило бы под угрозу экономическую стабильность КНР, что побудило Пекин инвестировать в порты Гвадар, Хамбантота

[17] Templeton E. Navigating the String of Pearls: Strategies for India to Secure the Indian Ocean // Leeds Policy Institute. March 16, 2025. URL: https://www.leedspolicyinstitute.org.uk/post/navigating-the-string-of-pearls (accessed: 14.06.2026).

[18] Ghiasy R. Maritime Order in the Indian Ocean: Regional Security and Strategic Competition // The Hague Centre for Strategic Studies. 2021. P. 3. URL: https://hcss.nl/wp-content/uploads/2021/01/Maritime-Order-in-the-Indian-Ocean_0.pdf (accessed: 02.03.2026). См. также: (Kumar, 2020, p. 238).

[19] Nishant R. India's Expanding Naval Presence in the Indo-Pacific // IDSS Paper. 2025 (February 18). No. 013/2025. P. 2. URL: https://rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2025/02/IP25013.pdf (accessed: 19.06.2026).

[20] Tran M. H. L. China—Maldives Defence Ties Threaten India's Influence // East Asia Forum. April 11, 2024. URL: https://eastasiaforum.org/2024/04/11/china-maldives-defence-ties-threaten-indias-influence/ (accessed: 11.03.2025).

[21] Downs E., Becker J., de Gategno P. China's Military Support Facility in Djibouti: The Economic and Security Dimensions of China's First Overseas Base // CNA National Security Analysis. July 2017. P. 2. URL: https://www.cna.org/reports/2017/07/DIM-2017-U-015308-Final3.pdf (accessed: 12.03.2026).

[22] Stone R. China Is Losing Ground in Sri Lanka // Rupert Stone. August 22, 2022. URL: https://rupertstone.com/2022/08/22/china-is-losing-ground-in-sri-lanka/ (accessed; 13.03.2026).

[23] Bhattacharya S. India's Strategic Role in the Western Indian Ocean: Convergence of Interest with the Littoral Nations // Centre for Joint Warfare Studies (CENJOWS). August 2024. URL: https://cenjows.in/wp-content/uploads/2025/12/Sanchaly_Bhattacharya_Web_Article_Aug_2024_CENJOWS.pdf (accessed: 12.07.2025).

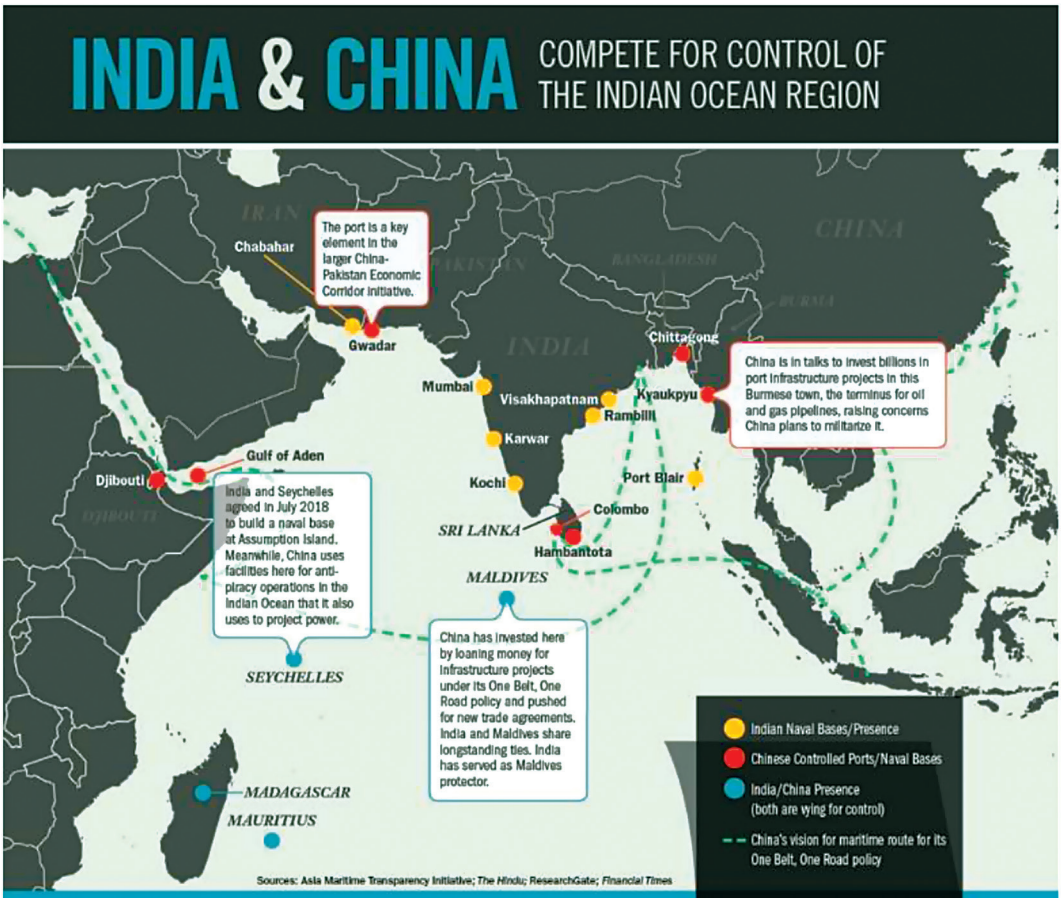

Рис. 3. Соперничество Индии и Китая за контроль над регионом Индийского океана

Источник: Brewster D. India And China Face Off // Indo-Pacific Defense Forum. April 22, 2019. URL: https://ipdefenseforum.com/2019/04/india-and-china-face-off/ (accessed: 23.04.2025).

и Джибути для обеспечения безопасности торговли и проецирования своего влияния[24]. Наличие этих стратегических опорных пунктов свидетельствует о решимости Китая снизить зависимость от уязвимых «узких мест» и защитить жизненно важные морские коридоры.

По сути, действия Индии продиктованы опасениями утратить региональное лидерство, тогда как усилия Китая обусловлены страхом потерять надежный доступ к энергоресурсам и торговым путям. Таким образом, политика обеих стран в регионе Индийского океана определяется в большей степени не ожидаемыми выгодами, а психологической значимостью возможных потерь (см. рис. 3).

Склонность к риску в ситуации потерь

И Китай, и Индия демонстрируют склонность к риску, когда их ориентиры воспринимаются как находящиеся под угрозой, демонстрируя готовность осуществить действия, направленные на предотвращение дальнейших относительных потерь. Для Китая создание военной базы в Джибути и подписание оборонного соглашения с Мальдивами отражают меры, направленные на обеспечение безопасности ключевых морских путей и сохранение стратегического присутствия в Индийском океане. Хотя эти шаги повлекли за собой потенциальные дипломатические и репутационные издержки, они предпринимались как часть усилий по предотвращению предполагаемого ослабления собственного стратегического влияния.

Индия, столкнувшись с растущей активностью Китая в регионе, приняла аналогичный

[24] China's Belt and Road Initiative // International Institute for Strategic Studies. 2023. 1st edition. URL: https://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/chinas-belt-and-road-initiative/ (accessed: 19.09.2025). См. также: (Rahim & Ali, 2018).

подход, основанный на поиске риска, чтобы защитить свою стратегическую позицию. Нью-Дели расширил оборонное сотрудничество через QUAD и принял участие в учениях «Малабар» с США, Японией и Австралией[25], а также в двусторонних учениях, таких как JIMEX (*Japan—India Maritime Exercise*) с Японией и AUSINDEX с Австралией. Кроме того, Индия проводит ряд совместных военно-морских учений, в том числе SIMBEX с Сингапуром, *Varuna* — с Францией, INDRA — с Россией, *Konkan* — с Великобританией, *Zayed Talwar* — с ОАЭ, *Dosti* — с Мальдивами и *Naseem Al-Bahr* — с Оманом[26], уделяя особое внимание морской безопасности и борьбе с терроризмом. Эти действия повышают оперативную готовность и отражают усилия Индии по смягчению предполагаемых стратегических недостатков в Индийском океане. Продолжающаяся военно-морская модернизация Индии и развивающиеся морские доктрины (Khan, 2022, p. 18) также указывают на ее намерение компенсировать потенциальные потери посредством реализации напористой политики.

В обоих случаях готовность принять дипломатические и стратегические риски согласуется с предсказанием теории перспектив о том, что акторы становятся более склонными к риску, действуя в контексте предполагаемых потерь. Поскольку стратегическая конкуренция в Индийском океане усиливается, и Китай, и Индия, вероятно, продолжат использовать стратегии, предполагающие более высокий уровень расчетного риска, чтобы сохранить или вернуть свои референтные позиции.

Эффект фрейминга

И Китай, и Индия используют стратегическое позиционирование (фрейминг) для формирования общественного мнения и легитимации своих действий в Индийском океане. Китай представляет свои инициативы как ориентированные на сотрудничество, делая упор на экономическом развитии, взаимной выгоде, борьбе с пиратством и гуманитарной помощи (Li, 2017, p. 489) и тем самым отвлекая внимание от военного аспекта портовых проектов и строительства баз. Индия, напротив, выстраивает нарратив о себе как о «гаранте безопасности» (*net security provider*), подчеркивая приверженность принципу «свободы судоходства» и отрицая наличие гегемонистских устремлений[27]. Таким образом, оба государства используют схожие подходы, чтобы привести свою политику в соответствие с общепринятыми международными нормами, представляя свои действия в морском пространстве как вклад в безопасность, торговлю и стабильность, а не как проявление конкуренции.

На практике обе страны задействуют институциональные и дипломатические площадки для подкрепления этих нарративов. В 2023 г. Индия провела 8-й Военно-морской симпозиум стран Индийского океана (IONS)[28], позиционируя его как платформу для укрепления морской безопасности и сотрудничества (Sen, 2023, pp. 118–119). Аналогичным образом в 2024 г. Китай организовал 3-й форум по сотрудничеству в области развития «синей экономики» между Китаем и странами региона Индийского океана, сделав акцент на экономическом росте и устойчивом развитии и оставив в тени военные цели[29]. Посредством таких форумов оба игрока стремятся представить свое стратегическое присутствие как партнерское

[25] Koenig S. India Hosts Australia, Japan and U.S. Forces in Exercise Malabar 2024 // U.S. Navy. October 9, 2024. URL: https://www.navy.mil/Press-Office/News-Stories/Article/3931242/india-hosts-australia-japan-and-us-forces-in-exercise-malabar-2024/ (accessed: 18.08.2025).

[26] Maritime Cooperation with Regional Partners // Press Information Bureau, Government of India. March 21, 2022. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1807607&reg=48&lang=2 (accessed: 02.08.2025).

[27] Izuyama M., Kurita M. Security in the Indian Ocean Region: Regional Responses to China's Growing Influence // East Asian Strategic Review 2017. Tokyo : The National Institute for Defense Studies, 2017. P. 39. URL: https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/pdf/2017/east-asian_e2017_02.pdf (accessed: 19.06.2026).

[28] Indian Ocean Naval Symposium (IONS) — 2023 // Press Information Bureau, Government of India. December 19, 2023. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleseDetailm.aspx?PRID=1988673&reg=48&lang=2 (accessed: 04.06.2025).

[29] Li Y., Peng C. China to Boost Indian Ocean Region // China Daily. December 17, 2024. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202412/17/WS6760ceb7a310f1265a1d33ea.html (accessed: 04.06.2025).

и взаимовыгодное, несмотря на сохраняющуюся в действительности конкуренцию.

Деятельность Китая в регионе Индийского океана сочетает в себе стратегические, экономические и культурные аспекты, направленные на поддержание влияния и снижение восприятия угрозы со стороны КНР. Инициатива по созданию Совета «Китай — Индийский океан» (2022 г.) была призвана дополнить проект «Один пояс, один путь» за счет развития сотрудничества в сфере «синей экономики» и предотвращения стихийных бедствий, хотя исключение Индии из этого процесса вызвало критику[30]. Помимо инициатив в области экономики и безопасности Пекин развивает сеть Институтов Конфуция в регионе для продвижения китайского языка и культуры, тем самым расширяя свое присутствие в сфере «мягкой силы» (Martin & Elias, 2021, p. 1655). Хотя некоторые наблюдатели высказывали опасения по поводу политического подтекста деятельности этих учреждений (Zhou & Luk, 2016, p. 632), они остаются важным элементом более широкой стратегии Китая по формированию своего имиджа, представляющей присутствие страны как экономически и культурно конструктивное.

Деятельность Индии также сочетает в себе стратегические и гуманитарные аспекты. Такие операции, как «Рахат» в Йемене[31] и миссии по оказанию помощи после стихийных бедствий в Индонезии, Шри-Ланке, Мьянме и Бангладеш, демонстрируют способность Индии к оперативному реагированию, базирующемуся на осведомленности о ситуации в морском пространстве, и наличие современных военно-морских сил (Parmar, 2012, p. 94). Инициативы, подобные «Безопасности и развитию для всех в регионе» (*Security and Growth for All in the Region*, SAGAR) (Baisla, 2024), делают упор на сотрудничество с прибрежными государствами, в частности с Маврикием, Сейшельскими о-вами и Шри-Ланкой, посредством оказания помощи в сфере безопасности и наращивания потенциала[32]. Укрепление оборонного партнерства Индии с участниками QUAD и другими игроками в Индо-Тихоокеанском регионе после столкновений в долине Галван[33] свидетельствует о том, что страна продолжает уделять приоритетное внимание защите своих морских интересов, одновременно позиционируя эти меры как вклад в региональную стабильность (Hu & Meng, 2020, p. 158).

В целом и Китай, и Индия осуществляют схожие мероприятия, такие как развитие портовой инфраструктуры, проведение военных учений и оказание гуманитарной помощи, однако представляют эти действия таким образом, чтобы подчеркнуть сотрудничество, общую безопасность и приверженность международным нормам. Подобная подача материала служит инструментом легитимизации их стратегий, позволяет снизить остроту восприятия соперничества и заручиться поддержкой как внутри страны, так и на международной арене. С точки зрения теории перспектив такой подход выступает в качестве когнитивного механизма, переосмысливающего потенциальные потери как возможности для совместных действий, что позволяет обоим государствам проводить напористую политику, сохраняя при этом имидж игрока, движимого конструктивными намерениями.

Вызовы безопасности в Индийском океане в контексте соперничества Китая и Индии

Соперничество между Китаем и Индией создает серьезные вызовы для системы безопасности в Индийском океане. Одной из ключевых проблем является растущая военная

[30] Kumar S. Second China-Indian Ocean Region Forum: Agenda and Outcome // Indian Council of World Affairs. December 21, 2023. URL: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=10303&lid=6571 (accessed: 11.06.2025).

[31] Sakhuja V. India's Yemeni Evacuation // Indian Defence Review. June 19, 2015. URL: https://indiandefencereview.com/indias-yemeni-evacuation/ (accessed: 14.09.2025).

[32] Padmaja G. Revisiting 'SAGAR' — India's Template for Cooperation in the Indian Ocean Region // National Maritime Foundation. April 25, 2018. URL: https://maritimeindia.org/revisiting-sagar-indias-template-for-cooperation-in-the-indian-ocean-region/ (accessed: 27.05.2025).

[33] India—China Competition: Perspectives from the Neighbourhood / ed. by A.G. Shivamurthy // Observer Research Foundation Special Report. 2022 (August). No. 197. P. 2. URL: https://www.orfonline.org/public/uploads/posts/pdf/20230413185420.pdf (accessed: 01.03.2026).

асимметрия: темпы наращивания военно-морского потенциала КНР опережают темпы модернизации вооруженных сил Индии. Хотя наличие Андаманских и Никобарских о-вов укрепляет стратегические позиции Индии, увеличивающийся разрыв в возможностях вынуждает обе страны наращивать военные расходы. Такая взаимная гонка вооружений повышает риск эскалации и смещает вектор региональной динамики от сотрудничества в сторону усиления милитаризации. Меньшие по размеру прибрежные государства могут столкнуться с давлением, требующим от них выбора стороны, что способно осложнить выработку коллективных подходов к обеспечению региональной безопасности[34].

Еще одна проблема связана с попытками Индии сохранить свое традиционное влияние на фоне расширения экономического и стратегического присутствия Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь»[35]. Реализация таких проектов, как строительство порта Хамбантота на Шри-Ланке, вызвала дискуссии о возможности их использования в военных целях, что усилило ощущение стратегической уязвимости у Индии (Tran, 2023, pp. 116–117). В то же время растущая экономическая зависимость от китайского финансирования вызывает у малых государств опасения по поводу долговой устойчивости[36]. Индия реагирует на это, расширяя масштабы помощи в целях развития, укрепляя сотрудничество в оборонной сфере с этими государствами и активизируя дипломатические усилия. Однако поддержание такой активности требует значительных ресурсов и долгосрочной приверженности выбранному курсу.

Еще одним важным аспектом является укрепление сотрудничества Индии с внешними партнерами в рамках таких механизмов, как Четырехсторонний диалог по безопасности. Эти партнерства призваны поддерживать основанный на правилах морской порядок и уравновешивать расстановку сил в регионе (Sullivan de Estrada, 2023, p. 380). Однако подобные объединения могут спровоцировать ответные меры со стороны Китая, включая углубление сотрудничества с региональными партнерами или наращивание военного присутствия в Индийском океане. Вовлеченность внерегиональных держав, таких как США, Япония и Австралия, способна еще больше обострить конкуренцию, усложняя поддержание региональной стабильности. Для Индии задача состоит в том, чтобы сохранить стратегическую автономию, одновременно предотвращая эскалацию напряженности в отношениях с Китаем. Изменчивый характер региональных альянсов и трансформация представлений об угрозах формируют среду безопасности, характеризующуюся неопределенностью и рисками.

С точки зрения теории перспектив данная динамика демонстрирует, как восприятие потерь и смещение «точки отсчета» определяют стратегическое поведение обеих стран. Стремление Китая расширить доступ к ресурсам и акцент Индии на мерах по сдерживанию КНР можно рассматривать как реакцию, сопряженную с готовностью к риску, на фоне относительного ослабления позиций или внешних посягательств. Таким образом, вызовы безопасности в Индийском океане обусловлены не только материальной конкуренцией, но и особенностями когнитивного восприятия и ощущением взаимных потерь, которые подпитывают циклы стратегического соперничества и оборонительной политики.

[34] См.: Beyaz F. Threat Perception, Competition and the Quest for Hegemony in China—India Relations // E-International Relations. August 6, 2026. URL: https://www.e-ir.org/p/threat-perception-competition-and (accessed: 19.08.2026); Manhas N. S. How Does China's Rising Defence Budget Affect India? // Australian Institute of International Affairs. March 18, 2025. URL: https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/how-does-chinas-rising-defence-budget-affect-india (accessed: 01.06.2025); Shuja S. F. The Indian Ocean Battle No One's Talking About // South Asia Times. 2024. URL: https://southasiatimes.org/the-indian-ocean-battle-no-ones-talking-about (accessed: 01.06.2025).

[35] Khurana G. S. India as a Challenge to China's BRI // National Maritime Foundation. April 30, 2019. URL: https://maritimeindia.org/india-as-a-challenge-to-chinas-bri/ (accessed: 12.06.2026).

[36] Muralidharan M. P. Maritime Security Issues from the Perspectives of India, Sri Lanka and Maldives // India and the Island States in the Indian Ocean: Evolving Geopolitics and Security Perspectives. New Delhi : Indian Council of World Affairs, 2023. P. 26. URL: https://www.icwa.in/pdfs/IndiaIslandStatesIndianOcean.pdf (accessed: 19.09.2025).

Перспективы Индийского океана в условиях китайско-индийского соперничества в третьем десятилетии XXI в.

Соперничество между Китаем и Индией в Индийском океане стало серьезным вызовом для региональной безопасности и стабильности. Наиболее очевидной проблемой является растущий военный дисбаланс. В настоящее время Китай обладает превосходством в военно-морском присутствии в Индийском океане[37], в то время как Индия использует Андаманские и Никобарские о-ва, чтобы угрожать критически важным для Китая морским торговым путям. Несмотря на модернизацию индийских ВМС, более многочисленный и технологически совершенный флот Китая продолжает расширяться, вынуждая обе стороны наращивать расходы на оборону[38]. Эта растущая милитаризация грозит превратить Индийский океан из потенциальной зоны сотрудничества в арену обостренного конфликта[39]. Борьба за контроль над морскими путями, стратегическими проливами и сферами влияния все чаще воспринимается как игра с нулевой суммой, где военные инвестиции становятся не просто опцией, а необходимостью. Это ставит малые государства перед трудным выбором, что ведет к фрагментации архитектуры безопасности региона.

Еще одной серьезной проблемой является ослабление традиционного влияния Индии в регионе Индийского океана на фоне стремительного возвышения Китая. В рамках инициативы ОПОП Китай расширил свое присутствие в РИО благодаря масштабным инвестициям в инфраструктуру и стратегическим партнерствам, включая такие проекты, как порт Хамбантота на Шри-Ланке (Tran, 2023, pp. 116–117). Подобные шаги вызывают обеспокоенность у Индии, поскольку объекты инфраструктуры могут использоваться в целях двойного назначения, подрывая сферу ее безопасности[40]. Малые государства, сталкивающиеся с экономическими кризисами и растущим долговым бременем, связанным с китайскими инвестициями (как, например, Шри-Ланка и Мальдивы[41]), все больше втягиваются в орбиту влияния Пекина, что усложняет для Индии задачу сохранения ее исторической роли. Ответные меры Индии, включая экономическую и военную помощь, а также дипломатические усилия, демонстрируют, каких затрат требует противодействие растущему экономическому влиянию Китая. Это соперничество подчеркивает, что экономические связи стали важнейшим вектором стратегического противостояния, напрямую влияющим на региональную стабильность и суверенитет малых государств.

Другой вызов связан со стратегическими партнерствами Индии, призванными уравновесить присутствие Китая. Посредством таких механизмов, как QUAD, Индия стремится к укреплению связей с США, Японией и Австралией для обеспечения свободы судоходства и поддержания миропорядка, основанного на правилах (Sullivan de Estrada, 2023, p. 380). Однако подобные альянсы грозят еще больше обострить отношения с Китаем, который воспринимает их как прямую угрозу. В ответ Пекин может нарастить свое военное присутствие в Индийском океане, укрепить связи с Пакистаном или другими региональными игроками, а также расширить реализацию инфраструктурных проектов для закрепления на стратеги-

[37] Beyaz F. Threat Perception, Competition and the Quest for Hegemony in China—India Relations // E-International Relations. August 6, 2026. URL: https://www.e-ir.org/p/threat-perception-competition-and (accessed: 19.08.2026).

[38] Manhas N. S. How Does China's Rising Defence Budget Affect India? // Australian Institute of International Affairs. March 18, 2025. URL: https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/how-does-chinas-rising-defence-budget-affect-india (accessed: 01.06.2025).

[39] Shuja S. F. The Indian Ocean Battle No One's Talking About // South Asia Times. 2024. URL: https://southasiatimes.org/the-indian-ocean-battle-no-ones-talking-about (accessed: 01.06.2025).

[40] Khurana G. S. India as a Challenge to China's BRI // National Maritime Foundation. April 30, 2019. URL: https://maritimeindia.org/india-as-a-challenge-to-chinas-bri/ (accessed: 12.06.2026).

[41] Muralidharan M. P. Maritime Security Issues from the Perspectives of India, Sri Lanka and Maldives // India and the Island States in the Indian Ocean: Evolving Geopolitics and Security Perspectives. New Delhi : Indian Council of World Affairs, 2023. P. 26. URL: https://www.icwa.in/pdfs/IndiaIslandStatesIndianOcean.pdf (accessed: 19.09.2025).

чески важных позициях. Складывающаяся ситуация провоцирует соперничество внешних сил — с одной стороны, США, Японии и Австралии, а с другой — Китая, что создает риск возникновения дестабилизирующей «спирали борьбы за влияние».

Таким образом, перед Индией стоит задача выстраивания этих сложных отношений при одновременном избегании конфронтации, способной привести к дальнейшей эскалации напряженности. Ситуацию усугубляет непредсказуемость изменений в системе союзов. Сближаясь с демократическими государствами, разделяющими схожие взгляды, Индия может невольно спровоцировать более агрессивную реакцию со стороны Китая, что ускорит милитаризацию и подорвет перспективы региональной стабильности.

Согласно проведенному анализу, текущие военные тенденции и динамика союзов указывают на возможность ряда конфликтных сценариев в Индийском океане (преимущественно низкой интенсивности), таких как слежение, действия по вытеснению или инциденты с участием патрульных и гражданских судов вблизи Андаманских и Никобарских о-вов. Подобные случаи отражают соперничество в сфере разведки и демонстративного утверждения суверенитета, однако риск эскалации остается умеренным, поскольку обе стороны испытывают давление, связанное с репутационными издержками. Локальные столкновения (включая столкновения судов или временные задержания) могут возникать в ситуациях, когда одна из сторон неверно истолковывает намерения другой или пытается проверить границы допустимого, хотя подобные кризисы, как правило, быстро урегулируются по дипломатическим каналам. Вероятность блокирования стратегически важных проходов или возникновения ограниченных столкновений в районе порта Гвадар или Андаманского моря оценивается как крайне низкая, несмотря на то, что подобные события — в случае их провокации внутренними или стратегическими факторами — могли бы иметь серьезные последствия. С точки зрения теории перспектив Китай и Индия могут демонстрировать склонность к риску, если воспринимают ситуацию как угрозу своему статусу или контролю. Тем не менее обе стороны осознают издержки и опасности открытого противостояния. В результате сдержанность и постепенное развитие сотрудничества остаются доминирующими тенденциями в регионе.

Заключение

Регион Индийского океана стал главной ареной стратегического взаимодействия Китая и Индии, где контроль над морскими путями, энергетическая безопасность и региональное влияние рассматриваются как ключевые элементы национальных интересов. Для обеих держав РИО — это не просто географическое пространство, а важнейшая сфера для поддержания своего статуса и обеспечения долгосрочных стратегических целей.

С точки зрения теории перспектив склонность этих стран к рискованным действиям отражает стремление защитить психологические «точки отсчета», связанные с доступом к морю и присутствием в регионе. Когда возникает угроза этим ориентирам, и Китай, и Индия демонстрируют нежелание мириться с потерями, что приводит к принятию более решительных стратегических решений. Создание Китаем портовой инфраструктуры и реализация проектов по развитию транспортных связей в рамках инициативы «Один пояс, один путь» часто трактуются как часть масштабной морской стратегии, направленной на обеспечение безопасности морских коммуникаций. Индия, воспринимая эти шаги как потенциальное ограничение своего стратегического пространства, реагирует на них модернизацией военно-морского флота, укреплением партнерств (таких как QUAD) и реализацией инициатив наподобие политики «Действуй на Востоке» для сохранения своего влияния в регионе.

Таким образом, соперничество, вероятно, останется определяющей чертой взаимодействия двух стран в регионе Индийского океана, хотя сохраняется возможность и избирательного сотрудничества в таких сферах, как борьба с пиратством, оказание гуманитарной помощи и обеспечение безопасности мореплавания.

Регион представляет собой зону хрупкого баланса, формируемого амбициями, ощущением уязвимости и прагматичной адаптацией. Растущая вовлеченность внешних игроков, в частности США, Японии и Австралии, еще больше усложняет ситуацию, подчеркивая, что будущее РИО будет зависеть не только от материальных возможностей или союзов, но и от восприятия событий и их когнитивной интерпретации.

Поступила в редакцию / Received: 01.10.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 31.05.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Baisla K. India's Indian Ocean Region Policy to China's Growing Influence in the Region // Innovation: The Research Concept. 2024. Vol. 9, iss. 3. P. E38–E44. https://doi.org/10.5281/zenodo.11076588

Berlin D. L. India in the Indian Ocean // Naval War College Review. 2006. Vol. 59, no. 2. P. 58–89. URL: https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol59/iss2/6 (accessed: 19.03.2026).

Hashmi S. K. H., Haider B. B., Zahid I. Major Powers' Interests in IOR and Implications for the Region // Journal of Nautical Eye and Strategic Studies. 2023. Vol. 3, no. 2. P. 85–101. https://doi.org/10.58932/MULG0025

Hassan M. A. Growing China—India Competition in the Indian Ocean: Implications for Pakistan // Strategic Studies. 2019. Vol. 39, no. 1. P. 77–89. https://doi.org/10.53532/ss.039.01.00125

Hu W., Meng W. The US Indo-Pacific Strategy and China's Response // China Review. 2020. Vol. 20, no. 3. P. 143–176. URL: https://www.jstor.org/stable/26928115 (accessed: 19.09.2025).

Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47, no. 2. P. 263–291. https://doi.org/10.2307/1914185

Kang S., Zhang J., Yu J. Indian Ocean Regional Studies in Perspective of the Community of Shared Future for Mankind // Journal of Literature and Art Studies. 2021. Vol. 11, no. 10. P. 782–786. https://doi.org/10.17265/2159-5836/2021.10.009

Kaplan R. D. Center Stage for the Twenty-First Century: Power Plays in the Indian Ocean // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88, no. 2. P. 16–32. URL: http://www.jstor.org/stable/20699491 (accessed: 19.09.2025).

Khan M. Z. Strategic Posturing of China in IOR: Implications for Regional Peace and Stability // Policy Perspectives. 2022. Vol. 19, no. 1. P. 13–33. https://doi.org/10.13169/polipers.19.1.ra1; EDN: RIADEV

Khurana G. S. China's "String of Pearls" in the Indian Ocean and Its Security Implications // Strategic Analysis. 2008. Vol. 32, iss. 1. P. 1–39. https://doi.org/10.1080/09700160801886314

Krothwal I., Kumar N. Theater of India—China Strategic Rivalry: The Indian Ocean // Comparative Strategy. 2023. Vol. 42, iss. 5. P. 655–669. https://doi.org/10.1080/01495933.2023.2236490; EDN: IOMSHH

Kumar R. India's Strategic Interests and Partnership with Island States of Africa in the Western Indian Ocean Region // Journal of Asian Security and International Affairs. 2020. Vol. 7, iss. 2. P. 227–243. https://doi.org/10.1177/2347797020938996; EDN: SNPIQC

Levy J. S. Prospect Theory, Rational Choice, and International Relations // International Studies Quarterly. 1997. Vol. 41, iss. 1. P. 87–112. https://doi.org/10.1111/0020-8833.00034

Li J. Developing China's Indian Ocean Strategy: Rationale and Prospects // China Quarterly of International Strategic Studies. 2017. Vol. 3, no. 4. P. 481–497. https://doi.org/10.1142/S2377740017500270

Mallick P. India's Maritime Security Dilemma and Geopolitical Competition in Indo-Pacific // Australian Journal of Maritime & Ocean Affairs. 2025. Vol. 17, no. 4. P. 633–653. https://doi.org/10.1080/18366503.2024.2381905

Martin J. C., Elias R. A. China's Educational Soft Power through Confucius Institutes: A Case Study of South Africa // Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations: An International Journal. 2021. Vol. 7, no. 3. P. 1633–1663. URL: https://icaps.nsysu.edu.tw/static/file/131/1131/img/CCPS-V7N3-Martin-Elias.pdf (accessed: 19.09.2025).

Nguyen A. C., Nguyen T. B., Tran X. H., Le T. D. M. India—China Strategic Competition in the Indian Ocean // Journal of Liberty and International Affairs. 2022. Vol. 8, no. 3. P. 307–319. https://doi.org/10.47305/JLIA2283307a; EDN: REPKYU

Pant H. V. Sino-Indian Maritime Ambitions Collide in the Indian Ocean // Journal of Asian Security and International Affairs. 2014. Vol. 1, iss. 2. P. 187–202. https://doi.org/10.1177/2347797014536640

Parmar S. S. Humanitarian Assistance and Disaster Relief (HADR) in India's National Strategy // Journal of Defence Studies. 2012. Vol. 6, no. 1. P. 91–101. URL: https://idsa.in/system/files/jds_6_1_SarabjeetParmar.pdf (accessed: 13.09.2025).

Rahim N., Ali A. The Sino-Indian Geo-Strategic Rivalry: A Comparative Study of Gwadar and Chabahar Ports // The Dialogue. 2018. Vol. XIII, no. 1. P. 85–104. URL: https://www.qurtuba.edu.pk/thedialogue/The%20Dialogue/1_1_2018/07%2085-104%20Nazim%20Rahim.pdf (accessed: 19.09.2025).

Ramadhani E. China in the Indian Ocean Region: The Confined "Fat-Seas Operations" // India Quarterly. 2015. Vol. 71, no. 2. P. 146–159. URL: http://www.jstor.org/stable/45072769 (accessed: 13.09.2025).

Schweller R. L. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In // International Security. 1994. Vol. 19, no. 1. P. 72–107. https://doi.org/10.2307/2539149; EDN: HIGBVV

Sen A. India's Role in the Indian Ocean Region and Its Links to the Indo-Pacific // Jadavpur Journal of International Relations. 2023. Vol. 27, iss. 1. P. 105–127. https://doi.org/10.1177/09735984231164457; EDN: WBRDGQ

Song D., Bai J. "21 shiji zhi yang": Diyuan zhanlüe shijiao xia de Yinduyang [«Океан в XXI веке»: Индийский океан в геостратегической перспективе] // Nanya Yanjiu [Южноазиатские исследования]. 2009. No. 3. P. 31–45. (На китайском языке). https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-8404.2009.03.006

Sullivan de Estrada K. India and Order Transition in the Indo-Pacific: Resisting the Quad as a "Security Community" // The Pacific Review. 2023. Vol. 36, iss. 2. P. 378–405. https://doi.org/10.1080/09512748.2022.2160792; EDN: JUWERP

Tran M. H. L. India's Security Threats from Chinese Military Funding and Economic Development in South Asia // Global: Jurnal Politik Internasional. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 115–139. https://doi.org/10.7454/global.v25i2.1289

Walt S. M. Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security. 1985. Vol. 9, no. 4. P. 3–43. https://doi.org/10.2307/2538540

Wu L., Qin Q., Zhang D., Cheng S. Yinduyang tongdao ji qi dui Zhongguo diyuan huanjing yingxiang [Маршруты через Индийский океан и их влияние на геополитическую среду Китая] // Dili Kexue Jinzhan [Прогресс в географии]. 2018. Vol. 37, no. 11. P. 1510–1520. (На китайском языке). https://doi.org/10.18306/dlkxjz.2018.11.007

Zhou Y., Luk S. Establishing Confucius Institutes: A Tool for Promoting China's Soft Power? // Journal of Contemporary China. 2016. Vol. 25, iss. 100. P. 628–642. https://doi.org/10.1080/10670564.2015.1132961

Сведения об авторах:

Чу Тхань Ван — PhD (международные отношения), преподаватель, Университет иностранных языков и международных исследований, Вьетнамский национальный университет; Вьетнам, г. Ханой, Кау Гиай, район Фам Ван Донг, № 2; ORCID: 0009-0004-2904-7440; e-mail: chuthanhvan1979@gmail.com

Чан Ми Хай Лок — PhD (международные отношения), преподаватель, помощник декана (по международным связям), Университет экономики и финансов Хошимина; Вьетнам, г. Хошимин, 141–145 Дьенбьенфу, район Гиа Динь; ORCID: 0000-0002-3877-3215; e-mail: loctmh@uef.edu.vn

Vestnik RUDN. International Relations. ISSN 2313-0660 (Print), ISSN 2313-0679 (Online)
Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2026 Vol. 26 No. 3 657–677
http://journals.rudn.ru/international-relations

ПРОБА ПЕРА
EMERGING VOICES

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-3-657-677
EDN: HUEAZP

Научная статья / Research article

Ключевые особенности международного климатического процесса: взгляд со стороны стран Глобального Юга

А.А. Альхарби✉

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉1072228007@rudn.ru

Аннотация. Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) (Конвенция) была принята в 1992 г. и вступила в силу в 1994 г., заложив основу для последующих правовых актов — Киотского протокола 1997 г. и Парижского соглашения 2015 г., призванных способствовать реализации целей Конвенции и соблюдению ее принципов. В исследовании процесс в рамках РКИК ООН рассмотрен с позиции стран Глобального Юга, особое внимание уделено позиции «Группы 77» и Китая (G77 плюс Китай). Прослежены истоки Конвенции и проанализирована эволюция климатического режима на протяжении трех десятилетий с акцентом на взаимосвязи между его основополагающими принципами, в частности принципами справедливости, «общих, но дифференцированных обязательств и соответствующих возможностей» (CBDR-RC) и всеохватности, а также с учетом расстановки сил в многосторонней климатической политике. Продемонстрировано, как дисбаланс сил, материальные интересы государств и динамика отношений «Север — Юг» влияют на толкование и применение этих принципов. Установлено, что гибридная структура Парижского соглашения усугубила избирательный подход (*cherry-picking*) со стороны стран Севера и породила новую напряженность, включая нарушение принципов РКИК ООН и перекладывание бремени обязательств на развивающиеся страны. Кроме того, недавние призывы к поспешному отказу от ископаемого топлива отражают стремление многих развитых стран восполнить дефицит сокращения выбросов за счет переноса бремени мер по смягчению последствий изменения климата на зависящие от ископаемого топлива развивающиеся страны Глобального Юга, что нарушает ключевые принципы статьи 3.3 Конвенции. В контексте этих структурных и политических ограничений предложено более обоснованное неореалистическое понимание климатического режима и многосторонних усилий по борьбе с изменением климата.

Ключевые слова: изменение климата, РКИК ООН, Киотский протокол, Парижское соглашение, климатические переговоры, развивающиеся страны, Глобальный Юг

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Альхарби А. А.* Ключевые особенности международного климатического процесса: взгляд со стороны стран Глобального Юга // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 3. С. 657–677. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-657-677; EDN: HUEAZP

© Альхарби А.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Key Features of the International Climate Process: A Perspective from the Global South

Atif A. Alharbi✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation
✉1072228007@rudn.ru

Abstract. The United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) (Convention) was adopted in 1992 and entered into force in 1994, providing the basis for subsequent legal instruments—Kyoto Protocol 1997 (KP) and Paris Agreement 2015 (PA)—to enhance the implementation of the convention objectives and to be guided by its principles. This paper examines the UNFCCC process from the perspective of the Global South, with a particular emphasis on the positions of the Group 77 and China (G77 + China). It traces the origins of the Convention and analyzes the climate regime evolution over three decades, highlighting the interplay between its foundational principles, such as particularly equity, "common but differentiated responsibilities and respective capabilities" (CBDR-RCs), and comprehensiveness, as well as the power dynamics in multilateral climate politics. The study illustrates how power imbalances, state material interests, and North-South dynamics shape the interpretation and application of such principles. It argues that the PA hybrid design has exacerbated Northern selectivity (the cherry-picking approach) and created new tensions, including breaching principles of the UNFCCC and burden-shifting to developing countries (DCs). Additionally, recent calls for hasty fossil fuels (FF) phase-out mirror the predetermined inclination of many developed countries so as to fill the emission gap by transferring the burden of mitigation responsibilities to FF-dependent Southern DCs, thereby breaching the core principles of the Convention Article 3.3. Underlining these structural and political limitations, the study puts forward a more grounded neorealist understanding of the climate regime and multilateral efforts to address climate change.

Key words: climate change, UNFCCC, Kyoto protocol, Paris agreement, climate negotiations, developing countries, Global South

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Alharbi, A. A. (2026). Key features of the international climate process: A perspective from the Global South. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(3), 657–677. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-3-657-677; EDN: HUEAZP

Введение

Климат Земли всегда менялся и эволюционировал под воздействием различных факторов — как природных, так и антропогенных. Однако независимо от естественных причин стремительный рост температуры и сопутствующее усиление глобального потепления, вызванные выбросами парниковых газов в результате деятельности человека со времен промышленной революции, привлекли пристальное внимание международного сообщества, особенно после того, как эти опасения относительно состояния окружающей среды получили подтверждение в виде растущего объема научных данных. В связи с этим в 1988 г. была создана Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК). Это стало ответом на растущую обеспокоенность мирового сообщества негативными последствиями изменения климата и стремлением ООН занять ведущую роль в решении этой острой глобальной проблемы (Doussis & Dikaios, 2025, p. 154). Основная задача организации — предоставлять лицам, принимающим решения, научные оценки возможных последствий изменения климата, тем самым выводя эту проблему на передний план международной повестки дня[1].

В 1988–1990 гг. Генеральная Ассамблея ООН также уделяла внимание проблеме изменения климата, приняв ряд резолюций, в которых подчеркивались изменения климатической системы и признавались серьезные

[1] What Is the IPCC? Fact Sheet // Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). January 2024. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2024/04/IPCCFactSheet_WhatisIPCC.pdf (accessed: 04.02.2025).

потенциальные последствия выбросов парниковых газов, вызванных деятельностью человека[2]. Вскоре после этого, в 1990 г., был опубликован Первый оценочный доклад МГЭИК, подтвердивший роль антропогенного воздействия, но при этом признавший наличие неопределенностей при моделировании и прогнозировании[3]. Этот доклад, сопровождавшийся декларацией высокого уровня Второй всемирной климатической конференции (SWCC) и резолюцией ООН 45/212, послужил основой для создания Межправительственного комитета по ведению переговоров (INC), результатом работы которого стала разработка Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) (Heras & Gupta, 2025, p. 5).

Конвенция была принята в мае 1992 г. и вступила в силу 21 марта 1994 г. Данная Конвенция представляет собой соглашение по смягчению последствий изменения климата, не предусматривающее механизмов принудительного исполнения (Kuyper, Schroeder & Linnér, 2018, p. 345; Pattberg & Wideberg, 2017, p. 4). Это обусловлено низкой степенью амбициозности целей США и их твердым нежеланием принимать количественно определенные обязательства по сокращению выбросов (Heras & Gupta, 2025, p. 5). Помимо этого, ограничения Конвенция определяет конечную цель — стабилизацию концентрации парниковых газов, а также закрепляет ключевые принципы, имеющие важное значение для развивающихся стран: принцип «общих, но дифференцированных обязательств и соответствующих возможностей» (*common but differentiated responsibilities and respective capabilities*, CBDR-RCs), принцип всеобъемлющего подхода, а также принципы учета потребностей этих стран и содействия устойчивому развитию. Эти принципы были утверждены в ходе принципиальной правовой дискуссии между развитыми странами (во главе с США), которые с осторожностью относились к широким, всеобъемлющим принципам, и развивающимися странами (во главе с Китайской Народной Республикой (КНР)), считавшими, что такие принципы служат важнейшим ориентиром и должны быть включены в основной текст документа. Стороны пришли к компромиссу, закрепив эти ключевые принципы в ст. 3 документа (Yamin & Depledge, 2004, p. 66).

Многие развитые страны выступали против принятия юридически обязательных норм, стремясь защитить свои экономические и стратегические интересы и сохранить доминирующее положение путем игнорирования позиций стран Глобального Юга (Heras & Gupta, 2025, p. 10; Arslan, 2025, pp. 8–9). Тем не менее развивающиеся страны отстояли свою субъектность, поддержав ключевые принципы, призванные защитить их от обязательств по сокращению выбросов в будущем (Heras & Gupta, 2025, p. 2; Arslan, 2025, p. 7). Эти основополагающие принципы легли в основу Конвенции, представляющей собой тщательно выверенный компромисс, и позднее были распространены на стороны Киотского протокола и Парижского соглашения. Хотя эти базовые принципы были призваны обеспечить целостность режима, в период после принятия Парижского соглашения наметился переход к «избирательному подходу Севера», то есть практике выборочного выполнения обязательств, а в научной среде Парижское соглашение все чаще рассматривается как «самостоятельный режим», несмотря на то, что оно действует в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН).

Несмотря на обширную литературу, посвященную процессу РКИК ООН, в ходе данного исследования не было выявлено работ, в кото-

[2] См.: United Nations General Assembly. Protection of Global Climate for Present and Future Generations of Mankind. Resolution A/RES/43/53, 1988 // The United Nations. URL: https://undocs.org/A/RES/43/53 (accessed: 18.05.2025); United Nations General Assembly. Protection of Global Climate for Present and Future Generations of Mankind. Resolution A/RES/44/207, 1989 // The United Nations. URL: https://undocs.org/A/RES/44/207 (accessed: 18.05.2025); United Nations General Assembly. Protection of Global Climate for Present and Future Generations of Mankind. Resolution A/RES/45/212, 1990 // The United Nations. URL: https://undocs.org/A/RES/45/212 (accessed: 18.05.2025).

[3] Climate Change: The IPCC 1990 and 1992 Assessments. IPCC First Assessment Report: Overview and Policymaker Summaries and 1992 IPCC Supplement // Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). June 1992. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/05/ipcc_90_92_assessments_far_full_report.pdf (accessed: 17.01.2026).

рых бы систематически анализировались итоги Конференций Сторон (КС) в контексте ст. 3.3 и принципа «комплексности», который прямо подрывается в рамках избирательного подхода стран Глобального Севера к исполнению обязательств в рамках международного климатического процесса. Обзор литературы указывает на наличие двойного пробела в научных исследованиях, возникшего на фоне переговорного процесса по Парижскому соглашению: во-первых, отсутствие обоснованной критики (в рамках ст. 3.3) действий стран Севера, намеренно обходящих спорные требования об отказе от ископаемого топлива, звучащие со времен конференции КС-26 в Глазго; во-вторых, игнорирование того, как несправедливая политика, ориентированная исключительно на меры по смягчению последствий изменения климата, приводит к «перекладыванию проблем» и возникновению трансграничных негативных последствий для развивающихся стран. В недавнем исследовании (Adipudi, Kim & Biermann, 2025) приводится эмпирическое подтверждение этого тезиса: авторы проанализировали 182 национальных сообщения, представленных 25 странами Глобального Севера в период с 1994 по 2023 г., и выявили 718 случаев риска «перекладывания проблем» в рамках 712 климатических мер. Таким образом, несмотря на признание РКИК ООН важности минимизации негативных последствий мер реагирования на изменение климата, масштабы и направленность такого перекладывания бремени до сих пор не получили систематического изучения.

Согласно теории международных режимов, возникшей в рамках структурного реализма, принципы и нормы режима влияют на ход переговоров и их результаты, формируя ожидания участников в условиях анархической структуры мировой политики. Эти нормативные элементы зачастую размываются, становятся предметом компромиссов, применяются и трактуются избирательно либо ослабляются под воздействием таких постоянных факторов, как дисбаланс сил, экономические интересы и стремление к получению относительных преимуществ. Это, в свою очередь, порождает конфликты по поводу распределения выгод и издержек, практику выборочного соблюдения обязательств (*cherry-picking*) и стратегическое перекладывание бремени странами Глобального Севера (Krasner, 1982a, pp. 497–510; 1982b, pp. 185–189). По мнению С. Краснера, любое изменение принципов и норм означает трансформацию самого режима, тогда как изменения на операционном уровне — в правилах и процедурах принятия решений — представляют собой отклонения в рамках режима, не затрагивающие его фундаментальной сущности (Krasner, 1982b, pp. 187–188). Следовательно, попытки развитых стран игнорировать такие ключевые принципы, как справедливость и принцип «общих, но дифференцированных обязательств с учетом соответствующих возможностей», привели бы к превращению режима регулирования изменения климата в режим, относящийся к совершенно иной предметной области. В то же время переход от подхода «сверху вниз» (установление целевых показателей сокращения выбросов в рамках Киотского протокола) к подходу «снизу вверх» (в рамках Парижского соглашения) можно рассматривать как изменение внутри режима РКИК ООН.

С учетом вышесказанного ключевая исследовательская проблема заключается в том, каким образом определенные факторы подорвали принципы режима РКИК ООН и усугубили асимметрию сил в отношениях между Севером и Югом, позволив странам Севера прибегать к избирательному подходу и перекладыванию бремени, тем самым ставя под угрозу требования Глобального Юга касательно справедливости, исторической ответственности, средств реализации и комплексного характера принимаемых мер.

В связи с этим исследование направлено на решение пяти основных задач:

– проследить историческую эволюцию РКИК ООН на протяжении четырех этапов (1995–2024 гг.) в условиях неравенства сил;

– выделить ключевые особенности этого процесса и позицию «Группы 77» и Китая (G77 плюс Китай) по отношению к ним;

– оценить влияние изменений, внесенных Парижским соглашением, на соблюдение основополагающих принципов Конвенции;

– изучить прагматичность призывов к поэтапному отказу от ископаемого топлива и их последствия для развивающихся стран, экономика которых зависит от этого ресурса;

– углубить понимание роли структурного реализма в формировании природоохранных режимов и политике в этой сфере.

Для решения поставленных задач в методологическом плане исследование опирается на многогранную природу проблемы изменения климата и междисциплинарный подход, объединяющий знания в области международных отношений, политологии, экономики, энергетической безопасности, истории и международного экологического права. Исследование проводилось с позиций стран Глобального Юга и базировалось на принципах историзма, научной объективности и достоверности. Принцип историзма сыграл ключевую роль в оценке критических моментов и этапов развития режима РКИК ООН, что позволило всесторонне проанализировать структурные изменения режима, влияние крупнейших государств-эмитентов и политические позиции сторон (с особым акцентом на G77 плюс Китай), рассматривая все исторические события в их контексте.

В работе применяется комплекс аналитических методов, включающий систематический анализ первоисточников, протоколов переговоров и официальных документов РКИК ООН в сочетании с критическим осмыслением профильных рецензируемых научных публикаций по международным отношениям. Данные методы включают качественный контент-анализ и историко-сравнительный анализ с использованием индукции и дедукции, а также статистический подход, демонстрирующий несоответствие между призывами к отказу от ископаемого топлива и долгосрочными прогнозами развития энергетики, указывающими на сохранение высокой зависимости от него. Методический инструментарий дополняется результатами 25-летнего личного участия автора в международном климатическом процессе, а также данными серии интервью с высокопоставленными представителями Организации арабских стран — экспортеров нефти (ОАПЕК) и делегаций Саудовской Аравии и Кувейта на переговорах РКИК ООН.

Ключевые этапы международного климатического процесса

С момента вступления Конвенции в силу Стороны ежегодно собираются на Конференциях Сторон, функционирующих как высший директивный орган в рамках РКИК ООН. Эти конференции служат основным форумом для международного сотрудничества в области климата, а принимаемые на них решения олицетворяют коллективную волю мирового сообщества (Almquist et al., 2026, p. 222; Obergassel et al., 2022, p. 3). Данная точка зрения разделяется большинством, несмотря на звучащую в последнее время со стороны Запада критику принципа инклюзивности КС, предоставляющего каждой Стороне право равного голоса, обусловленную отсутствием договоренности по процедурным правилам голосования, которые сложились еще в ходе заседаний Межправительственного комитета по переговорам (МКП) (Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 2). Вопрос о «консенсусе» в контексте Правила 42 был одной из ключевых и наиболее спорных тем в ходе подготовительных переговоров к первой Конференции Сторон (КС-1) и остается нерешенным по сей день[4]. Такой подход

[4] Этот тупик стал отражением двух противоположных позиций: страны ОПЕК (во главе с Кувейтом и Саудовской Аравией) и Китай требовали достижения консенсуса по вопросам, касающимся самой сути проблемы, в то время как промышленно развитые государства настаивали на том, что именно порядок выполнения финансовых обязательств должен определяться на основе консенсуса. Таким образом, страны Запада стремились расширить глобальные обязательства по смягчению последствий изменения климата, сохраняя при этом полный контроль над финансированием соответствующих инициатив. Однако в западной риторике зачастую игнорируется другая сторона вопроса, а ответственность возлагается исключительно на ОПЕК. Материал основан на опыте автора, выступавшего в качестве ведущего переговорщика от делегации Кувейта на подготовительных сессиях к КС-1. См.: Eleventh Session of the Intergovernmental Negotiating Committee for a Framework Convention on Climate Change (INC/FCCC): Summary Report, 6–17 February 1995 // International Institute

наделяет каждую Сторону правом отклонить (наложить вето) итоговые решения Конференций сторон (Leal-Arcas, Alghamdi & Alharethi, 2026, p. 125, 131) и становится важной характеристикой глобальной климатической политики (Chasek, Downie & Allan, 2025, pp. 11–12).

В результате некоторые западные авторы, столкнувшись с институциональным тупиком, поставили под сомнение ценность многосторонних климатических переговоров и стали выступать за создание «минилатеральных» механизмов с участием крупнейших стран-эмитентов (Keohane & Victor, 2016, p. 573; Pattberg et al., 2022, p. 298). Однако подобные предложения также указали на трудности, сопряженные с формированием таких механизмов, и на риск обхода существующего многостороннего процесса в сфере климата (Falkner, Nasiritousi & Reischl, 2022, p. 484).

Итоги этих ежегодных конференций (COP) формируют «детальный свод правил» для реализации правовых соглашений в рамках РКИК ООН. В данном исследовании, где особое внимание уделяется ключевым этапам и поворотным моментам международного климатического процесса, рассматриваются наиболее значимые сессии КС вплоть до КС-29, разделенные на следующие четыре этапа.

Этап 1. Формирование юридических обязательств (1995–1997 гг.)

В ходе подготовки к КС-1 в 1995 г. Стороны пришли к согласию относительно того, что предусмотренные Конвенцией меры по смягчению последствий изменения климата недостаточны и требуют усиления за счет ужесточения обязательств развитых, но не развивающихся государств. Кувейт и Саудовская Аравия наряду с другими членами Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) заявили, что делать подобные выводы без надлежащей научной информации преждевременно, и подчеркнули необходимость учитывать социально-экономические последствия действующих и будущих обязательств для других Сторон[5]. КС-1 продемонстрировала общемировое понимание необходимости противодействия климатическому кризису (Ushadevi et al., 2024, p. 26) и привела к созданию «Специальной группы по Берлинскому мандату» (*Ad Hoc Group on the Berlin Mandate*, AGBM) для активизации международных усилий на период после 2000 г. Группа AGBM провела восемь заседаний, а переговоры завершились принятием Киотского протокола (КП) в декабре 1997 г. в рамках КС-3 в Киото. Однако Киотский протокол вступил в силу лишь в феврале 2005 г., поскольку ратификация документа Россией позволила выполнить требование ст. 25 Протокола о представлении ратифицировавшими его государствами Приложения I к РКИК ООН не менее 55 % их совокупных выбросов CO_2 за 1990 г.[6]

Киотский протокол 1997 г., ставший первым юридически обязательным климатическим соглашением, касающимся сокращения выбросов парниковых газов (Ushadevi et al., 2024, p. 26), опирался на правовую базу Рамочной конвенции (Leal-Arcas, Alghamdi & Alharethi, 2026, p. 116), в частности на принципы справедливости и исторической ответственности. Его действие распространялось на развитые страны, включенные в Приложение I и принявшие обязательство по сокращению выбросов парниковых газов на 5 % по сравнению с уровнем 1990 г. в период 2008–2012 гг. Такой подход к сокращению выбросов можно назвать подходом «сверху вниз» (*top-down*), основанным на совместных международных усилиях по достижению общей цели (Hare et al., 2010, p. 601) посредством юридически обязательных договоренностей с конкретными количественными показателями. Эту мысль

for Sustainable Development (IISD). Earth Negotiations Bulletin. URL:https://enb.iisd.org/events/11th-session-intergovernmental-negotiating-committee-framework-convention-climate-change-10 (accessed: 18.05.2026).

[5] Материалы из личного архива автора. Также см.: Eleventh Session of the Intergovernmental Negotiating Committee for a Framework Convention on Climate Change (INC/FCCC): Summary Report, 6–17 February 1995 // International Institute for Sustainable Development (IISD). Earth Negotiations Bulletin. URL: https://enb.iisd.org/events/11th-session-intergovernmental-negotiating-committee-framework-convention-climate-change-10 (accessed: 18.05.2026).

[6] The Kyoto Protocol // United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). URL: https://unfccc.int/process-and-meetings/the-kyoto-protocol (accessed: 18.05.2025).

подчеркивают П. Паттберг и О. Видерберг, отмечая, что институциональная структура Киотского протокола воплощала подход к глобальному управлению климатом, базирующийся на создании всеобъемлющего, общепризнанного и обязательного к исполнению соглашения (Pattberg & Widerberg, 2017, p. 7). Такое соглашение формировалось по принципу «сверху вниз» на основе устоявшихся норм и предварительного консенсуса между всеми сторонами, учитывая при этом разделение на развитые и развивающиеся страны, а также различия в их приоритетах социально-экономического развития (Doussis & Dikaios, 2025, p. 156).

Ключевые элементы Киотского протокола включают формирование благоприятного для США подхода, основанного на гибких рыночных механизмах глобального сокращения выбросов (Doussis & Dikaios, 2025, p. 156). Эти механизмы, предполагающие торговлю и передачу разрешений на выбросы (по аналогии с системами «ограничения и торговли», *cap-and-trade*), были призваны обеспечить экономически эффективное достижение установленных целей по снижению выбросов (Makarov, 2020, p. 165). Иными словами, они должны были позволить развитым странам Глобального Севера компенсировать свои внутренние обязательства за счет реализации проектов и участия в торговых схемах со странами Глобального Юга при минимальных затратах (Heras & Gupta, 2025, p. 5), что породило споры о перекладывании бремени ответственности на фоне нерешенных вопросов, касающихся соблюдения установленных норм. Исследователи утверждают, что в основе подобных механизмов сотрудничества лежат экономические интересы, обусловленные стремлением стран Глобального Севера к накоплению богатства, асимметрией властных отношений и неравенством между Севером и Югом (Arslan, 2025, p. 8).

Эффективность Киотского протокола была ограничена из-за недостаточного сокращения выбросов (Makarov, 2020, p. 167) и отсутствия участия таких крупных эмитентов, как США. Последние заведомо не одобрили бы этот документ еще до завершения переговоров (Mukherjee & Mathew, 2023, p. 278) в силу внутриполитических причин (Clémençon, 2023, p. 115), поскольку резолюция Сената США запрещала Белому дому ратифицировать соглашения, предусматривающие обязательные целевые показатели и сроки для одних стран, но не для других, либо способные нанести серьезный экономический ущерб Соединенным Штатам (Ibrahim & Uke, 2013, p. 143). Затянувшийся процесс ратификации и выход США из соглашения в 2001 г. подорвали модель лидерства стран Глобального Севера в международном климатическом процессе и усугубили разрыв между Севером и Югом (Heras & Gupta, 2025, p. 5).

Несмотря на то, что первый период действия Киотского протокола охватывал лишь 30 % общемирового объема выбросов парниковых газов, он был признан решительным шагом вперед, позволившим к 2012 г. сократить выбросы промышленно развитых стран более чем на 10% по сравнению со сценарием отсутствия каких-либо мер (Hoppe et al., 2023, p. 620) (табл. 1). В то же время Дохинские поправки, касающиеся второго периода обязательств (2013–2020 гг.), охватывали лишь около 14 % мировых выбросов парниковых газов (Haibach & Schneider, 2013, p. 362). Этот регресс стал следствием отказа ряда ключевых стран Приложения I (США, России, Японии, Канады и Австралии) принять данные поправки. Свою позицию они обосновывали тем, что принципы справедливости и «общих, но дифференцированных обязанностей с учетом соответствующих возможностей» следует рассматривать в контексте современных глобальных экономических реалий (Thakur, 2021, p. 368; Haibach & Schneider, 2013, p. 362), не игнорируя при этом рост выбросов в странах с формирующейся экономикой (Falkner, 2016, p. 1110). С точки зрения стран Глобального Юга намерения западных государств сводятся к тому, чтобы снять с себя бремя исторической ответственности: они продвигают модель, вовлекающую развивающиеся экономики в ту же систему мер по сокращению выбросов, одновременно разрушая действовавший ранее для промышленно развитых стран юридически обязательный режим, основанный на принципе «сверху вниз» (Thakur, 2021, p. 367).

Таблица 1. **Страны, включенные в Приложение B к Киотскому протоколу, и их целевые показатели по выбросам в 1990–2012 гг.**

Страна	Показатель, %
Страны Европейского сообщества	–8
Болгария	–8
Чехия	–8
Эстония	–8
Латвия	–8
Лихтенштейн	–8
Литва	–8
Монако	–8
Румыния	–8
Словакия	–8
Словения	–8
Швейцария	–8
США*	–7
Канада	–6
Венгрия	–6
Япония	–6
Польша	–6
Хорватия	–5
Новая Зеландия	+0
Россия	+0
Украина	+0
Норвегия	+1
Австралия*	+8
Исландия	+10

Примечание. * — Страны, заявившие о своем намерении не ратифицировать Киотский протокол.

Источник: United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). Caring for Climate: A Guide to the Climate Change Convention and the Kyoto Protocol. Bonn : Climate Change Secretariat, 2003. P. 25. URL: https://unfccc.int/resource/docs/publications/caring_en.pdf (accessed: 12.03.2026).

Универсальная структура Киотского протокола практически не оставляла промышленно развитым странам пространства для маневра при выполнении жестких обязательств, не учитывавших внутриполитические реалии, что провоцировало между ними «конфликты по поводу распределения бремени» (Falkner et al., 2022, p. 48). Это предопределило неудачу любых попыток воспроизвести модель Киотского протокола, основанную на принципе «сверху вниз», особенно в отношении стран, чьи экономики в значительной степени зависели от ископаемого топлива и характеризовались высокой углеродоемкостью (Makarov, 2020, p. 168; Keohane & Victor, 2016, p. 573).

Этап 2. Конфликтные пересечения: от Киото до Парижа (1997–2015 гг.)

Несмотря на принятие Киотского протокола, нерешенные вопросы оставались, что свидетельствовало о сложностях реализации документа (Mitchell, 2001, p. 225). Неопределенность в отношении таких аспектов, как «система обеспечения соблюдения» и «механизмы», заставляла многие страны, подписавшие протокол, медлить с его ратификацией и введением в действие (Doussis & Dikaios, 2025, p. 156). В рамках ряда Конференций Сторон был запущен новый цикл обсуждений, направленных на детальную разработку свода правил Протокола. Этот процесс, продолжавшийся вплоть до КС-7 в 2001 г., завершился принятием Марракешских соглашений (Ushadevi et al., 2024, p. 27).

Для продолжения международных переговоров по климату Балийская дорожная карта предусматривала два переговорных направления в рамках Конвенции и Киотского протокола. Первое было введено для вовлечения США после их выхода из первого этапа реализации Протокола как единственного способа продолжения международных переговоров по климату с участием США, а также для изучения возможности долгосрочного сотрудничества между всеми странами, выходящего за рамки выбросов промышленных предприятий, включенных в Приложение I[7].

Хотя на КС-15 в Копенгагене (2009 г.) возлагались большие надежды по заключению юридически обязывающего соглашения, ее итоги не оправдали ожиданий: участникам не удалось утвердить второй период выполнения обязательств (Clémençon, 2023, p. 124). Провал переговоров следует рассматривать в более широком контексте глобальной геоэкономической ситуации, поскольку финансовый кризис 2008 г. сместил приоритеты государств в сторону восстановления экономики, что затруднило ход обсуждения климатической повестки (Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 7). Кроме того,

[7] Bottom Line on International Climate Negotiations: Fact Sheet // World Resources Institute (WRI). September 2009, 22. URL: https://www.wri.org/research/bottom-line-international-climate-negotiations (accessed: 28.12.2025).

ситуацию усугубила геополитическая стратегия США, настаивавших на переходе от жестких предписаний к гибким механизмам при одновременном вовлечении всех сторон, прежде всего Китая и Индии (Clémençon, 2023, p. 120). Политическое Копенгагенское соглашение, согласованное преимущественно между США и странами группы BASIC (Бразилия, Южно-Африканская Республика (ЮАР), Индия и КНР), нарушило принцип инклюзивности, считавшийся важнейшей нормой в рамках процедурных правил РКИК ООН (Bodansky, 2010, p. 235; Kuyper, Schroeder & Linnér, 2018, p. 352). Недостатки КС-15 продемонстрировали переход к фрагментированной климатической архитектуре, характеризующейся доминированием нескольких ключевых игроков, что подчеркивает растущее влияние как развитых, так и развивающихся экономик (Vogler, 2022, p. 35).

Большая часть обязательств, принятых в Копенгагене, а также цель по ограничению роста глобальной температуры на уровне 2° С были утверждены на конференции в Канкуне. Это событие было расценено как шаг вперед и прогресс в переговорном процессе (Ushadevi et al., 2024, p. 31; Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 5). За этим последовало принятие Дурбанской платформы, которая послужила предметом торга и необходимым условием для утверждения Дохинской поправки в рамках второго этапа реализации Киотского протокола на конференции КС-18[8], что открыло путь к принятию Парижского соглашения.

Парижское соглашение было принято в 2015 г. (в ходе КС-21) и воспринято как выход из тупика, сложившегося после КС-15. Оно позволило развитым странам Глобального Севера отойти от дихотомического подхода к принципу дифференцированной ответственности (Heras & Gupta, 2025, p. 5). Основная цель Соглашения обязывает Стороны удерживать рост глобальной температуры в пределах ниже 2° С по сравнению с доиндустриальным уровнем и стремиться ограничить его показателем 1,5° С. Достижение этой долгосрочной температурной цели неразрывно связано с соблюдением целей и принципов Конвенции, в частности принципа общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей, а также с обеспечением средств реализации и учетом внутригосударственных условий каждой из Сторон.

Парижское соглашение ознаменовало собой смену парадигмы: переход от модели Киотского протокола (унифицированные целевые показатели по выбросам, устанавливаемые «сверху вниз») к подходу, основанному на инициативе самих стран (система определяемых на национальном уровне вкладов (ОНУВ), формируемая по принципу «снизу вверх») (Doussis & Dikaios, 2025, p. 159; Pattberg et al., 2022, p. 299). Действительно, подход «сверху вниз» столкнулся с трудностями при реализации и политическим сопротивлением со стороны так называемой Зонтичной группы, в которую входили США, Россия, Канада и Япония. Парижское соглашение, сохраняя элементы прежней обязательной системы «сверху вниз» (Pattberg et al., 2022, p. 299), интегрирует гибкость механизма ОНУВ («снизу вверх»), чтобы обеспечить участие крупнейших эмитентов, в частности США (Clemençon, 2023, p. 120). Если одни рассматривают это как конструктивный и важный этап эволюции международного климатического процесса (Clemençon, 2023, p. 120, 133; Doussis & Dikaios, 2025, p. 159), то другие видят в этом отход от принципа дифференциации, позволяющий богатым странам уклоняться от предоставления необходимых средств реализации и выполнения ведущей роли в мерах по смягчению последствий изменения климата (Pattberg et al., 2022, p. 305; Heras & Gupta, 2025, p. 5).

Этап 3. Разработка свода правил: от практической реализации Парижского соглашения до Пакта Глазго (2015–2021 гг.)

Быстрое вступление Парижского соглашения в силу было расценено как «феноменальный прогрессивный шаг» в международной климатической политике. Этому способствова-

[8] Материал основан на опыте автора как члена группы единомышленников из числа развитых стран, договорившейся с ЕС о запуске двух переговорных направлений: по периоду до 2020 г. и по периоду после 2020 г.

ли такие факторы, как гибкость подхода «снизу вверх», соблюдение порогового условия (охват не менее 55 % мировых выбросов парниковых газов) и оперативная ратификация соглашения крупнейшими эмитентами — США, Китаем и Европейским союзом (ЕС) (Heras & Gupta, 2025, p. 5), что продемонстрировало способность ведущих держав определять дальнейший ход процесса в рамках РКИК ООН.

Поскольку положения Парижского соглашения носят достаточно абстрактный юридический характер, Стороны инициировали Рабочую программу Парижского соглашения (*Paris Agreement Work Program*, PAWP) и провели четыре сессии Конференции Сторон для обеспечения практической реализации закрепленных в документе обязательств (Abdulkadir, Abdulquadir & Nevaluz, 2025, p. 3; Ruiz Campillo, 2024, p. 2). В ходе обсуждений особое внимание уделялось спорным вопросам взаимодействия стран Глобального Севера и Глобального Юга, касающимся лидерства, подотчетности и средств реализации принятых мер (Heras & Gupta, 2025, p. 5). Несмотря на эти разногласия, на КС-24 был окончательно согласован Катовицкий пакет, охватывающий практически все аспекты Рабочей программы[9]. На КС-25 в Мадриде стороны согласовали решения по ряду незавершенных вопросов, включая шестилетний план работы по мерам реагирования, продление мандата Парижского комитета по наращиванию потенциала до 2024 г., а также завершение процесса оценки ситуации на период до 2020 г. и анализ разрыва в объемах выбросов.

Этап 4. Энергетический переход в условиях противостояния: от призывов отказаться от ископаемого топлива в Глазго до финансовых компромиссов в Баку (2021–2024 гг.)

В ходе переговорного процесса в рамках РКИК ООН (2021–2024 гг.) на конференциях КС-26 — КС-29 усилилась риторика, призывающая к поэтапному отказу от ископаемого топлива. Это привело к «бинарному противостоянию» между целями климатической устойчивости и энергетической безопасности (Doussis & Dikaios, 2025, p. 160; Leal-Arcas, Alghamdi & Alharethi, 2026, p. 136, 143) и создало угрозу государственному суверенитету в отношении природных ресурсов (Salimi Turkamani, 2025, p. 872). Климатический режим сместил фокус с широкого внимания к выбросам парниковых газов на узкую задачу поэтапного отказа от ископаемого топлива. По мнению Р. Клеменсона (Clemençon, 2023, p. 131), истинной целью такого подхода было устранение разрыва в объемах выбросов за счет отказа от сжигания ископаемого топлива и сохранения его запасов в недрах. Для развивающихся стран Глобального Юга, обладающих 78 % мировых запасов ископаемого топлива, это обернулось структурным кризисом, поскольку их экономика и социальное благополучие в значительной степени зависят от этих ресурсов (Heras, 2024, p. 50; Salimi Turkamani, 2025, p. 862, 865). Особенно это касается государств-рантье, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) (Ilyassov, Chukubayev & Morgunova, 2025, pp. 14–15) (табл. 2). В конечном счете такой характер переговоров отразил тот факт, что Парижское соглашение и ОНУВ оказались недостаточными для обеспечения необходимых мер по смягчению последствий изменения климата (Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 1, 6; Abdulkadir, Abdulquadir & Nevaluz, 2025, p. 5), что ведет планету к потеплению на 3° С (Jalil, 2025, p. 8; Hoppe et al., 2023, p. 634).

Поскольку добровольные вклады в рамках ОНУВ недостаточны для достижения цели по нулевому уровню выбросов (Minnerop, 2018, p. 135; Doussis & Dikaios, 2025, p. 159), страны Глобального Севера тактически продвигают требование о поэтапном отказе от ископаемого топлива, ориентированное на сферу предложения, тем самым нарушая положения ст. 3.3 Конвенции и нормы Парижского соглашения. В международном праве, регулируемом режимом РКИК ООН, отсутствуют четкие директивы по ограничению добычи ископаемого топлива.

[9] Climate Change // International Institute for Sustainable Development (IISD). Earth Negotiations Bulletin. 1995. Vol. 12. URL: https://enb.iisd.org/enb/vol12/ (accessed: 10.02.2026).

Таблица 2. **Отдельные страны, зависящие от ископаемого топлива (среднегодовые показатели за 2015–2019 гг.)**

Страна	Рента от ископаемого топлива, % ВВП	Рента от ископаемого топлива, % от общей ренты от невозобновляемых ресурсов	Нефтяная рента, % от ренты за ископаемое топливо	Экспорт топлива, % от общего объема экспорта	Доходы от природных ресурсов, % государственных доходов	Индекс зависимости
Ирак	37,2	100,0	99,5	98,0	92,1	95,0
Ливия	34,8	100,0	96,8	92,2	91,5	91,9
Кувейт	38,6	100,0	98,5	92,8	69,4	81,1
Оман	24,6	100,0	92,1	75,3	–	73,5
Азербайджан	21,0	99,4	86,0	90,6	58,5	74,5
Ангола	17,9	100,0	98,0	93,5	53,5	73,5
Саудовская Аравия	24,4	99,9	85,7	92,3	44,6	68,4
Судан	6,6	99,9	85,7	92,3	44,6	68,4
Алжир	15,2	99,8	85,5	95,8	39,5	67,6
Габон	14.9	99,7	98,8	68,1	35,8	52,0
Иран	17,4	97,5	87,7	66,3	35,5	50,9
Венесуэла	11,7	99,0	97,2	86,7	14.5	50,6
Бахрейн	4.0	100.0	54,3	49,7	–	49,7
Казахстан	12,6	82,9	84,5	65,8	32,0	46,8
Объединенные Арабские Эмираты	14,6	100.0	95,5	50,3	47,4	48,9
Россия	10,5	94,0	70,0	53,0	23,5	38,2

Источник: Global Decarbonization in Fossil Fuel Export-Dependent Economies // United Nations Development Programme (UNDP). May 15, 2023. P. 27. URL: https://www.undp.org/publications/dfs-global-decarbonization-fossil-fuel-export-dependent-economies (accessed: 13.04.2026).

Вместо этого основное внимание уделяется мерам по сокращению выбросов со стороны спроса (Salimi Turkamani, 2025, p. 864, 866; Van Asselt, 2021, pp. 1–3). Перенос акцента на добычу ископаемого топлива свидетельствует о неэффективности механизмов смягчения последствий изменения климата, предусмотренных Парижским соглашением (Thakur, 2021, p. 369; Clemençon, 2023, p. 131; Salimi Turkamani, 2025, p. 880). Это, в свою очередь, объясняет стремление стран Глобального Севера переложить бремя ответственности на развивающиеся страны, добывающие ископаемое топливо (Heras & Gupta, 2025, p. 6).

На КС-26 в Глазго стороны осознавали, что текущие определяемые на национальном уровне вклады приведут к росту глобальной температуры в диапазоне 2,4–2,8 °C. Следовательно, для соответствия температурным целям Парижского соглашения требовалось сократить выбросы CO_2 на 45 % к 2030 г. (Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 1, 9). «Климатический пакт Глазго» ознаменовал переход к более отраслевому подходу (Obergassel et al., 2022, p. 8), а идея постепенного сокращения или поэтапного отказа от ископаемого топлива была впервые официально признана в рамках процесса РКИК ООН (Salimi Turkamani, 2025, p. 867; Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 9; Ruiz Campillo, 2024, p. 7). Отсутствие договоренности по вопросу финансовой помощи странам Глобального Юга в осуществлении энергоперехода еще больше усугубило их недоверие к странам Глобального Севера (Heras & Gupta, 2025, p. 6).

Конференция в Шарм-эль-Шейхе (КС-27) проходила на фоне угрожающих международных кризисов, в частности в энергетике и в процессе перехода к многополярному мироустройству, что порождало геополитические трения. Тем не менее на этой конференции

был утвержден «План реализации Шарм-эль-Шейха», в рамках которого стороны договорились о справедливом пути декарбонизации («справедливом переходе»). Несмотря на призывы расширить рамки мандата Глазго путем поэтапного сокращения использования всех видов ископаемого топлива (Salimi Turkamani, 2025, p. 867), в итоговом соглашении была сохранена формулировка, принятая в Глазго. Активность в сфере борьбы с изменением климата в определенной степени снизилась (Doussis & Dikaios, 2025, p. 160), а идеализм Глазго столкнулся с реальностью энергетического кризиса, вызванного событиями на Украине. Это, в свою очередь, обнажило противоречивость подходов, двойные стандарты и огромный разрыв между риторикой и практикой стран, претендующих на лидерство в зеленой повестке, таких как ЕС (Çelik, 2022, p. 1019).

Согласно техническому отчету о глобальном подведении итогов (*Global Stocktake*) в рамках РКИК ООН, представленному на КС-28 в Дубае, для достижения температурной цели Парижского соглашения необходимы незамедлительные меры по сокращению глобальных выбросов парниковых газов на 43 % к 2030 г. и на 60 % к 2035 г., а также по достижению нулевого уровня выбросов к 2050 г. Однако столь значительное сокращение следует рассматривать с учетом актуальных данных и прогнозов в сфере энергетики, подтверждающих доминирование ископаемого топлива, на долю которого приходится более 80 % спроса на первичную энергию (Salimi Turkamani, 2025, p. 861). Это согласуется с оценкой Международного энергетического форума (IEF), проанализировавшего 32 долгосрочных прогноза развития энергетики с учетом различных источников. Все они подтверждают вывод о доминировании ископаемого топлива в краткосрочной и среднесрочной перспективе[10].

Первый «Глобальный обзор», служащий важнейшим механизмом оценки коллективного прогресса в достижении целей Парижского соглашения (Maslin, Lang & Harvey, 2023, p. 6), стал одной из наиболее спорных тем на КС-28 в Дубае. Различия в позициях по этому вопросу объясняются опасениями развивающихся стран относительно того, что невыполнение обязательств развитыми странами может привести к перекладыванию бремени на них самих.

В ходе КС-28 США и другие заинтересованные стороны вновь настаивали на том, чтобы в итоговом документе был детально прописан отказ от ископаемого топлива[11]. Делегация Саудовской Аравии, выступавшей в качестве одной из ведущих стран ОПЕК, настаивала на том, чтобы конференция в Дубае была сосредоточена исключительно на сокращении выбросов парниковых газов, а не на борьбе с ископаемым топливом, являющимся причиной этих выбросов[12]. В результате в итоговом заявлении КС была утверждена компромиссная формулировка — «переход от ископаемого топлива»[13].

На КС-28 в Дубае Россия наложила вето на проведение следующей конференции в одной из стран ЕС, в результате чего Азербайджан стал наиболее вероятным кандидатом от региона Восточной Европы. К моменту проведения КС-29 в Баку в ноябре 2024 г. переизбрание Дональда Трампа на пост президента США создало атмосферу неопределенности относительно будущего климатической политики Вашингтона и итогов конференции, особенно в части «климатического финансирования». Тем не менее стороны согласовали «Новую коллективную количественную цель» (*New Collective Quantified Goal*, NCQG), установив

[10] IEF Outlooks Comparison Report // The International Energy Forum. February 19, 2025. URL: https://www.ief.org/events/15th-iea-ief-opec-symposium-on-energy-outlooks#report (accessed: 14.12.2025).

[11] Volcovici V., Dickie G., James W. Nations Strike Deal at COP28 to Transition Away from Fossil Fuels // Reuters. December 14, 2023. URL: https://www.reuters.com/business/environment/countries-push-cop28-deal-fossil-fuels-talks-spill-into-overtime-2023-12-12/ (accessed: 14.12.2025).

[12] Abnett K., Volcovici V., Saba Y. COP28 Clashes over Fossil Fuel Phase-Out after OPEC Pushback // Reuters. December 10, 2023. URL: https://www.reuters.com/business/environment/opec-members-push-against-including-fossil-fuels-phase-out-cop28-deal-2023-12-09/ (accessed: 12.12.2025).

[13] Outcome of the First Global Stocktake: Draft Decision -/CMA.5. FCCC/PA/CMA/2023/L.17 // United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). December 13, 2023. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2023_L17_adv.pdf (accessed: 14.12.2025).

новый целевой показатель ежегодного финансирования развивающихся стран в размере 300 млрд долл. США к 2035 г. Несмотря на то, что этот объем втрое превышал предыдущее обязательство по «финансовой помощи» (100 млрд долл. США ежегодно к 2020 г.), новое решение подверглось резкой критике со стороны «Группы 77». Возражения, прозвучавшие на заключительном пленарном заседании в связи с принятием NCQG, отражали недовольство тех, кто изначально предлагал установить целевой показатель на уровне 1,3 трлн долл. США. Это, в свою очередь, привело к запуску инициативы «Дорожная карта Баку — Белен», направленной на увеличение финансирования развивающихся стран до указанного уровня[14].

На данной конференции вопрос о поэтапном отказе от ископаемого топлива остался практически без внимания, поскольку ключевым пунктом повестки дня стало «климатическое финансирование» (Salimi Turkamani, 2025, p. 863). Отсутствие нового, подкрепленного конкретными мерами мандата на сокращение использования ископаемого топлива продемонстрировало, что без четких финансовых договоренностей достигнутый в Дубае консенсус относительно «перехода к отказу» от него остается лишь политической декларацией о намерениях.

Ключевые особенности процесса РКИК ООН

Конвенция и соответствующие правовые акты содержат ряд положений, оказывающих существенное влияние на международную правовую и политическую архитектуру в сфере климата. Некоторые из этих ключевых аспектов, имеющих особое значение для развивающихся стран, будут рассмотрены с точки зрения государств Глобального Юга.

Что касается позиций развивающихся стран по этим ключевым вопросам, то спектр их устремлений и интересов чрезвычайно широк — от малых, уязвимых государств до крупных стран-эмитентов. Развивающиеся страны могут эффективно отстаивать свои национальные интересы, когда те совпадают с позицией «Группы 77». Будучи крупнейшим политическим объединением, G77 плюс Китай представляет собой разнородный блок, который тем не менее остается главной площадкой для согласования и формирования единых позиций развивающихся стран в рамках РКИК ООН. Достижение группой консенсуса по любому вопросу, представляющему общий интерес, воспринимается как выражение коллективной позиции Глобального Юга (Almquist et al., 2026, p. 224). Таким образом, анализ единой позиции G77 и Китая, отраженной в официальных заявлениях на Конференциях Сторон, позволяет на практике определить более широкую точку зрения развивающихся стран.

Ключевой особенностью проблемы изменения климата является ее сложность и многогранность, затрагивающая самые разные аспекты образа жизни и деятельности людей. Это понимание было принято мировым сообществом и нашло отражение в Декларации министров, принятой на Второй всемирной климатической конференции. Конвенция разрабатывалась с учетом этого многообразия: научный аспект важен, но он не является единственным. В свою очередь борьба с изменением климата не должна ограничиваться лишь рамками этой проблемы. В связи с этим экологические, экономические и социальные аспекты устойчивого развития, включая искоренение нищеты, особые условия и специфические потребности развивающихся стран, а также экономическую эффективность климатической политики, должны рассматриваться в комплексе.

«Группа 77» четко обозначила позицию, согласно которой борьба с изменением климата равнозначна праву на устойчивое развитие, искоренению нищеты и лишений, обеспечению всеобщего доступа к экологически чистой энергии и качественному медицинскому обслуживанию, а также созданию условий для «лучшей жизни шести миллиардов человек», проживающих в странах Глобального Юга.

[14] Summary of the 2024 Baku Climate Change Conference: 11–22 November 2024 // Earth Negotiations Bulletin. 2024 (26 November). Vol. 12, no. 865. URL: https://enb.iisd.org/sites/default/files/2024-11/enb12865e_0.pdf (accessed: 13.05.2025).

Таким образом, вклад каждой страны в глобальные усилия по борьбе с изменением климата будет определяться ее национальными условиями и стратегиями[15].

Учитывая сложность и многогранность проблемы изменения климата, итоговые договоренности в рамках РКИК ООН стали результатом тонкого компромисса между членами международного сообщества. Процесс РКИК ООН охватывает целый ряд направлений климатической деятельности, поэтому комплексный подход к их реализации имеет решающее значение.

Этим объясняется настойчивость G77 и Китая в вопросе о необходимости сохранения комплексного, всеобъемлющего характера определяемых на национальном уровне вкладов в рамках Парижского соглашения, а также важности достижения сбалансированного прогресса по всем направлениям, включая адаптацию, смягчение последствий, средства осуществления и проблему потерь и ущерба, о чем группа неоднократно заявляла[16].

Международная политика и законодательство в области изменения климата глубоко укоренены в «межправительственном процессе под эгидой ООН» (Thompson, 2025, p. 128). Процесс выработки политики в рамках системы РКИК ООН строится на межправительственных переговорах, при этом предполагается, что Стороны преследуют свои национальные интересы. Несмотря на растущий скептицизм в отношении эффективности многосторонней климатической дипломатии (Clemençon, 2023, p. 114), такой межправительственный процесс, ориентированный на ООН, был прямо закреплен в положениях различных решений Конференций Сторон — например, в «Плане реализации Шарм-эль-Шейха» и первом «Глобальном обзоре», где было подтверждено значение многостороннего подхода, основанного на ценностях и принципах ООН.

«Группа 77» неизменно отстаивает позицию, согласно которой РКИК ООН является основным межправительственным форумом для обсуждения глобальных климатических вопросов. G77 и Китай решительно отвергают любые проявления скептицизма в отношении многостороннего процесса, движущей силой которого выступают государства, расценивая это как тревожную угрозу, способную подорвать коллективные усилия и интересы группы. Блок также подчеркивает необходимость сохранения межправительственного характера этого процесса и считает, что поддержание единства и доверия между Сторонами является важнейшим условием и единственным путем решения серьезных проблем, стоящих перед

[15] Statement on behalf of the Group of 77 and China by Ms. Elba Rosa Pérez Montoya, Minister of Science, Technology and Environment of Cuba, at the Resumed High-Level Segment of the UN Climate Change Conference (COP 28) (Dubai, United Arab Emirates, 9 December 2023) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=231209 (accessed: 18.05.2025).

[16] См.: Statement on Behalf of Group of 77 and China by Mr. Farukh Amil, Acting Permanent Representative of Pakistan to the UN, During the Intergovernmental Preparatory Meeting (IPM) of Fifteenth Session of Commission on Sustainable Development (CSD-15) (New York, 26 February 2007) // Group of 77 and China. URL: https://uat.g77.org/wp-content/uploads/2019/05/IPM-of-15th-Session-of-Commission-on-Sustainable-Development-1.pdf (accessed: 18.05.2025); Statement by the Delegation of Pakistan on Behalf of the Group of 77 and China after Adoption of the Law of the Sea Resolution (A/62/L.27) During the Plenary of the 62nd Session of the UN General Assembly (New York, 21 December 2007) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=071221 (accessed: 18.05.2025); Statement by H.E. Mr. Evo Morales Ayma, President of the Plurinational State of Bolivia and Chair of the Group of 77, in the Climate Summit (New York, 23 September 2014) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=140923 (accessed: 18.05.2025); Statement by H.E. Mr. Manasvi Srisodapol, Special Representative of the Chair of the Group of 77 for Climate Change, on Behalf of the Group of 77 and China, at the Joint Plenary of the 22nd Session of Conference of the Parties (COP22) and the 12th Session of the Conference of the Parties Serving as the Meeting of the Parties to the Kyoto Protocol (CMP12) (Marrakech, Morocco, 8 November 2016) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=161108 (accessed: 18.05.2025); Statement on Behalf of the Group of 77 and China by Ambassador Ammar Hijazi of the State of Palestine, Chair of the G-77 and China for the Climate Change Process, at the COP25/CMP15/CMA2 Closing Plenary of the UN Climate Change Conference (Madrid, Spain, 13 December 2019) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=191213b (accessed: 18.05.2025); Statement on behalf of the Group of 77 and China at the Closing Plenary of the SBSTA-58 and SBI-58 (Bonn, Germany, 15 June 2023) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=230615 (accessed: 18.05.2025).

будущим человечества[17]. Кроме того, «Группа 77» акцентирует внимание на том, что многосторонний климатический режим опирается на Конвенцию и связанные с ней правовые инструменты (Киотский протокол и Парижское соглашение) и не подлежит пересмотру. Это отражает глубокое противоречие между твердой приверженностью стран Глобального Юга многостороннему формату в рамках РКИК ООН и выбором стран Глобального Севера в пользу «минилатеральных» (ограниченных по составу участников) форматов и сотрудничества на площадках, где доминируют несколько крупнейших эмитентов парниковых газов.

Развивающиеся страны рассматривают климатическую политику через призму исторической и экономической несправедливости. С их точки зрения, развитые страны должны не только взять на себя историческую ответственность за борьбу с изменением климата, но и оказывать поддержку развивающимся государствам. Позиция последних по этому вопросу предельно ясна: историческая ответственность служит «морально-правовой основой» обязательств развитых стран, и было бы несправедливо игнорировать тот факт, что эти государства добились экономического прогресса в результате многовекового накопления выбросов. Следовательно, развитые страны должны играть ведущую роль в решении этой проблемы[18].

Конвенция признала изменение климата «общей заботой человечества», призвав к сотрудничеству международного сообщества[19]. Однако это следует рассматривать в контексте принципов справедливости и «общих, но дифференцированных обязательств с учетом соответствующих возможностей», которые, признавая общую экологическую цель, предусматривают дифференциацию между Сторонами. Поэтому промышленно развитые страны должны играть ведущую роль в усилиях по борьбе с изменением климата (ст. 3.1[20]). Переговорные раунды РКИК ООН даже после подписания Соглашения, когда был отброшен дихотомический подход дифференцированной ответственности, вращаются вокруг этих принципов и значимости различия между развитыми странами и развивающимися странами. В результате распределение бремени, механизмы поддержки развивающихся стран, типы и условия обязательств лежат в основе процесса РКИК ООН.

Развивающиеся страны опирались на принцип ответственности за «общие, но дифференцированные обязательства с учетом соответствующих возможностей», чтобы призвать к большему вкладу промышленно развитых стран и противостоять предложениям, устанавливающим единые обязательные целевые показатели выбросов. «Группа 77» утверждает, что развитые страны должны не только взять на себя ведущую роль в сокращении своих выбросов, но и изменить свои модели производства и потребления. G77 и Китай рассматривают CBDR-RC как важнейший «руководящий принцип», необходимый для достижения глобальной цели по ограничению изменения температуры, установленной в Соглашении.

В рамках процесса РКИК ООН особое внимание уделяется специфическим потребностям и требованиям отдельных Сторон. При выполнении Сторонами своих обязательств будет обеспечен всесторонний учет интересов

[17] Statement on behalf of the Group of 77 and China at the Closing Plenary of the SBSTA-58 and SBI-58 (Bonn, Germany, 15 June 2023) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=230615 (accessed: 18.05.2025).

[18] См.: Statement on behalf of the Group of 77 and China by Mr. Marthinus Van Schalkwyk, Minister of Environmental Affairs and Tourism of the Republic of South Africa, at the Opening of the High-level Segment of COP 12 and COP/MOP2 of the UN Framework Convention on Climate Change (Nairobi, 15 November 2006) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/Speeches/111506.html (accessed: 18.05.2025); Statement by H.E. Mr. Evo Morales Ayma, President of the Plurinational State of Bolivia and Chair of the Group of 77, in the Climate Summit (New York, 23 September 2014) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=140923 (accessed: 18.05.2025); Statement on behalf of the Group of 77 and China at the Closing Plenary of the SBSTA-58 and SBI-58 (Bonn, Germany, 15 June 2023) // Group of 77 and China. URL: https://www.g77.org/statement/getstatement.php?id=230615 (accessed: 18.05.2025).

[19] United Nations Framework Convention on Climate Change // The United Nations. 1992. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/background_publications_htmlpdf/application/pdf/conveng.pdf (accessed: 20.01.2026).

[20] Ibid.

наименее развитых стран (НРС) и определенных групп развивающихся стран посредством передачи технологий, страхования и финансовой поддержки (ст. 4.8, 4.9, 4.10[21]). Меры поддержки должны быть направлены на решение проблем, связанных не только с негативными последствиями изменения климата, но и с пагубным воздействием политики и мер по борьбе с ним. Стремясь внести раскол в ряды блока G77 плюс Китай, страны Глобального Севера неоднократно ограничивали круг получателей такой поддержки лишь отдельными группами развивающихся стран. Тем не менее «Группа 77» в целом демонстрирует солидарность, настаивая на всестороннем применении соответствующих положений[22].

Что касается устойчивого развития и экономического роста, то в рамках РКИК ООН закреплено «право Сторон содействовать устойчивому развитию». В этом контексте Конвенция и соответствующие соглашения прямо признают право развивающихся стран осваивать и использовать свои ресурсы, а также право наращивать потребление энергии. Таким образом, положения Конвенции, Киотского протокола и Парижского соглашения требуют учитывать и минимизировать негативные последствия мер реагирования на изменение климата для тех Сторон, чьи экономики в значительной степени зависят от ископаемого топлива и энергоемких отраслей промышленности. В связи с этим понятна позиция стран, зависящих от ископаемого топлива, в отношении поспешного энергетического перехода в период после конференции в Глазго, а также ясна суть высказываний министра энергетики Саудовской Аравии, касающихся «энергетической трилеммы» и климатических целей Парижского соглашения[23].

Международная политика в области изменения климата

Развитие процесса в рамках РКИК ООН не только сформировало международно-правовую архитектуру в сфере изменения климата, но и заложило основу для более сложной системы международных отношений и политики в этой области. Принятие ключевых международно-правовых актов, таких как Конвенция, Киотский протокол и Парижское соглашение, тесно увязало правовые механизмы с климатической политикой и открыло путь к расширению международного сотрудничества в вопросах контроля выбросов парниковых газов и реализации других мер по борьбе с изменением климата.

В действительности эффективность этих договоров зависит от того, насколько добросовестно стороны РКИК ООН выполняют взятые на себя юридические обязательства, что, в свою очередь, определяется наличием политической воли и решимости. Таким образом, климатические переговоры не сводятся исключительно к юридическим процедурам и договоренностям, а формируются под влиянием геополитических соображений, расстановки сил, приоритетов в области экономики и устойчивого развития, искусства дипломатии и стратегического партнерства между сторонами. Оценка результативности климатических соглашений и прогнозирование дальнейшего хода дипломатического процесса в международной климатической политике во многом зависят от понимания этой взаимосвязи.

Международная политика в области изменения климата характеризуется участием множества государств — ключевых игроков, стремящихся отстаивать свои интересы на многосторонних площадках[24]. Участниками этой международной климатической системы являются почти 200 сторон, сама же система опирается на «вестфальский» государственно-

[21] United Nations Framework Convention on Climate Change // The United Nations. 1992. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/background_publications_htmlpdf/application/pdf/conveng.pdf (accessed: 20.01.2026).

[22] Мнение основано на опыте автора в качестве представителя «Группы 77».

[23] KSA Is a ‘Global Model’ for Energy Transition // Oil & Gas News. November 1, 2023. URL: https://web.archive.org/web/20241207210435/https://ognnews.com/Article/46436/KSA_is_a_’global_model’_for_energy_transition (accessed: 05.03.2026).

[24] Nasiritousi N., Bäckstrand K. International Climate Politics in the post-Paris era // Nordic Economic Policy Review. 2019 (May). P. 25. URL: https://www.researchgate.net/publication/333104806_International_Climate_Politics_in_the_Post-Paris_Era (accessed: 12.12.2025).

центричный порядок или то, что И.А. Макаров вслед за У. Нордхаузом назвал «вестфальской дилеммой» (Makarov, 2020, p. 165).

Как полагают Д.Ф. Спринц и М. Вайс (Sprinz & Weiß, 2001, pp. 69–70), позиции стран на международных переговорах по климату можно прогнозировать исходя из их национальных интересов. Страны, сталкивающиеся с серьезными угрозами из-за изменения климата и имеющие низкие издержки на сокращение выбросов, вероятно, будут выступать за более жесткое регулирование (инициаторы / «двигатели» процесса), тогда как государства, для которых эти угрозы незначительны, а затраты на сокращение высоки, будут ему противодействовать (противники / «тормозящие» процесс). Страны, занимающие промежуточное положение, будут демонстрировать неоднозначное отношение, а государства, не подверженные климатическим рискам и имеющие высокие издержки на сокращение выбросов (наблюдатели), вероятно, вообще воздержатся от участия в дискуссиях.

В Третьем оценочном докладе МГЭИК была отражена эта неоднородная картина мира, влияющая на поведение сторон в рамках политического процесса РКИК ООН. В докладе отмечалось, что страны различаются по объемам выбросов (высокие или низкие) и степени подверженности климатическим воздействиям (высокая или низкая)[25]. В свою очередь, И.А. Макаров утверждает, что структура Парижского соглашения, основанная на принципе «снизу вверх» (*bottom-up*), разделяет основных мировых эмитентов парниковых газов на страны-«энтузиасты» (например, США, ЕС и Китай), стремящиеся к углеродной нейтральности ради контроля над зелеными технологиями и обеспечения энергетической безопасности, и страны, проявляющие «нежелание» или сдержанность (к ним относятся государства с развивающейся экономикой, такие как Индия, Бразилия и ЮАР), которые ставят во главу угла задачи устойчивого развития, борьбу с бедностью и обеспечение доступности энергии. К последней группе также относятся страны, чьи экономики сильно зависят от ископаемого топлива (например, Россия и арабские нефтедобывающие государства); они воспринимают стремительный энергетический переход как серьезную угрозу своим экономическим интересам, социальному благополучию и геополитическому статусу (Makarov, 2020, pp. 169–172).

В рамках переговорного процесса РКИК ООН можно выделить три ключевых фактора, способствующих пониманию международной политики в области изменения климата и причин, ограничивающих эффективность данного режима:

1) разногласия между странами Глобального Севера по вопросу распределения бремени;

2) противоречивые приоритеты внутри Глобального Юга;

3) сохраняющееся неравенство между Севером и Югом в контексте принципа справедливости (Bodansky & Rajamani, 2018, p. 20).

Ситуация в сфере международной климатической политики дополнительно усложняется тем, что основные выгоды от борьбы с изменением климата не позволяют в полной мере снять опасения, связанные с проблемой «безбилетника» и вопросом «относительных выгод». Поскольку климат является глобальным общественным благом, проблема «безбилетника» возникает, когда отдельные государства извлекают пользу из глобального сокращения выбросов, не внося при этом соразмерного вклада (Falkner, 2016, p. 1110; Makarov, 2020, p. 164, 169; Clemençon, 2023, p. 115). Ситуацию усугубляет обеспокоенность по поводу «относительных выгод»: страны опасаются, что жесткие меры по сокращению выбросов могут поставить их в невыгодное положение по сравнению с государствами, принимающими менее строгие климатические обязательства. По мнению М. Пьюрдона, подобные опасения обусловлены особенностями международного перераспределения, невозможностью исключить кого-либо из потребления результатов

[25] Climate Change 2001: Synthesis Report. Summary for Policymakers. Third Assessment Report // Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). 2001. URL: https://www.ess.uci.edu/~yu/class/ess15/TARSynRep_SPM.pdf (accessed: 12.12.2025).

мер по смягчению последствий изменения климата, масштабностью необходимых ресурсов, а также временным разрывом между затратами и получением выгод от перераспределения (Purdon, 2017).

Другие исследователи утверждают, что заключение юридически обязательных соглашений представляется практически невозможным, поскольку стороны воспринимают переговорный процесс как игру с нулевой суммой, где решается вопрос о том, кто именно понесет расходы, связанные с сокращением выбросов (Clémençon, 2023, p. 115). Страны все больше обеспокоены последствиями мер по смягчению последствий изменения климата для своих национальных энергоемких отраслей на международных рынках. Политики и правительственные чиновники опасаются, что производственные предприятия могут утратить конкурентоспособность и долю рынка из-за роста издержек по сравнению с зарубежными конкурентами[26]. Вместе с тем эмпирические оценки фактического влияния углеродного ценообразования на рост и конкурентоспособность неоднозначны и в значительной степени зависят от проводимой политики, отраслевой структуры экономики и способов использования бюджетных поступлений.

После принятия Парижского соглашения в международной политике в области изменения климата произошли ключевые изменения, ознаменовавшие начало новой эры в архитектуре климатического регулирования:

1) соглашение не устанавливает четких категорий сторон и не дифференцирует обязательства для них так, как это делают Рамочная конвенция и Киотский протокол;

2) Парижское соглашение представляет собой гибридную структуру (Thakur, 2021, p. 366), в которой подход «снизу вверх» для стимулирования участия (реализуемый через национальные вклады сторон) (Abdulkadir, Abdulquadir & Nevaluz, 2025, p. 5) сочетается с механизмом «сверху вниз», направленным на повышение уровня амбициозности и подотчетности (посредством оценки коллективного прогресса, известной как «глобальное подведение итогов»);

3) обязательства носят смешанный правовой характер, сочетая в себе нормы «жесткого» и «мягкого» права (Bodansky & Rajamani, 2018, p. 48).

Заключение

Режим РКИК ООН формировался главным образом под влиянием дисбаланса сил, материальных интересов национальных государств и динамики отношений «Север — Юг». Эти факторы, укорененные в реалиях анархичного «Вестфальского» миропорядка, сыграли ключевую роль в определении траектории развития климатического режима и практики применения его основополагающих принципов с течением времени. Данный структурный дисбаланс объясняет медленный прогресс в достижении температурных целей в рамках Парижского соглашения. Ситуация усугубляется тем, что основные страны-эмитенты Глобального Севера продолжают отдавать приоритет собственным национальным экономическим и стратегическим интересам, перекладывая при этом бремя выполнения обязательств на страны Глобального Юга.

Результаты исследования также свидетельствуют о том, что гибридная модель, внедренная в рамках Парижского соглашения и системы определяемых на национальном уровне вкладов, не позволила разрешить сохраняющиеся противоречия между Севером и Югом. Напротив, она создала условия для новых форм избирательного подхода и перекладывания проблем со стороны Севера, сделав акцент на мерах, затрагивающих сферу предложения (например, поэтапный отказ от ископаемого топлива). Призывы к структурной перестройке климатического режима и смещению фокуса политики по смягчению последствий изменения климата на сектор предложения не только расходятся с различными энергетическими

[26] Black S., Liu A. A., Parry I., Vernon N. IMF Fossil Fuel Subsidies Data: 2023 Update // International Monetary Fund. 2023 (August). IMF Working Paper No. WP/23/169. P. 17. URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/wp/2023/english/wpiea2023169-print-pdf.pdf (accessed: 22.12.2025).

прогнозами, но и возлагают бремя соответствующих обязательств на развивающиеся страны Юга, экономика которых зависит от ископаемого топлива. При этом игнорируется исторический вклад Глобального Севера в совокупный объем выбросов. Для развивающихся стран такие структурные изменения чреваты серьезными и долгосрочными геополитическими последствиями, включая угрозы энергетической безопасности, национальным стратегиям развития и суверенитету в отношении природных ресурсов.

Таким образом, общая позиция стран Глобального Юга состоит в том, что ни одно государство не вправе навязывать условия, неприемлемые для другого, поскольку каждое государство свободно в своем выборе.

Поступила в редакцию / Received: 10.04.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 20.06.2026
Принята к публикации / Accepted: 23.06.2026

Список литературы

Abdulkadir A., Abdulquadir A., Nevaluz S. The Role of Global Governance in Mitigating the Impact of Climate Change: Challenges and Opportunities // Journal of Ecopolitics, Peace, and Sustainable Development. 2025. Vol. 1, iss. 1. P. 1–11. https://doi.org/10.69798/82466053; EDN: GSVVBY

Adipudi A. V., Kim R. E., Biermann F. The Potential Negative Impact of the UNFCCC: An Analysis of Sectoral, Geographical, and Temporal Problem Shifts from Climate Policies and Measures in 25 Industrialized Countries // Global Environmental Change. 2025. Vol. 95. Art. 103075. https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2025.103075; EDN: EOFPSY

Almquist Z. W., Bagozzi B. E., Blinova D., Brown Z. Dynamic Networks of Negotiation for International Climate Change Cooperation // Environmental Sociology. 2026. Vol. 12, iss. 2. P. 221–237. https://doi.org/10.1080/23251042.2025.2507287; EDN: EZERPI

Arslan S. Climate Diplomacy and Global Governance: A Strategic and Qualitative Analysis of International Politics (1950–2025) // International Journal of Academic Research in Public Policy and Governance. 2025. Vol. 11, iss. 1. P. 6–36. https://doi.org/10.46886/IJARPPG/v11-i1/19019; EDN: DXQVWW

Bodansky D. The Copenhagen Climate Change Conference: A Postmortem // American Journal of International Law. 2010. Vol. 104, iss. 2. P. 230–240. https://doi.org/10.5305/amerjintelaw.104.2.0230

Bodansky D., Rajamani L. The Evolution and Governance Architecture of the United Nations Climate Change Regime // Global Climate Policy: Actors, Concepts, and Enduring Challenges / ed. by U. Luterbacher, D. F. Sprinz. Cambridge, MA : MIT Press, 2018. P. 13–65. https://doi.org/10.7551/mitpress/10264.003.0004

Çelik F. B. The EU's Different Faces in Climate Diplomacy: Leadership, Interests, and Responsibilities // Journal of European Integration. 2022. Vol. 44, iss. 8. P. 1019–1039. https://doi.org/10.1080/07036337.2022.2068538; EDN: EEKVRA

Chasek P. S., Downie D. L., Allan J. I. Global Environmental Politics. 9th ed. New York: Routledge, 2025. https://doi.org/10.4324/9781003494874

Clémençon R. 30 Years of International Climate Negotiations: Are They Still Our Best Hope? // The Journal of Environment & Development. 2023. Vol. 32, iss. 2. P. 114–146. https://doi.org/10.1177/10704965231163908; EDN: MDNBIY

Doussis E., Dikaios G. Climate Diplomacy Under the UNFCCC: Past, Present, and Future // Contemporary Diplomatic and Consular Relations / ed. by P. Naskou-Perraki. Cham, Switzerland : Springer, 2025. P. 153–163. https://doi.org/10.1007/978-3-031-99243-8_10

Falkner R. The Paris Agreement and the New Logic of International Climate Politics // International Affairs. 2016. Vol. 92, iss. 5. P. 1107–1125. https://doi.org/10.1111/1468-2346.12708

Falkner R., Nasiritousi N., Reischl G. Climate Clubs: Politically Feasible and Desirable? // Climate Policy. 2022. Vol. 22, iss. 4. P. 480–487. https://doi.org/10.1080/14693062.2021.1967717; EDN: TSIOGY

Haibach H., Schneider K. The Politics of Climate Change: Review and Future Challenges // Climate Change: International Law and Global Governance. Vol. II: Policy, Diplomacy and Governance in a Changing Environment / ed. by O. C. Ruppel, C. Roschmann, K. Ruppel-Schlichting. 1st ed. Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 2013. P. 357–374. URL: http://www.jstor.org/stable/j.ctv941vsk.18 (accessed: 26.09.2025).

Hare W., Stockwell C., Flachsland C., Oberthür S. The Architecture of the Global Climate Regime: A Top-Down Perspective // Climate Policy. 2010. Vol. 10, iss. 6. P. 600–614. https://doi.org/10.3763/cpol.2010.0161

Heras A. Supply-Side Climate Policy and Fossil Fuels in Developing Countries: A Neo-Gramscian Perspective // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. 2024. Vol. 24, iss. 1. P. 49–74. https://doi.org/10.1007/s10784-024-09627-z; EDN: THBOWL

Heras A., Gupta J. North-South Relations, Responsibilities, and Agendas in Earth System Governance: Have These Changed in the Anthropocene? // Earth System Governance. 2025. Vol. 24. Art. 100251. https://doi.org/10.1016/j.esg.2025.100251; EDN: SRMQIS

Hoppe J., Hinder B., Rafaty R., Patt A., Grubb M. Three Decades of Climate Mitigation Policy: What Has It Delivered? // Annual Review of Environment and Resources. 2023. Vol. 48. P. 615–650. https://doi.org/10.1146/annurev-environ-112321-103821; EDN: KDHWRA

Ibrahim S. G., Uke I. I. From Kyoto Protocol to Copenhagen: A Theoretical Approach to International Politics of Climate Change // African Journal of Political Science and International Relations. 2013. Vol. 7, iss. 3. P. 142–153. https://doi.org/10.5897/AJPSIR11.089

Ilyassov A., Chukubayev Y., Morgunova O. Energy Policy and Diplomacy of the UAE and Other Resource-Oriented Countries in the Transition to Technological Development // Frontiers in Political Science. 2025. Vol. 7. Art. 1661283. https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1661283; EDN: NRNYWL

Jalil S. Toward an International Grundnorm for Climate Change: Ensuring Sustainability Away from the Traditional Notion of Security // Sustainability. 2025. Vol. 17, iss. 3. Art. 1034. https://doi.org/10.3390/su17031034; EDN: OXITAW

Keohane R., Victor D. Cooperation and Discord in Global Climate Policy // Nature Climate Change. 2016. Vol. 6. P. 570–575. https://doi.org/10.1038/nclimate2937

Krasner S. D. Regimes and the Limits of Realism: Regimes as Autonomous Variables // International Organization. 1982a. Vol. 36, iss. 2. P. 497–510. https://doi.org/10.1017/S0020818300019032

Krasner S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organization. 1982b. Vol. 36, iss. 2. P. 185–205. https://doi.org/10.1017/S0020818300018920

Kuyper J., Schroeder H., Linnér B.-O. The Evolution of the UNFCCC // Annual Review of Environment and Resources. 2018. Vol. 43. P. 343–368. https://doi.org/10.1146/annurev-environ-102017-030119

Leal-Arcas R., Alghamdi A., Alharethi M. Effectiveness of the UN Framework Convention on Climate Change and the Paris Agreement // Connecticut Journal of International Law. 2026. Vol. 41, iss. 1. P. 106–153.

Makarov I. A. Bridging the Gaps in the Polycentric Climate Change Regime // Global Governance in Transformation: Challenges for International Cooperation / ed. by L. Grigoryev, A. Pabst. Cham, Switzerland : Springer, 2020. P. 163–181. https://doi.org/10.1007/978-3-030-23092-0_11

Maslin M., Lang J., Harvey F. A Short History of the Successes and Failures of the International Climate Change Negotiations // UCL Open: Environment. 2023. No. 5. Art. 08. https://doi.org/10.14324/111.444/ucloe.000059

Minnerop P. Taking the Paris Agreement Forward: Continuous Strategic Decision-Making on Climate Action by the Meeting of the Parties // Max Planck Yearbook of United Nations Law Online. 2018. Vol. 21, iss. 1. P. 124–166. https://doi.org/10.1163/13894633_021001006

Mitchell R. B. Institutional Aspects of Implementation, Compliance, and Effectiveness // International Relations and Global Climate Change / ed. by U. Luterbacher, D. F. Sprinz. Cambridge, MA : MIT Press, 2001. P. 221–244.

Mukherjee B. N., Mathew M. Global Climate Change Governance: A Rethinking // Journal of Liberty and International Affairs. 2023. Vol. 9, no. 1. P. 277–288. https://doi.org/10.47305/JLIA2391282m; EDN: LDJAHV

Obergassel W., Bauer S., Hermwille L., Aykut S. C., Boran I., Chan S., Fraude C., Klein R. J. T., Mar K. A., Schroeder H., Simeonova K. From Regime-Building to Implementation: Harnessing the UN Climate Conferences to Drive Climate Action // WIREs Climate Change. 2022. Vol. 13, iss. 6. Art. e797. https://doi.org/10.1002/wcc.797; EDN: LPFPME

Pattberg P., Kaiser C., Widerberg O., Stripple J. 20 Years of Global Climate Change Governance Research: Taking Stock and Moving Forward // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. 2022. Vol. 22, iss. 2. P. 295–315. https://doi.org/10.1007/s10784-022-09568-5; EDN: ZJSCCT

Pattberg P., Widerberg O. The Climate Change Regime // Oxford Research Encyclopedia of Climate Science / ed. by H. von Storch. Oxford : Oxford University Press, 2017. P. 1–35. https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228620.013.46

Purdon M. Neoclassical Realism and International Climate Change Politics: Moral Imperative and Political Constraint in International Climate Finance // Journal of International Relations and Development. 2017. Vol. 20, iss. 2. P. 263–300. https://doi.org/10.1057/jird.2013.5; EDN: GEVPMA

Ruiz Campillo X. Post-Paris Agreement Negotiations: A Commitment to Multilateralism Despite the Lack of Funding // Environmental Science and Policy. 2024. Vol. 156. Art. 103754. https://doi.org/10.1016/j.envsci.2024.103754; EDN: EEUKWG

Salimi Turkamani H. The Challenge of Phasing Out Fossil Fuels for Highly Fossil Fuel-Dependent Countries in International Law // Leiden Journal of International Law. 2025. Vol. 38, iss. 4. P. 861–880. https://doi.org/10.1017/S0922156525100319

Sprinz D. F., Weiß M. Domestic Politics and Global Climate Policy // International Relations and Global Climate Change / ed. by U. Luterbacher, D. F. Sprinz. Cambridge, MA : MIT Press, 2001. P. 67–94.

Thakur S. From Kyoto to Paris and Beyond: The Emerging Politics of Climate Change // India Quarterly: A Journal of International Affairs. 2021. Vol. 77, iss. 3. P. 366–383. https://doi.org/10.1177/09749284211027252; EDN: PQYSEZ

Thompson A. From Rivals to Partners: The Cooptation of Emerging Powers into the Climate Regime // Contemporary Security Policy. 2025. Vol. 46, iss. 1. P. 126–149. https://doi.org/10.1080/13523260.2024.2420477

Ushadevi S., Rassuli H., Hashimi Q., Kumar C. Climate Diplomacy Milestones: A Comparative Analysis of Conference of the Parties Summits // International Environmental Legal Research Journal. 2024. Vol. 2, no. 1. P. 25–40. URL: https://ielrj.iledu.in/climate-diplacy-milestones-a-comparative-analysis-of-conference-of-the-parties-summits/ (accessed: 26.09.2025).

Van Asselt H. Governing Fossil Fuel Production in the Age of Climate Disruption: Towards an International Law of "Leaving It in the Ground" // Earth System Governance. 2021. Vol. 9. Art. 100118. https://doi.org/10.1016/j.esg.2021.100118; EDN: FSXEEK

Vogler J. Mainstream Theories: Realism, Rationalism and Revolutionism // Routledge Handbook of Global Environmental Politics / ed. by P. G. Harris. 2nd ed. London : Routledge, 2022. P. 33–44.

Yamin F., Depledge J. The International Climate Change Regime: A Guide to Rules, Institutions and Procedures. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. https://doi.org/10.1017/CBO9780511494659; EDN: QWPAIN

Сведения об авторе:

Альхарби Атиф Альджемайли — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; старший советник по международным отношениям, бывший глава переговорной делегации Кувейта на переговорах в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН); e-mail: 1072228007@rudn.ru